

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 92

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1960

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 92

В. В. СЕДОВ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ
СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ
(VIII—XV вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1960

О Г В Е Т С Т В Е Н Н Й Р Е Д А К Т О Р

A. L. M O N G A Ы T

ВВЕДЕНИЕ

История древнерусской деревни изучена еще далеко не достаточно. Скудность и фрагментарность сведений письменных источников по истории древнерусской деревни неоднократно подчеркивались всеми исследователями, касавшимися отдельных вопросов этой темы. Такие важные вопросы истории русской деревни, как проблема становления феодальных отношений, история земледелия и скотоводства, вопросы материальной культуры и быта русской деревни VIII—XV вв. почти вовсе не затронуты в памятниках древнерусской письменности. Поэтому для изучения древнерусской деревни важнейшими и часто единственными источниками являются археологические материалы.

В дореволюционной археологии деревня Древней Руси оставалась совершенно неизученной. Большой материал, накопленный во время раскопок курганов, не был использован для изучения истории деревни. Сельские поселения не привлекали внимания исследователей, так как изучение древнерусских селищ считалось бесперспективным. Проблема истории сельских поселений Древней Руси в дореволюционной историографии не была поставлена вовсе. Отдельные попытки рассмотреть этот вопрос иногда предпринимались попутно с решением других исторических проблем, но для этой цели использовались исключительно материалы XV—XIX вв., что совершенно неправомерно. Безнадежно малое количество письменных сведений ограничивало изучение этой проблемы. Такие вопросы истории раннефеодальной деревни, как форма поселений, типы застройки, внешний вид русской деревни, вообще не были затронуты в дореволюционной исторической науке или же решались в отрыве от источников. Можно назвать лишь одну

работу — книгу В. П. Семенова-Тян-Шанского, в которой рассматриваются сельские поселения феодальной эпохи в связи с физико-географическими условиями и славянской колонизацией Восточноевропейской равнины¹. Отдельные наблюдения В. П. Семенова-Тян-Шанского не потеряли своего значения до настоящего времени.

Большой интерес к истории русской раннефеодальной деревни проявили советские археологи. Уже в 20—30-х годах XX в. в Смоленском Поднепровье в результате полевых работ археологов и краеведов А. Н. Лявданского, С. М. Соколовского, Н. И. Савина, В. Р. Тарабенко, Г. В. Парфенова, К. А. Дергачева и других было обнаружено и нанесено на карту значительное количество памятников древнерусской деревни, правда, главным образом городищ и курганов, т. е. археологических памятников с ярко выраженным наземными признаками. Были открыты и единичные древнерусские селища, но все они были открыты случайно и должным образом не обследованы.

Уже в конце 20—30-х годов появился ряд работ советских археологов, рассматривающих различные вопросы истории древнерусской деревни. С. В. Киселев в работе, вышедшей в 1928 г., дает общий обзор истории поселений². В разделе, посвященном

¹ В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. Зап. РГО по отделению статистики, т. X, вып. 2. СПб., 1910.

² С. В. Киселев. Поселение. Тр. секции теории и методологии (социологической) Ин-та археологии и искусствознания РАИОН, вып. 2. М., 1928, стр. 35—68.

Мы упоминаем здесь только те работы, которые затрагивают вопросы истории деревни Смоленской земли. Впрочем, работ, посвященных истории деревни других областей Древней Руси, почти нет. Можно назвать только лишь исследова-

древнерусской деревне, исследователь описывается на данные сравнительно поздней истории. Археологические сведения, что типично для многих исторических работ того времени, являются для С. В. Киселева лишь иллюстративным материалом для выводов, построенных на общеисторических началах. С. В. Киселев, в соответствии с мнением, которое господствовало в то время, полагал, что в Древней Руси преобладали небольшие малодворные и часто однодворные деревушки. Со многими толкованиями назначения археологических памятников смоленской деревни, высказанными С. В. Киселевым в этой работе, в настоящее время согласиться нельзя.

А. В. Арциховский в статье «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях»³ предпринял попытку на основе археологических материалов показать характер социально-экономического переворота, который привел к переходу от первобытнообщинного строя к феодализму. Скудность и слабая изученность археологических материалов по раннефеодальной деревне, а также недоучет этнической стороны истории населения Смоленщины и Сузdal'щины во многом умалют достоинства этого исследования. Несомненный интерес представляет постановка вопроса о древнерусских феодальных замках, о формировании дружин и развитии ремесленного производства. Это была первая попытка исследования сложных и важных исторических вопросов на основе археологических материалов.

Специально истории сельских поселений раннефеодальной Руси посвящена работа Н. Н. Воронина⁴. Источниками для написания исторического очерка развития сельского поселения Руси в XI—XV вв. послужили различные сведения письменных документов.

С. А. Таракановой, посвященные изучению владельческих поселений Новгородской земли на основе археологических материалов (С. А. Тараканова. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. Тр. ГИМ, вып. XI. М., 1940, стр. 159—177; ее же. Археологические разведки в новгородских пятинах. КСИИМК, XI. 1945, стр. 73—77), и статью В. И. Довженко «Феодальный маесток в епоху Киевской Руси в світлі археологічних даних». («Археологія», т. VIII. Київ, 1953, стр. 10—27).

³ ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 35—60.

⁴ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. ИГАИМК, вып. 138. Л., 1935.

Только в отдельных случаях исследователь смог иллюстрировать свои положения археологическими материалами. Вопрос о классификации различных типов древнерусских поселений на основе археологических источников еще не был поставлен. Для исследователей истории русской деревни работа Н. Н. Воронина, несмотря на наличие некоторых спорных и даже ошибочных положений, представляет несомненный интерес. Отдельные положения автора этой книги, высказанные гипотетически, теперь находят подтверждения в археологических материалах.

Работа А. В. Успенской и М. В. Фехнер «Поселения Древней Руси» является первой попыткой картографировать все известные древнерусские сельские поселения лесной полосы Восточной Европы⁵. В этой работе дается также общая характеристика сельских поселений лесной полосы Восточной Европы домонгольского времени. Некоторые положения этой работы весьма спорны и предположительны. Так, разделение поселений на городские и сельские носит очень условный характер. Спорны выводы о малодворности домонгольской деревни, о связи сельских поселений исключительно с крупными реками⁶. Работа показала, что решение основных вопросов по истории сельских поселений Древней Руси вряд ли целесообразно начинать сразу с таких обширных территорий Восточной Европы, какой является ее лесная полоса.

Каждая древнерусская область имела свои специфические физико-географические и исторические особенности, которые несомненно накладывали отпечаток на характер поселений. Поэтому их изучение лучше всего вести по отдельным областям Древней Руси.

Настоящая работа посвящена истории сельских поселений Смоленской земли в период с VIII по XV в. Она основана исключительно на материалах полевых археологических исследований 1955—1959 гг. Для археологических разведок был выбран сравнительно небольшой участок в центральной части Смоленщины. Этот район расположен к югу и юго-востоку от Смоленска и охватывает левобережную часть Днепровского бас-

⁵ Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» Тр. ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 7—18.

⁶ Подробный разбор этой работы сделан нами в рецензии на «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» См. СА, 1958, № 1, стр. 289—292.

сейна (реки Дрёсна, Наготь, Березинка, Лосня, Немыкарка, Городок, Ливна, Волость с многочисленными притоками) и небольшую часть бассейна Сожа (см. карту). За пять сезонов полевых работ территории этого участка была обследована полностью. В результате в этом районе были выявлены и обследованы 168 памятников древнерусского времени — селища, городища и курганные могильники⁷.

Самые древние славянские памятники в обследованном районе Смоленщины датируются VIII в.⁸ Это и обусловило начальную дату истории поселений. История сельских поселений позже XV в. более или менее подробно освещена различными письменными документами. Археологический материал мало помогает изучению этого периода истории. В свою очередь письменные памятники этого позднего периода, по нашему мнению, почти неприемлемы для изучения древней истории деревни. Некоторые историки, исследуя вопрос о древнерусских поселениях, до сих пор считают возможным использовать данные

⁷ Кроме того, в процессе археологического изучения этого района были открыты и обследованы около 70 памятников дославянского времени, которые в настоящей работе не рассматриваются. Для более подробного изучения отдельных вопросов нашей темы (например, датировка городищ, лишенных культурных наложений, изучение внешних различий между славянскими и дославянскими курганными могильниками, установление различий между древнерусскими городищами-городами и городищами-усадьбами сельского типа и др.) производились археологические работы и вне очерченного участка.

⁸ Древнейшие славянские памятники — длинные курганы — появляются в Смоленском Поднепровье не позже VII в. (В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62), а в обследованном районе они относятся только к VIII—IX вв.

поздних переписных и оброчных книг. В настоящей работе эти материалы как источник изучения не привлечены. Объясняется это тем, что переписных книг по исследуемому в настоящей работе району Смоленской земли нет, а привлечение поздних письменных источников других областей автор не считает возможным, поскольку, как показали археологические исследования, сельские поселения VIII—XIII вв. серьезно отличаются от деревень XV в. В частности, в XIV—XV вв. сходят со сцены феодальные усадьбы замкового типа, значительно увеличивается число малодворных поселений, а крупные поселения исчезают вовсе, изменяется группировка поселений и т. п. Археологические материалы показывают, что деревня XV—XVI вв. коренным образом отлична от домонгольской деревни. Поэтому использование письменных документов XVI и последующих столетий для изучения сельских поселений домонгольской Руси может привести к ошибочным выводам. При тщательном и планомерном исследовании всех сельских районов лесной полосы Восточной Европы археология даст достаточные и вполне надежные материалы для решения большинства вопросов истории древнерусской деревни.

В настоящей работе прослеживается по археологическим материалам история сельских поселений небольшого участка Смоленской земли с VIII по XV в. Разумеется, на основании такого незначительного материала нельзя разрешать вопросы общеисторического характера. Накопление и обобщение аналогичных археологических сведений по другим областям Восточноевропейской равнины продолжает оставаться важной задачей археологов и историков Древней Руси.

СЕЛИЩА

ТОПОГРАФИЯ, РАЗМЕРЫ И ЗАСТРОЙКА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Основная масса сельского населения Древней Руси жила в открытых неукрепленных поселениях — селищах. Понятие «селище» включает в себя и деревни со свободным крестьянским населением (веси), и владельческие села с зависимым и полузависимым населением, и погосты.

Открытие и изучение древнерусских селищ связано со многими трудностями.

Никаких наземных признаков селища не имеют, поэтому их можно обнаружить главным образом на пахотных полях. На лугах для выявления сельских поселений закладываются шурфы, но во избежание порчи культурного слоя их количество всегда приходится ограничивать. Открытие селищ очень затрудняют леса и кустарники.

Разведка производилась пешеходными маршрутами, которые охватили не только берега рек и ручьев, но и водораздельные участки. Хотя археологическое обследование было произведено сплошь по всей площади намеченного для исследования участка, а отдельные районы были обследованы дважды, но даже при самой большой тщательности работ невозможно найти все без исключения памятники древнерусского времени. Так, не могла быть обнаружена часть древнерусских поселений на территории, занятой пынс лесными массивами. К счастью, лесов на обследованной территории очень немного. Некоторое количество древнерусских поселений (главным образом небольших по площади и существовавших недолговременно), по-видимому, было целиком распахано, так что нельзя было найти даже мельчайших фрагментов глиняной посуды этих селищ. На лугах и прочих задернованных участках обследованного района возможность пропустить

селища мало вероятна, поскольку при разведывательных работах довольно широко производилась шурфовка. Учитывая эти обстоятельства, мы имеем все основания полагать, что на обследованной территории археологической разведкой было выявлено не менее 90 % всех древнерусских поселений неукрепленного типа (см. карту сельских поселений).

ТОПОГРАФИЯ СЕЛИЩ

Расположение поселений на местности находится в полной зависимости от физико-географических и исторических условий. В соответствии с этим В. П. Семенов-Тян-Шанский наметил для Восточноевропейской равнины три основных типа заселения, по его мнению, существовавших здесь с древнейших времен¹. Советские этнографы в основном приняли схему В. П. Семенова-Тян-Шанского, дополнив ее некоторыми новыми типами, характерными для окраинных территорий Советского Союза².

На карте В. П. Семенова-Тян-Шанского Смоленская земля вошла в центрально-нечерноземную область, для которой характерен увалистый подтип водораздельного типа заселения. Однако классификация типов заселения В. П. Семенова-Тян-Шанского слишком схематична, чтобы руководствоваться ею при изучении поселений отдельных неболь-

¹ В. П. Семенов-Тян-Шанский. Город и деревня в Европейской России. Зап. РГО по отделению статистики, т. X, вып. 2. СПб., 1910, стр. 8—35.

² Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 30—33.

ших районов Восточноевропейской равнины, таких, как центральная часть Смоленской земли, рассматриваемая в настоящей работе. Несомненно, что три типа заселения, выделенные В. П. Семеновым-Тян-Шанским, не могут охватить всего многообразия поселений Восточной Европы. Этнографическое исследование расположения поселений отдельных областей Восточной Европы, как правило, показывает значительное многообразие типов заселения и позволяет наметить мелкие районы, в которых господствует тот или иной тип заселения. Так, И. И. Тенсина в процессе изучения топографии населенных пунктов в Поветлужье³ выделила для этого сравнительно небольшого района четыре типа заселения: водораздельный, приречный, овражно-приречный и трактовый, хотя по классификации В. П. Семенова-Тян-Шанского Поветлужье включено в основном в область распространения поселений северного долинного типа⁴.

В соответствии с различием физико-географических условий Смоленская земля может быть разделена по типам заселения на несколько районов. Так, в северных и северо-западных районах Смоленской земли, для которых характерным является так называемый моренный или конечно-моренный ландшафт⁵, поселения обычно располагаются на холмах, буграх, гривах, т. е. на различного рода возвышениях и нагромождениях, созданных неравномерным отложением моренного материала. Поселения здесь удалены от рек и озер, расположены на водоразделах. Грунтовые воды на низинной местности, окружающей холмы и гривы, находятся очень неглубоко, что удобно для водоснабжения поселений.

Совершенно иная картина наблюдается в центральной части Смоленской земли, в том числе в тех районах, где была произведена

³ И. И. Тенсина. География населенных пунктов Поветлужья. Сб. «Вопросы географии», т. 5. М., 1947, стр. 159—199.

⁴ И. И. Сорочинская-Горюнова, приняв в целом классификацию В. П. Семенова-Тян-Шанского, при изучении поселений отдельного сравнительно небольшого района Восточной Европы — Восточного Приладожья — намечает несколько подтипов в их расположении. (И. И. Сорочинская-Горюнова. Типы населенных пунктов Восточного Приладожья. Изв. Всесоюзного географического общества, т. 78, вып. 2. Л., 1946, стр. 183—192).

⁵ А. В. Костюкович. Поверхность. Сб. «Очерк естественно-исторических условий Смоленской губернии». Смоленск, 1925, стр. 4—16.

шилощная археологическая разведка. Местность здесь заметно выше, чем в северных и северо-западных районах Смоленщины⁶. В отличие от северо-запада поверхность здесь не имеет отдельных возвышений. Многочисленные речные долины, овраги, балки и ложбинны расчленяют слабоволнистую поверхность центральных районов Смоленского Подднепровья. Главным фактором расчленения поверхности здесь является эрозия. Все выемки и углубления равнинной поверхности возникли в этой местности в результате роющей работы текущих вод⁷. Абсолютное большинство сельских поселений в центральных районах Смоленщины и в настоящее время расположено по берегам рек и ручьев или при оврагах, в которых имеются ключи или пересыхающие ручьи. Только в отдельных местах, например, в нижнем течении Волости, где основу рельефа составляет заболоченная пизина с единичными невысокими холмами, поселения расположены на холмах (например, дер. Черная Грива). Но и здесь современные деревни расположены только на тех холмах-гривах, которые недалеко удалены от речных русел.

Археологические работы 1955—1959 гг. показали, что и в VIII—XV вв. для центральных районов Смоленщины был характерен приречный тип заселения. Почти все сельские поселения VIII—XV вв. расположены по берегам рек и ручьев. Только два древнерусских селища (Борешинское и Тимошевское) открыты на современных водораздельных участках. Однако в древности близ этих поселений протекали небольшие ручьи, ныне высохшие⁸. Удаленность древнерусских селищ от речных русел нигде не превышает 100—120 м, а обычно селища отстоят от рек всего на 20—60 м. Обычно древнерусские селища располагаются по краям берегов или близко от края берега. Там же, где реки образуют широкие низменные долины, и их берега удалены от речных русел на значитель-

⁶ 213—255 м над уровнем моря; в северо-западной части Смоленской области — 170—213 м.

⁷ А. В. Костюкович. Указ. соч., стр. 4—16; П. А. Кучинский. Почвы Смоленской области и способы повышения их плодородия. Смоленск, 1950, стр. 32, 33.

⁸ Борешинское селище расположено на берегу оврага, по которому еще лет 30—40 назад протекал небольшой ручей. Тимошевское селище в настоящее время находится около ключей, но, судя по сообщениям местных жителей, еще сравнительно недавно эти ключи являлись истоком небольшой речки — притока Смородинки.

ное расстояние (в нижних течениях рек Волости, Ливны, Лосни и др.), древнерусские поселения не открыты.

Приречное расположение древнерусских селений в центральных районах Смоленщины объясняется многими причинами. Одной из главных причин является то обстоятельство, что реки в Древней Руси были основными путями сообщения. В последней четверти I тысячелетия нашей эры, когда этот район Смоленского Поднепровья был заселен славянами, все его пространства покрывали сплошные густые леса. Передвигаться здесь было можно только по рекам. Именно по речным долинам происходило заселение края. Поэтому все древнейшие славянские памятники Смоленщины — длинные курганы — расположены здесь в низовьях или среднем течении рек Волости, Ливны, Городка (притоков Днепра). Можно полагать, что освоение края славянами было начато с Днепра. Оттуда славянские поселенцы постепенно поднимались вверх по малым рекам — притокам Днепра. Верховья этих рек были освоены несколько позже, в период когда на смену длинным курганам пришли круглые погребальные насыпи. Позднее, в X—XV вв. реки оставались основными путями сообщения. Связь со Смоленском и другими городами Смоленской земли, сообщение с погостами и волостными центрами осуществлялись в основном речными путями: летом — на лодках, зимой — на санях. Перевозка сельскохозяйственных продуктов в Смоленск и другие торговые пункты производилась также по речным путям. Сухопутные дороги связывали с городами только близкие к ним поселения.

Близость поселений к рекам объяснялась также и тем, что освоение лесных массивов под пашню началось именно по берегам рек. Первыми были обработаны приречные земли. Лишь только после этого пришла очередь водоразделов. Отсутствие в срединных районах Смоленского Поднепровья широких речных долин с плодородными почвами и повышенной влажностью не оттолкнуло земледельческое население от рек. Для обследованного района Смоленщины характерны дерново-подзолистые почвы⁹, и почвенные условия на водоразделах ничем не отличаются от прибрежных полос.

⁹ А. В. Костюкевич. Почвенный покров. Сб. «Очерк естественно-исторических условий Смоленской губернии». Смоленск, 1925, стр. 35—60 и карта.

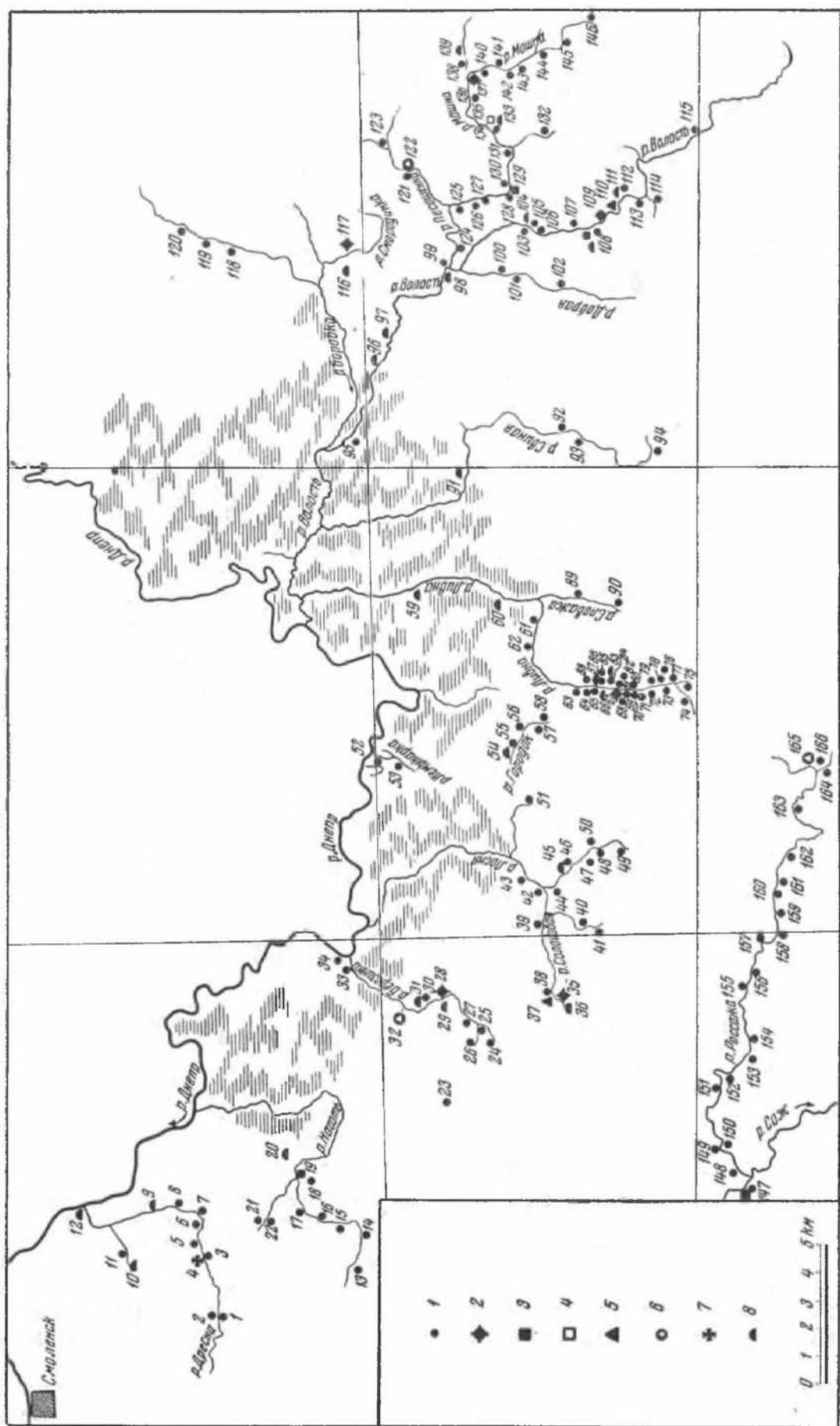
Кроме того, нельзя не учитывать, что единственным источником водоснабжения исследуемого района Смоленщины являются реки. Из-за сильной и глубокой изрезанности местности грунтовые воды здесь находятся на значительной глубине, поэтому рытье колодцев оказывается очень трудоемким делом. До сих пор сельское население обследованного района Смоленщины пользуется водой непосредственно из рек или ручьев и редко из колодцев¹⁰.

Наконец, некоторое значение в расположении древнерусских сельских поселений по берегам рек имела рыбная ловля, роль которой в хозяйственной деятельности сельского населения, судя по письменным документам, в отдельных районах Древней Руси была весьма значительной.

Итак, все древнерусские сельские поселения центральных районов Смоленской земли связаны с реками. Большинство из них располагалось у самого края берега. При этом берега рек в местах расположения древнерусских поселений, как правило, значительно приподняты над уровнем речных долин. Конечно, высота площадок древнерусских селищ весьма различна на разных участках обследованного района, но чаще всего они приподняты над уровнем воды в реке на 4—10 м. Вместе с тем, имеется немало поселений, расположенных на береговых площадках, которые возвышаются над уровнем реки на 12—16 м и даже больше. В низинах поселения единичны.

Пожалуй, излюбленными для расположения древнерусских поселений были места, где в более или менее крупные реки впадают мелкие речки и ручьи. Почти во всех таких случаях на мысах оказывались древнерусские поселения (рис. 1, 1, 4). Тем не менее это расположение нельзя считать типичным для древнерусских селищ обследованного района. Дело в том, что мысы, удобные для возникновения поселений, здесь встречаются слишком редко. Часто в устьях рек образовывалась широкая заболоченная низина, поэтому сельское население старалось селиться подальше от устья. Иногда мысовое положение древнерусских селищ не было связано с речными притоками. Мысы, занимаемые селищами, могли

¹⁰ До недавнего времени деревни центральных районов Смоленщины совершенно не знали колодцев. Только в последние годы в связи с укреплением колхозов в ряде селений началось строительство колодцев.

Карта района археологической разведки 1955—1959 гг.
 селища; 2 — посёлки; 3 — феодальные усадьбы замкового типа; 4 — поместного типа; 5 — городища-убежища;
 6 — селища; 7 — монастыри; 8 — курганные могильники

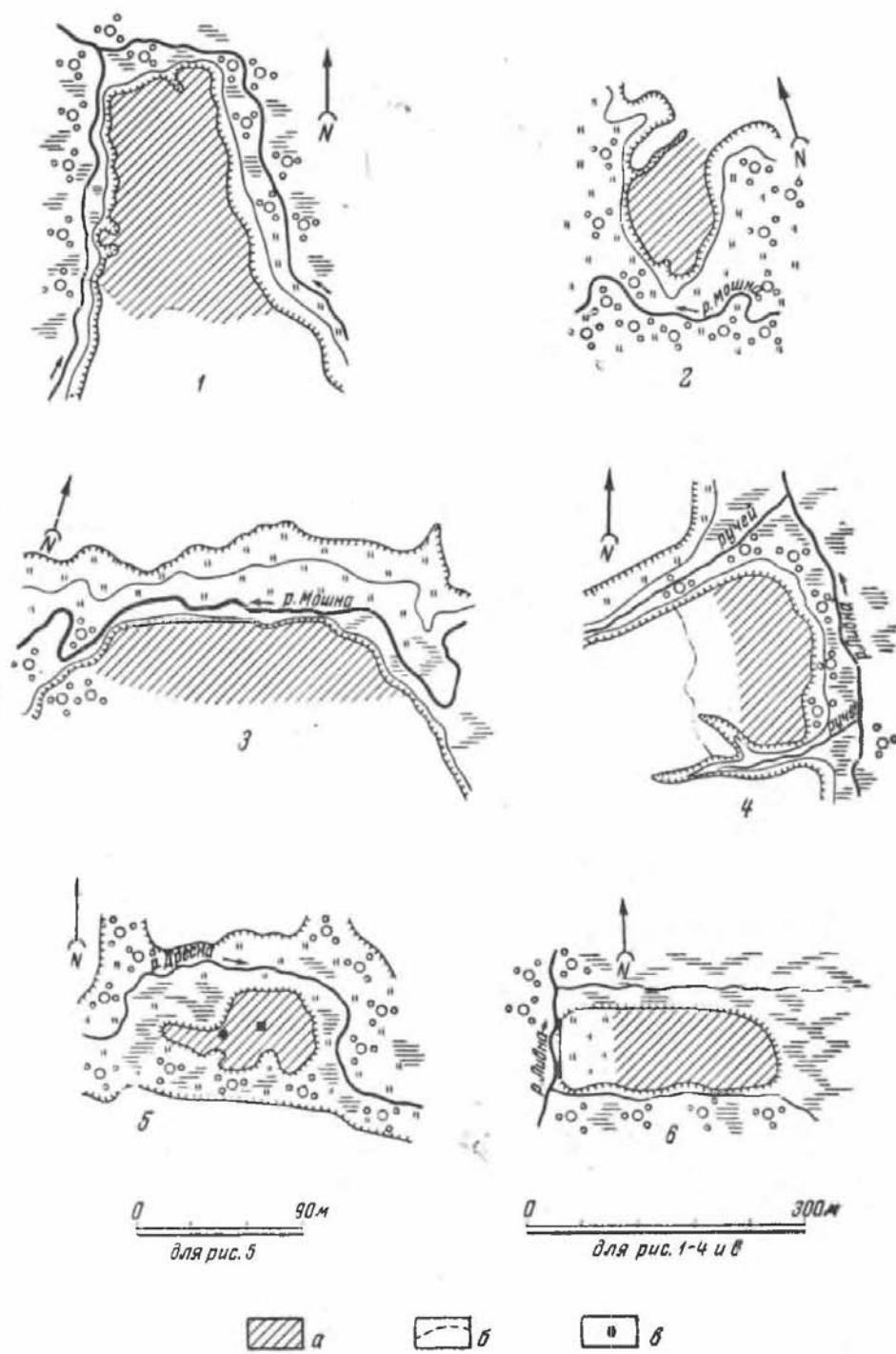

Рис. 1.3 Планы селищ

1 — Станьковское южное второе; 2 — Никитское; 3 — Рокачевское; 4 — Станьковское левобережное второе; 5 — Богородицкое; 6 — Станьковское южное; а — территории селищ; б — предельные границы распространения керамического материала; в — места разведывательных раскопов

быть образованы двумя сухими оврагами или изгибом реки (см. рис. 1, 2, 3). Но число таких мысовых поселений также невелико. В целом мысовые поселения составляют не более одной четверти общего количества обследованных древнерусских поселений. Они относятся к различному времени — от IX до

XV в. включительно — и не являются особенностью какого-либо одного хронологического периода.

Большинство же древнерусских сельских поселений расположено не на мысах. Запимая площадку берега, они только с одной стороны ограничены краем берега, а с остальных

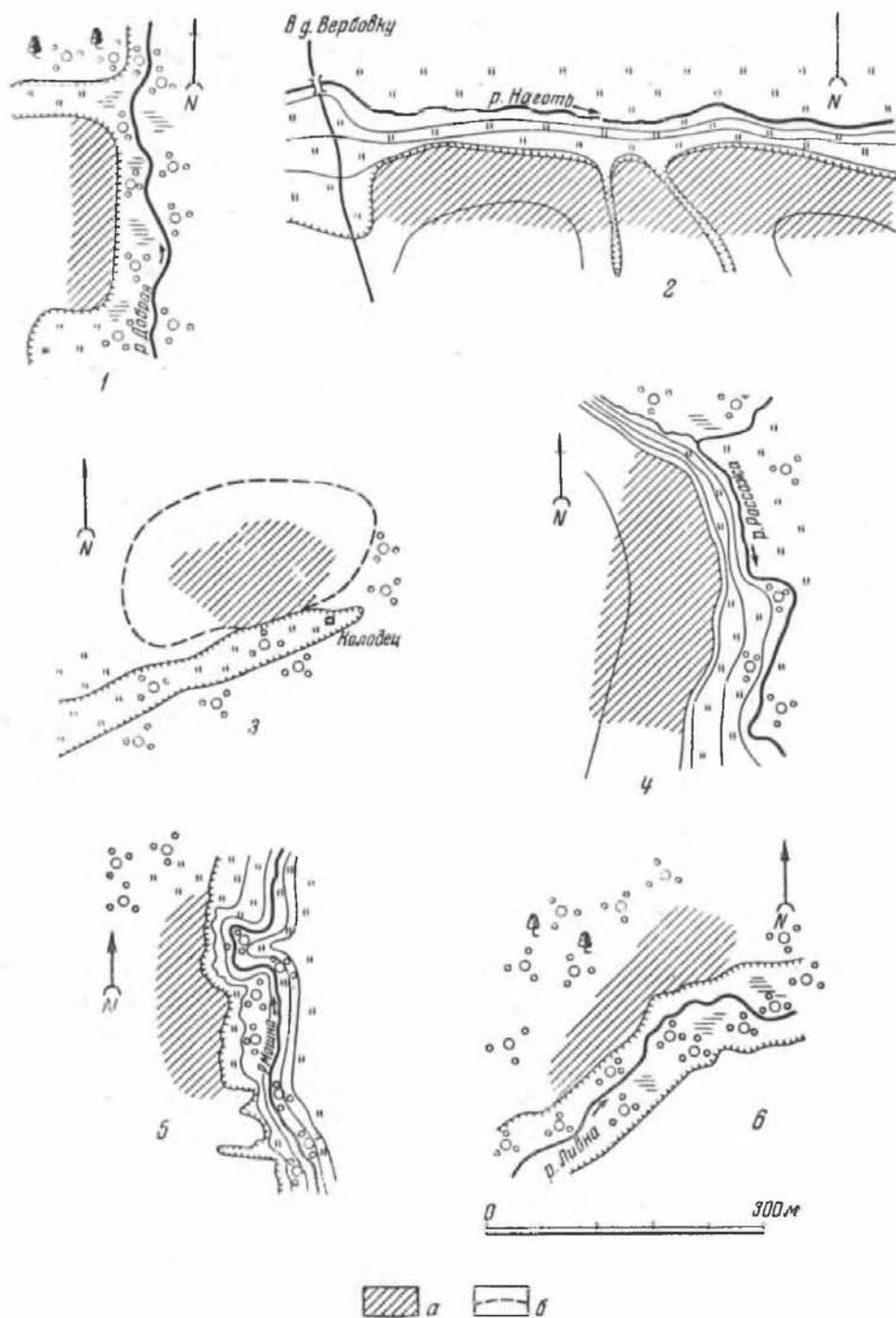

Рис. 2. Планы селищ

1 — Кончинское; 2 — Наготьское; 3 — Тимошевское; 4 — Крондиновское; 5 — Воротниковское третье;
6 — Плескачинское северное; а — территории селищ; б — границы распространения
керамического материала

сторон обычно не имеют никаких естественных рубежей (рис. 2). Среди этих поселений есть селища, ограниченные оврагом с одной стороны (см. рис. 2, 4). Реже овраги ограничивают то или другое поселение с двух сторон (см. рис. 2, 1). Однако существенного значения эти овраги не имели, тем более, что некоторые из них могли образоваться и поз-

же. Ни о какой-либо оборонительной роли оврагов не может быть и речи. Имеется целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что расположение многих селищ у оврагов случайно; встречены селища, вытянутые площадки которых разрезались оврагами на две-три части.

Среди всех обследованных древнерусских

селищ два поселения выделяются своим особым расположением. Одно из них расположено на правом берегу Дрёсны, прямо напротив с. Богородицкого, и занимает невысокий остистец, находящийся в глубокой долине реки (см. рис. 1, 5). С северо-западной, северной и восточной сторон площадка селища омывается рекой. С южной стороны площадка селища отделена от коренного берега реки оврагом. В древнерусское время по этому оврагу текла вода и, таким образом, селище было островным. Высота площадки селища над уровнем реки 3—3,5 м. Богородицкое селище относится к раннему времени, его начальная дата IX в.¹¹, поэтому можно думать, что обычай селиться на острове является наследством предыдущего периода истории.

Второе селище, ограниченное со всех сторон естественными препятствиями, открыто на правом берегу Ливны, в 400 м южнее дер. Станьково¹². Островок, занимаемый древним поселением, с одной стороны ограничен долиной Ливны, с двух других сторон — заболоченными оврагами, по которым протекают безымянные ручьи, и с четвертой стороны отрезан от коренного берега реки болотистой низиной (см. рис. 1, 6). В отличие от Богородицкого описываемое селище высоко поднято над речной долиной и находится на одном уровне с коренным берегом Ливны. Можно сказать даже, что Станьковское южное селище занимает не островок, а мыс коренного берега, отрезанный от остальной его части низкой заболоченной седловиной. Поэтому селище, может быть, следует отнести к мысовым поселениям.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛИЩ

Хронологическая классификация древнерусских сельских поселений имеет существенное значение при решении многих вопросов, связанных с их историей. Вполне понятно, что в течение 800 лет с VIII по XV вв. менялись размеры поселений, изменялась застройка, и общее количество их на обследованной территории также не оставалось неизменным.

Основным источником для хронологической классификации древнерусских селищ

¹¹ О небольших раскопках, произведенных на этом селище, см. приложение 3.

¹² Станьковское южное селище (приложение, 76).

является керамический материал. При археологических разведках поселений другие находки встречаются довольно редко и их, как правило, почти невозможно использовать для датировки того или иного поселения. Керамический материал почти на всех древнерусских селищах довольно обилен. Даже при постановке рекогносцировочных раскопок на селищах, когда возможность определения даты поселения по индивидуальным находкам очень невелика, керамика во всех случаях является массовым материалом. Поэтому хронологическая классификация древнерусских поселений находится в полной зависимости от возможностей керамической классификации. Представляется вполне возможным разделить древнерусский керамический материал Смоленщины на три хронологические группы.

В соответствии с этим все обследованные древнерусские селища разделены также на три группы — А, Б и В. Однако значительное количество селищ, при обследовании которых была обнаружена керамика не одной, а двух или трех хронологических групп, остается вне этой схемы. Эти селища в зависимости от находок керамики тех или иных форм объединены в группы А—Б, Б—В и А—Б—В¹³.

В основу хронологической классификации керамического материала древнерусских селищ положена курганская керамика. Керамика древнерусских курганов должна быть наиболее близка к глиняным изделиям древнерусских селищ, так как и курганы и селища являются памятниками древнерусской деревни. И курганская и селищенская керамика в основной своей массе была продуктом деревенского гончарного ремесла. Большую помощь при датировке сельских поселений и их хронологической классификации мог бы оказать керамический материал из раскопок в Смоленске, но, к сожалению, этот материал до сих пор не обработан и используется поэтому только при выделении последней группы, относящейся ко времени, когда курганы

¹³ Создать более подробную хронологическую классификацию древнерусских селищ Смоленщины, чем предложенная, пока вряд ли возможно, поскольку в основе датировки лежит подъемный материал, собранный на поселениях не в процессе регулярных раскопок, а во время разведывательных обследований и в результате шурфовки. Поэтому существует весьма реальная опасность определить дату случайно, а иногда и ошибочно.

ный погребальный обряд полностью исчезает на Смоленщине¹⁴.

Первую группу селищ (группа А) составляют поселения, на которых найдена лепная и раннегончарная керамика¹⁵, аналогичная керамике из славянских курганов с трупосожжениями. Прекрасный сравнительный материал для определения селищ этой группы

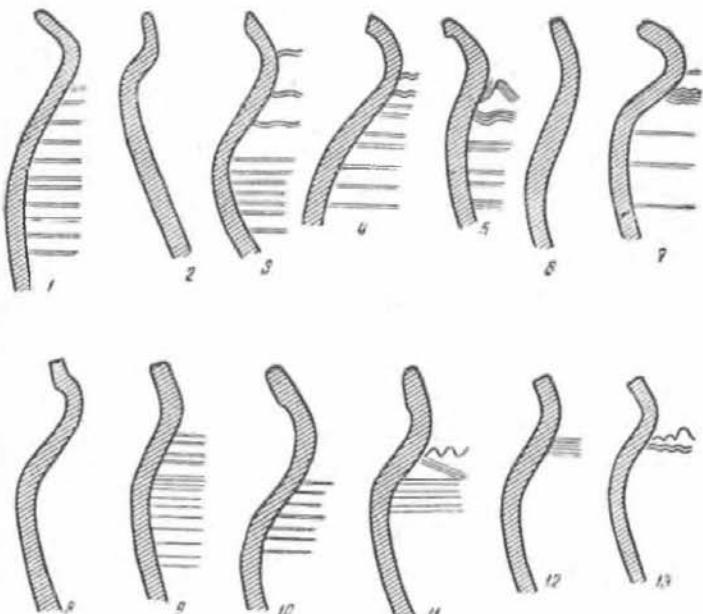

Рис. 3. Основные типы венчиков гончарной керамики IX—X вв.

1—7 — курганы Гнездовского могильника (раскопки Д. А. Авдусина); 8—13 — другие курганы Смоленщины и Полотчины, содержащие сожжения (8 — Катынь; 9 — Курино; 10, 11 — Бельчицы; 12 — Старое Село; 13 — Путятинки)

даст Гнездовский могильник. Глиняная посуда из других курганов с трупосожжениями смоленских кривичей то существует является вариантами гнездовской керамики. Нет необходимости подробно описывать эту керамику, так как она неоднократно публиковалась. Подробная характеристика глиняной посуды Гнездовского курганного могиль-

¹⁴ Типологическая характеристика смоленской городской керамики, сделанная в приложении к отчетам о раскопках в Смоленске в 1951—1952 гг., представляется не вполне удачной. Поэтому смоленскую городскую керамику специально изучал сотрудник нашей экспедиции А. А. Бобринский. Полученные им выводы использованы для выделения керамики селищ группы В и частично при характеристике керамики селищ группы Б.

¹⁵ Объединение лепной и раннегончарной керамики в одну группу объясняется следующими обстоятельствами. Первые экземпляры раннегончарной посуды на Смоленщине относятся к концу IX в., но лепная керамика исчезает нескоро. В течение всего X в. оба вида глиняной посуды сосуществуют.

ника была сделана еще В. И. Сизовым¹⁶. И хотя в последние годы гнездовская керамическая коллекция значительно пополнилась (раскопки Д. А. Авдусина), однако изучение новых сосудов не добавляет ничего существенного к керамической характеристике, данной В. И. Сизовым. Основные профили сосудов Гнездовского могильника представлены на рис. 3. Здесь же даны некоторые формы венчиков из других курганных могильников того же времени. Кроме формы венчика, качества теста и обжига сосудов, при определении керамики первой группы существенное значение имеет орнамент. Для гончарной керамики этой группы характерен линейный и волнистый орнамент. Но эти орнаментальные мотивы часты и на более поздней керамике. Самым важным в орнаменте первой группы керамики является расположение узора в виде поясков (см. рис. 3). Орнамент на раннегончарные сосуды наносился не острой палочкой, как позднее, в XI—XV вв., а посредством зубчатой щеточки. Орнаментация подобного типа на сосудах XI в. встречается как редкое исключение, а позднее ее нет вовсе. Славянская керамика, сделанная от руки, как правило, лишена орнаментации. Только некоторые сосуды Гнездовского могильника украшены веревочным орнаментом по плечикам и по верхнему срезу венчика¹⁷.

В целом керамика первой группы датируется IX—X вв. Между тем, отдельные обследованные поселения с находками лепной керамики можно отнести и к VIII в. Дело в том, что глиняная посуда длинных курганов Смоленщины, датировка которых VIII в. не вызывает никаких возражений, неотличима от глиняных урн, найденных в круглых курганах IX в. Поэтому к VIII—X вв. отнесены только те поселения с лепной славянской керамикой, близ которых были открыты могильники с длинными курганами насыпями. Так, например, близ арефинских длинных курганов было открыто селище, значительную часть подъемного материала которого составляют обломки лепной керамики того же облика, что и керамика длинных курганов.

¹⁶ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28. СПб., 1902, стр. 101—114.

¹⁷ В. И. Сизов. Указ. соч., рис. 76. В более, чем ста курганах, раскопанных Д. А. Авдусиным в 1949—1950 гг., встречены обломки только двух сосудов с веревочным орнаментом так называемого «роменского» типа.

Поэтому начальная дата Арефинского селища определена VIII в. Начальная дата селищ с находками лепной славянской керамики, расположенных в стороне от длинных курганов, определена IX в. Поселения, на которых

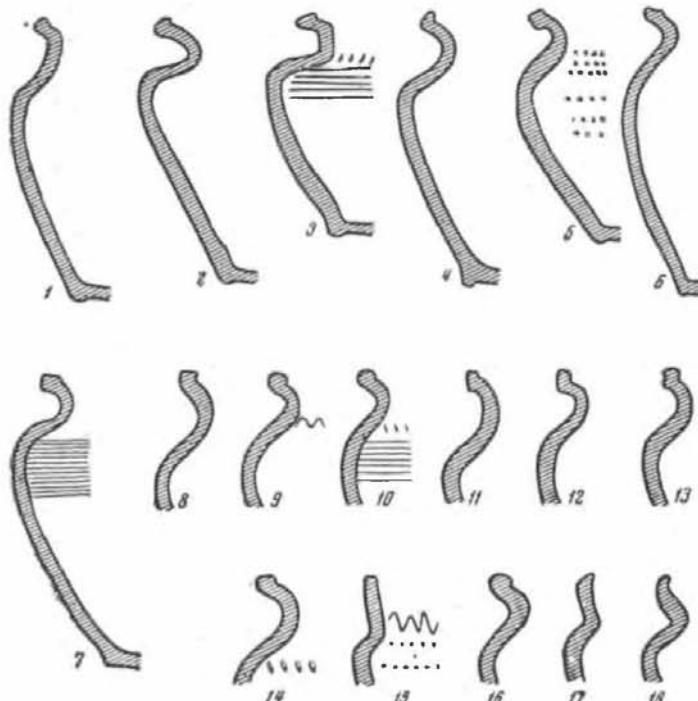

Рис. 4. Основные типы венчиков курганной керамики XI—XIII вв.

1—5 — Харлаповские курганы; 6 — курган при дер. Можайская; 7 — курган близ дер. Матвеево; 8 — Мицинский курган; 9 — Мутышкинский курган; 10—15, 18 — Черкасовские курганы; 16 — курган при дер. Слобода; 17 — курган при дер. Кубличи

обломков лепной керамики нет, а найдена только гончарная керамика первой группы, датированы X в.

Наиболее многочисленны селища второй группы. Они легко выделяются по находкам курганной керамики. Глиняная посуда из смоленских курганов с трупоположениями (эти курганы датируются временем от XI до XIII в. включительно) хорошо известна как по многочисленным музейным коллекциям, так и по публикациям¹⁸. Наиболее характерные формы венчиков керамики XI—XIII вв. из курганов Смоленской и части Полоцкой земель изображены на рис. 4. Там же поме-

¹⁸ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XVI, XX; его же. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра у Волги 1903 г. М., 1903, табл. I, VI, VIII, X, XII; его же. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, табл. IX.

щены основные виды орнаментальных мотивов керамики этого времени. Среди курганов XI—XIII вв. по деталям погребального обряда могут быть выделены курганы XI в. Однако керамику XI в. от керамики следующего столетия в большинстве случаев отличить невозможно. Поэтому мы не выделяем ее в отдельную группу.

Вспомогательным материалом для выделения селищской керамики второй группы служит также глиняная посуда Воицинского городища, время существования которого полностью укладывается в рамки бытования этой керамики. Кроме того, несколько новых, отличных от курганной керамики типов глиняных сосудов XI—XIII вв. удалось выделить по материалам раскопок Д. А. Авдусина в Смоленске в 1951—1952 гг. Некоторые формы венчиков этих сосудов повторяют профилировку курганной керамики, но есть и новые типы (рис. 5).

Последнюю группу селищ (группа В) составляют поселения XIV—XV вв. К этому времени на Смоленщине курганы полностью исчезают. Поэтому единственным материалом для определения керамики поселений

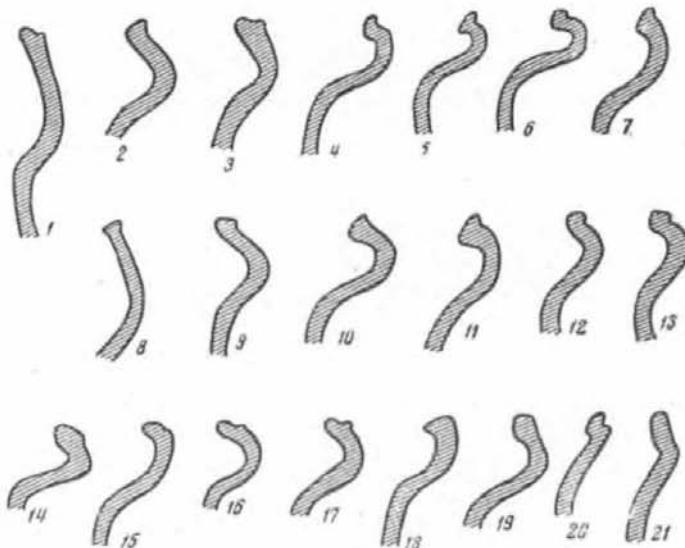

Рис. 5. Керамика XI—XV вв. из раскопок в г. Смоленске

1—13 — венчики, характерные для XI—XIII вв.; 14—21 — венчики, характерные исключительно для XIV—XV вв.

XIV—XV вв. является смоленская городская керамика. Среди керамического материала четвертого слоя, выделенного Д. А. Авдусиным во время раскопок в Смоленске и датированного по находкам XIV—

XV вв., были отобраны те формы венчиков, которые ни разу не встречены ни в более ранних, ни в поздних папластованиях (см. рис. 5). Эта керамика и является эталоном для выделения поселений третьей группы.

РАЗМЕРЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Величину сельских поселений Древней Руси возможно установить только при обследовании самих селищ. Письменные данные о размерах сельских поселений XV—XVII вв. не могут быть механически распространены на древнерусское время. Между тем некоторые исследователи, затрагивающие вопросы истории древнерусской деревни, ссылаясь на данные писцовых книг XV—XVI вв., полагали, что древнерусские деревни в большинстве имели незначительные размеры¹⁹. Более того, считается, что малодворные деревни XVI—XVIII вв. являются наследством древнерусского времени. Однако археологические материалы такого взгляда не подтверждают. Собранные А. В. Успенской и М. В. Фехнер²⁰ материалы о размерах населенных пунктов сельского типа X—XIII вв. северо-западных (включая Смоленское Поднепровье) и северо-восточных земель Древней Руси свидетельствуют о распространении здесь отнюдь не малодворных деревень. Судя по площади селищ, определенной по распространению культурного слоя памятников, малодворные поселения составляли всего $\frac{1}{6}$ часть общего количества сельских поселений²¹. Среди остальных поселений имеется немало очень крупных деревень, площадь которых превышает 50 тыс. кв. м.

Некоторую роль при характеристике величины сельских поселений Руси могут сыграть курганные могильники²². Однако нужно

¹⁹ Например, см. А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения Древней Руси. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 18.

²⁰ А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 16, 17.

²¹ См. нашу рецензию на книгу «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» СА, 1958, № 1, стр. 291.

²² При характеристике древнерусских курганов Костромского Поволжья П. Н. Третьяков, подчеркивая небольшую величину курганных кладбищ этой территории, объяснял это тем, что в эпоху сооружения курганов в северной полосе Восточной Европы господствовали очень небольшие поселения. П. Н. Третьяков отмечает также, что могильники в области среднего Днепра, состоящие из очень большого числа курганных насыпей, явля-

иметь в виду, что, как показали археологические разведки 1955—1959 гг., курганные могильники обычно являлись кладбищами не одной и даже не двух деревень. Это были общинные кладбища, а сельская община могла объединять две, три, четыре и более деревень.

Поэтому курганные могильники отражают величину древнерусских сельских поселений лишь косвенно и совсем непригодны для характеристики величины поселений в таких сравнительно небольших районах, как обследованный в 1955—1959 гг.

Границы древнерусских поселений определялись в процессе археологических обследований по распространению культурного слоя, по его окраске и консистенции, по распространению подъемного (керамического) материала, а иногда и при помощи шурфов. Наиболее надежно определять границы поселения по более темной окраске культурного слоя. Таким способом удалось определить размеры свыше $\frac{1}{3}$ общего количества обследованных поселений. Иногда на общем темном фоне культурного слоя селища удается выделить более темные участки — места расположения крестьянских дворов. Количество крестьянских дворов на селище наиболее ярко характеризует величину деревни.

Пожалуй, наиболее интересными из поселений, на которых прослежены места дворов, являются Белорученское селище и селище близ дер. Малое Княжье Село. Белорученское селище открыто на правом берегу Соловодовой в 250 м юго-западнее дер. Белоручье.

ются свидетельством распространенности здесь в древнерусское время крупных поселений. (П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7. Л., 1931, стр. 9, 10).

Ниже приводятся средние данные по количеству курганных насыпей в могильниках Смоленской губернии по уездам:

Вяземский уезд.....	63	кургана в одном могильнике				
Ельгинский »	56	»	»	»	»	
Дорогобуж- ский »	52	»	»	»	»	
Рославльский »	38	»	»	»	»	
Смоленский »	37	»	»	»	»	
Поречский »	28	»	»	»	»	
Бельский »	20	»	»	»	»	

Самые крупные курганные могильники, как видно из сводки, находятся в центральных, южных и юго-восточных районах Смоленщины. К северу в северо-западу число курганов в могильнике в среднем заметно уменьшается. Эта закономерность, видимо, может быть прослежена и на величине древнерусских сельских поселений Смоленщины.

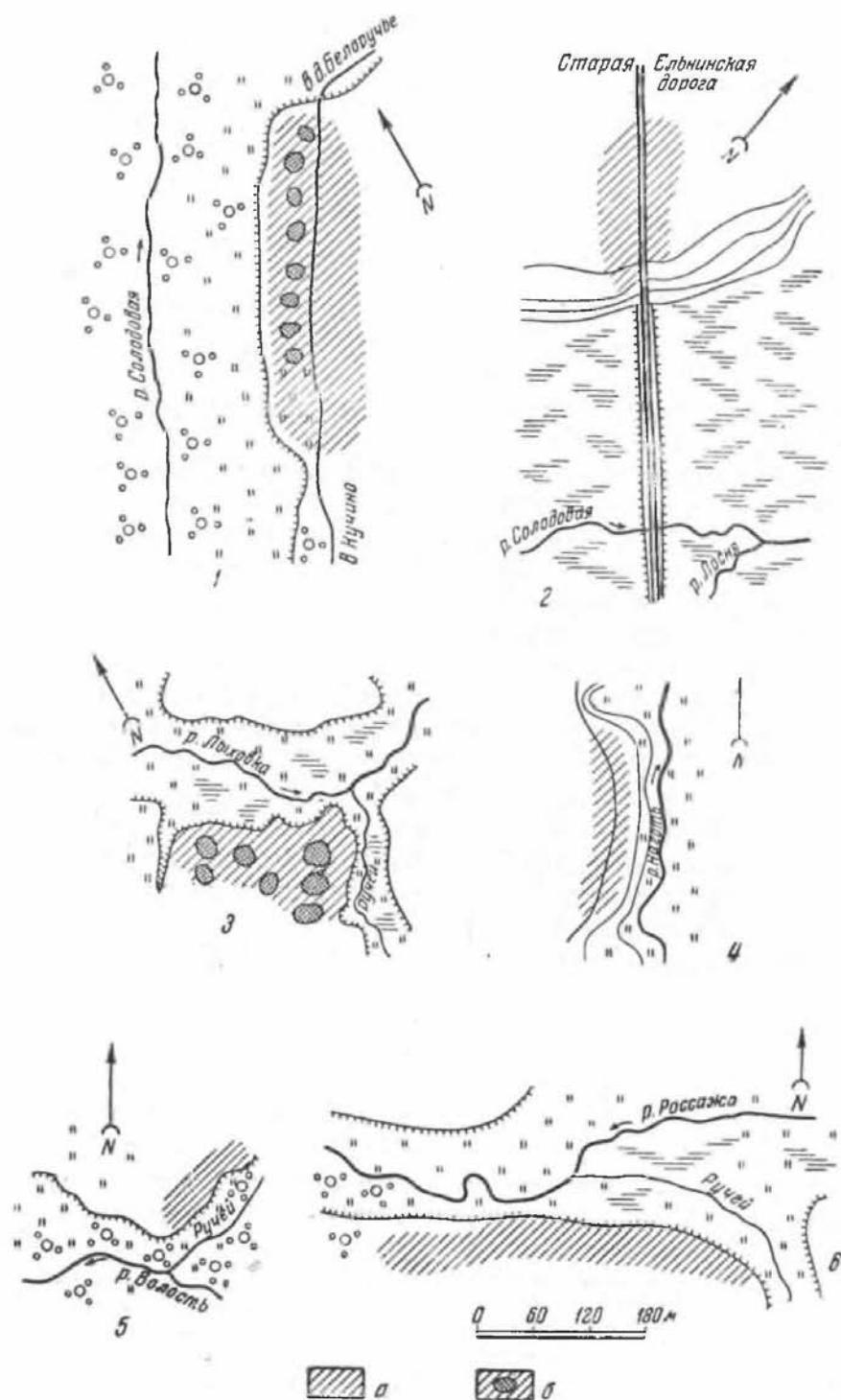

Рис. 6. Планы селищ

1 — Белорученское; 2 — Долгий Мост; 3 — близ дер. Малое Клыажье Село;
4 — Вербовское второе; 5 — Матвеевское ; 6 — Быковское второе, а — территории селищ;
б — пятна древних построек

Площадка селища занимает невысокий берег реки, высота его над уровнем речной долины 3—4 м. Русло реки отстоит от края селища на 100—130 м. Во время первого обследования селища оно было занято посевами. На его площади удалось собрать исключительно

большое количество керамического материала. Размеры древнего поселения были определены по распространению подъемного материала. Вдоль края берега реки селище простипало на 340 м, ширина его около 80—100 м. Сбор подъемного материала на селище

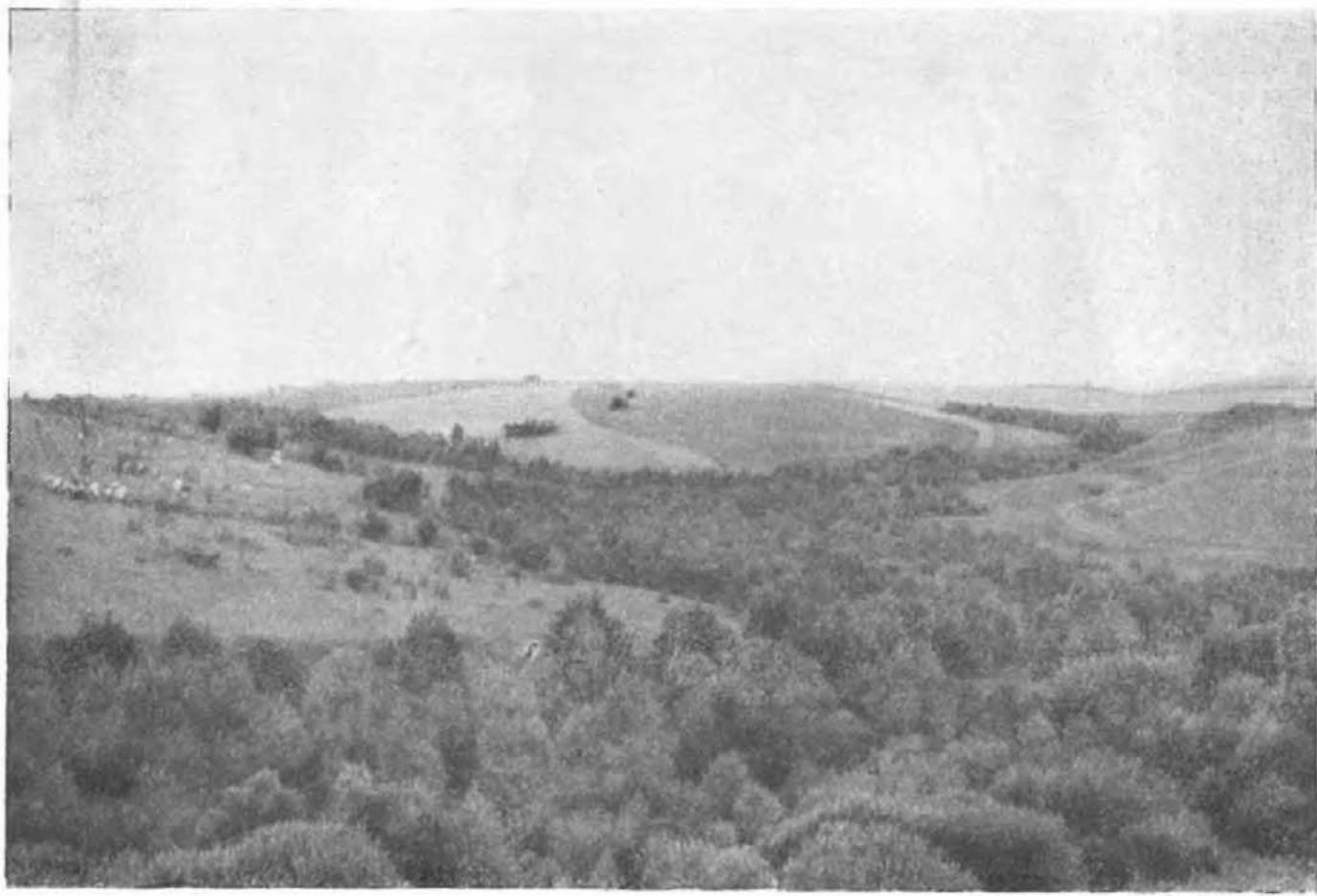

Рис. 7. Селище у дер. Малое Княжье Село
Территория селища выделяется более темной окраской пахотного слоя

показал, что черепки глиняных сосудов распространены по площади селища далеко не равномерно. Выделялось несколько сравнительно небольших участков, где черепков было особенно много. Как правило, местам скопления черепков соответствовала более темная (черноватая) окраска пахотного слоя.

Осенью 1956 г. это селище было обследовано вторично. При обработке поля под озимь в более темных местах пашни вместе с большим количеством керамического материала появились мелкие куски глиняной обмазки и мелкие угольки. На примыкающей к реке части селища насчитано восемь темных неправильных, овально-четырехугольных в плане пятен, каждое площадью около 80—100 кв. м. Все они располагались в ряд по длиной оси селища, вдоль берега реки. Интервалы между пятнами равнялись 20—30 м. На удаленной от берега реки части селища пятен не наблюдалось (рис. 6, 1).

Подобные следы крестьянских дворов были замечены и на селище, расположенному на правом берегу Лыховки напротив дер. Малое Княжье Село. Селище занимало отлого спускающуюся к реке площадку холма, ограниченную с двух сторон оврагами (см. рис. 6, 3 и 7). Характер окраски пахотного слоя позволил довольно точно определить границы древнего поселения. Уже издалека поле, на котором было открыто селище, привлекло внимание участников археологической разведки своей темной окраской. Распространение подъемного материала полностью соответствовало границам темного пахотного слоя. Размеры селища 180×60—95 м.

На общем темно-коричневом фоне пахотного слоя селища выделялись еще более темные (черновато-коричневые) пятна (рис. 8). Размеры этих овально-четырехугольных в плане пятен достигали 10—15×7—8 м. При непосредственном осмотре пашни пятна

Рис. 8. Часть селища у дер. Малое Княжье Село
На пашне видны пятна древних жилых построек

сливались с окружающим слоем, и очертить их точные границы не было возможности. Определить размеры этих пятен помог керамический материал и обломки глиняной обмазки, в большом количестве сосредоточенные в местах черно-коричневой окраски пахотного слоя. Всего было обнаружено семь пятен, шесть из которых располагались в два ряда по длиной оси селища, а одно — несколько в стороне, там, где селище имело наибольшую ширину. Интервалы между пятнами здесь несколько больше, чем на Белорученском селище, они равны 30—40 м.

Удалось обнаружить пятна и на Быковском втором селище, расположеннном на левом берегу Россажи. С противоположного берега реки на недавно вспаханном поле хорошо выделялось большое темно-серое пятно культурного слоя селища, вытянутое по краю берега реки на 400 м, при ширине 40—60 м (см. рис. 6, б и 9). Во время осмотра этого селища было собрано большое количество древнерусской гончарной керамики. При сборе ке-

рамики, удалось выяснить, что ареал подъемного материала почти полностью соответствовал очертаниям темно-серого пятна. При детальном обследовании культурного слоя селища было замечено, что на общем темно-сером фоне пашни выделяются еще более темные пятна с содержанием угля и глиняной обмазки. В этих местах, как правило, концентрировалось особенно большое количество керамических фрагментов. Предположение, что эти темные пятна являются следами жилых и хозяйственных построек древнерусского времени²³ подтвердилось разведывательной траншеей (длина ее 35 м), заложенной в одной из борозд пашни. В промежутках между этими пятнами на глубине около 40 см появился белый материковый песок. В тех местах, где пахотный слой имел интенсивно темную окраску и содержал

²³ Нужно заметить, что как на селищах, открытых близ деревень Белоручье и Малое Княжье Село, так и на описываемом памятнике никаких культурных остатков моложе XIV в. нет.

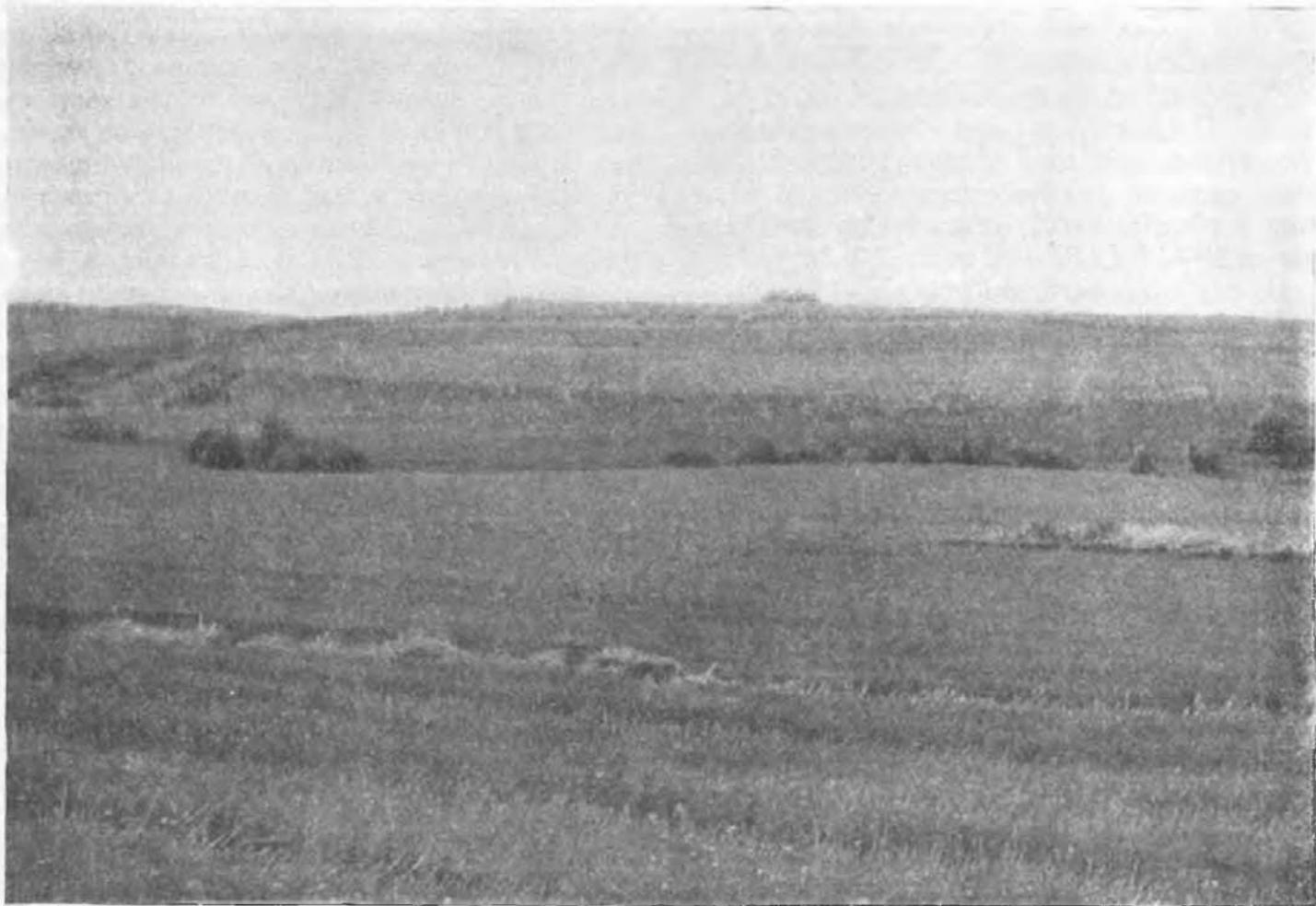

Рис. 9. Общий вид Быковского второго селища на р. Россаже

обломки глиняной обмазки, на той же глубине были открыты многочисленные ямы различных размеров. Некоторые из них можно рассматривать, судя по наличию обломков печной обмазки в их заполнениях, как подпечные. Другие, очевидно, имели хозяйственное назначение; третью группу составляли столбовые ямы, в которые ставились стулья срубных построек или угловые стояки («шулья») построек столбовой конструкции. Общее количество построек этого поселения определить не удалось, так как пятна жилищ прослеживались не по всей площади селища. По сообщению местных жителей, площадка Быковского селища распахивается сравнительно недавно, поэтому культурный слой селища до сих пор сохраняет в отдельных местах следы древних крестьянских построек.

Темные пятна крестьянских дворов отмечены на Юкавщинском северном, Плескачинском первом левобережном селищах и на ряде других поселений. На них обратил внимание

еще А. Н. Лявданик при обследовании древнерусского Петровского селища, расположенного в верховьях Сожа. Исследователь отмечает, что на свежевспаханном поле селища издали выделялись более темные места, которые, по всей вероятности, являются следами жилищ, когда-то стоявших здесь²⁴. Скорей всего, такого же происхождения были большие черные пятна, отмеченные Е. А. Шмидтом на селище у дер. Горяны Коцинского сельсовета²⁵.

Кроме того, имеется целый ряд древнерусских селищ, на территории которых не видно пятен, но наметить места построек можно по иным признакам. Такие места часто обнаруживаются в силу неравномерного

²⁴ А. Н. Лявданик. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 53.

²⁵ Е. А. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 373.

распределения керамического материала по площади поселений. Там, где сосредоточен керамический материал, обычно находят многочисленные обломки глиняной обмазки, а иногда и камни со следами пребывания в огне. Интервалы между крестьянскими дворами, судя по местам сосредоточения керамики и обмазки, колебались на разных селищах от 20—25 до 35—40 м.

Важно выяснить, правомерно ли определять величину древнерусских поселений не по окраске пахотного слоя, а исключительно по распространению керамического материала. Во время разведок удалось установить, что в большинстве случаев распространение подъемного материала на селищах соответствует границам темноокрашенной пашни. Это дает основание определять размеры древнерусских поселений только по распространению керамического материала. Следует отметить, что селища, величину которых приходится определять только таким способом, составляют половину всех обследованных поселений.

Однако передки случаи, когда керамический материал имел более широкое распространение, чем темный культурный слой. Такая картина, в частности, наблюдалась на Тимошевском селище (см. рис. 2, 3). Границы селища были определены по окраске пахотного слоя. Культурный слой древнерусского селища имел черновато-серый цвет и содержал многочисленные обломки глиняной обмазки и камни со следами пребывания в огне. Пашня, окружающая селище, казалась серой. Керамический материал занимал большую площадь, чем темно-серый слой селища. Однако при сборе подъемного материала нетрудно было заметить, что в темной части пашни керамики было очень много, а вне культурного слоя встречались только отдельные чешуйки²⁶. Следовательно, при определении

²⁶ Разведывательная шурфовка, произведенная на Тимошевском селище, показала, что на глубине 30 см под темно-серым пахотным слоем залегает неподревоженный культурный слой толщиной еще в 30 см. Вне селища толщина пахотного слоя также достигала 30—35 см. Но серый пахотный слой здесь лежал непосредственно на материке. Таким образом, темная окраска распаханного культурного слоя селища сохранялась там, где внизу оставался неподревоженный слой. Этот вывод подтверждается наблюдениями на других селищах. В тех памятниках, где толщина культурного слоя незначительна, и он целиком пересыхает, темная окраска вскоре теряется. Такие селища неотличимы от остальной площади пахотного слоя.

величины селищ по распространению подъемного материала необходимо учитывать его концентрацию. При определении размеров древних поселений исключительно по подъемному материалу надо принимать во внимание только те места пашни, где керамические обломки обильны и встречаются обломки глиняной обмазки. Иными словами, важно учитывать возможность «растаскивания» керамики во время неоднократной вспашки поля. При небольшом количестве подъемного материала без проведения широкой разведывательной шурфовки на памятнике лучше воздержаться от определения его площади.

Размеры древнерусских селищ в различные хронологические периоды даны в таблице 1²⁷:

Таблица 1

Хронологические периоды	A	A—B	B	B—V	V	A—B—V	Всего
	Площадь селищ в тысячах кв. м	Количество селищ					
До 1	—	—	—	—	1	—	1
» 3	—	2	2	1	3	1	9
» 5	—	—	5	1	2	1	9
» 8	1	7	5	6	—	3	22
» 12	1	1	6	9	3	2	22
» 15	—	2	6	5	1	—	14
» 20	—	1	1	5	1	1	9
» 40	1	5	4	1	—	2	13
Свыше 40	—	—	1	3	—	—	4
Всего		3	18	30	31	11	103

Так как темноокрашенные места пашни (распаханный культурный слой) дают лучший урожай, местные жители хорошо знают эти участки, называя их иногда «черноземами». В последние годы на этих землях часто сажают кукурузу, требующую хороших почв и удобрений. Высокие и сочные стебли кукурузы на селищах с темноокрашенным слоем различно отличаются от низких и худосочных стеблей вне черно-серых земель.

Вообще, характер посевов часто помогает при археологических разведках. Но сочетания хороших всходов и темноокрашенных пятен пахотных полей не всегда приводят к открытию древнерусских селищ. Они могут быть связаны с поселениями сравнительно позднего времени (XVI—XX вв.), могут иметь и совершенно иное происхождение.

²⁷ В таблицу 1 включены селища, размеры которых определены по окраске культурного слоя, по интенсивному распространению подъемного материала и при помощи разведывательной шурфовки. Следует заметить, что в таблицу вошли далеко не все обследованные селища, а только те, границы которых определяются отчетливо.

Самое маленькое селище (из числа обследованных) имеет площадь около 1 тыс. кв. м, площадь самого большого селища около 60 тыс. кв. м. На обследованной территории нет таких районов, где бы были распространены только крупные или только небольшие поселения. Различные по площади селища распределены на обследованной территории более или менее равномерно.

Из таблицы вытекает следующий очень важный вывод: с VIII—X до XV в. происходит постепенное уменьшение размеров сельских поселений. Все поселения IX—X вв. довольно крупные, площадь, самого маленькое селище около 6,5 тыс. кв. м, самого большого — 40 тыс. кв. м. В XI—XIII вв. появляются поселения небольшие, площадью от 2 до 5 тыс. кв. м, хотя по-прежнему много крупных селищ. В третий период, в XIV—XV вв. особо крупные поселения исчезают (самое большое имеет площадь в 20 тыс. кв. м), а количественно преобладают небольшие селища. Средние площади сельских поселений в различные хронологические периоды видны в таблице 2.

Таблица 2

Хронологические периоды	A	B	V
Средняя площадь в тысячах кв. м . . .	18,5	12,5	6,8

Постепенное уменьшение сельских поселений с VIII—X до XIV—XV вв. представляется несомненным, несмотря на то, что нам пока неизвестны динамика развития крестьянского двора и соотношение площадей отдельных крестьянских дворов по различным хронологическим периодам.

Более наглядно размеры древнерусских селищ видны в таблице 3, где показано количество крестьянских домов на селищах VIII—XV вв. Однако нужно иметь в виду, что полученные при этом результаты весьма и весьма приблизительны. Поэтому в ряде случаев для характеристики древнерусских поселений предпочтительнее пользоваться таблицей, приведенной выше (см. таблицу 1).

Основой для расчетов количества крестьянских дворов в древнерусских поселениях послужили наблюдения над расположением крестьянских построек на ряде селищ.

Таблица 3

Хронологические периоды	A	B	V	Всего
Количество дворов на селище	Количество селищ			
1—2	—	2	4	6
3—4	—	5	2	7
5—6	1	5	—	6
7—8	1	6	3	10
9—10	—	6	1	7
11—12	—	1	1	2
13—15	—	1	—	1
16—20	—	1	—	1
Свыше 20	1	3	—	4
Всего . . .	3	30	11	44

Среднее количество * дворов

* Так как селищ VIII—X вв., размеры которых удалось определить, очень немного, то можно полагать, что средняя величина их оказалась несколько завышенной.

Однако интервалы между темными пятнами древних построек были различными не только на разных поселениях, но и внутри одного селища. Следовательно, вычисление количества крестьянских дворов на селище, исходя из среднего расстояния между постройками²⁸, отражает действительную картину только приблизительно.

²⁸ Среднее расстояние между постройками определено исходя из таблицы 4:

Таблица 4

Названия селищ, на которых были прослежены пятна дворов	Интервалы между пятнами
Белорученское	20—30
Малое Княжье Село . .	25—35
Быковское второе . . .	20—30
Березинковское	25—30
Матвеевское	около 20
Юкавинское северное .	20—35
Плескачинское левобережное первое	20—25
Успенское	20—30
Яновское (центральная часть)	около 15
Среднее расстояние	20—30

Изменение величины древнерусских поселений связано с конкретными историческими условиями. Славяне заселяли лесные области Смоленского Поднепровья, нужно полагать, не отдельными семьями, а более или менее крупными группами. Ведь славянские переселенцы должны были освоить под пашню лесные массивы, а этот тяжелый и трудоемкий процесс требовал коллективных усилий; он был не под силу одной или двум-трем индивидуальным семьям. Конечно, отдельные группы славян могли использовать земли, освоенные местным населением, обитавшим здесь до прихода славян. Но, во-первых, до-славянские поселения третьей четверти I тысячелетия нашей эры, судя по археологическим разведкам, здесь были немногочисленны; во-вторых, ни на одном из этих поселений не были встречены обломки древнерусской керамики VIII—IX вв. На некоторых из этих поселений обнаружены только обломки древнерусской гончарной керамики, главным образом XI—XIII вв. По-видимому, это свидетельствует не о вытеснении местного населения, а о культурном влиянии и ассимиляции. Нам представляется, что славяне осваивали Смоленское Поднепровье более или менее крупными группами, насчитывающими иногда до десятка небольших индивидуальных семей. Эти группы составляли сельские территориальные общины. И хотя в целом к VIII—IX вв. патриархальная община потеряла свое значение, общинники VIII—X вв., по всей вероятности, были еще тесно связаны родственными отношениями. Селища раннего периода были, по-видимому, преимущественно крупными общинными поселениями, т. е. каждому поселению соответствовала община²⁹. Но, вероятно, уже в X в., по мере роста населения в общинах появлялись небольшие выселки и новые селения.

К XI в. на Смоленщине значительные площади, прежде покрытые лесами, были превращены в поля. Подсечное земледелие, в основном, сошло со сцены и имело место только при расширении посевных площадей и, может быть, в борьбе с кустарником на тех

участках, которым был предоставлен более или менее длительный отдых ввиду истощения почв. Наиболее рациональными стали поселения средних размеров, насчитывающие от четырех до десяти дворов. В условиях экстенсивного земледелия, при сравнительно низкой сельскохозяйственной технике, селиться более крупными поселениями было невозможно. Селища этого времени, насчитывающие свыше 10 и даже 20 дворов, были, по-видимому, как мы стараемся показать ниже, погостами, где наряду с земледельческим населением жили деревенские ремесленники, староста и, может быть, представители княжеской власти и служители культа.

На XI—XIII вв. приходится расцвет Смоленщины. Поселения XI—XIII вв. здесь наиболее многочисленны. Количество сельских поселений, приходящихся на каждый хронологический период, показано в таблице 5.

Таблица 5

Хронологические периоды	A	Б	В
Количество поселений . . .	30	89	52

Таким образом, в XI—XIII вв. центральные районы Смоленской земли были наиболее заселенными, что полностью согласуется с письменными источниками. Верхнее Поднепровье, в котором существовали особенно благоприятные для развития земледелия условия, в XI—XIII вв. достигло больших успехов в этой области хозяйства. Ссылаясь на свидетельства памятников древнерусской письменности, исследователи истории Смоленской земли единодушно подчеркивают широкое развитие земледелия в Смоленском Поднепровье. Так, В. И. Пичета отмечает, что земледелие здесь стало особенно развиваться с момента обособления Смоленска от Киева и достигло настолько значительного уровня, что Смоленская земля имела возможность вывозить хлеб в Новгород и даже за пределы Древней Руси³⁰. Ус-

²⁹ Археологические исследования неукрепленных поселений VIII—X вв. в Припятском Полесье помогли установить, что для селищ этого времени и здесь характерны большие размеры (см. Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище Хотомель. КСИИМК, 68. 1957, стр. 90—97; И. П. Русланова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 45).

³⁰ В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I. Минск, 1928, стр. 16, 17; П. В. Голубовский считал Смоленскую землю чуть ли не главным поставщиком хлеба в Новгород. Ссылаясь на сообщение Новгородских летописей под 1137 г., исследователь отмечает, что когда вывоз хлеба со Смоленщины в силу каких-либо обстоятельств прерывался, в Новгороде начи-

пешное развитие земледелия способствовало росту сельского населения Смоленской земли.

С середины XIII в. Смоленская земля переживала упадок. Хотя татары не дошли до Смоленска, и он избежал участия многих древнерусских городов, но юго-восточные районы Смоленской земли были разорены завоевателями.

В то же время на Смоленское княжество началось наступление с запада, со стороны Литовского государства. Уже в 1239 г. литовские князья захватили Ростиславль и осаждали Смоленск³¹. Западные районы Смоленщины постоянно подвергались нападениям со стороны литовцев. В 1248 г. литовский отряд прошел через всю Смоленскую землю до реки Протвы, в 1258 г. литовцы подступали к Смоленску и разорили Воинину³². Нападения литовцев на Смоленские земли продолжались во второй половине XIII и в XIV в. вплоть до включения этих земель в состав литовского государства.

Боевые разорения и опустошения Смоленской земли сопровождались частыми неурожаями и морами³³. Все это и вызвало значительное уменьшение сельского населения Смоленской земли. Количество сельских поселений в обследованном районе Смоленщины с 89 сократилось в XIV—XV вв. до 52. При этом нужно учитывать, что поселения XIV—XV вв. по количеству дворов были почти вдвое меньше поселений XI—XIII вв. Однако уменьшение сельского населения Смоленщины только отчасти объясняет сокращение численности крестьянских дворов на поселениях XIV—XV вв.

Другая причина состоит в том, что в почвенных и климатических условиях центральных районов Смоленщины деревни, состоящие из сравнительно небольшого количества дворов, являются, по-видимому, наиболее rationalными поселениями. В XIX в. в этом районе Смоленского Поднепровья в среднем на каждое поселение сельского типа приходилось по 7—8 дворов, но преобладающая

налась дороговизна. Хлеб из Смоленской земли вывозился, кроме Новгорода, по Западной Двине за пределы славянских земель (П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 90, 91).

³¹ Тверская летопись под 1239 г.

³² Новгородская Первая летопись под 1258 г.

³³ Неурожайные годы обычно завершались морами. Особенно тяжелыми в этот период были 1230 и 1308 гг., когда люди в Смоленске умирали тысячами.

часть деревень насчитывала 5—6 крестьянских дворов³⁴. Такие же сравнительно небольшие селения были характерны в XIX в. в соседних со Смоленской, Минской и Могилевской губерниях, географические условия которых во многом близки к Смоленщине³⁵. В северо-западных и северных областях Восточноевропейской равнины преобладали поселения однодворные или состоящие из двух-трех дворов.

Какую-то роль в уменьшении количества крестьянских дворов на смоленских сельских поселениях XIV—XV вв., возможно, сыграли и общественные отношения.

ЗАСТРОЙКА ДРЕВНЕРУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

С вопросом о величине древнерусских сел и деревень тесно связан вопрос о типах их застройки. Пятилетние разведывательные исследования показали, что вполне возможно изучать основные типы застройки древних поселений по археологическим материалам. В зависимости от распространения культурного слоя на том или ином селище можно говорить о рядовом, кучевом, а иногда и иных типах застройки поселений. Конечно, на многих из открытых разведками селищ оказалось невозможно определить тип застройки, а некоторые поселения отнесены к тому или иному типу весьма условно. Тем не менее, массовость полученного в результате пятилетних полевых работ материала позволяет не только ставить, но и решать ряд вопросов истории застройки древнерусских сельских поселений³⁶.

³⁴ См. Списки населенных мест Российской империи, т. 40. СПб., 1868.

³⁵ А. И. Войков. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. Изв. РГО, т. XLV, вып. 1. СПб., 1909, стр. 19—71.

³⁶ Возможность использования археологических материалов для изучения типов застройки древнерусских сельских поселений во время полевых работ неоднократно была проверена на поздних материалах. В 1958 г. разведывательным отрядом экспедиции была обследована местность, где еще в начале 20-х годов XX в. находилась дер. Шелбицы (Мурыгинский сельсовет Починковского района). В настоящее время в том месте, где 30 лет назад стояла деревня, находится пахотное поле. Однако местоположение деревни и ее контуры хорошо выделялись на пашне. В том месте, где находилась деревня, пашня имела темную (черноватую) окраску и здесь было сосредоточено большое количество подъемного материала. Темное пятно пашни имело очертания, вытянутые вдоль современной полевой дороги. При сравнении план пятна

Судя по распространению культурного слоя и подъемного материала, в большинстве случаев древнерусские селища исследуемых районов Смоленского Поднепровья имели вытянутые вдоль берегов рек или оврагов очертания (см. рис. 2, 1, 2, 5, 6 и рис. 6, 5, 6). Таким образом, можно полагать, что в деревнях центральной части Смоленской земли преобладала прибрежно-рядовая застройка, включающая в себя приречно-рядовую и овражно-рядовую³⁷.

Значительную часть поселений с прибрежно-рядовой застройкой составляют селища, ширина которых не превышала 30—40 м³⁸. На таких поселениях крестьянские дворы могли располагаться только в один ряд. В поселениях с прибрежно-рядовой застройкой деревенские дворы обычно расположены не на одной прямой линии, некоторые из них приближались к краю берега реки, другие были удалены от него на 20—30 м. В связи с этим ширина площадок селищ с однорядной застройкой чаще всего равнялась 30—40 м, а в отдельных случаях могла достигать и 45—50 м. На поселениях, имеющих ширину от 50 до 80—90 м, постройки, скорее всего, были расположены в два ряда³⁹. Так, на описанном выше Белоручепском селище, ширина распространения культурного слоя которого равняется 80—100 м, крестьянские дворы были расположены паверяжка в два ряда. Следы построек первого ряда были прослежены при разведывательном обследовании селища. Они занимали прибрежную часть селища шириной в

совпал с планом дер. Шелбицы (Карта 1918 г. Военно-топографического отдела. Пг. Масштаб 1:42000). Там, где ныне проходит полевая дорога, в начале XX в. проходила грунтовая дорога, по обе стороны которой располагались деревенские постройки. Такой же сравнительный анализ был произведен при обследовании других ныне не существующих деревень (с. Большая Дрёсна, деревни Шапырево и Путятинки). Всюду были открыты остатки поселений, дающие надежный материал для определения типа застройки

³⁷ Характеристику различных типов застройки см. в работе М. В. Витова «О классификации поселения». СЭ, 1953, № 3, стр. 27—37. Прибрежно-рядовая застройка сельских поселений, по всей вероятности, была наиболее распространена и в других областях Древней Руси (см. А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 15—17).

³⁸ Селища 15, 16, 49, 58, 71, 80, 81, 82, 99, 101, 106, 112, 114, 115 и 128.

³⁹ Селища 5, 13, 23, 25, 27, 30, 34, 35, 38, 39, 41, 44, 47, 50, 53, 62, 63, 64, 69, 73, 75, 76, 78, 79, 85, 86, 94, 109, 119, 121, 123, 124, 125, 127, 130, 132, 134, 136, 145, 150, 153, 154, 156, 161 и 162

30—45 м. Остальная часть селища, нужно думать, приходилась на второй ряд крестьянских дворов. На поселениях близ дер. Малое Княжье Село в том месте, где постройки были расположены в два ряда (см. рис. 6, 3), ширина распространения культурного слоя достигала около 60 м. На обследованном Н. П. Милоновым Кимрском селище (Калининская область), которое тянулось на 360 м по берегу Волги и имело в ширину 100 м, постройки, по предположению исследователя, были расположены в два ряда⁴⁰.

Вполне возможно, что на отдельных древнерусских поселениях крестьянские постройки располагались в три ряда. Ширина распространения культурного слоя на этих селищах должна была превышать 80—100 м. Но подобные селища немногочисленны и их довольно трудно отделить, с одной стороны, от двухрядных поселений, с другой стороны — от поселений с кучевой застройкой. Многие селища, имеющие значительную ширину распространения культурного слоя, даже если их площадки и вытянуты вдоль берегов рек, отнесены к разряду неопределенных по типу застройки. Хотя вытянутость их площадки вдоль берега реки, кажется, и указывает на рядовую (многорядную) застройку поселений, но быть уверенным в наличии именно этого типа застройки во многих случаях нельзя. Подобные поселения могли иметь и кучевую бессистемную застройку.

К поселениям с кучевой застройкой нужно отнести такие селища, площадки которых имеют овальные, овально-четырехугольные и иногда неопределенные рваные очертания (рис. 10, 2, 3). Но они обычно не вытянуты вдоль реки. Среди них встречаются и крупные и небольшие поселения. Однако последние невозможно отличить по археологическим

⁴⁰ Н. П. Милонов. Древнерусские курганы и селища в бассейне верхней Волги. МИА, № 13, 1950, стр. 152—154. Н. П. Милонов полагает, что узкая полоса между рядами построек представляла собой улицу, с чем никак нельзя согласиться. Для поселений с прибрежно-рядовой застройкой характерно, что независимо от того, расположены ли постройки в один, два или три ряда, фасады домов обращены в сторону реки. При уличной же застройке дома обращены фасадами или боковыми сторонами с окнами на улицу. У нас нет оснований предполагать уличную застройку для Кимрского селища. Напротив, вытянутость его площадки вдоль берега реки свидетельствует о прибрежно-рядовом характере застройки поселения. Полоса между рядами построек, замеченная Н. П. Милоновым, была занята, очевидно, огородами и пашнями, что обычно для поселений подобного типа.

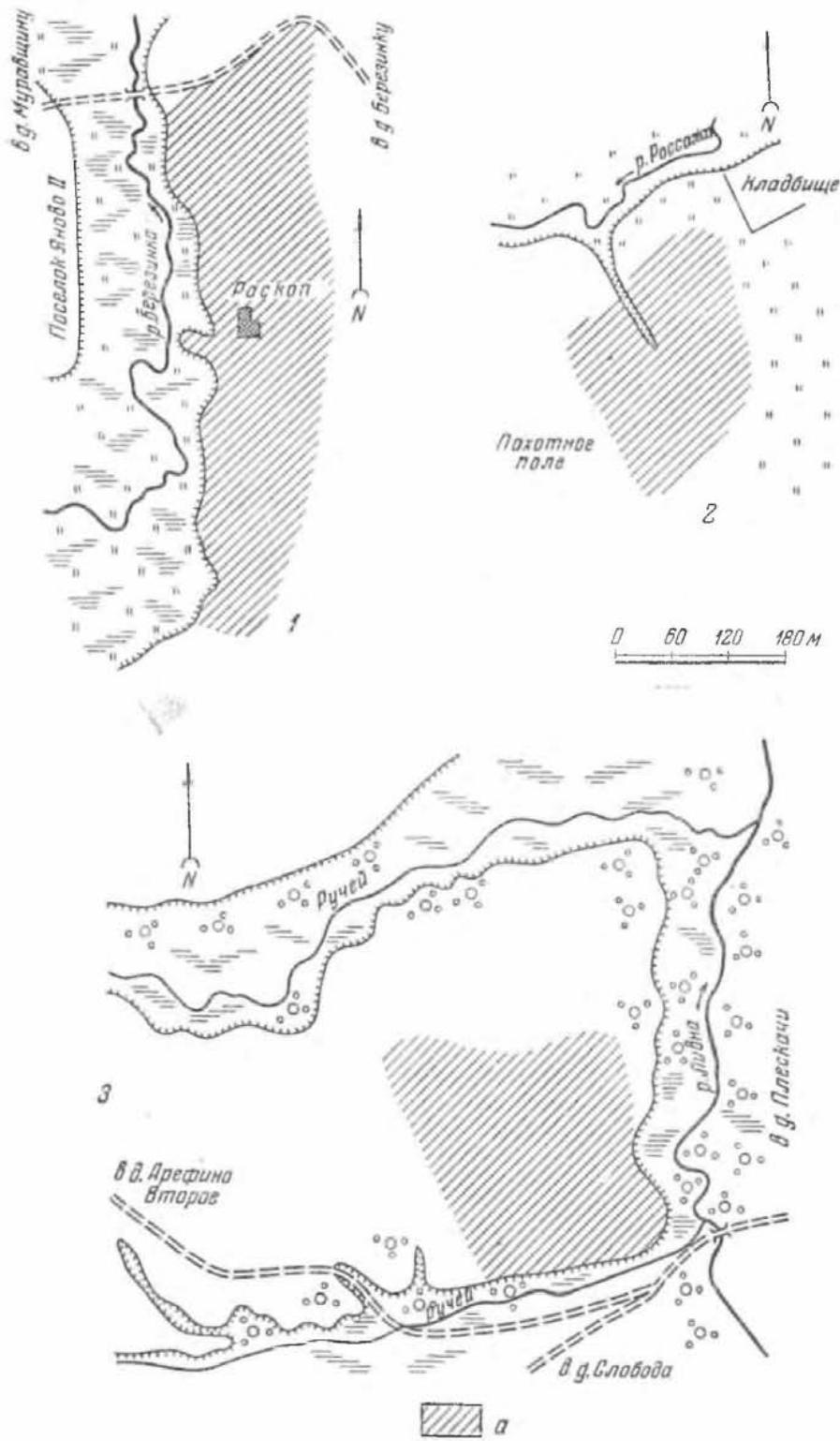

Рис. 10. Планы селищ

1 — Яновское; 2 — Вошкинское второе; 3 — Юкавинское левобережное;
а — территории селищ

материалам от небольших поселений с рядовой застройкой. Очень часто современные поселения, состоящие всего из трех-четырех дворов, невозможно классифицировать по типам застройки. Вполне понятно поэтому, что небольшие по площади селища, имеющие

примерно равные длину и ширину, не могут быть учтены при характеристике типов застройки. Географы и этнографы при описании типов застройки опираются на материалы тех поселений, где форма застройки видна отчетливо. По-видимому, таким же правилом

нужно руководствоваться и при характеристике типов застройки древнерусской деревни по археологическим данным.

Среди обследованных селищ Смоленщины можно выделить сравнительно небольшое число поселений, имевших более или менее определенно кучевую застройку⁴¹. Распределение поселений с различными типами застройки по хронологическим периодам дано в таблице 6.

Таблица 6

Хронологические периоды	А		Б		В		Всего
	А—В	Б	В—Б	В	В—Б	В	
Тип застройки	Количество селищ						
Прибрежно-рядовая . . .	2	10	19	20	4	7	62
в том числе:							
однорядная	1	2	6	2	3	1	15
двуихрядная	1	8	13	18	1	6	47
Кучевая	1	2	1	3	2	2	11
Уличная	—	—	—	1	—	—	1

Как видно из таблицы, основную часть древнерусских поселений в Смоленщине составляют деревни с прибрежно-рядовой планировкой. Количество поселений с кучевой застройкой сравнительно невелико. Поселения с уличной планировкой встречались в Древней Руси исключительно редко. В обследованном районе наличие уличной застройки более или менее определенно можно проследить только на одном Долгомостинском селище, описание которого приведено ниже.

Некоторые исследователи, основываясь исключительно на данных этнографии, полагали, что до XVI в. в русских и белорусских деревнях господствовала бессистемная кучевая застройка⁴². Однако это утверждение основывалось на материалах XVII—XVIII вв., тогда как относительно системы застройки сельских поселений до XVI в. данных просто не было.

Археологические материалы позволяют осветить историю застройки древнерусской деревни пока только в общих чертах. Табли-

⁴¹ Селища 1, 14, 52, 55, 67, 107, 126, 137, 140 и 159.

⁴² А. Г. Введенская. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX вв. Тр. ГИМ, вып. XV. М., 1941; Л. А. Молчанова. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов. СЭ, 1956, № 1, стр. 29—41.

ца 7 дает наглядное представление о распространенности различных типов застройки в древнерусских сельских поселениях в процентном отношении.

Таблица 7

Хронологические периоды	A	A—B	B	B—V	V
	%				
Прибрежно-рядовая	67	83	95	83	67
Кучевая	33	17	5	13	33
Уличная	—	—	—	4	—

Высокий процент поселений с кучевой застройкой в первом хронологическом периоде может оказаться случайным, так как тип застройки удалось установить только на трех поселениях этого времени. Тем не менее, предположение о том, что кучевая застройка в ранний период русской истории имела более широкое распространение, чем в XI—XIII вв., представляется небезосновательным. Кучевая застройка древнерусских деревень ведет свое начало, по всей вероятности, от родовых укрепленных поселков, на которых из-за ограниченности их территории постройки располагались скученно и бессистемно. Вполне вероятно, что в VIII—X вв. около трети поселений еще выглядели так же.

В XI—XIII вв. кучевая застройка либо существовала как пережиточное явление, либо обусловливала естественно-географическими условиями. Так, поселения, ограниченные с двух сторон широкими оврагами, бесконечно разрастаться вдоль берега реки не могли. Они росли в ширину, из однорядных поселений вырастали многорядные, ряды построек на изрезанном береговом крае часто не выдерживались. И постепенно рядовая застройка превращалась в кучевую. Иногда поселения с кучевой застройкой возникали на мысах. Первопачально постройки располагались по краям мыса. Но строительство крестьянских дворов в срединной части мыса приводило к нарушению прежней прибрежно-рядовой застройки.

Все же прибрежно-рядовая застройка на селищах центральных районов Смоленщины в течение всего древнерусского периода истории оставалась господствующей. Первопачальное расселение по рекам и связь древ-

нерусских поселений с речной системой как главным путем сообщения способствовали распространению прибрежного типа застройки. Кроме того, рядовая система застройки деревень облегчила снабжение населения водой. Впоследствии, когда получил широкое распространение сухопутный транспорт, уличная планировка сельских поселений начала довольно быстро вытеснять прочие типы застройки. Этнографы убедительно объясняют переход от рядовой деревни к уличной внедрением сухопутного транспорта и развитием сухопутных путей сообщения⁴³. Таким образом, преобладание какого-либо типа застройки селений объяснялось во многом определенными условиями быта.

Судя по данным таблицы 7, процент поселений с прибрежно-рядовой застройкой в XIV—XV вв. несколько уменьшается за счет увеличения количества поселений с кучевой застройкой. В действительности процент поселений с кучевой застройкой в это время возможно был еще больше, чем указано в таблице. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, в XIV—XV вв. деревни мельчают. Большое распространение получают небольшие селища, определить типы застройки которых обычно невозможно, так как длина и ширина их почти равны. В большинстве случаев они не имеют прежних вытянутых очертаний и поэтому условно могут считаться кучевыми. В последующие столетия однодворные и малодворные деревни стали господствующим типом сельских поселений⁴⁴. Это, по всей вероятности, и нарушило характерную для древнерусского времени рядовую застройку сельских поселений⁴⁵.

Уличная застройка сельских поселений, как подчеркивалось выше, — явление сравнительно позднее. Однако в редких случаях этот тип застройки встречался в древнерусских поселениях. К поселениям с уличной застройкой, как уже говорилось, уверенно можно отнести только одно селище из числа

⁴³ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁴ В связи с уменьшением поселений деревни XVI—XVII вв. археологически изучать очень трудно, а иногда и вовсе невозможно. Во время археологических разведок 1955—1959 гг. неоднократно пришлось сталкиваться с остатками поселений этого времени. Это очень небольшие и, как правило, полностью распаханные селища с исключительно бедным и редким подъемным материалом.

⁴⁵ В настоящее время в исследуемых районах Смоленщины преобладает уличная система застройки. Только отдельные участки немногих деревень застроены бессистемно.

обследованных в 1955—1959 гг.—Долгомостинское. Оно представляет особый интерес, так как упоминается в письменных документах XVI в., рассказывающих о событиях середины XIII в.⁴⁶ Около этого селения в середине XIII в. произошло сражение смоленского войска с отрядами татаро-монгольских захватчиков, продвигавшихся с юго-востока на Смоленск. Татаро-монголы были здесь остановлены и не пропущены к Смоленску.

Все исследователи смоленской старины обычно связывали древнерусскую деревню Долгий Мост с современной деревней Долгомость, расположенной в бассейне Лосни⁴⁷. Археологическое обследование этого бассейна было произведено в 1956 г. Первым древнерусским селищем, открытым в этом районе, было поселение, расположенное в центре современной деревни Долгомость (на огородах колхозника Кузнецова). Здесь, на площади 45×50 м вместе с керамикой XVI—XX вв. собрано сравнительно небольшое число обломков древнерусской глиняной посуды. Культурный слой селища оказался полностью перепаханным. Датировка собранной на селище древнерусской керамики XIV—XV вв. не вызывала никаких сомнений. Поэтому селище не может быть отождествлено с летописной древнерусской деревней Долгий Мост, существовавшей уже в XIII в.

Открытое нами селище, находящееся в 0,5 км юго-западнее современной дер. Долгомость на старом Ельниковском тракте, в месте пересечения этой дороги и реки Солодовой имеет гораздо больше оснований считаться летописной деревней⁴⁸. Название поселения Долгий Мост топографически

⁴⁶ Ф. Буслай. Исторические очерки русской словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, стр. 189.

⁴⁷ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. карта между стр. 160 и 161. Это единственное на Смоленщине поселение с подобным названием.

⁴⁸ Интересно отметить, что старожилы дер. Долгомость до сих пор хранят в памяти детали легендарных подвигов, совершенных Меркурием при разгроме татаро-монгольского отряда (эта легенда неизвестна в других деревнях Смоленщины). Местные жители указывают, что сражение произошло около мэста на Старой Ельниковой дороге, т. е. как раз там, где открыто древнерусское селище. В современной устной передаче окончание легенды о подвигах Меркурия несколько отлично от рассказа письменного источника. Рассказывают, что обезглавленный Меркурий пронес на копье свою собственную голову по Ельниковой дороге не до Смоленска, а всего верст шесть, до современного пос. Яново, где и был похоронен в одном из

вполне оправдано. В этом месте Лосня принимает Солодовую. И без того широкая заболоченная долина Лосни расширяется здесь за счет болотистой долины притока. Через всю долину сооружена насыпь с несколькими мостами, по которой проходила дорога из Смоленска в Ельню⁴⁹. Нужно думать, что эта дорога существовала здесь и в XIII в.; именно по ней двигались отряды татаро-монгольских захватчиков на Смоленск. Через болото и две речки, протекающие здесь, в древности были перекинуты мосты, поэтому расположение рядом поселение и получило название Долгий Мост.

В отличие от других древнерусских поселений площадка селища Долгий Мост была вытянута перпендикулярно берегу реки, т. е. вдоль Ельнинской дороги. Культурный слой древнерусского селища располагался по обеим сторонам дороги (см. рис. 6, 2). Размеры древнего поселения 140—150×70—80 м. Границы его были определены, во-первых, по более темной окраске культурного слоя, которая сохранилась, несмотря на то, что слой

полностью перепахан; во-вторых, по распространению на пашне обломков древнерусской керамики. Обломки древнерусской керамики относятся к XII—XV вв. Здесь же собрано небольшое число черепков более поздней керамики. Видимо, поселение на этом месте существовало вплоть до XVII—XVIII вв. Но размеры его, судя по распространению подъемного материала, в позднее время были значительно меньшими, чем в древнерусский период. Разведывательный шурф, заложенный в срединной части древнерусского селища, показал, что его культурный слой имеет толщину около 40 см и полностью перепахан.

Свообразный план Долгомостинского селища (вытянутость перпендикулярно берегу реки, вдоль дороги, соединявшей два древнерусских города) объясняется, по-видимому, тем, что крестьянские постройки здесь были расположены не вдоль берега реки, а по обеим сторонам дороги. Долгомостинское селище — яркий пример уличной застройки древнерусской деревни.

ПОГОСТЫ, ДЕРЕВНИ И СЕЛА

В Древней Руси для обозначения сельских поселений употреблялись термины погост, село, весь.

Административно-территориальные центры сельских поселений назывались погостами. Термин этот упоминается во многих письменных документах Древней Руси.

Погосты — это центры сравнительно небольших округов (которые тоже часто называются погостами, поэтому во избежание путаницы в научной литературе различают «погост-место» и «погост-округ»), населенных свободными общинниками. Ниже будет показано, что большинство древнерусских погостов в своей основе связано с территориальными общинами. Погост-место — это родоначальное поселение сельской общины. Здесь происходили мирские сходы, устраивались общинные циркесства; рядом находилось общинное кладбище. В этих селениях собирались налоги, исполнялись мелкие судебные дела. В языческое время эти поселения были и религиозными центрами общины. Здесь же после победы христианства в дерев-

курганов. Близ пос. Яново действительно находится большой курганный могильник древнерусского времени.

* Тогда эта дорога заброшена.

не строились церкви. На Смоленщине название «погост» до настоящего времени не дошло. Уже в XVI в. поселения, несколько напоминающие по своему значению древнерусские погосты, назывались селами.

Погост-округ — это район расселения сельской или погостской общины. Иногда погосты-округа объединяли поселения нескольких сельских общин. Погосты были подведомствены волостям — более крупным округам, известным из грамоты Ростислава Смоленского. Количество погостов в разных волостях Смоленской земли было различным. В уставной грамоте Ростислава Мстиславича названы девять погостов Вержавлянской волости, но число погостов в этой волости могло быть и большим.

Древнерусское название рядовых поселений погостов-округов нам неизвестно. Термин «деревня» — наиболее применимый для таких поселений — появляется в письменных источниках только в XIV в.⁵⁰ Вполне вероятно, что термин «деревня» для названия некоторых сельских поселений употреблялся в народе и раньше XIV в. Е. Э. Бломквист

⁵⁰ Н. И. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. ИГАИМК, вып. 138. Л., 1935, стр. 70.

даже полагает, что этот термин в смысле поселения без церкви встречался в русском языке уже в XI в.⁵¹ Однако нет никаких оснований полагать, что рядовые поселения погостских общин Смоленщины в XI—XIII вв. назывались деревнями. Более реальным кажется предположение, что для обозначения подобных поселений употреблялся термин «весь». Название «весь» для сельского поселения является общеславянским термином⁵² и, следовательно, уходит своими корнями в глубокую древность. До настоящего времени термин «весь» для обозначения сельских поселений известен у западных и южных славян. В Восточной Европе это слово широко бытует только у белорусов и изредка встречается в южных районах Новгородской земли. Е. Э. Бломквист полагает, что в древнерусское время (в XI—XIV вв.) и в Новгородской земле и на территории Белоруссии этот термин для обозначения небольших сельских поселений имел широкое распространение⁵³. Более того, поскольку это слово общеславянское, можно полагать, что весами назывались и поселения смоленских кривичей VIII—X вв.

Термин «село» впервые появляется в письменных источниках в X в. Обозначает он загородное княжеское имение с княжеским двором и челядью. В XI—XIII вв. селами назывались поселения, жители которых находились в различной степени феодальной зависимости. Это прежде всего поселения, входившие в состав княжеских доменов. Так, селами именуются в источниках поселения Ясенское и Дросенское, до 1150 г. входившие в состав владений смоленского князя. Население этих сел находилось в феодальной зависимости от их владельцев. Существование княжеского двора на территории этих сел не обязательно. Письменные документы Древней Руси с полной ясностью свидетельствуют о том, что в XI—XII вв. селами назывались не только поселения, входившие в состав княжеских владений, но и поселения, зависимые от монастырей и рядовых феодалов. В рассматриваемом районе Смоленского Поднепровья кроме Дросенского и Немыкаских поселений, известных по письменным документам, к разряду сел должны быть отнесены селища, расположенные рядом с феодальны-

⁵¹ Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 34.

⁵² А. Харузин. Славянское жилище в северо-западном крае. Вильна, 1907, стр. 144.

⁵³ Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 34.

ми усадьбами и составляющие с ними одно целое (Бородинское и Ковшаровское). Несомненно, на этих поселениях жило население, находящееся в феодальной зависимости от владельцев усадеб. Какой термин применялся в это время для других поселений, входивших в округу, подвластную тому или иному господину — владельцу усадьбы, сказать трудно. Некоторые поселения таких районов могли быть населены еще свободными или полузависимыми земледельцами, но археологически выделить их нельзя.

На обследованной территории Смоленщины древнерусские сельские поселения распространены далеко неравномерно. Уже при первом анализе карты древнерусских археологических памятников, обследованных в 1955—1959 гг., легко выделяются несколько небольших районов, где поселения расположены компактно. Такие участки отделены друг от друга узкими или широкими пространствами, где древнерусские памятники отсутствуют. Районы скученного расположения поселений, как правило, соответствуют бассейнам рек.

Из общей массы древнерусских поселений каждого такого района выделяются очень крупные селища, которые обычно сопровождаются курганными могильниками или городищами, лишенными культурного слоя. Часто рядом с такими селищами находятся и курганный могильник и городище, иногда — только курганный могильник, а городище отсутствует. Обычно подобные крупные селища являются древнейшими в компактной группе деревенских поселений. Поэтому их можно рассматривать как родоначальные поселения для данного комплекса селищ. На характеристике таких крупных поселений с окружающими их древнерусскими селищами следует остановиться подробнее.

Некоторые из этих комплексов выделяются сравнительно легко, так как они соответствуют бассейнам рек и отделены от других групп сельских поселений водораздельными пространствами, в древности покрытыми лесами. Иногда на одной реке могут располагаться селища нескольких деревенских комплексов, и часто четкой границы между поселениями разных групп провести невозможно.

Характеристику сельских комплексов лучше начать с бассейна Лосни. В бассейне Лосни расположено 14 древнерусских поселений (рис. 11). От поселений других

групп лосненские отделены широкими водораздельными пространствами. Самым крупным поселением здесь является Белорученское селище (см. рис. 6, 1), уже описанное выше. Площадь других лосненских селищ различна (от 1 до 15 тыс. кв. м), но ни одно из них не превышает по площади 15 тыс. кв. м. Площадь же Белорученского селища достигает 30 тыс. кв. м.

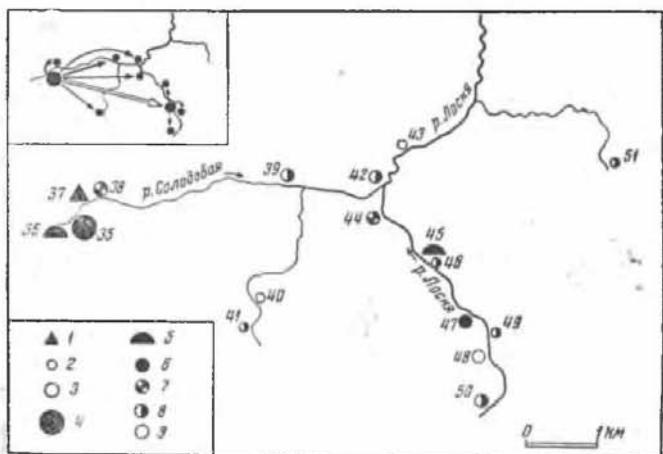

Рис. 11. Карта археологических памятников бассейна Лосни

1 — городище без культурного слоя; 2 — селища площадью до 5 тыс. кв. м; 3 — селища площадью до 15 тыс. кв. м; 4 — селища площадью 30 тыс. кв. м; 5 — курганные могильники; 6 — селища стадии А — Б; 7 — селища стадии Б; 8 — селища стадии В — В; 9 — селища стадии В. Слева вверху — схема заселения бассейна Лосни

Курганный могильник располагался в 0,6 км от Белорученского селища в самых верховьях Солдовой. Ныне этот могильник полностью распахан. При осмотре пахотного поля удалось насчитать 24 пятно от распаханных насыпей, но несомненно, что курганов в этом могильнике было значительно больше. По сообщению местных жителей, курганы распахиваются очень давно, и от многих из них не осталось никаких следов⁵⁴. При обследовании пятен распаханных курганов собраны мелкие обломки древнерусской керамики того же типа, что обнаружена на Белорученском селище.

Напротив Белорученского селища близ дер. Кучино на левом берегу Солдовой рас-

⁵⁴ На карте, составленной А. Н. Ляданским, в этом месте отмечен один курган (А. Н. Ляданский. Археологічні дослідження у вадаузборах р.р. Сажа, Дніпра і Каспії у Смоленській губ. Праця археологічнай камісії, т. 2. Менск, 1930, карта). Других упоминаний об этом могильнике в археологической и краеведческой литературе нет.

положено Кучинское городище⁵⁵. Оно занимает высокий мыс, ограниченный с двух сторон глубокими оврагами. С противоположной реке стороны площадка городища защищена дугообразным валом и глубоким рвом. Овальная площадка городища имела сравнительно небольшие размеры — 58 × 37 м. При первом обследовании А. Н. Ляданский отметил, что каких-либо следов культурного слоя на городище нет. Шурфовка 1956 г. также показала, что на площадке городища под дерновым слоем лежит материковый слой. При тщательном осмотре городища никаких находок не было обнаружено, что затрудняет датировку этого памятника. Не помогает датировке городища и его форма. Подобные мысовые городища воздвигались на Смоленщине и в дославянский период и в древнерусское время.

Полное отсутствие культурного слоя на площадке городища свидетельствует о его нежилом характере. Наличие на нем значительных укреплений, скорей всего, говорит о том, что это было городище-убежище, куда собирались жители окрестных неукрепленных поселений в момент приближающейся опасности. В связи с этим, изучение окрестных, синхронных городищ памятников имеет первостепенное значение для его датировки. Кроме Белорученского селища и курганных могильников, описанных выше, близ Кучинского городища (на расстоянии в несколько сот метров от него) открыто Кучинское селище XI—XIII вв., а в пределах 1,5—5,6 км от города расположено еще пять-шесть поселений древнерусского времени. Открытых поселений другого времени в окрестностях Кучинского городища не оказалось. В 2 и 5,5 км от него расположены, правда, Бабыновское и Путятинское городища раннего железного века⁵⁶. Но это — укрепленные поселения, и жители этих городищ не нуждались в сооружении дополнительного укрепленного пункта. Таким образом, единственно правильным будет отнести Кучинское городище к древнерусскому времени. Скорей всего, оно было сооружено

⁵⁵ Ранее это городище было обследовано А. Н. Ляданским (А. Н. Ляданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского Государственного университета, т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926, стр. 257).

⁵⁶ А. Н. Ляданский. Некоторые данные..., стр. 214—216; его же. Археологічні дослідження у вадаузборах р.р. Сажа, Дніпра і Каспії... стр. 274—277.

первыми славянскими поселенцами в бассейне Лосни. В IX—XII вв. оно служило убежищем для земледельческого населения, жившего в открытых селищах⁵⁷.

Предположения о существовании у восточных славян в I тысячелетии нашей эры таких городищ-убежищ неоднократно высказывались археологами⁵⁸. В юго-западных районах Восточной Европы небольшие городища-убежища существуют с селищами VI—VIII вв. На Смоленщине городища-убежища времени сооружения длинных курганов пока не найдено. По всей вероятности, эти памятники появляются здесь только в IX—X вв., т. е. в начальный период становления феодализма, когда свободные общинники вынуждены были защищать свои права и земельные владения от посягательств феодалов. О подобных общинных городищах-убежищах, вокруг которых группировались открытые земледельческие поселения, сообщается в письменных источниках Литвы, где существование этих городищ подтверждено археологическими наблюдениями. В Литве городища-убежища просуществовали до рубежа XIII—XIV вв., когда они окончательно были разрушены крестоносцами⁵⁹.

⁵⁷ К раннеславянскому времени в бассейне Лосни относятся два поселения — Белорученское, на котором найдена лепная славянская керамика, позволяющая датировать возникновение поселения IX в., и Окуловское третье селище, среди подъемного материала которого обнаружены венчики гончарной керамики гнездовского облика (начальная дата поселения X в.). В 0,8 км от последнего селища еще недавно находился древнерусский курганный могильник (Путятинский), ныне полностью распаханный. А. Н. Ляданский насчитал здесь в 1926 г. 22 курганные насыпи. Им были раскопаны семь курганов. В некоторых из них были открыты остатки трупосожжений с лепными и раннегончарными урнами, в других — трупоположения (А. Н. Ляданский. Археологическая досыльды ў вадазборах р. р. Сажа, Дняпро і Каспіі..., стр. 274—277). Возникает предположение о наличии в бассейне Лосни двух сельских общин. Однако, по-видимому, Белорученское селище продолжало сохранять свое старшинство и над новой общиной. Белорученское селище нам представляется центром погостской общины, объединяющей население всех лосненских селищ.

⁵⁸ С. В. Киселев. Поселение. Тр. секции теории и методологии (сociологической) Ин-та археологии и искусствознания РАИОН, вып. 2. М., 1928, стр. 60—62; Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 16—19; И. П. Русланова. Указ. соч., стр. 45.

⁵⁹ I. Jurginės. Valstiečių bendruomenė ir feodaline tévonija Lietuvoje XIII—XIV amžiaus. Тр. АН Литовской ССР, серия А, вып. 1. 1957, стр. 59—67.

Судя по тому, что иногда около крупных селищ, подобных Белорученскому, сооружались святилища, можно полагать, что Кучинское городище служило не только убежищем, но и местом, где славяне-язычники совершили языческие обряды и моления.

К XII в. эти городища на Смоленщине, по всей вероятности, потеряли свое назначение убежищ. Укрепление государственной власти смоленского князя и регламентация княжеских сборов со свободных общинников⁶⁰ сделали эти убежища ненужными. От посягательств отдельных феодалов общинники были защищены княжеской властью. Кроме того, возникающие поселения сельских общин часто были удалены от городища-убежища на значительное расстояние. Поэтому вовремя укрыться в убежище население не могло, да и территория его не могла бы вместить всех членов общины. В Прибалтике общинные городища-убежища просуществовали более длительное время в связи с иными историческими условиями. Там не было регламентации налогов, свободные общинники постоянно должны были охранять свои права от посягательств собственных феодалов и внешних врагов.

Значительно дольше использовались подобные городища как места общиных празднеств, общинных братчин, мирских сходок и других обрядов, уходящих своими корнями в язычество. Этнография располагает рядом примеров, когда некоторые общинные праздники еще в XIX в. справлялись не в селах, а на расположенных поблизости городищах или холмах⁶¹.

Белорученское селище является единственным в бассейне Лосни поселением, на котором найдена лепная славянская керамика. Следовательно, оно может считаться древнейшим славянским поселением в данном районе. Остальные поселения в лосненском бассейне возникли позднее, в X—XII вв., а некоторые даже в XIV в. В связи с этим можно полагать, что Белорученское селище было родоначальным поселением для других

⁶⁰ Имеется в виду период княжения смоленского князя Ростислава Мстиславича. Из текста уставной грамоты этого князя (1150 г.) видно, что сборы с волостей и погостов Смоленской земли в пользу князя и епископии были регламентированы.

⁶¹ Государственный архив Смоленской области, ф. Е. И. Клетновой, № 113, д. № 51—1909 г. Историческая и археологическая запись Вяземского уезда. Происхождение названий местностей, л. 2.

лосненских селищ. По мере роста населения отдельные крестьянские семьи или целые группы семей выселялись в новые места. Там образовывались новые селища. Так, по мере численного роста территориальной общины расширялись ее земли и образовывались новые деревни. Примерная схема расселения в бассейне Лосни показана на рис. 11. В IX—X вв., когда преобладали сравнительно крупные сельские поселения, каждое из них соответствовало сельской общине. В XI—XIII вв. территориальная община, скорей всего, объединяла несколько сельских поселений, связанных общностью происхождения и другими общинными традициями. Родонаучальное селище долгое время считалось старшим над всеми поселениями, образованными выходцами из него⁶². Ведь здесь, рядом с первоначальным поселением, находилось общинное кладбище — курганный могильник, в котором погребали всех умерших членов сельской общины. Рядом же находилось городище-убежище. Это городище было и культовым местом.

В XI—XII вв. крупные общинные центры типа Белорученского селища, по всей вероятности, стали местами сбора налогов с населения свободных общинных деревень. Сначала сбор дани на этих поселениях осуществлялся княжескими посланцами. Позднее (видимо, уже в XI—XII вв.) на некоторых из этих поселений воздвигаются дворовые постройки специальных чиновников, подвластных волостным тиунам. Они собирали налоги со свободного земледельческого населения и ведали судебными делами. Здесь же на этих поселениях позднее строятся христианские храмы⁶³. Первое упоминание о по-

⁶² Подобная картина расселения и взаимосвязи поселений наблюдается и в более позднее время. (См. Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII ст. СПб., 1887, изд. 3, стр. 6, 7). Л. А. Молчанова приводит ряд данных письменных источников, свидетельствующих о том, что белорусские села до середины XVI в. являлись не только административными центрами, но и родонаучальными поселениями прилегающих к ним деревень. (См. Л. А. Молчанова. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов. СЭ, 1956, № 1, стр. 30, 31).

⁶³ В связи с этим интересно отметить довольно частое совпадение мест древнерусских погостов, намеченных по археологическим данным, с местами, где в XVIII—XX вв. находились церкви. Около древнерусского Белорученского погоста в с. Белоручье церковь находилась до 20-х годов XX в.

гостах в летописях относится к 947 г., когда киевская княгиня Ольга «устави погосты» для сбора дани. Белорученское поселение и ему подобные селища были такими же древнерусскими погостами, как известные в Смоленской земле по уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1150 г.)⁶⁴. Однако письменные источники содержат крайне скучные сведения о погостах, об их происхождении и характере. Опираясь обычно на летописное сообщение о погостах, установленных Ольгой для сбора дани в древлянской земле, исследователи считали древнерусские погосты искусственными административными единицами, «правительственно-географическими округами», как назвал их К. А. Неволин⁶⁵. Устанавливая тождество северного погоста и верви южной Руси, Н. П. Павлов-Сильванский предположил, что русские погосты имели общинную основу⁶⁶. Н. Н. Воронин вслед за Н. П. Павловым-Сильванским развел тезис об общинной основе древнерусского погоста. Древнерусский погост он рассматривал как центр общины, как поселение, своими корнями уходящее в дофеодальный этап развития общества и долгое время сохраняющее свои «мирские» черты⁶⁷. Правда, в этой работе Н. Н. Воронин отрицал тождество погоста и верви, полагая, что южнорусской верви соответствует печище севера. Впоследствии Н. Н. Воронин отказался от этого положения и считает, что и северный погост и южная вервь были территориальными общинами⁶⁸.

Рассматриваемый нами Белорученский погост несомненно имел общинную основу. Таким образом, исследование поселений лосненского бассейна полностью подтверждает точку зрения Н. П. Павлова-Сильванского — Н. Н. Воронина об общинной основе древнерусских погостов. Как будет показано ниже, большинство древнерусских погостов на Смоленщине имело такое же происхождение.

⁶⁴ ДАИ, т. I, № 4.

⁶⁵ К. А. Неволин. О пятинах и погостах новгородских. Зап. РГО, т. VIII. СПб., 1893, стр. 70—93.

⁶⁶ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. М.—Пг., 1923, стр. 60—70.

⁶⁷ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 20—36.

⁶⁸ Н. Н. Воронин. Поселение. «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1951, стр. 183.

Характерными признаками, по которым следует выделять погосты среди прочих сельских поселений, являются: 1. Очень крупные размеры поселения. Обычно погостские поселения по своей площади в несколько раз превышают размеры рядовых селищ того или иного комплекса памятников. 2. Наличие рядом курганного могильника. При этом обычно на каждую группу поселений приходился один курганный могильник, который, следовательно, был общинным кладбищем. 3. Наличие рядом с таким поселением городища-убежища или культового городища. 4. Как правило, эти крупные поселения являются древнейшими в данной группе поселений и часто могут рассматриваться как родоначальное поселение.

По этим признакам нами выделен ряд поселений-погостов. Они указаны на карте (см. карту). Имеются, однако, немногочисленные случаи, когда крупные поселения, которые можно считать погостами (т. е. пунктами, где собирались княжеские доходы со свободных общинников), возникали несколько в стороне от родоначальных поселений. В этих случаях установление погостов, вероятно, связано с вмешательством княжеской власти и сопротивлением общинных властей. К такой группе погостов может быть отнесено Яновское селище.

Подобно группе поселений в бассейне Лосни, поселения березинковской группы отделены от поселений других групп водоразделами. В бассейне Березинки расположено девять селищ древнерусского времени (рис. 12). Самыми древними из них являются поселения, на которых найдена лепная славянская керамика. Таких селищ два — Муравщинское и Березинковское⁶⁹. Особый интерес представляет последнее селище, так как рядом с ним расположен курганный могильник, и недалеко имеется круглое болотное городище.

Березинковское селище расположено в устье правого безымянного притока Березинки, недалеко от дер. Березинки. Культурный слой селища оказался полностью перепаханным. Пахотный слой имел темно-коричневую окраску с несколькими темно-серыми пятнами. Пятна эти были слабо заметны. Так как поле распахивалось издавна, то границы поселения по окраске пахотного слоя выделялись нечетко и определены

были в основном по распространению подъемного материала — многочисленных обломков керамики, кусков глиняной обмазки и камней со следами пребывания в огне. Вдоль берега ручья селище вытянуто на 150—170 м, ширина его около 50 м.

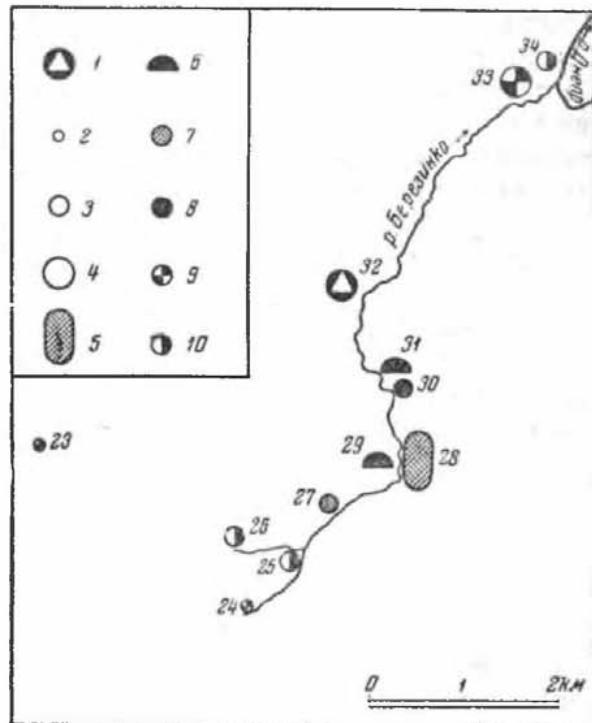

Рис. 12. Древнерусские памятники в бассейне Березинки

1 — святилище; 2 — селища площадью до 5 тыс. кв. м; 3 — селища площадью до 20 тыс. кв. м; 4 — селище площадью 35 тыс. кв. м; 5 — селище площадью 60 тыс. кв. м; 6 — курганные могильники; 7 — селища стадии А — Б — В; 8 — селища стадии А — Б; 9 — селища стадии В; 10 — селища стадии В — В

Среди подъемного материала селища и в разведывательных шурфах много обломков лепной керамики того типа, который известен в славянских курганах IX—X вв. В одном шурфе, заложенном на поселении около реки Березинки, встречены почти исключительно обломки лепной керамики. Среди них был найден венчик лепного сосуда, имеющий линейную орнаментацию (узкие неглубокие параллельные линии). Некоторые венчики, найденные на селище, принадлежат горшкам типично гнездовского типа; остальная гончарная керамика датируется XI—XIII вв.

В 200—250 м от селища на противоположном берегу безымянного ручья находится небольшая курганская группа, в которой насчитывают теперь 16 полусферических насыпей. В 20-х годах XX в. здесь было

⁶⁹ См. приложение, 27 и 30.

18 курганов⁷⁰. Все курганы носят следы раскопок узкими колодцами. Раскопки велись, по-видимому, М. К. Тенишевой; никаких отчетов о них не имеется. А. Н. Лявданский со слов местных жителей и участников раскопок сообщает, что в курганах были открыты остатки трупосожжений и трупоположения⁷¹. В связи с этим можно полагать, что Березинковский курганный могильник относится к тому же времени, что описанное выше Березинковское селище. При надлежность этого могильника славянам может быть обоснована рядом признаков, на характеристике которых следует остановиться особо, так как в дальнейшем не раз придется встречаться с курганными могильниками, никогда не подвергавшимися раскопкам.

Далеко не все курганные могильники Смоленского Поднепровья являются древнерусскими и вообще славянскими. Выделить древнерусский курганный могильник (до начала раскопок) можно по форме погребальных насыпей и их взаиморасположению.

Полевыми работами 1955—1958 гг. установлено, что погребальные насыпи славянских могильников Смоленщины, в отличие от курганов более древних могильников, принадлежащих, по всей вероятности, племенам восточных балтов, располагаются довольно близко друг к другу, а иногда сливаются своими основаниями. Курганные насыпи славянских могильников всегда имеют сегментообразную форму и обычно окружены кольцеобразным рвом или неглубокими ямами. Средняя высота древнерусских курганов от 0,5 до 2,5 м; чаще они имеют высоту около 1—1,5 м при диаметре 6—12 м. В отдельных случаях славянские могильники состоят из нескольких курганных групп, удаленных на некоторое расстояние друг от друга, но всегда в каждой такой группе беспорядочно разбросанные насыпи «жмутся» друг к другу. К этому типу принадлежат и могильники, в состав которых входят длинные курганы. Такое устройство древнерусских могильников характерно не только для Смоленского

⁷⁰ А. Н. Лявданскій. Археоло́гічна дослі́дження відомих вада́зборів р.р. Сажа, Дніпро і Каспії..., стр. 281, 282 и карта.

⁷¹ В 1956 г. местные жители сообщили участникам экспедиции, что в период Отечественной войны 1941—1945 гг. при устройстве землянки в одном из курганов этого могильника были обнаружены сожженные кости и сильно окислившиеся медные предметы неопределенной формы

Поднепровья, но и для других областей Древней Руси.

Совершенно иной характер имеют курганные могильники дославянского населения Смоленщины. Курганные насыпи в этих могильниках всегда расположены на значительном расстоянии друг от друга (от 30 до 150 м, а иногда и больше). По внешнему виду они также отличны от славянских: более крупные (средняя высота их 3—6 м, диаметр 10—15 м), очень крутобокие (отдельные курганные насыпи имеют почти отвесные боковые склоны), никаких следов ровиков или канавок вокруг оснований этих курганов нет. Встречаются одиночные курганы дославянского времени, которые среди древнерусских курганов неизвестны. Ближайшими аналогиями курганных могильников описываемого типа являются могильники Литвы, где подобная разбросанность насыпей характерна для середины I тысячелетия н. э. На Смоленщине научных раскопок этих курганов до сих пор не производилось. Судя по фрагментарным сведениям о раскопках некоторых смоленских курганов описываемого типа, они относятся к дославянскому периоду⁷².

Описанная выше Березинковская курганская группа по своему внешнему облику принадлежит к курганным могильникам древнерусского типа. На расстоянии в несколько сот метров от Березинковского селища и курганных могильников, на левом берегу Березинки находится болотное городище⁷³. Городище занимает небольшое всхолмление среди очень широкой болотистой поймы, по которой протекает река. Площадка городища имеет в плане овальные очертания (ее размеры 20,5×14,5 м) и со всех сторон окружена валом.

Круглые (или овальные) болотные городища Смоленщины давно привлекают внимание исследователей. А. Н. Лявданский при классификации смоленских городищ выделил их в особую (третью) группу городищ, полагая, что они были обрядовыми⁷⁴. С. В. Киселев считал болотные городища Смоленщины

⁷² Специально этому вопросу посвящена наша статья «К вопросу о классификации курганов Смоленщины». КСИИМК, 81.

⁷³ В 20-х годах XX в. это городище было обследовано А. Н. Лявданским (А. Н. Лявданский. Некоторые ланьи... стр. 270, 271) и названо по ближайшей деревне Шапырево (ныне не существует) Шапыревским.

⁷⁴ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 179—296.

городищами-убежищами для населения окрестных земледельческих деревень⁷⁵. А. В. Арциховский высказал предположение, что городища третьей группы Смоленщины были феодальными замками⁷⁶. Сравнительно недавно П. А. Раппопорт высказал предположение, что подобные городища «представляют собой вовсе не городища, а своеобразные майданы, т. е. разрытые для каких-то целей курганы»⁷⁷.

Во время разведывательных работ на Смоленщине круглым болотным городищам было уделено особое внимание⁷⁸. Обследовались и те из них, которые находились за пределами района разведки. Особое внимание было уделено хронологическому определению этих городищ. Отсутствие находок и культурных напластований на площадках болотных городищ затрудняло их датировку. Обследование их окрестностей показало, что во всех случаях близ круглых болотных городищ расположены ранние древнерусские селища. Еще А. Н. Лявданский обнаружил рядом с Петровским и Куплянским болотными городищами древнерусские селища и славянские курганные могильники⁷⁹. Теперь древнерусские селища открыты около всех обследованных круглых болотных городищ. Более того, памятников другого времени, с которыми можно было бы связывать эти городища, не обнаружено. Таким образом, принадлежность круглых болотных городищ Смоленщины к древнерусскому времени представляется наиболее вероятной. Судя по открытым близ этих памятников поселениям, они относятся к языческой поре восточного славянства.

Осмотр круглых болотных городищ Смоленщины показал, что они не могли иметь оборонительного назначения, и рассматривать их как убежища нельзя. Наиболее вероятно, что круглые и округло-ovalьные бо-

⁷⁵ С. В. Киселев. Поселение, стр. 61.

⁷⁶ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 49—51.

⁷⁷ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 40.

⁷⁸ Круглым болотным городищам Смоленщины посвящена наша специальная статья «Языческие святилища смоленских кривичей» (в печати). Ниже приводятся лишь краткие выводы этой статьи.

⁷⁹ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 175—178.

лотные городища Смоленщины были культовыми памятниками — языческими святилищами. По своему внешнему виду и размерам эти городища весьма близко напоминают круглое в плане языческое святилище, открытное в Перны.

Как уже было отмечено выше, древнейшими славянскими поселениями в бассейне Березинки были Березинковское и Муравинское селища. Поскольку близ первого из них находится курганный могильник и культовое городище, то его можно считать центром сельской общины. На основании подъемного материала невозможно сказать, какое из двух поселений было древнейшим, так как и на том и на другом были найдены обломки лепной славянской керамики. Но поскольку рядом с Березинковским селищем находились курганный могильник и культовый памятник, то, по-видимому, оно было древнейшим и, может быть, родоначальным для бассейна Березинки.

Однако рассматривать Березинковское селище как погост XI—XIII вв. нельзя, потому что среди прочих поселений рассматриваемого района оно не только не выделяется своими размерами, но и уступает по площади многим поселениям бассейна Березинки. Кроме того, расцвет Березинковского селища приходится на первый период его существования. Керамический материал XI—XIII вв. настолько немногочислен, что можно говорить об упадке поселения в это время.

По-видимому, в конце X в. или в самом начале XI в. в 1 км от Березинковского селища возникает новое — Яновское поселение (среди керамического материала его имеется небольшое число обломков гончарной керамики гнездовского типа), которое очень быстро, вероятно, уже в XI в., становится самым крупным поселением в рассматриваемом районе. По своей площади оно в восемь раз больше Березинковского селища (его площадь около 60 тыс. кв. м). Селище расположено на надпойменной террасе правого берега Березинки против пос. Яново Второе. Границы поселения определяются с трудом по распространению подъемного материала. Площадь наибольшего распространения подъемного материала, который, судя по керамике, относится к XI—XIII вв. — около $680 \times 60—120$ м (см. рис. 10, 1). В срединной части селища были произведены раскопки⁸⁰.

⁸⁰ См. приложение, 156.

На противоположном берегу реки расположена большой курганный могильник древнерусского времени⁸¹. В настоящее время в группе насчитывается свыше 150 курганных насыпей, но было их здесь не менее 200⁸².

Исключительно крупные размеры Яновского поселения и соседство большого курганного могильника дают основание полагать, что это селище было древнерусским погостом. В пользу такого предположения говорят и находки здесь обломков стеклянных браслетов. Стеклянные браслеты всеми археологами-славистами справедливо считаются украшениями городского населения Древней Руси. За А. В. Арциховским на наличие единичных находок стеклянных браслетов в древнерусских погребениях восточных славян указали Г. Ф. Соловьев и В. В. Кропоткин⁸³.

Исследователи часто объясняют находки стеклянных браслетов в курганах proximityю могильников к древнерусским городам. Так можно объяснить, в частности, находки стеклянных браслетов в подмосковных курганах. Но редкие находки этих украшений обнаружены и в таких курганных могильниках, которые расположены в местах, где proximityи не было никаких древнерусских городских центров. В связи с этим Г. Ф. Соловьев и В. В. Кропоткин совершили справедливо предположили, что проникновение в русскую деревню X—XIII вв. стеклянных браслетов, как и некоторых других предметов городского ремесла, является показателем усилившегося разложения сельской общины.

Как будет показано ниже, в древнерусских феодальных усадьбах (Воицинском, Ковшаровском, Бородинском и других городищах) стеклянные браслеты имеют сравнительно широкое распространение, так как здесь их носили не только члены семей феодалов, но, по всей вероятности, и вотчинные ремесленники, а может быть, и челядь. В то же время в основной массе древнерусских курганов и на обследованных селищах Смо-

⁸¹ Отнесен к древнерусскому времени по своему внешнему облику. В 0,3 км от него находится курганный могильник дославянского времени (В. В. Седов. К вопросу о классификации курганов Смоленщины).

⁸² А. Н. Лявданский насчитал в этой группе 161 курган. (А. Н. Лявданский. Археологічні дослідження у вада зборах р.р. Сажа, Дніпро і Каспій..., стр. 281, 282).

⁸³ Г. Ф. Соловьев и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 21—25.

ленщины стеклянных браслетов не обнаружено. Они не были найдены и в раскопках Дросненского селища, входившего в княжеский домен, и в середине XII в. переданного во владение Смоленской епископии. Исключением являются только селища-погосты — административно-податные центры погостских общин, на которых кроме построек свободных крестьян-общинников находились дворы погостских старост или волостных чиновников⁸⁴.

Вопрос о возникновении Яновского погоста не поддается выяснению на основе археологических материалов. Трудно объяснить, как в группе березинковских поселений центром погостской общины XI—XIII вв. стало не родонаучальное селище, связанное с культовым городищем и курганным могильником, а совершенно новое поселение. Нужно полагать, что перенесение центра погостской общины на новое место произошло здесь не без вмешательства княжеской или волостной администрации. Отдаление погостского центра от культового городища имело, по-видимому, некоторое значение для искоренения язычества. Вместе с перенесением на новое место центра общины перенесено было и общинное кладбище. Рядом с Яновским селищем возник и, судя по большому числу погребальных насыпей, существовал продолжительное время новый курганный могильник.

Среди поселений довольно густо населенного бассейна Волости трудно выделить группы памятников одной общины, как это было сделано для описанных выше районов. Очень часто здесь невозможно провести границы между различными группами поселений, хотя центры погостских общин выделяются и здесь сравнительно легко.

Обзор групп сельских поселений этого района лучше всего начать с верхнего течения Волости (рис. 13). Здесь в центре группы древнерусских поселений находится Ма-

⁸⁴ Стеклянные браслеты найдены не на всех селищах-погостах. Это, видимо, в значительной степени объясняется тем, что многие селища подобного типа обследованы лишь разведкой, раскопочных работ на них не производилось. В Смоленской области вне территории, охваченной разведками 1955—1959 гг., обломок стеклянного браслета пока найден на одном селище (селище у дер. Песчанка Шумячского района). Это селище характеризуется крупными размерами (около 40 тыс. кв. м), рядом с ним расположен древнерусский курганный могильник, состоящий из 75 насыпей полусферической формы (см. Е. А. Шмидт. Новые данные..., стр. 372, 391), что позволяет классифицировать это поселение как погост.

твеевское городище, около которого расположено курганный могильник.

Матвеевское городище было открыто в 1957 г. на правом берегу Волости в 200 м от дер. Матвеево. Городище занимает узкий мыс, отрезанный от остальной части берега

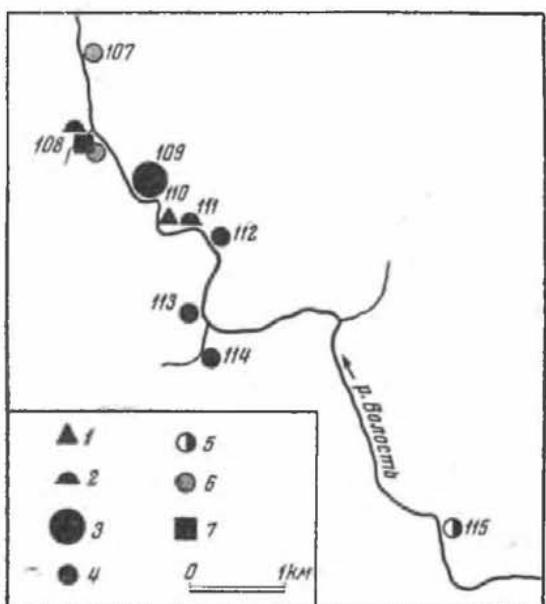

Рис. 13. Археологические памятники верховьев Волости

1 — городище-убежище; 2 — курганные могильники; 3 — погост; 4 — селища XI—XIII вв.; 5 — селища XIV—XV вв.; 6 — селища, подвластные бородинским феодалам; 7 — Бородинское городище

реки высоким валом (рис. 14, 2). Размеры площадки городища около $80 \times 20 - 35$ м, она имеет небольшой наклон в сторону реки. В настоящее время городище занято кладбищем. Разведывательные шурфы, заложенные в нескольких пунктах городищенской площадки, показали, что культурных на пластований здесь нет. Непосредственно под дерновым слоем лежит материковый грунт. Керамики и других находок на городище не обнаружено. Таким образом, датировать этот памятник возможно только по окрестным поселениям.

В бассейне Волости нами открыто свыше 20 неукрепленных поселений дославянского периода истории Смоленщины. Однако в окрестностях Матвеевского городища таких селищ нет. Все они расположены вдалеке от городища (ближайшее отстоит от него на 6—7 км), поэтому поселение их не могло использовать рассматриваемое городище как убежище или для каких-либо иных целей⁸⁵.

⁸⁵ Правда, в 4 км от Матвеевского городища находится городище Демидовское, относящееся

Зато древнерусских археологических памятников в ближайших окрестностях Матвеевского городища довольно много. На расстоянии 0,5—1,5 км от него расположены четыре селища древнерусского времени, а рядом с городищем находится уже упомянутый выше курганный могильник. Поэтому нам представляется бесспорным, что Матвеевское городище относится к древнерусскому времени. Это было общинное городище-убежище, подобное Кучинскому городищу лосненской группы поселений.

Самым крупным поселением в верхнем течении Волости является Матвеевское селище, открытое в 0,4 км севернее города на высокой площадке правого берега реки. Оно, видимо, и было центром сельской общины. Границы селища определены по цвету пашни и по распространению подъемного материала. Цвет пахотного слоя на территории распространения подъемного материала темно-серый со слабо выделяющимися пятнами еще более темной окраски. Окружающий пахотный слой имеет серовато-желтую окраску. Протяженность селища вдоль берега реки около 200 м, его ширина около 80 м. Кроме большого количества обломков древнерусской гончарной керамики, при осмотре распаханного культурного слоя селища найдены обломок стеклянной позолоченной бочкообразной бусины и глиняное рыболовное грузило.

В верховьях Волости нет поселений с лепной и раннегончарной керамикой. Первые славянские поселения здесь датируются XI в. Поэтому трудно сказать, было ли Матвеевское поселение родоначальным для соседних поселений или же здесь сразу возникло два-три поселения. В XII в. недалеко от поселений матвеевской территорииальной общины строится феодальная усадьба — Бородинское городище⁸⁶. Как далеко простирались владения феодала, жившего на этом городище, и каковы были его взаимоотношения с крестьянами-общинниками матвеевской группы поселений, сказать трудно⁸⁷.

Особой сложностью отличается история многочисленной группы славянских поселе-

к раннему железному веку (см. А. Н. Ляданский. Археологические доказательства южнорусских племен в вадазборах р. р. Сажа, Днепра и Каспия..., карта). Но его обитатели, живя в укрепленном поселке, не нуждались в специальном убежище типа Матвеевского городища.

⁸⁶ Этот памятник подробно описан в разделе «Феодальные усадьбы».

⁸⁷ Несомненно, владельцу Бородинского городища принадлежало селище, расположенное поблизу

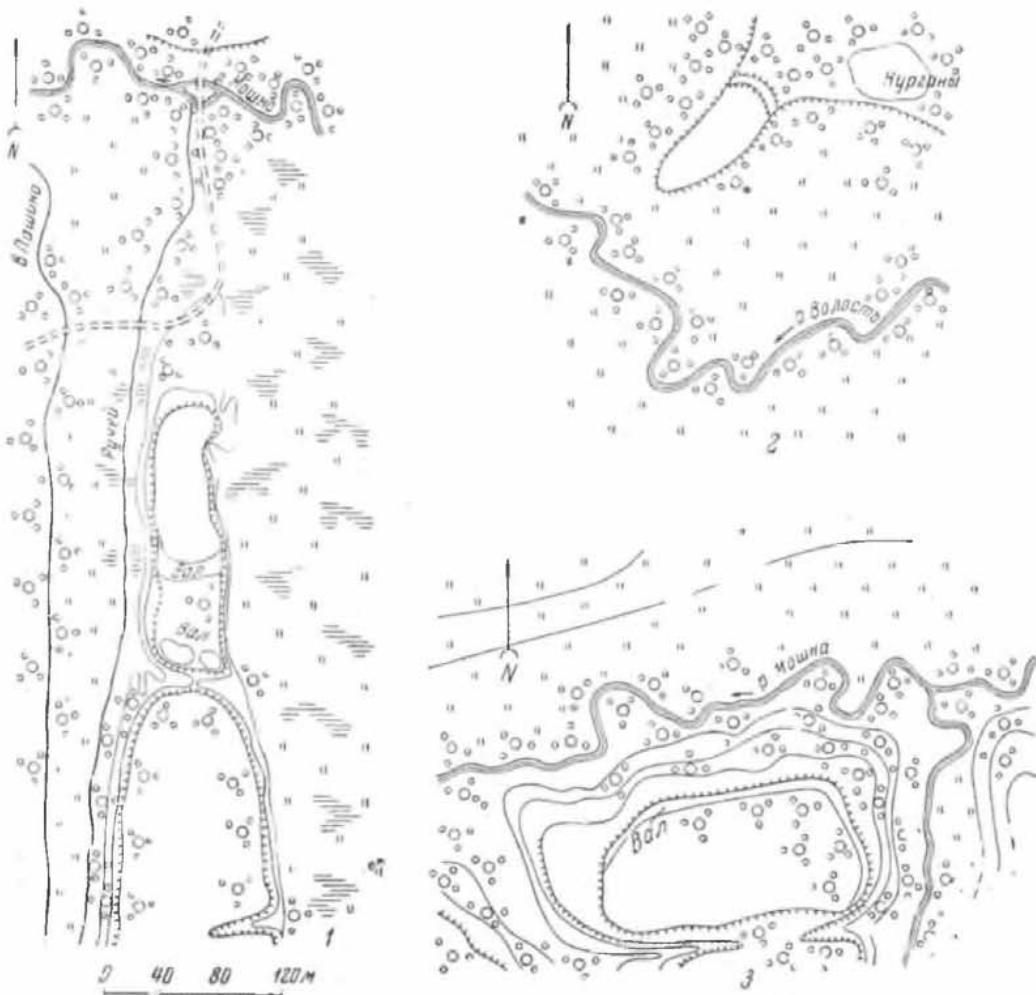

Рис. 14. Планы городищ
1 — Воротинское; 2 — Матвеевское; 3 — Ганинское

ний, открытых на берегах Мошины и в среднем течении Волости. На Мошне открыто восемь поселений с находками лепной славянской керамики. К этому же времени относятся три курганных могильника, два из которых расположены в среднем течении Волости и один на Мошне (рис. 15). Если судить по количеству курганных могильников, то можно предполагать, что в VIII в. здесь было три общины. Однако в силу ряда обстоятельств детальная группировка поселений по этим общинам невозможна.

Одна из сельских общин занимала среднее течение Мошины. Здесь близ дер. Ганино

зости (Бородинское селище). Кроме того, в ее матвеевской и описанной ниже пашинской групп поселений остаются расположенные сравнительно недалеко от феодальной усадьбы Павловское, Кончинское, Орловское и, возможно, Галашинское селища, которые, скорей всего, также входили в состав владений феодала — хозяина Бородинского городища.

в 1956 г. были открыты остатки курганного могильника, состоящего из длинных насыпей. Курганская группа располагалась на левом берегу Мошины в месте впадения в нее безымянного ручья и занимала высокую площадку с крутыми склонами. Видимо, какая-то часть курганов была давно распахана, сохранились лишь остатки четырех длинных насыпей кем-то раскопанных и значительно затронутых пахотой⁸⁸. На месте курганов обнаружены линзы угля, остатки кальцинированных костей человека и несколько обломков лепных сосудов, типичных для длинных курганов Смоленщины. Длина курганов, судя по их остаткам, равнялась 15—37 м, ширина — 8—17 м. Все четыре кургана были вытянуты перпендикулярно течению Мошины. Ближайшее к курганному могильнику ранне-

⁸⁸ В археологической литературе эта курганская группа не упоминается. Были ли в составе могильника и круглые курганы — сказать трудно.

славянское селище (Гапинское) открыто в 400 м от него на левом берегу Мошны. Селище занимает мыс, образованный долиной Мошны и оврагом. По-видимому, оно простиировалось и за овраг, так как там также найдена лепная керамика, подобная сосудам из гапинских длинных курганов. Общая площадь селища превышала 9—10 тыс. кв. м.

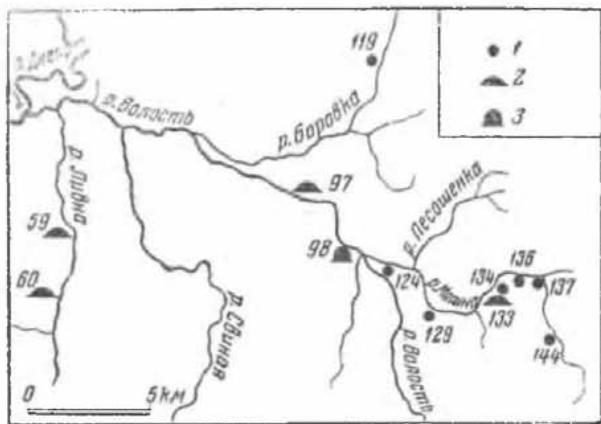

Рис. 15. Бассейн Волости в конце I тысячелетия н. э.

1 — селища; 2 — длинные курганы; 3 — вятический курганный могильник

Второй курганный могильник с длинными насыпями расположен на правом берегу Волости в 2,5 км северо-западнее дер. Дубосище. Могильник состоит из трех длинных и четырех круглых насыпей, плотно задернованных и частично поросших лесом⁸⁹. Длинные курганы имели размеры от 12×7,4 до 26,8×8,3 м и были вытянуты перпендикулярно берегу реки. Берега реки в окрестностях этого могильника поросли сосновым лесом, поэтому обнаружить поселения, одновременные могильнику, в этом районе не удалось.

Оба указанных могильника кривичские. Третий, по всей видимости, оставлен вятичами. Эта курганская группа расположена на высокой всхолмленной площадке левого берега Волости напротив с. Дубосище. В настоящее время в группе насчитывается шесть курганных насыпей, круглых в плане. Кроме того, какая-то часть курганов совершенно распахана, на пашне были обнаружены остатки распаханных захоронений (редкие

Судя по тому, что на ближайшем поселении древнерусской гончарной керамики не найдено, можно полагать, что последние захоронения в этом могильнике относятся к X в.

⁸⁹ На археологической карте, составленной А. Н. Ляданским, в этом могильнике отмечено шесть круглых и один длинный курган (А. Н. Ляданский. Археологічні дослідження ю вадзборах р. р. Сажа, Дніпра і Каспії..., карта).

угольки и кальцинированные кости)⁹⁰. Один наиболее сохранившийся курган был раскопан в 1956 г.⁹¹. Высота его 1,3 м, диаметры 9,8 и 8,8 м. Насыпь состояла из желтого песка, серой супеси и золы. В основании кургана в материке открылась кольцеобразная канавка шириной от 20 до 40 см, ее глубина 25—30 см. Канава отстояла на 20—90 см от краев основания кургана. Заполнена она была прязно-желтым супесчаным слоем, содержащим много угля. В ней обнаружены основания сгоревших вертикальных столбов. Это позволило заключить, что перед сооружением курганной насыпи место, предназначенное для захоронений, было обнесено кольцеобразным частоколом, который затем сожгли. В срединной части кургана открыты остатки десяти трупосожжений. Датирующих предметов в кургане не найдено.

По особенностям своего устройства Дубосищенский курган должен быть отнесен к вятическим курганам, а хронологически ко второй половине I тысячелетия нашей эры⁹². О том, что вятичи жили в бассейне Волости, свидетельствует не только Дубосищенский курган. Характер жилых и хозяйственных построек, находки семилопастных височных колец и решетчатых перстней на Бородинском городище позволяют считать этот памятник также не кривичским, а вятическим. В 1959 г. в Матвеевском могильнике был раскопан обычный древнерусский курган с двумя трупоположениями (мужским и детским) рубежа XII—XIII вв. В основании кургана удалось проследить кольцеобразную канавку того же самого типа, что и в Дубосищенском кургане. Все это дает основание утверждать, что верховья Волости были заселены вятичами. Предположение, что вятичи пришли в верховья Волости из районов ее среднего течения (с. Дубосище), представляется наиболее реальным, ибо в верховьях Волости славянские памятники появляются только с XI в., а в среднем ее течении они в это время исчезают. Переселение объясняется, по-видимому, тем, что для земледелия более удобны районы верхнего течения реки.

⁹⁰ Леса затруднили обследование ближайших к могильнику окрестностей. Поселений, одновременных Дубосищенскому могильнику, не найдено.

⁹¹ Результаты раскопок этого кургана подробно изложены в нашей статье «К вопросу о классификации курганов Смоленщины».

⁹² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 238—241.

В бассейне Мошны к XI в. происходит некоторая перегруппировка сельских поселений. Некоторые ранние поселения к этому времени исчезают, зато возникает большое число новых селищ. Многочисленные поселения XI—XII вв., расположенные по берегам Мошны, ее притоков Летковке и Лыховке и в примыкающих к этому бассейну районах по Волости, подразделяются на две группы

округлые желто-рыжие пятна. Диаметр этих пятен от 6—7 до 20 м (большая часть их имела диаметр около 10 м). Всего насчитано 18 курганных пятен, но этот могильник несомненно состоял из значительно большего числа курганных насыпей. В верховьях Мошны только Васильковский курганный могильник можно отнести к древнерусскому времени. Около него, вероятно, должен был

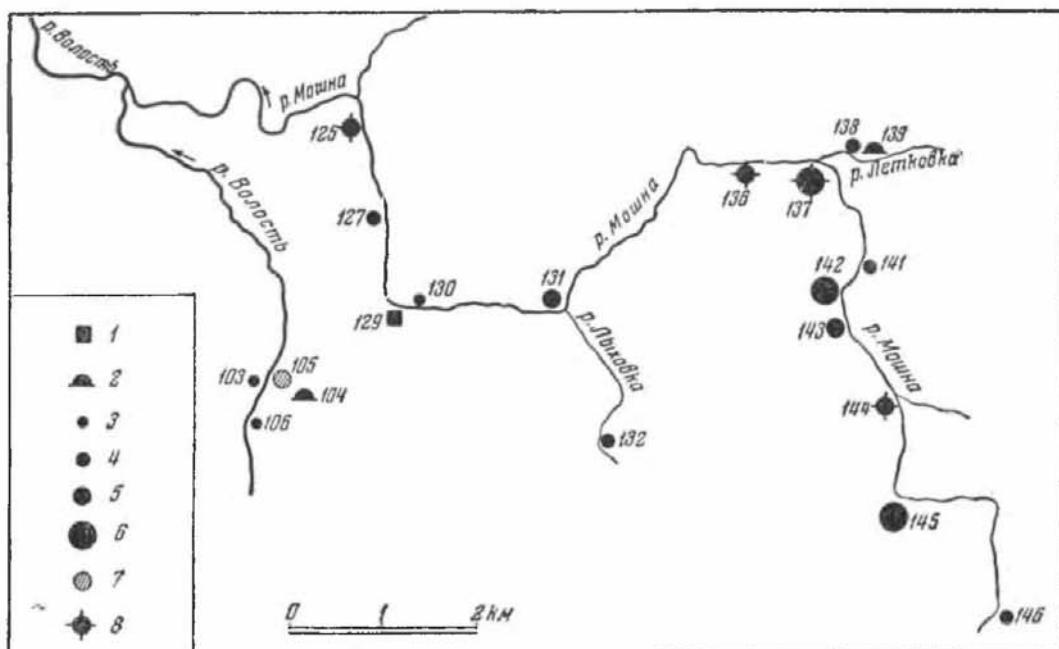

Рис. 16. Средняя Волость и бассейн Мошны в XI—XIII вв.

1 — феодальная усадьба; 2 — курганные могильники; 3 — селища площадью до 10 тыс. кв. м; 4 — селища площадью до 20 тыс. кв. м; 5 — селища площадью до 28 тыс. кв. м; 6 — селища, площадь которых не выяснена; 7 — селища, существовавшие с X в.

(рис. 16). В каждой такой группе поселений имеется общинное кладбище — курганный могильник.

Население верховьев Мошны по своему происхождению, по всей вероятности, связано с тем районом ее бассейна, где расположены Ганинский курганный могильник и раннеславянское поселение. Ганинский район, по неясным нам причинам, к XI в. опустел. Поэтому нужно полагать, что многие (если не все) поселения верхнего течения Мошны основаны выходцами из этого района.

Общим для поселений верхнего течения Мошны в XI—XIII вв. был курганный могильник, открытый в 1956 г. на правом берегу Летковки близ дер. Васильково. Все курганы оказались полностью распаханными. Окраска пахотного слоя серовато-коричневая. На этом фоне очень четко выделялись

находящийся центр погостской общины этого района. Однако погост этой группы поселений определить довольно трудно. Близ Васильковского могильника открыто два древнерусских селища — Васильковское и Летковское, расположенное на левом берегу Мошны в том месте, где в нее впадает Летковка. Первое поселение имеет сравнительно небольшие размеры и не является старейшим в этом районе. Скорей всего, погостским центром было Летковское селище. Оно отличается крупными размерами и ведет свое начало с X в. (среди подъемного материала селища есть керамика гнездовского типа)⁹³.

⁹³ В бассейне верхнего течения Мошны есть два селища, по площади несколько превышающие Летковское. Однако они возникли сравнительно поздно (Клеховское второе не ранее XI в., Мошниковское пятое не раньше XII в.).

Центр второй погостской общины, которая занимала нижнее течение Мошны и часть среднего течения Волости, надо искать, по-видимому, где-то поблизости от общинного кладбища — Пашинского курганного могильника. Эта курганская группа была открыта в 1957 г. в 1 км к юго-востоку от дер. Пашино и в 800 м от русла Волости. В настоящее время могильник состоит из 11 полусферических насыпей, то раньше их, по-видимому, было значительно больше. Характер курганных насыпей и их расположение не вызывают сомнений в том, что могильник относится к древнерусскому времени. Поселения, которое можно было бы уверенно считать погостским центром, здесь нет. Возможно, что в XI в. общинным центром пашинской группы поселений было ближайшее к могильнику Пашинское южное селище, но поскольку вся площадь этого селища покрыта кустарником, оно почти не доступно для изучения.

В конце XI — начале XII в. в этом районе возникла феодальная усадьба — Воротниковское городище⁹⁴. Эта усадьба, по всей вероятности, скоро стала феодальным центром пашинской группы поселений. Но, конечно, как далеко простирались владения воротниковского феодала, определить нельзя. Возможно, отсутствие в данном районе селища-погоста связано именно с тем, что весь этот участок входил в состав феодальных владений хозяина Воротниковского городища.

Ко времени XIV—XV вв. в бассейне Мошны, кроме сравнительно небольшого числа неукрепленных поселений, населенных крестьянами-земледельцами, относится Ганинское городище (см. рис. 14, 3 и 17). Этот памятник несколько своеобразен и значительно отличается от всех других древнерусских городищ Смоленщины, рассматриваемых ниже в числе феодальных усадеб или замков. Ганинское городище занимает несколько вытянутый вдоль течения Мошны холм, огороженный с трех сторон оврагами, а с четвертой — долиной реки (см. рис. 14, 3). По краю площадки с восточной, северной и частично с западной сторон замечены остатки невысокого, сильно оплавившегося вала, современная высота которого достигает 80 см. Въезжали на городище с южной стороны. Здесь площадка городища имела менее крутые склоны и была соединена с остальной

частью берега седловинкой. Размеры городища около 160×70 м, в плане оно имело форму, близкую к четырехугольной. Линия валов ломаная, что объясняется сравнительно поздним характером данного памятника. Немногочисленный подъемный материал и керамика, собранная при шурфовке, позволяют отнести Ганинское городище ко времени не ранее XIV в. По всей вероятности, это

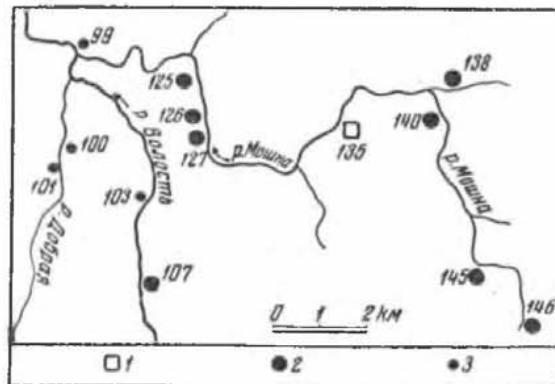

Рис. 17. Бассейн Мошны и средняя Волость в XIV—XV вв.

1 — усадьба поместного типа; 2 — селища площадью свыше 8 тыс. кв. м; 3 — селища площадью до 8 тыс. кв. м

была феодальная усадьба уже литовского времени. Как далеко простирались владения хозяина этой усадьбы — сказать невозможно.

В бассейне Песошенки — небольшого правого притока Мошны — расположено всего два древнерусских поселения (Рудловское и Бартеневское). В 1957 г. в 350 м к востоку от дер. Рудово было открыто святилище — небольшое овально-округлое городище, лишенное культурных напластований. Оно разместилось на краю мыса, образованного двумя безымянными ручьями с заболоченными долинами. Высота площадки берега над уровнем воды в Песошенке достигает здесь 12—14 м. Овально-округлая площадка памятника (размеры ее 18×22 м) со всех сторон была окружена двумя рядами валов, довольно близко примыкавших друг к другу. Наибольшая высота валов около 3 м. С восточной стороны прорезан вход на городище.

Рудловское городище относится к тому же типу круглых болотных городищ Смоленщины, что и упомянутое уже Шапыревское городище в бассейне Березинки. Эти памятники были языческими святилищами. Начальный период существования обоих поселений в бассейне Песошенки относится к языческой поре. На Рудловском селище вместе с обломками древнерусской гончарной

⁹⁴ Подробное описание этого городища см. в приложении, 129. План городаша помещен на рис. 14, 1.

посуды собраны черепки лепной славянской керамики IX—X вв., на Бартеневском селище найдены фрагменты сосудов гнездовского типа, что позволяет считать начальной датой этого поселения X в.

Курганный могильник в бассейне Песошенки не оказалось. Вполне допустимо, однако, что курганный могильник здесь был, но распахан настолько, что при археологических разведках не прослеживается. Предположить, что могильник здесь был, мы можем на основании результатов обследования круглых болотных городиц, которые на Смоленщине, как правило, сопровождаются курганными могильниками древнерусского времени.

Все же, поскольку общинный могильник в этом районе не найден, а определить, какое из двух песошенских поселений было погостом, довольно затруднительно, мы не решаемся категорически утверждать, что они составляли отдельную погостскую общину.

В бассейне Боровки древнерусские поселения немногочисленны и расположены только в верховьях реки. В нижнем ее течении берега низкие, неудобные для поселений, а долина широкая, местами заболоченная. Центральным поселением в бассейне Боровки является Тимошевское селище⁹⁵. Это селище выделяется своими сравнительно крупными размерами, а в 1 км от него расположена древнерусский курганный могильник. Поэтому оно предположительно может быть отнесено к поселениям погостского типа.

Если в бассейне Боровки открыто всего четыре древнерусских селища, то на другом притоке Волости — Свиной — их оказалось всего три. Все они датируются XI—XV вв.; славянских поселений более раннего времени здесь нет. Поселения расположены также только в верховьях реки и на значительном расстоянии друг от друга. Радинский курганный могильник, оставленный населением этой группы селищ, находится в стороне от них. Возможно, что в планировке некоторых групп древнерусских памятников были отклонения, и курганные могильники иногда располагались на некотором расстоянии от погостов, хотя в данном случае этот интервал слишком велик. С другой стороны, представляется более вероятным, что где-то поблизости от Радинского курганного могильника существовало древнерусское поселение-погост, но следы его полностью исчезли: ли-

бо оно было распахано, либо поросло лесом или кустарником. Местность здесь лесистая. Радинский могильник расположен на небольшом поле, со всех сторон окруженному лесом. Леса и кустарники покрывают значительные пространства в среднем течении Свиной. А обнаружить селище на лесистой местности, как уже указывалось, невозможно.

В районе верхнего течения Ливны — левого притока Волости — поселения расположены исключительно густо. Здесь на сравнительно небольшой площади открыто свыше 20 поселений древнерусского времени. Часто они располагались очень близко друг от друга. В районе нижнего течения Ливны образует заболоченную низину, простирающуюся на значительное расстояние. Здесь нет мест, удобных для расположения поселений или для пахотных земель. Поэтому никаких археологических памятников в нижнем течении Ливны нет. Выше, в среднем течении реки, где по сравнению с верховьями условия для земледелия тоже неблагоприятны, в 1958 г. были открыты два одиночных длинных кургана (близ дер. Мончино и в 1 км к северу от дер. Белкино). Эти курганы позволяют наметить пути заселения бассейна Ливны славянами. Поселений, синхронных этим курганам, в среднем течении реки не обнаружено, хотя лесов здесь мало. Видимо, это были недолговременные селища, следы которых окончательно исчезли. В пользу этого предположения говорит и одиночность длинных курганов. Вероятно, уже на рубеже VIII—IX вв. или в IX в. кривичи поднялись выше по Ливне и ее притоку Словаже и нашли там благоприятные условия и для размещения поселений и для занятия земледелием. Поселений IX—X вв. (с лепной славянской керамикой) в бассейне Ливны уже довольно много (рис. 18).

Три курганных могильника в верховьях Ливны, по всей вероятности, принадлежали трем территориальным общинам, занимавшим этот район. Все три могильника расположены примерно в одлой местности — поблизости от дер. Плескачи. Здесь же сосредоточены все раннеславянские поселения (с находками лепной керамики) бассейна Ливны. В двух курганных могильниках имеются погребения IX—X вв.⁹⁶ — прямое

⁹⁵ Одна курганская группа, расположенная в южной части дер. Плескачи на правом берегу Ливны, обозначена на карте А. Н. Лявданского (А. Н. Лявданский. Археологические доследы:

⁹⁶ См. приложение, 117.

доказательство одновременности поселений и курганных могильников. Третий курганный могильник открыт в 1958 г. и не раскапывался. Выделить для IX—X вв. общинные центры из массы ливненских поселений не представляется возможным.

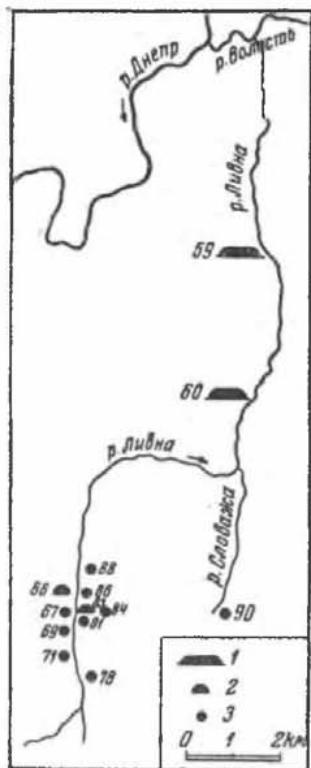

Рис. 18. Бассейн Ливны в конце I тысячелетия н. э.
1 — длинные курганы; 2 — курганы IX—X вв.;
3 — селища IX—X вв.

Дальнейшее заселение верховьев Ливны, нужно полагать, происходило в XI—XII вв. из района, где до этого были сконцентрированы славянские селища, т. е. из окрестностей дер. Плескачи. Поэтому в течение XI—XII вв. жители вновь основанных деревень поддерживали связь со своими родоначальными поселениями. Здесь, в районе раннеславянских поселений отмечались общинные обрядовые праздники, каждая община хоронила умерших на своем общинном курганном кладбище. Густота расположения древнерусских поселений в верховьях Ливны не позволяет

у впадениях р. р. Сажа, Днепра и Каспли..., карта). На карте помечено, что курганы раскапывались, и были открыты остатки трупосожжения, но описаний раскопок нет.

Второй курганный могильник был открыт в 1958 г. на левом берегу Ливны, западнее дер. Плескачи. Значительная часть курганных насыпей этого могильника оказалась распаханной. На пашне собраны фрагменты гончарной керамики XI—XII вв. и обломки лепных сосудов IX—X вв.

распределить поселения по трем группам, соответствующим территориальным общим (рис. 19). Кроме того, для периода X—XI вв., как и для предыдущего времени, здесь нельзя выделить трех селищ-погостов. Так как ливненские поселения более или менее одина-

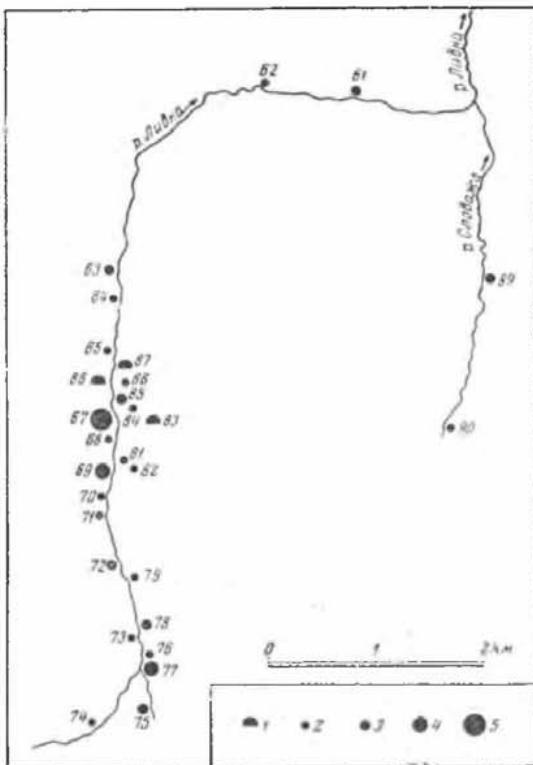

Рис. 19. Археологические памятники XI—XIII вв. в бассейне Ливны

1 — курганные могильники; 2 — селища площадью до 10 тыс. кв. м.; 3 — селища площадью до 20 тыс. кв. м.; 4 — селища площадью до 30 тыс. кв. м.; 5 — селище площадью около 40 тыс. кв. м

ковы по площади, можно думать, что в бассейне верхней Ливны таких трех погостов просто не было.

В XI—XII вв. единственным погостом для всей этой округи, нужно полагать, было селище, открытое на левом берегу Ливны в 150 м к северу от дер. Юкавщины (Юкавшинское левобережное селище), недалеко от одного из курганных могильников. По размерам оно значительно выделяется среди прочих поселений этого района. Площадку селища неоднократно распахивали, поэтому обломки древнерусской керамики были распространены по очень большой площади, равной 120 тыс. кв. м. Однако на пашне заметно выделялся более темный участок, где было сосредоточено особенно много керамического материала. На этом основании площадь селища определена в 40 тыс. кв. м. Найдка

стеклянного браслета на пашне подтверждает, что это поселение было погостом. Юкавинское левобережное селище является одним из ранних поселений в бассейне Ливны и, шо-видимому, вначале было центром одной из трех ливенских сельских общин. Густота поселений в верховьях Ливны привела в дальнейшем к территориальному смешению поселений различных общин. Члены различных общин придерживались своих прежних центров там, где дела касались совершения общинных обрядов и праздников. Административно-податной и судебный центр здесь был единственным, может быть, здесь сказалось вмешательство княжеской администрации. Таким образом, мы имеем, видимо, здесь пример, когда древнерусский погост объединяет не одну, а несколько территориальных общин.

Отдельную группу поселений составляли четыре древнерусских селища, расположенных в среднем течении реки Городок. От поселений других групп они были отрезаны сравнительно широким водораздельным пространством, в значительной степени заболоченным и частично покрытым лесом. Единственным путем сообщения с внешним миром была река Городок, которая через озерко и речку Чичигу соединялась с Днепром. Первые славянские поселенцы в этом районе появились не позднее VIII в. Близ дер. Арефино Второе находится курганный могильник, состоящий из длинных и круглых насыпей⁹⁷. Недалеко от этого могильника открыто селище (Арефинское второе), среди подъемного материала которого оказалось много фрагментов лепной посуды, тождественной с керамикой длинных курганов. Селище отличается крупными размерами, его площадь — около 55 тыс. кв. м. В VIII—X вв. оно было единственным поселением в этом районе. В последующие столетия здесь, сравнительно недалеко друг от друга были основаны три поселения. Арефинское второе селище, нужно полагать, было родоначальным для новых селищ. Однако оно не превратилось в погост.

⁹⁷ Длинные курганные насыпи этого могильника раскапывались В. И. Сизовым (Указатель памятников. Российский исторический музей. М., 1893, стр. 114) и Е. А. Шмидтом (Е. А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. «Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института», вып. 1. Смоленск, 1957, стр. 289—291). По материалам этих раскопок арефинские длинные курганы датируются VIII—IX вв.

На рубеже X—XI вв. Арефинское второе селище прекратило свое существование. Дальнейшая история поселений арефинской территориальной общины не ясна.

Классифицировать восемнадцать древнерусских селищ, открытых в бассейне Россажи (левый приток Сожа), весьма затруднительно. Часть этих поселений, расположенных в нижнем течении реки, видимо, входила

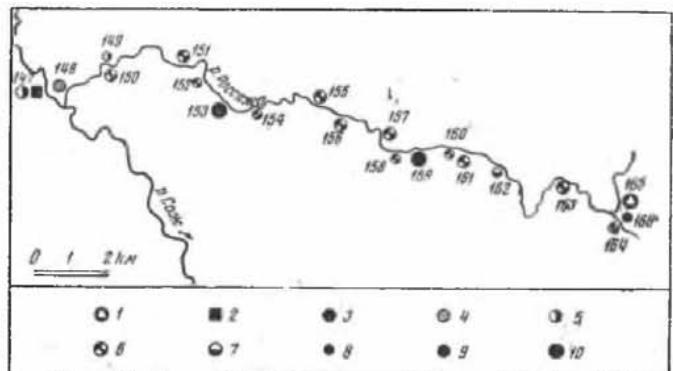

Рис. 20. Древнерусские памятники в бассейне Россажи

1 — святилище; 2 — городище-усадьба; 3 — селища стадии А — Б — В; 4 — селища стадии А — Б; 5 — селища стадии Б; 6 — селища стадии Б — В; 7 — селища стадии В; 8 — селища площадью до 10 тыс. кв. м; 9 — селища площадью до 20 тыс. кв. м; 10 — селища площадью 20 тыс. кв. м и более

во владения феодала, жившего на известном в археологии Ковшаровском городище. Однако для определения границ Ковшаровского феодального домена никаких данных нет. Рядовые поселения нижнего течения Россажи отличаются сравнительно крупными размерами, впрочем здесь есть и поселения небольшие по площади (рис. 20).

Возникновение феодальной усадьбы в Ковшарах относится к началу XII в. История поселений нижнего течения Россажи до XII в. неясна. Самыми ранними поселениями в этом районе являются два селища — Россажинское, расположенное в устье Россажи, и Быковское второе, открытое примерно в 4 км от устья. На обоих поселениях найдена раннегончарная керамика гнездовского облика; славянской лепной керамики на селищах бассейна Россажи вообще не обнаружено. Можно предполагать, что в X—XI вв. центральным поселением территории общей общины, занимавшей низовья Россажи, было Россажинское селище. Это селище было одним из двух наиболее ранних поселений района. И хотя его площадь ненамного превышала размеры соседних поселений, все же оно бы-

ло здесь самым крупным. На археологической карте А. Н. Ляданского на правом берегу Сожа почти напротив Россажинского селища помечен одиничный курган⁹⁸. Но были ли этот курган единственной насыпью, сохранившейся от распаханного древнерусского могильника, или же он принадлежал к дославянской эпохе, сказать нельзя.

Отдельную группу поселений составляют древнерусские селища верхнего течения Россажи. Феодальной усадьбы древнерусского времени здесь нет. Ковшаровские феодальные владения вряд ли простирались так далеко. В связи с этим нужно полагать, что поселения верховьев Россажи были заняты свободными общинниками и составляли отдельную погостскую общину. Культовым центром этого района было круглое болотное городище, расположенное близ бывшего имения Красногорья в 800 м к востоку от ст. Пересна. Как уже было отмечено выше, подобные городища мы рассматривали как языческие святилища. Неоднократно описанное в археологической литературе Красногорское городище было дополнительно обследовано в 1958 г. В 100 м к юго-западу от городища на противоположном берегу безымянного ручья открыто древнерусское селище, основание которого относится к языческой поре. Но курганный могильник здесь не оказалась. Красногорское селище было родоначальным поселением в описываемом районе. Стало ли оно погостом, или же погостский центр был основан на новом месте, определить трудно.

В бассейне Наготи древнейшие славянские поселения относятся к IX—X вв. На двух селищах — Наготском и Крицковщинском — вместе с большим количеством древнерусской гончарной посуды найдены немногочисленные фрагменты лепных сосудов IX—X вв. Недалеко от одного из этих поселений были открыты следы распаханного курганный могильника (Лукинского). Керамического материала на месте распаханных курганов не оказалось. Судя по тому, что курганные пятна расположены довольно тесно друг к другу, могильник относился к древнерусскому времени.

То, что Лукинский курганный могильник находился не по соседству с ранними славянскими поселениями, а в стороне от них, не является исключением. Такое положение

⁹⁸ А. Н. Ляданский. Археологическая досье-леды ю вадаэборах р.р. Сожа, Днепра и Каспли..., карта Ныне этого кургана нет.

курганных кладбищ, видимо, довольно распространено в районах, близких к Смоленску. Аналогичный случай мы наблюдали при обследовании древнерусских памятников бассейна Дрёсны. Гнездовский курганный могильник, несомненно бывший кладбищем языческого Смоленска, также находится в нескольких километрах от города. Объясняется это явление, Д. А. Авдусин высказал предположение, что «...Гнездово в древности было священным местом для смоленских кривичей, и где-то там было расположено их племенное святилище»⁹⁹. Это предположение представляется очень реальным. Возможно, что и Лукинский могильник, окрестности которого холмисты и живописны, находился при святилище наготской общины, удаленном от поселений языческого времени¹⁰⁰.

Дальнейшее освоение наготского бассейна связано с появлением Крицковщинского и Наготского селищ. Старейшим, родоначальным поселением было, очевидно, одно из них, но какое — определить невозможно: величина поселения при отсутствии других признаков не может быть решающим фактором. По мере роста населения из этих селищ выделялись отдельные группы, возникали новые поселения. Особенно бурное расселение шло в XI в. К XII в. в бассейне Наготи возникло не менее шести новых поселений. Самым интересным из вновь возникших поселений является Воищина. Подробное описание этого памятника приводится в следующем разделе работы. С XII в. поселения наготского бассейна были связаны с феодальной усадьбой и, возможно, подчинялись ее владельцу. Во всяком случае, погоста в этом районе выделить нельзя.

Раскопки воицинского городища не дали материалов для решения вопроса о возникновении этой феодальной усадьбы. Трудно сказать, связано ли оно с разложением тер-

⁹⁹ Д. А. Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 15.

¹⁰⁰ Следует все же отметить, поскольку точная дата Лукинского могильника не может быть установлена, что недалеко от него находилась феодальная усадьба Воищина. Поэтому вполне допустимо, что возникновение могильника связано с существованием усадьбы и относится, следовательно, ко времени не раньше XII в. В это время курганный погребальный обряд на Смоленщине был еще широко распространен. В таком случае ранний курганный могильник наготской общины должен был находиться где-то в другом месте, однако при разведке никаких следов такого не было обнаружено.

риториальной общине и выделением знати из среды общинников или с пожалованиями смоленским князем наготьских земель своим «лучшим мужам». В пользу последнего решения вопроса говорит положение Воиццины в стороне от старейших поселений района, которые, конечно, являлись оплотом общинных традиций. Другие феодальные усадьбы (Бородинское и Воротниковское городища) расположены поблизости от таких поселений, поэтому можно предполагать, что владельцы усадеб вышли из общинной среды. Хорошо укрепленное и труднодоступное Воиццинское городище было, по-видимому, важным оборонительным пунктом на ближайших подступах к Смоленску. Владелец этой усадьбы, получив от смоленского князя земельные владения, обязан был охранять подступы к столице княжества.

Особый интерес представляют древнерусские поселения, открытые в бассейне Дрёсны. Ранняя история поселений в этом районе может быть освещена лишь предположительно. В XII в. и последующих столетиях эти земли входили в состав княжеского домена, епископских и монастырских владений. По всей вероятности, в IX—XI вв. центром дрёсненской территории общиной было Богородицкое селище, упомянутое выше в связи с характеристикой топографии сельских поселений Смоленщины. Богородицкое селище — единственное в этом районе поселение с находками лепной керамики IX—X вв. и, следовательно, является древнейшим славянским поселением в бассейне Дрёсны. По отношению к другим поселениям этого района оно может считаться родоначальным. Однако признаков, характерных для древнерусских погостов, здесь нет. Феодальным и административным центром дрёсненского бассейна стал Богородицкий монастырь, возникший в XI или начале XII в. рядом с Богородицким селищем¹⁰¹.

Все исследователи истории Смоленской церкви справедливо полагали, что монастырь во имя Богородицы на Селище, где в конце XII в. жил и был посвящен в сан иеромонаха Авраамий Смоленский, находился на месте нынешнего села Богородицкого¹⁰². В связи с

¹⁰¹ До недавнего времени в том месте, где можно было предполагать местонахождение древнерусского монастыря, стояла церковь Богородицы. В настоящее время этот участок занят колхозным садом и школьными строениями. Поэтому археологические раскопки здесь произвести не удалось.

¹⁰² Историко-статистическое описание Смолен-

этим возникает предположение, что древнерусское поселение на останце в долине Дрёсны (Богородицкое селище) в древности называлось Селищем, поэтому монастырь был назван Богородицким на Селище или просто Селищенским.

Земельные владения дрёсненской территориальной общине были, вероятнее всего, пожалованы Селищенскому монастырю смоленскими князьями. Первое, зафиксированное письменными документами пожалование земельных угодий монастырю относится к концу XI в.¹⁰³ В середине XII в. смоленский князь Ростислав Мстиславич уделял большое внимание церкви. Может быть, к этому времени относится пожалование земельных владений и Селищенскому монастырю. Если же феодальные владения Богородицкого монастыря не связаны с княжескими дарами, то нужно полагать, что захват общинных земель монастырем происходил постепенно и, может быть, значительно позднее XII в. Однако представляется очень вероятным, что уже в XII в. административно-судебные функции, касающиеся сельского населения дрёсненского бассейна, выполнял монастырь; налоги с общинников поступали в распоряжение монастыря. В противном случае в этом районе должен был находиться погост. Но ни одно из обследованных дрёсненских поселений не могло быть таковым.

В заключение обзора древнерусских поселений по отдельным районам особо следует остановиться на трех поселениях сельского типа, не вошедших в описанные выше деревской епархии. СПб., 1864, стр. 287; Н. Редков. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. «Смоленская старина», вып. 1, ч. I. Смоленск, 1909, стр. 1—176; Государственный Архив Смоленской области, ф. И. И. Орловского, № 391, д. 148 — описание села Богородицкого.

На расстоянии 0,5 км от с. Богородицкого вверх по течению Дрёсны, на ее левом берегу находится городище, относящееся к I тысячелетию до нашей эры и к началу I тысячелетия нашей эры (шурфовка А. Н. Лявданского и наша). Местное население называет его курганом и сохраняет предание, что здесь была пещера, в которой жил Авраамий. До 20-х годов XX в. там стояла часовня, а у подножья городища находился «святой» колодец (следы колодца заметны и теперь), куда ежегодно в первое воскресенье после дня памяти Авраамия Смоленского из Смоленска совершался крестный ход.

¹⁰³ Имеется в виду пожалование земель киевским князем Изяславом Киево-Печерскому монастырю. (В. Милутин. О недвижимых имуществах духовенства в России. ЧОИДР, т. IV. 1859, стр. 24, 25).

венские комплексы. Одно из них — село Дросенское — упоминается в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича¹⁰⁴. Оно вместе с селом Ясенским и другими участками было пожаловано смоленскому епископу из состава княжеской вотчины¹⁰⁵.

Вряд ли есть основания сомневаться, что село Дросенское получило свое название по Дрёсне (Дросне) и находилось где-то в бассейне этой реки¹⁰⁶. Все исследователи истории Смоленщины связывали древнерусское село Дросенское с селом Дрёсна, располагавшимся до начала XX в. на правом берегу Дрёсны, недалеко от ее впадения в Днепр¹⁰⁷. Вполне естественно, что поиски древнерусского села были начаты с обследования именно этого участка дрёсненского бассейна. Этот участок экспедиция обследовала особенно детально. Не только были осмотрены пахотные участки и сделаны зачистки на обрывах и в различных ямах на месте с. Дрёсны XIX в., но, кроме того, в его окрестностях было заложено около 40 разведывательных шурfov. Однако разведки показали, что поселение на этом месте возникло не раньше XVI—XVII вв. и, таким образом, было установлено, что село Дросенское XII в. находилось не здесь, а где-то в другом месте.

В результате обследования всего дрёсненского бассейна установлено, что единственным поселением, которое можно связывать с древнерусским селом Дросенским, является селище, открытное в верхнем течении Дрёсны в месте пересечения реки шоссейной дорогой Смоленск — Рославль. Еще в XIX в. недалеко от этого селища существовало небольшое поселение Малая Дрёсна¹⁰⁸. Таким об-

¹⁰⁴ ДАИ, т. I, № 4.

¹⁰⁵ И. И. Смирнов предложил другое, также возможное, толкование этого места Уставной грамоты Ростислава Мстиславича. Текст грамоты: «И се даю... село Дросенское, со истою и с землею, святей богородици и епископу, и село Ясенское...» И. И. Смирнов рассматривает не как акт передачи феодальной земельной собственности из рук в руки, а как факт превращения общинных земель в земельную собственность смоленского епископа (И. И. Смирнов. К вопросу об изгоях. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 105—111).

¹⁰⁶ Так же, как село Ясенское названо по реке Ясенной, протекающей близ Смоленска.

¹⁰⁷ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59; И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1908, стр. 141; А. Н. Насонов. Указ. соч., карта между стр. 160 и 161.

¹⁰⁸ Специальная карта западной части России, составленная Г. Л. Шубертом. СПб.

разом, основной довод исследователей, которые обосновывали расположение древнерусского села Дросенского близ устья реки Дрёсны сходством названий старого поселения и села XIX в., сохраняет свою силу и в данном случае. Древнерусское поселение, открытое близ Малой Дрёсны, является самым крупным поселением в бассейне реки. Значительная часть этого селища была уничтожена при сооружении насыпи шоссейной дороги в XIX в., поэтому его полные размеры не могут быть установлены. Площадь сохранившейся части селища, судя по распространению культурного слоя, равняется 45—48 тыс. кв. м. Найдки и керамический материал позволяют считать, что жизнь на этом поселении была наиболее интенсивной в XII—XIII вв., т. е. в то время, когда это село упомянуто в письменном документе.

В Смоленской земле, по-видимому, с давних пор существует обычай называть поселения, расположенные в местах пересечения реки какой-либо дорогой, по названию рек. Так, например, по Старой Рославльской дороге (заметим, что Старая Рославльская дорога — это дорога из Смоленска в Чернигов) в XIX в. находились следующие деревни: Малая Дрёсна (близ моста через Дрёсну), Лещинка (в месте пересечения этим трактом речки Лещинки), Наготь (на реке Наготи), Россажа (около моста через Россажу), Хмара (при пересечении реки Хмарь) и т. д. Поселение Погоновичи, упоминаемое в грамоте Ростислава Мстиславича и в некоторых поздних документах¹⁰⁹, находилось на дороге, соединяющей древние смоленские города Смоленск — Мстиславль — Кричев, в месте пересечения ее с рекой Погоновкой. Подобных примеров можно привести много, при этом такие поселения всегда расположены на дорогах¹¹⁰. В связи с этим можно полагать, что древнерусское село Дросенское названо по реке потому, что оно было расположено на сухопутной дороге, связывающей два древних русских города — Смоленск и Чернигов.

Наконец, еще о двух поселениях. Вместе с селами Дросенским и Ясенским в собствен-

¹⁰⁹ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 59.

¹¹⁰ Интересно отметить, что подобные названия перемещались при изменениях направления дорог. Так, в середине XIX в. было проложено новое шоссе Смоленск — Рославль, несколько сократившее расстояние между этими городами. После этого Наготью стали называть дер. Крицковщину, расположенную на новом шоссе около моста через Наготь. Дер. Наготи на старой дороге теперь уже

ность Смоленской епископии той же уставной грамотой были переданы «...озера Нимицкая и с сеножатми, и уезд княж...». Здесь, вероятно, имеются в виду пожалования не только озер с сенокосными лугами, но и поселений, расположенных там. В районе Немыкарских озер было два поселения XI—XIII вв.¹¹¹ Старое русло Днепра образует здесь многочисленные петли, которые постоянно заполнены водой и являются теми Немыкарскими озерами, которые названы в грамоте 1150 г. По рассказам здешних жителей, местность между новым руслом Днепра и озерками издавна носит название Немыкарских лугов и отличается богатым травяным покровом.

Одно из Немыкарских селищ открыто в 0,5 км от современной дер. Верхние Немыкары на небольшом всхолмлении, которое у местных жителей зовется Немыкарской пустошью. Границы древнего поселения хорошо прослежены как по распространению подъемного материала (керамика, глиняная обмазка, камни со следами пребывания в огне), так и по окраске слоя. Размеры его около 270×160—200 м (площадь около 48 тыс. кв. м). Второе Немыкарское поселение расположено в 1,2—1,5 км восточнее дер. Верхние Немыкары на мысу, образованном старым руслом Днепра и р. Немыкаркой. Размеры селища пришлось устанавливать при помощи разведывательной шурфовки, так как площадка селища задернована. Площадь поселения равнялась 11 тыс. кв. м.

На обоих Немыкарских поселениях встречено большое количество мелких кусков болотной руды и куски железного шлака. Видимо, этот район ценился не только за его сенокосные угодья. Население Немыкарских сел паряду с заготовкой сена добывало болотные руды и было занято железоделательными промыслами.

В XV—XVI вв. происходят коренные изменения в планировке комплексов сельских поселений. Как было показано выше, претерпел. Нет теперь и дер. Лещинки, так как шоссе отшло от этой деревни в сторону.

Появление населенного пункта Дрёсна в низовьях реки с таким же названием неслучайно. Где-то в том районе в XVI—XVII вв. проходила сухопутная дорога, связывающая Смоленск с Москвой. По-видимому, с. Дрёсна XVI—XVII вв. стояло на этой дороге недалеко от переправы через реку Дрёсну.

¹¹¹ Оба поселения по неизвестным причинам прекратили существование в конце XIII в. После длительного перерыва поселения в этом районе возникли только в XVII в.

певают серьезные изменения и сами поселения. К XV в. сходят со сцены феодальные усадьбы замкового типа (Воищина прекратила свое существование еще в XIII в., жизнь на Бородинском, Ковшаровском и других городищах прекратилась в XIV в.). Феодалы XV—XVII вв. и последующих столетий живут обычно в неукрепленных поселениях. Причины этих изменений не вполне ясны. Анализ некоторых письменных памятников XIV—XV вв. позволил Н. Н. Воронину высказать предположение, что развитие поместного землевладения связано с пробуждением у землевладельцев непосредственного интереса к продуктивности их хозяйства¹¹². Это, конечно, только одна из причин распространения в XV в. поместного землевладения, и может быть, не главная. Село XV—XVI вв., судя по многочисленным свидетельствам письменных памятников, представляло собой поселение, в котором находилась феодальная усадьба¹¹³. Такие поселения и прежде, до XV в. назывались также селами. Но теперь, в отличие от более раннего времени, поселения, не имеющие господских дворов, но составляющие владения того или иного феодала, не назывались селами. Объясняется это прежде всего тем, что к этому времени заметно увеличивается процент феодально-зависимого населения за счет закабаления свободных общинников. Прежняя строгая погостско-волостная система взаимосвязи поселений рушится. Археологические данные неоспоримо свидетельствуют, что в рассматриваемом районе Смоленщины почти все центры погостов-округов прекращают свое существование в XIV—XVI вв. Многие поселения, прежде входившие в погостские общины, постепенно становятся феодальной собственностью. Естественно, что прежний термин, применяемый для обозначения этих поселений, сохраняется за ними. На Смоленщине термин «весь» постепенно был вытеснен словом «деревня». Прежние погосты, в связи с потерей своего значения, как административно-податных центров погостской общины, стали обычными рядовыми селениями. Однако, они, по-видимому, теперь назывались селами, так как обычно на таких поселениях еще с древнерусского времени стояли церкви¹¹⁴.

¹¹² Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси, стр. 65.

¹¹³ Там же, стр. 65—69.

¹¹⁴ Церковь является обязательной принадлежностью села. Деревни с момента постройки в них церкви назывались селами. (Там же, стр. 69).

ФЕОДАЛЬНЫЕ УСАДЬБЫ ВОИЩИНА

Небольшая река Наготь — левый приток Днепра — в своем нижнем и среднем течении расположена в широкой заболоченной низине. В том месте, где в Наготь впадает речка Лещинка, долина особенно широка и сильно заболочена. Здесь среди топких болот возвышается останец (площадью около 4 га), самую высокую часть которого занимает городище (рис. 21), получившее в археологической литературе название Церковище¹. Городище почти недоступно и в настоящее время. По рассказам старожилов, до начала торфоразработок в здешних болотах местность, окружающая городище, была почти не проходима. Только одна-две скрытые тропинки связывали останец с окрестными деревнями. В период весенних разливов и осенних дождей городище становится островом (рис. 22).

Городище невелико по площади, его овальная в плане площадка имеет размеры около 45×30 м (рис. 23). У основания городища с его северной и восточной сторон протекает Наготь. Скат к реке очень крут и достигает высоты 14,5 м. С западной и юго-западной сторон, где склон городища менее крут, и высота его достигает всего около 5—6 м, площадка укреплена ныне слабо заметным дугообразным валом.

В 20-х годах XX в. городище было осмотрено сначала А. Н. Лявданским, потом

Г. В. Парфеновым и В. Р. Тарасенко². Был собран подъемный материал на площадке городища, поросшей в то время березами, и осмотрены обнажения культурного слоя на северо-восточном и западном скатах городища³. Исследователи отметили, что среди подъемного материала встречалась керамика двух типов — гончарная древнерусского времени и ленная, красноватая или серая, тождественная керамике ранних городищ Смоленщины.

В 1955—1958 гг. экспедицией Института археологии АН СССР и Смоленского областного краеведческого музея городище Церковище было раскопано почти полностью⁴. Удалось установить и древнее название этого поселения. Новгородская Первая летопись под 1258 г. упоминает о поселении Воишине, расположенному где-то близ Смоленска⁵. Исследователи исторической географии Смоленской земли обычно связывали летописную Воишину с дер. Войновщиной⁶. До начала XX в. в Смоленской земле было две деревни с таким названием. Одна из них находилась

² А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии. Научные известия Смоленского Государственного университета, т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926, стр. 211, 212.

³ Распахивалась лишь нижняя часть останца. Шурфовка, произведенная в 1957 г., показала, что какие-либо следы культурного слоя здесь отсутствуют. По всей вероятности, и в древнерусское время здесь находилось пахотное поле.

⁴ Нераскопанными остались лишь небольшие участки вала. Площадка городища, где были расположены постройки, исследована целиком.

⁵ «Придоша Литва с Полочаны къ Смоленьску и взяша Воишину на щить» (Новгородская Первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 82 и 310).

⁶ П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895, стр. 59.

¹ Городище было открыто в начале 20-х годов XX в. А. Н. Лявданским и названо по небольшой дер. Церковище, расположенной в 0,4 км северо-восточнее городища. В настоящее время дер. Церковище не существует, ее постройки еще в начале 30-х годов XX в. были перенесены в близлежащие селения Селифоново и Корюзино.

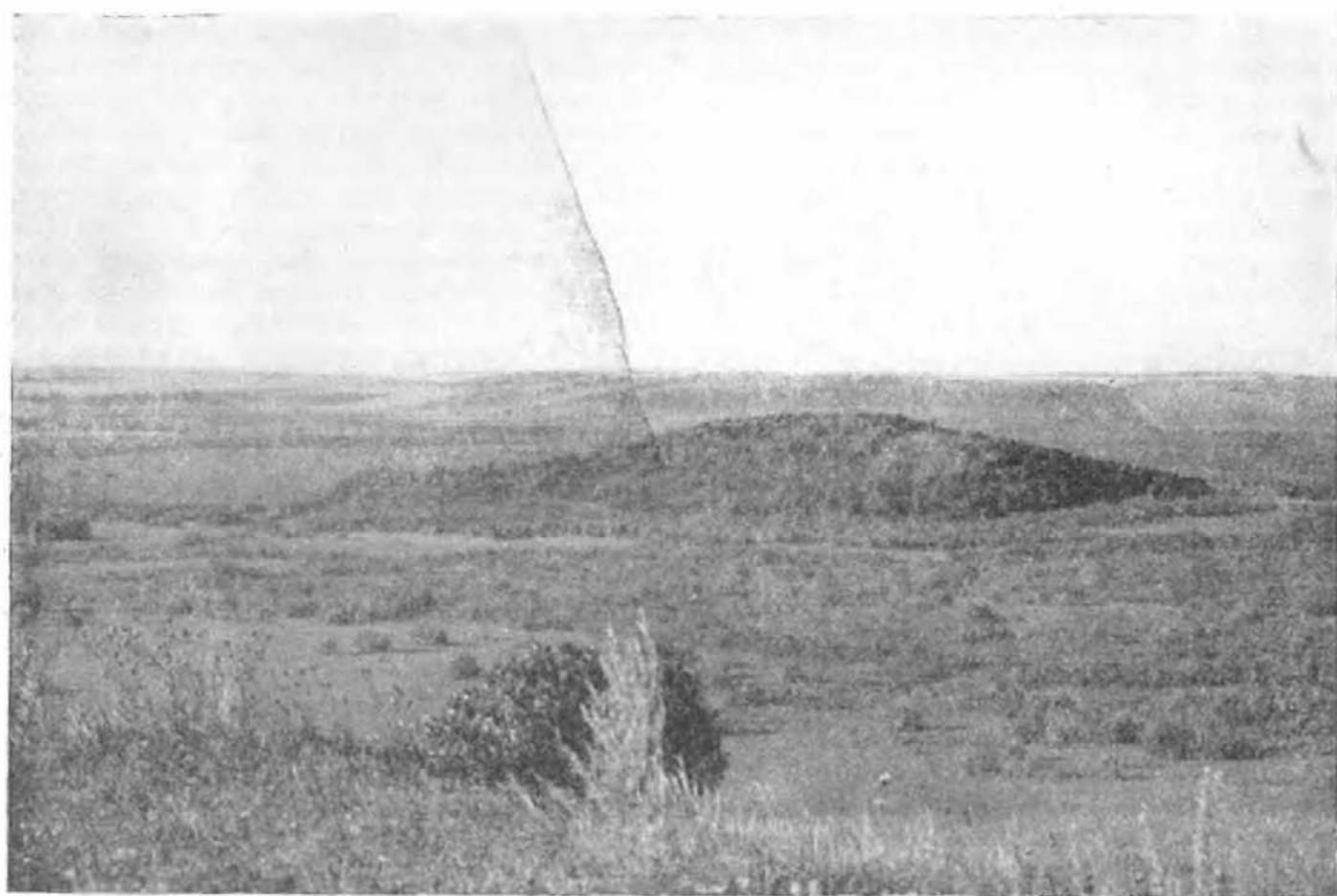

Рис. 21. Общий вид Воищинского городища

в 0,7 км от городища Церковище близ ныне существующей дер. Барщевщины (Красноармейский сельсовет)⁷. В 1955 г. в окрестностях Барщевщины (в радиусе 5—7 км) была произведена сплошная археологическая разведка, а в 1958 г. такой же разведкой обследован район, где располагалась другая деревня — Войновщина⁸.

В результате обследования городище Церковище оказалось единственным претенден-

том на летописную Воищину. Жизнь на этом городище, как показали раскопки, прекратилась во второй половине XIII в., что совпадает с летописным известием. В 1957 г. были получены дополнительные данные в пользу отождествления городища Церковища с летописной Воищиной. Старожил дер. Селифоново (Козинский сельсовет) И. С. Арсеньев сообщил экспедиции, что его дед лет пятьдесят назад рассказывал, что когда-то очень давно на этом городке (местное население называет городище Церковище городком) жил боярин Воин, отчего это место стариками называлось Воинским городком. Таким образом, в пародной памяти до начала XX в. сохранялось древнее название этого поселения.

⁷ Списки населенных мест Российской империи, т. 40. СПб., 1868, стр. 34, № 792 (под № 808 Войновщиной названа дер. Барщевщина, расположенная в 200 м от бывшей дер. Войновщины). См. также «Специальную карту западной части России», составленную Г. Л. Шубертом». СПб.

⁸ Списки населенных мест Российской империи, т. 40, стр. 191, № 5347 (Дорогобужский уезд).

Древнерусских городищ в этом районе нет. Разведки показали, что здесь нет и селища, которое можно было бы связать с летописной Воищиной. Кроме того, сомнительно, чтобы Воищина XIII в. находилась так далеко на восток от Смоленска. Все исследователи истории Смоленской земли связывали летописную Воишину именно с той деревней, близ которой находится городище Церковище.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА

Культурный слой городища по своей окраске, консистенции и находкам довольно четко разделяется на два слоя (рис. 24). Общая толщина слоя колеблется от 60—80 см в сре-

динной части площадки городища до 120—150 см по ее краям. Древнерусскому времени соответствует верхний темновато-серый слой, толщина которого в основном равна 60—100 см. Серый аморфный слой повсюду содержал мелкие угольки и точечные включения глиняной обмазки, разделить его на отдельные горизонты не было возможности.

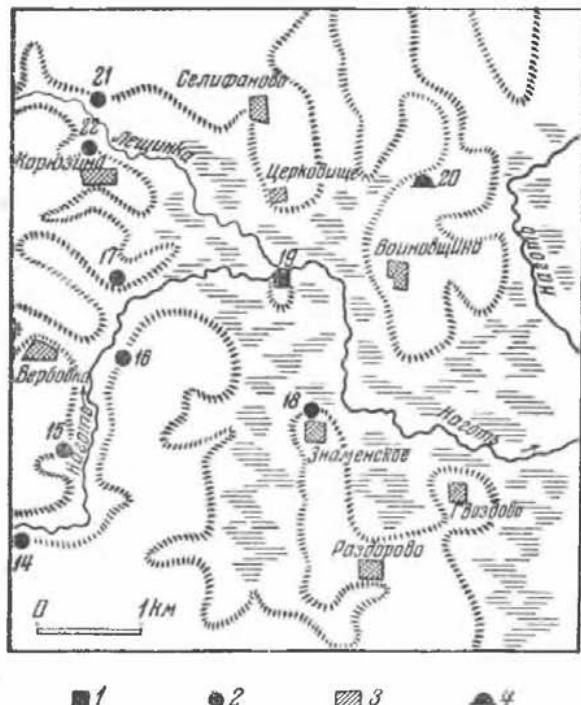

Рис. 22. Карта окрестности Воищинского городища

1 — городище; 2 — селища; 3 — современные селения;
4 — курганный могильник

Только в отдельных местах этот слой имел более темную окраску. Эти темно-серые или черноватые пятна обычно сопровождались большим количеством находок и керамического материала. Как будет показано ниже, они являлись следами жилых построек древнерусского времени.

В отдельных местах, обычно небольших по площади, древнерусский слой был отделен от нижнего тонкими прослойками желтого песка. Это свидетельствует о том, что между периодами отложения верхнего слоя и образования нижнего слоя было время, когда площадка городища не была заселена. Нижний культурный слой городища имел черно-серую или бурую окраску и, как правило, содержал большое количество золы и угольной пыли. Толщина нижнего слоя равна 30—60 см. В срединной части площадки

городища черно-серый слой имел меньшую толщину или отсутствовал вовсе. Нижний слой городища прежде всего характеризуется находками лепной керамики. Это довольно грубая толстостенная посуда, изготовленная из глины с большой примесью крупной дресвы. Основная форма сосудов — горшки с прямым венчиком и со слабо выраженным

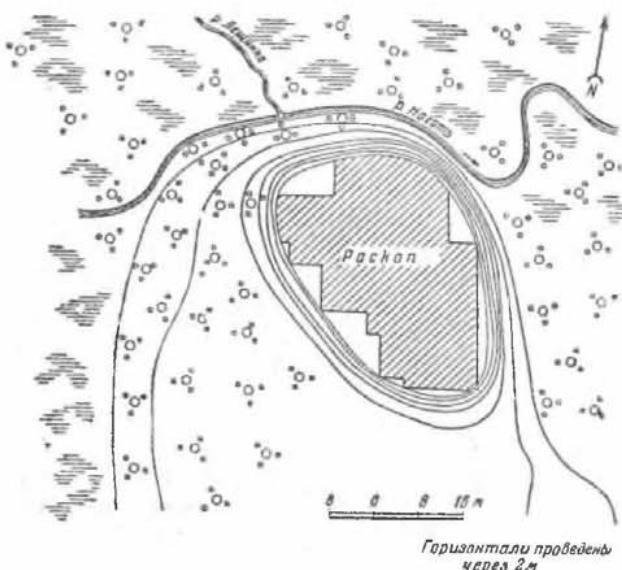

Рис. 23. Топографический план Воищинского городища

ногами плечиками. По верхнему краю некоторых венчиков имеются нарезки. Кроме того, в нижнем слое встречено довольно много обломков штрихованной керамики. Последняя по своим технологическим свойствам ничем не выделяется среди основной массы керамического материала нижнего слоя городища. Здесь же найдены единичные фрагменты черной лощеной керамики. Время отложения нижнего слоя городища определяется вещевым и керамическим материалом первой половины I тысячелетия нашей эры⁹.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В силу естественно-географических условий островное положение древнерусских городищ на Смоленщине довольно распространено. Так, например, городище XI—XIII вв.

⁹ А. И. Ливданский ошибочно датировал этот слой VII—VIII вв. н. э. Подробного описания нижнего слоя городища и характеристику вещевого материала, добывшего при снятии слоя, мы не приводим, поскольку это выходит за рамки нашей темы.

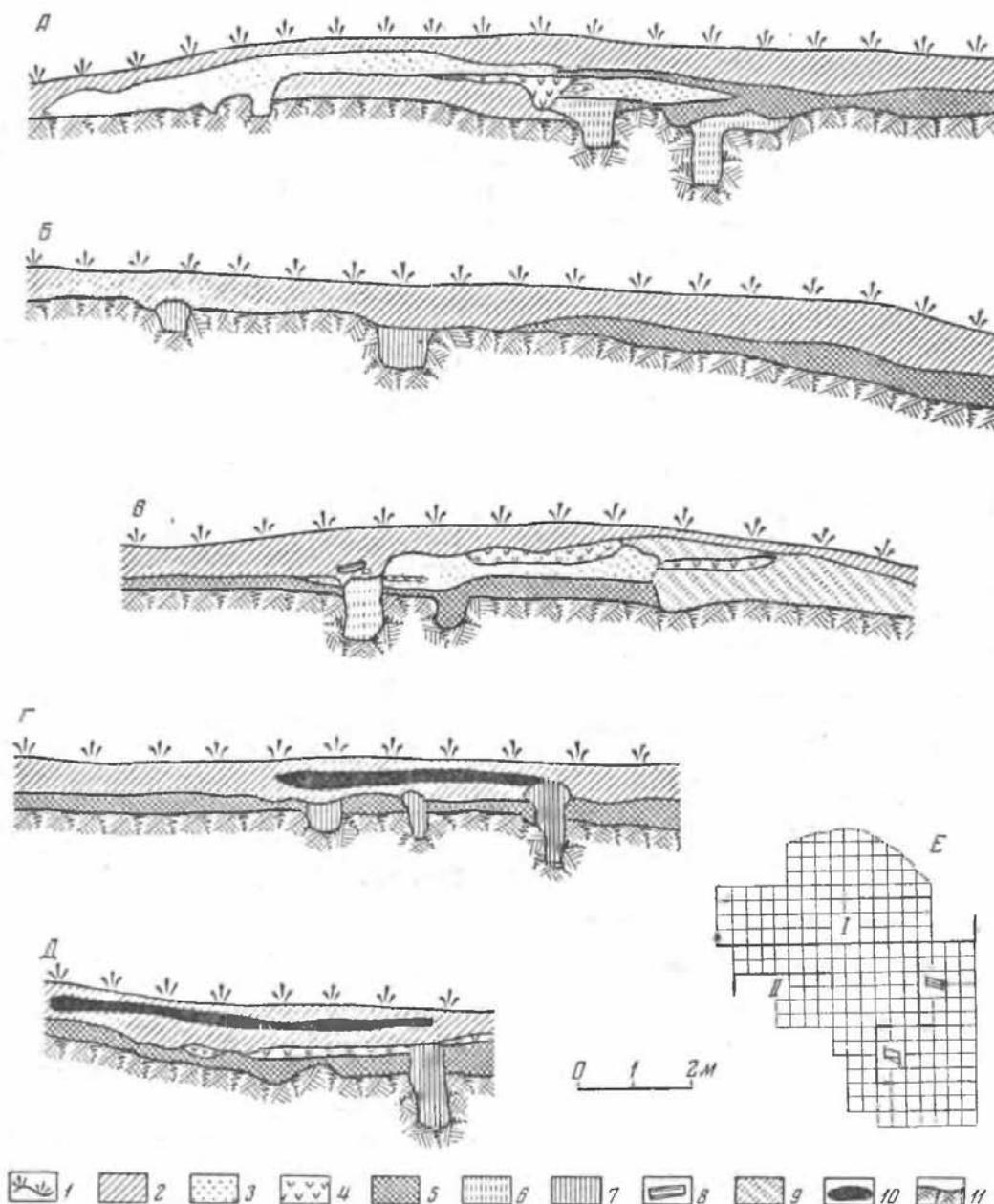

Рис. 24. Воицинское городище. Профили

A—D—профили; Е—план раскопа с указаниями мест разреза культурного слоя: I—профили А и Б; II—профиль В; III—профиль Г; IV—профиль Д; 1—дерновый слой; 2—серый слой; 3—насыпь вала (светло-бурый слой с песком, углем и зольными включениями); 4—угольный слой; 5—нижний слой (черно-серый или бурый); 6—черно-серый слой с включениями материка; 7—серый слой с включениями материка; 8—обгорелое дерево; 9—серый слой с песком; 10— пятна жилищ; 11—материк

у дер. Вонлярово (западнее Смоленска), подобно Воицинскому, занимает не весь острровок, расположенный среди болотистой низины, а его наиболее возвышенную часть¹⁰. Таково же положение древнерусского горо-

дища у дер. Деребуж на Остре¹¹ и ряда других. Островные городища известны и в других областях Древней Руси¹².

¹⁰ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 255. В 1951 г. это городище было вновь обследовано Е. А. Шмидтом.

¹¹ А. Н. Лявданский. Городище, курганы и стоянка у дер. Деребуж. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1929, стр. 300.

¹² П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52. 1956, стр. 35, 36.

Рис. 25. Воищинское городище. Верхний горизонт древнерусского слоя
 1 — пятна жилищ; 2 — темно-серый слой; 3 — насыпь вала; 4 — желто-бурый слой; 5 — обожженная глина; 6 — остатки сгоревших бревен; 7 — угольный слой

Оборонительные сооружения Воищинского городища находятся в полной зависимости от плана и рельефа местности. В общей характеристике городища было отмечено, что с северной и восточной сторон, где городище имело высокие и крутые склоны к Наготи, никаких следов вала не было заметно. Слабые следы расплывшегося вала были отмечены с западной и юго-западной сторон города, где высота его площадки менее значительна, и городище не имеет естественной защиты. После снятия верхних 20—30 см

слоя внутренняя граница вала обозначилась очень четко (рис. 25). Внешние границы вала совпадали с краем площадки городища. В процессе раскопок удалось выяснить, что вал защищал жилую площадку города не только с западной и юго-западной сторон, но и с южной стороны. Правда, здесь из-за общего наклона городищенской площадки в южном направлении насыпь вала в значительной части сползла. В северо-западной части города вал постепенно суживался и исчезал.

Насыпь вала состояла из неоднородного слоя, включавшего супесчаный слой различной окраски (светло-буровой, темно-буровой, светло-серой или черной), золу, белый и желтый песок, глину, мелкие пятна и прослойки угля. В насыпи южного участка вала встречено довольно много мелкого камня. Камень здесь придавал валу некоторую прочность. Возможно, что камнем был выложен внешний склон вала в этой части городища, так как на нем раскопками были открыты небольшие отдельные участки каменной вымостки. При разборке земляной насыпи вала были найдены почти исключительно обломки лепной посуды, характерной для нижнего слоя городища. Здесь же оказались медные и костяные предметы, также относящиеся к нижнему слою. По своей консистенции насыпь вала близка к нижнему слою городища. Все это дает основание считать, что вал был сооружен из земли, взятой с площадки городища, т. е. из культурного слоя, отложившегося на городище в первый период его заселения. В пользу этого говорит и значительная потревоженность нижнего слоя в срединной части городищенской площадки. В ряде мест здесь нижний слой целиком отсутствует, и древнерусский слой лежит прямо на материке, в других местах нижний слой снят наполовину и более (см. профили). Наоборот, в западной части площадки городища под насыпью вала нижний слой сохранился хорошо, и толщина его здесь достигает 60 см.

В насыпи вала и в ее основании найдены немногочисленные фрагменты древнерусской гончарной керамики, совершенно одинаковой с керамикой верхнего древнерусского слоя городища. Как стратиграфические наблюдения, так и собранный керамический материал позволяют заключить, что сооружение вала по времени соответствует самому началу образования древнерусского слоя. Иными словами, вал был насыпан в то время, когда на этом месте после значительного перерыва возобновилась жизнь. В первый период (первая половина I тысячелетия нашей эры) поселение, видимо, не имело земляных оборонительных сооружений.

Ни глина, ни специальные каменные или деревянные конструкции не использовались для придания прочности насыпи вала. Исключением являются остатки сгоревших бревен, открытые на небольшом участке во внешней части западного отрезка вала. Размеры остатков сгоревших бревен довольно различны, но

все они имели приблизительно одно направление вдоль оси вала¹³. Кажется, что эти обожженные бревна были специально положены при сооружении насыпи вала для придания ей большей прочности на краю городищенской площадки. Такая конструкция валов хорошо известна в западнославянских памятниках этого же времени. Может быть, весь внешний край вала на Воицинском городище был сложен из земли и бревен, но в силу того, что дерево не было предварительно хорошо обожжено, оно не оставило здесь никаких следов.

С внутренней стороны вала следы деревянных конструкций прослежены довольно хорошо. Всю жилую часть городища окружала бревенчатая стена. Следы этой стены в различной степени сохранности были обнаружены по всему периметру жилой части поселения. Уже на глубине 25—35 см в некоторых местах по внутренней границе вала открылись остатки сгоревших и полусгоревших бревен, расположенных горизонтально, а также большое количество угольных пятен (см. рис. 25). В дальнейшем по мере снятия древнерусского слоя городища открывались все новые и новые остатки сгоревших бревен одного и того же сооружения. Все они лежали горизонтально и часто одно на другом в несколько ярусов. Лучше всего стена сохранилась с восточной и южной сторон городища. Остатки сгоревших бревен, открытых здесь, настолько многочисленны, что можно с полной уверенностью восстанавливать конструкцию стены. Стена была сложена из горизонтально расположенных друг на друга дубовых и сосновых бревен диаметром около 30 см¹⁴. При самом тщательном осмотре остатков стены никаких следов врубки на бревнах или соединениях бревен между собой не обнаружено. Окончательно устройство бревенчатой стены стало понятным лишь после того, как раскопками были открыты ямы от вертикальных стояков. Лучше всего эти ямы удалось изучить в южной части городища. Здесь после разборки нижнего яруса бревен стены открылись пустоты ям (рис. 26), которые рас-

¹³ Обгоревшие куски бревен прослежены на глубину 0,7 м при высоте насыпи здесь в 0,85 м. Обгоревшие остатки дерева занимали полосу шириной около 0,3—0,6 м.

¹⁴ Диаметр бревен стены определен как по размерам обгоревших бревен, так и по расстоянию между стояками, которыми были зажаты эти бревна.

Рис. 26. Воищинское городище. Пустоты ям оборонительной стены и ее сгоревшие остатки в южной части раскопа

полагались в два ряда как раз в том месте, где выше лежали сгоревшие остатки стены. После снятия культурного слоя в материке четко обозначились контуры этих ям. Четыре из пяти ям в южной части городища были спаренными, в каждой из них находились основания двух вертикальных столбов. Пустоты от сгнивших оснований этих столбов продолжались до дна ям. Края ям были заполнены очень плотным слоем, состоящим главным образом из мелкого гравия, который не позволил заполниться пустотам, образовавшимся после того, как сгнили основания стояков. При этом глубина срединных частей ям обычно превышала общую глубину ям на 20—30 см. В одном случае были прослежены остатки сгоревшего горизонтального бревна, лежавшего как раз в промежутке между пустотами одной пары ям. Таким образом удалось выяснить, что положенные друг на друга

горизонтальные бревна стены были зажаты вертикальными стояками. Гвозди и скобы здесь не применены, они и не были обнаружены при раскопках. Расстояние между стояками равно 20—30 см, что, как уже отмечалось выше, соответствует толщине горизонтальных бревен стены. Диаметры стояков равны диаметрам пустот, т. е. 30—45 см. Глубина ям от 150 до 170 см, из них нижние 110—120 см были вырыты в материке. Расстояние между каждой парой стояков равно 2,5—3 м, но горизонтальные бревна стены были, по всей вероятности, длиннее этого расстояния. В южной и западной частях городища бревенчатая стена вплотную примыкала к внутренней стороне вала. Иными словами, здесь вал был присыпан к бревенчатой стене (см. профиль на рис. 24, б). В связи с этим понятно образование пустот в ямах вертикальных столбов. Наземная часть оборонительной стены сгорела во время сильного пожара, оставившего на городище явные следы. В момент падения стены вспышка внутренняя часть насыпи вала, конечно, осыпалась и накрыла несгоревшие основания вертикальных столбов стены. Плотный слой, заполняющий краевые части ям, и спекшийся зольный слой вверху не позволили заполниться пустотам, возникшим по мере выгнивания оснований столбов.

Такие же парные ямы от вертикальных столбов стены, как в южной части городища, открыты раскопками и в северной его части. Пустот в этих ямах нет, они были заполнены перемешанным слоем из серой супеси, желтого песка и мелкого гравия, что вполне понятно. В этой части городища нет вала, ямы после пожара остались неприкрытыми и по мере выгнивания оснований столбов постепенно заполнялись. Расстояние между каждой парой столбов здесь также не превышало 3 м.

Несколько иное устройство имела оборонительная стена в западной части городища. Здесь, как и в южной части, ее остатки в виде небольших кусков сгоревших бревен располагались вдоль внутреннего края земляной насыпи вала. Ниже открылись ямы от вертикальных столбов. В отличие от южного и северного участков городища ямы здесь располагались не в два, а в один ряд. Только в одной яме обнаружилась пустота, остальные были заполнены материковым песком, гравием и культурным слоем. Большинство ям имело в плане овальные очертания, их

размеры от 60×70 до 90×100 см, глубина от 1,5 до 2,5 м. Расстояние между ямами, а следовательно, и между вертикальными стояками равнялось 2,2—3 м.

Наличие одного ряда столбов в западной части стены указывает на какое-то иное ее устройство. Вероятнее всего, здесь горизонтальные бревна стены были прижаты к вертикальным столбам самой насыпью вала. В предварительной публикации результатов раскопок на городище в 1956 г. было высказано предположение, что бревенчатая стена здесь была сложена из горизонтальных бревен, концы которых были забраны в пазы вертикальных столбов¹⁵. Такой способ возведения построек (столбовая техника) был широко распространен на Смоленщине с давних времен и живет здесь до настоящего времени. Нельзя, однако, не учитывать, что стена, устроенная из горизонтальных бревен, входящих своими концами в пазы стояков, имеет меньшую прочность, так как концы горизонтальных бревен в пазах гниют быстрее и могут быть выдавлены насыпью вала всего через несколько лет после сооружения стены. Поэтому представляется более вероятным, что горизонтальные бревна на этом участке стены были просто прижаты к стоякам земляной насыпью вала.

Более простую конструкцию западного участка стены, как нам представляется, можно объяснить следующим обстоятельством. Насыпь вала на этом участке, видимо, имела значительную высоту и закрывала бревенчатую стену с одной стороны полностью¹⁶. На южном участке вал, судя по сохранившейся его части, имел незначительную высоту, так что стена поднималась выше его вершины, поэтому здесь были необходимы два ряда стояков. Также и на северном участке городища, где вала почти нет, имеются два ряда вертикальных столбов.

Совсем непонятна конструкция восточного участка оборонительной стены. Здесь по восточному краю площадки городища сгоревшие остатки бревенчатой стены прослежены довольно хорошо. После снятия остатков пожарища северной и южной части восточного

¹⁵ В. В. Седов. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 306.

¹⁶ Первоначальные размеры насыпи вала определить невозможно. Вывод о большей высоте ее на западном участке городища основан на современных размерах вала.

участка стены в нижнем горизонте культурного слоя и частично в материке открылась канавка, в которой, по всей вероятности, лежали бревна нижнего ряда стены. Ширина канавки — около 35 см — соответствует диаметру бревен стены, глубина канавки 10—12 см. Однако столбовых ям (за исключением одной) на восточном участке стены не оказалось, что пока необъяснимо.

На первый взгляд бревенчатая стена Воицинского городища занимает особое место среди деревянных оборонительных конструкций Древней Руси. Однако, по-видимому, это не так. До сих пор деревянные защитные конструкции древнерусских городищ Смоленщины по существу не изучались. Но когда вслед за Воицинским городищем было раскопано Бородинское, то и там по краю городищенской площадки открылись ямы от вертикальных стояков бревенчатой стены. По-видимому, следы подобной бревенчатой стены были открыты также раскопками А. Н. Лявданского на Ковшаровском городище¹⁷. В трапециевидной на западном краю городища, оказались остатки деревянного укрепления, состоящего, как отмечает исследователь, из столбов, вкопанных в землю, и горизонтально положенных бревен диаметром от 10—15 до 20—25 см. Таким образом горизонтальные бревна были связаны со столбами, А. Н. Лявданскому не удалось выяснить. Интересно, что это бревенчатое сооружение, как и на Воицинском городище, было расположено с внутренней стороны земляного вала¹⁸. Небольшая площадь вскрытого раскопками участка не позволила исследователю реконструировать эти укрепления. После раскопочных работ на Воицинском поселении легко представить себе деревянные оборонительные сооружения Ковшаровского городища в виде бревенчатой стены, сложенной из горизонтальных бревен, зажатых между вертикальными стояками¹⁹.

¹⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 236, 237, рис. 41.

¹⁸ На профиле (см. А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., рис. 40) исследователь не выделяет слой насыпи вала особой штриховкой. Тем не менее, на основе внешних контуров разреза культурного слоя городища можно утверждать, что бревенчатая стена находилась как раз там, где кончалась насыпь вала и начиналась жилая площадка городища.

¹⁹ А. Н. Лявданский отмечает, что столбы на Ковшаровском городище были расположены не в одну линию, а несколько разбросанно, что может быть объяснено неоднократными ремонтными ра-

В разведывательной траншее Черкасовского городища С. А. Дубинским были открыты ямки диаметром в 30—38 см, расположенные в два ряда параллельно валу на расстоянии 32—35 см одна от другой²⁰. Исследователь городища рассматривает эти ямки как следы тына (частокола), что вполне вероятно. Однако нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что черкасовский частокол располагался не на вершине вала и даже, по-видимому, совсем не на валу. Исследователь отмечает, что ямки от частокола были открыты между вторым и третьим метрами траншеи, т. е. судя по плану городища и по профилю траншеи № 1 (где в разрезе как раз видны эти ямки), частокол был расположен с внутренней стороны вала, примыкая к нему вплотную. В оборонительных сооружениях Черкасовского городища этот тын играл такую же роль, как бревенчатая стена на Воищне.

Нужно думать, что подобные деревянные столбовые конструкции в оборонительных системах не были специфической особенностью Смоленской земли. На одной из миниатюр Радзивиловской летописи изображена сцена постройки Белгорода²¹. На готовом уже участке городской оборонительной стены ясно видно, что она сложена из уложенных друг на друга горизонтальных бревен, концы которых были зажаты в пазы вертикальных столбов. Кроме того, в промежутках между этими главными столбами горизонтальные бревна стены были зажаты между стояками. Монастырские стены, судя по миниатюрам «Житий святых», иногда имели такую же конструкцию²².

ботами, во время которых столбы заменялись. Нет никаких оснований считать эти остатки укреплений частоколом (см. П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 119). Большинство открытых здесь бревен лежали горизонтально, а бревна упавшего частокола имели бы иное направление. Ямки частокола должны почти вплотную примыкать друг к другу, здесь же ямы от столбов расположены на значительном расстоянии друг от друга. Нужно также учитывать, что в том месте, где были открыты ямки от столбов, частокол нецелесообразен.

²⁰ С. А. Дубінскій. Чаркасоўская гарадзішча пад Воршай. Працы археолёгічнай комісіі Беларускай Акадэміі навук, т. 2. Менск, 1930, стр. 73, 74 и рис. 21.

²¹ Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, лист 67 об.

²² А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, рис. 49 и 50.

На северо-западной, самой высокой части площадки Воищнского городища остатки бревенчатой стены не прослеживались; здесь бревенчатая ограда прерывалась (рис. 27). Культурный слой в этой части городища был одинаков со слоем центральной его части — под дерном на глубину 40—60 см залегал серый аморфный грунт, в отдельных квадратах встречались включения желтого песка. На глубине 35—45 см от поверхности в сером слое обозначались пятна больших ям (рис. 28). Всего их было семь, две располагались рядом. Вместе эти ямы образовывали в плане шестиугольник (рис. 29). Ямы оказались заполненными рыхлым серо-желтым слоем, в котором найдено немного мелких фрагментов древнерусской гончарной керамики и несколько обломков лепной посуды, характерной для нижнего слоя городища. Все семь ям прорезали нижние горизонты древнерусского слоя, нижний черно-серый слой и уходили глубоко в материк. Общая глубина ям от 1,5 до 2 м. В плане они имели четырехугольные или овальные очертания, размеры их достигали от 1×0,7 до 1,6×0,8 м. Нижние диаметры двух ям позволили приблизительно определить диаметры врытых здесь столбов. Это были толстые столбы, около 50 см в поперечнике.

На глубине второго и третьего пластов внутри шестиугольника, образованного описываемыми ямами, в его юго-восточной части, в сером грунте залегал слой камней, которые были положены без какого-либо порядка в один-два-три яруса и в плане образовывали овал размерами около 2×1 м. Большинство камней имели 8—15 см в поперечнике, остальные — более мелкие. На некоторых из камней оказались следы сильного огня. Здесь же были обнаружены мелкие куски печной обмазки. Все это дает основание полагать, что развал камней является остатками печи-каменки или открытого очага.

Никаких деталей устройства сооружения, основание которого покоилось в открытых ямах, раскопки не дали. Оно располагалось на месте вала и было врезано в насыпь. Северный конец западного участка бревенчатой стены и западный конец ее северного участка вплотную примыкали к этому сооружению, так что оно вместе со стеной составляло одно целое. Местоположение этого сооружения в системе оборонительных сооружений городища указывает на его оборонительное назначение. Оно не могло быть жилищем, хотя

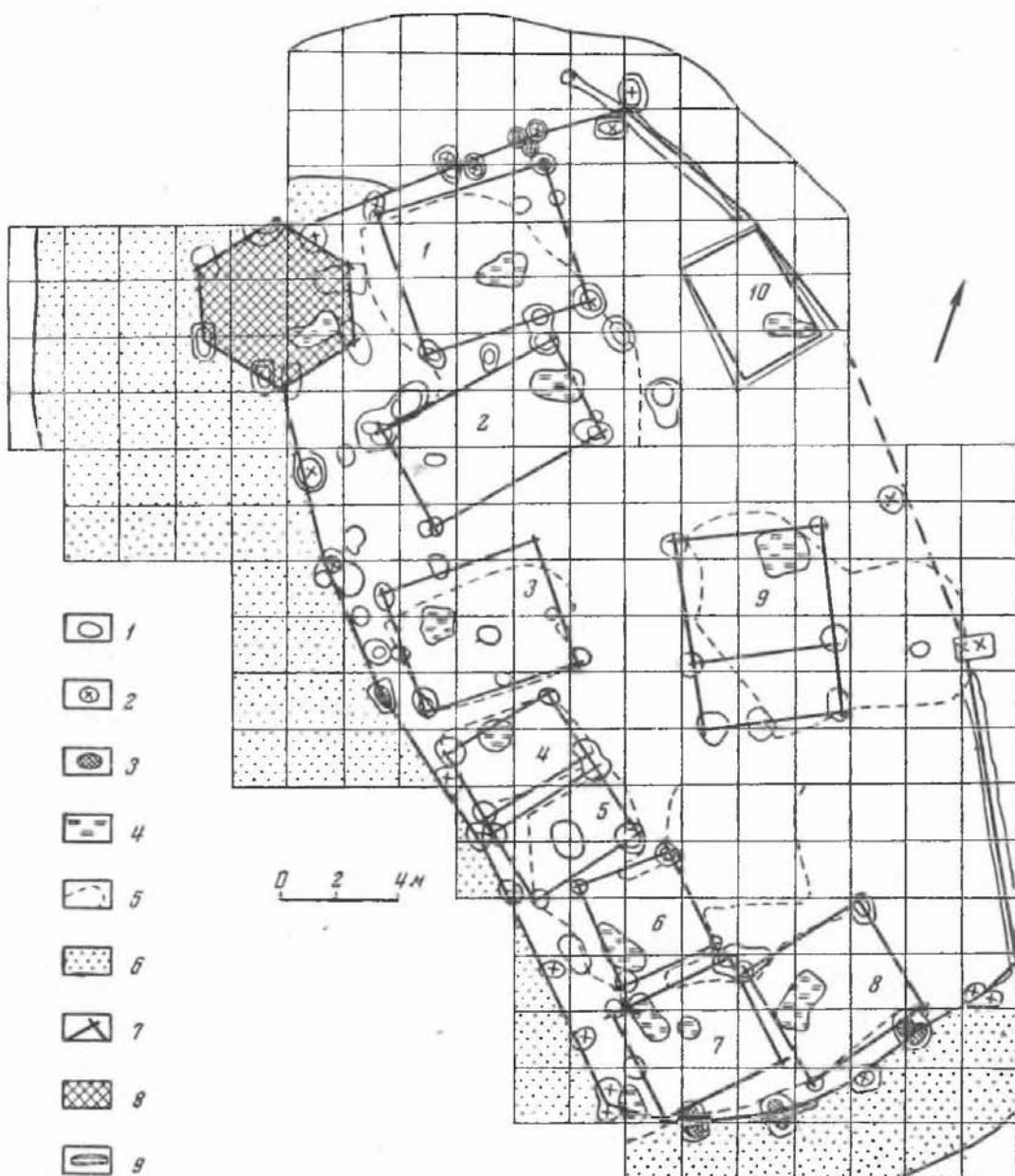

Рис. 27. Воищинское городище. Реконструкция жилищ и оборонительных сооружений верхнего горизонта

1 — ямы верхнего горизонта древнерусского слоя; 2 — ямы стояков оборонительной стены; 3 — пустоты им; 4 — остатки печей; 5 — контуры пятен жилищ, 6 — насыпь вала; 7 — реконструируемые границы жилищ (цифрами на плане обозначены номера жилых построек) и оборонительных сооружений; 8 — башня; 9 — сгоревшие остатки бревенчатой стены

здесь и обнаружены остатки печи. Жилые постройки хорошо изучены на городище: все они располагались внутри бревенчатой ограды, и их остатки существенно отличались от следов шестиугольной постройки. Господствующее положение, непосредственная связь с бревенчатой стеной, своеобразный план постройки заставляют думать, что это сооружение было башней. По-видимому, остатки подобной, также шестиугольной, башни были открыты Б. А. Рыбаковым во Вщиже. Баш-

ня, по мнению исследователя, относится к середине XII в.²³ Воищинская башня имела немного меньшие размеры по сравнению с Вщижской (около 6 м в поперечнике; Вщижская — 7,5 м).

²³ Б. А. Рыбаков. Вщиж — удельный город XII века. КСИИМК, XLI, 1951, стр. 57, 58; его же. Столпный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 107 (план Вщижского детинца).

Рис. 28. Воищинское городище. На снимке видны пятна ям дозорной башни

Судя по тому, что Воищинская башня занимала самую высокую точку городища, откуда хорошо просматривалась окружающая местность, она прежде всего играла роль наблюдательного пункта и, по-видимому, охраняла вход на городище. Однако надвратной башней ее нельзя было считать, так как с внешней стороны она была присыпана земляным валом, в котором никаких вырезов не обнаружено. Как и на Ковшаровском городище, на Воищине не имелось специального въезда. Останец, на котором расположено городище, до сих пор со всех сторон имеет довольно крутые склоны. В древности подняться на городище можно было лишь пешком или верхом на лошади по тропинке, которая очень круто поднималась вверх. Городище, как уже отмечено выше, было отрезано от окрестных поселений водой и болотами и сообщалось с ними тропами (по которым мог проехать и всадник) и речными путями. Может быть, поэтому не было необходимости устраивать специальный въезд на площадку городища. Ис-

следование бревенчатой стены городища не обнаружило в ней въездных ворот. Нужно полагать, что в городище входили через калитку. Скорей всего, она находилась в северной части городища. С западной и южной сторон доступ на городище преграждали насыпь вала и жилища, примыкавшие к нему. С восточной стороны городище имело настолько высокий и крутой склон к реке, что подняться здесь было почти невозможно. В отличие от южного и западного участка городища, где земляной вал сооружен по самому краю останца, с северной стороны и насыпь вала и бревенчатая ограда отходят от крутого края на 1—2,5 м. Таким образом, попасть на городище можно было только поднявшись по тропинке в северо-западной части останца, т. е. как раз около шестиугольной башни. Далее нужно было пройти метров десять вдоль вала и бревенчатой стены и только потом войти внутрь.

Реконструкция башни затруднительна, так как сохранились только ямы от стояков,

а никаких аналогий в древнерусских материалах нет. Толщина столбов основания башни и большая глубина ям этих столбов указывают на то, что башня была довольно высокой. По-видимому, в ямах были поставлены стулья, на которых покоялся шестиугольный сруб.

между оборонительными сооружениями и отдельными прослойками верхнего слоя городища. Однако в ряде случаев наблюдения над профилями показали, что столбы бревенчатой ограды ставились одновременно с сооружением земляной насыпи вала. Таким образом,

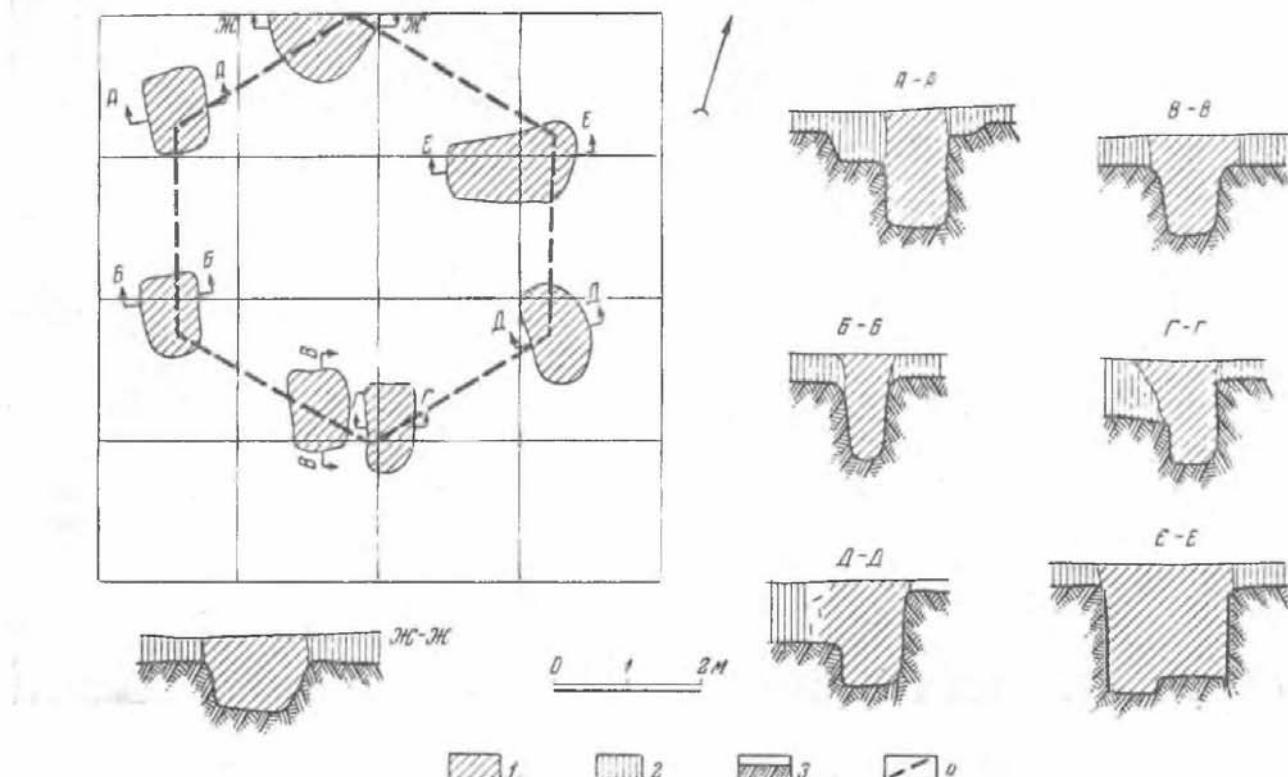

Рис. 29. Остатки башни в северо-западной части Воицинского городища

1 — заполнения ям стояков основания башни; 2 — культурный слой, прорезанный ямами; 3 — материал; 4 — реконструкция плана башни

Его шестиугольная форма позволяла увеличить размеры башни, что было важно для наблюдения за окружающей местностью. Общая высота башни достигала, вероятно, высоты трехэтажного дома. Нижний этаж ее, судя по тому, что здесь были открыты остатки очага, зимой отапливался.

Единственным критерием для определения времени постройки бревенчатой ограды и башни является стратиграфия. Датировка деревянных конструкций по керамическому материалу, найденному в заполнениях ям, может быть ошибочной, так как после выгнивания оснований стояков в ямы могли попасть черепки из верхнего горизонта древнерусского слоя. В заполнении ям с пустотами керамического материала вовсе не оказалось. Аморфность древнерусского слоя не позволила всюду установить соотношение

сооружение оборонительной стены городища относится к самому началу образования древнерусского слоя. Между тем, ямы от стульев башни, как отмечалось выше, прорезали нижние горизонты этого слоя, иными словами, они были вырыты несколько позже, чем ямы бревенчатой стены. Но, скорей всего, это нужно объяснять перестройкой башни или ее ремонтом. Трудно предполагать, чтобы башня, так органически связанная с бревенчатой оградой и с валом, была построена значительно позже сооружения стены и насыпи.

ЖИЛИЩА

При характеристике верхнего культурного слоя городища было отмечено, что в этом, в общем, аморфном слое выделялись по окраске более темные пятна. Эти пятна не-

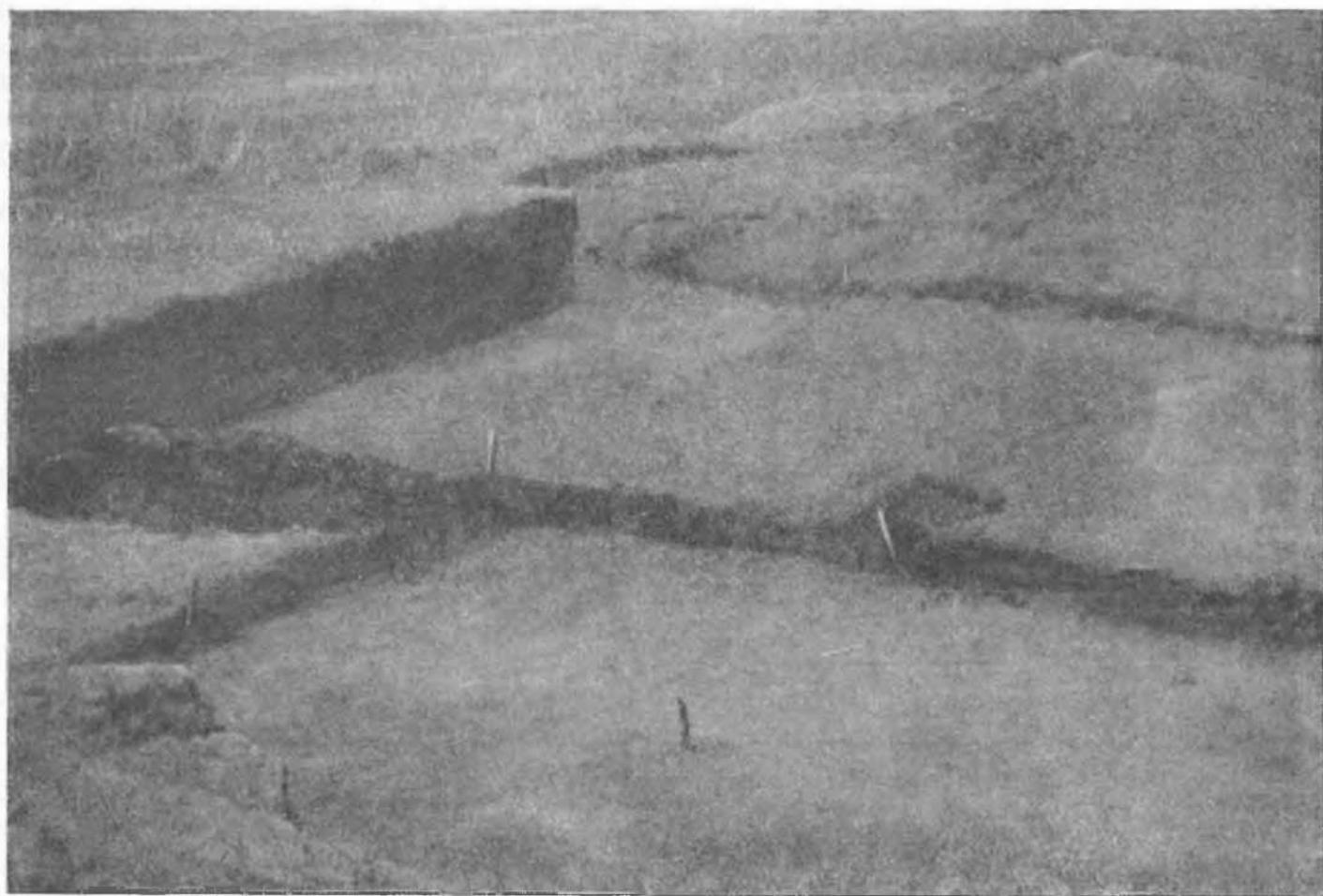

Рис. 30. Воищинское городище. Темные пятна жилищ

сколько яснее, чем на профилях, были видны на плане (см. рис. 25 и 30), в основном в верхних горизонтах слоя, что вполне понятно, так как нижние горизонты этого слоя были очень сильно потревожены при сооружении жилых и хозяйственных построек последнего периода жизни поселения. Интенсивно-темные пятна не всегда имели отчетливые границы. Иногда они сливались между собой, но все же в верхнем горизонте слоя удалось выявить десять таких пятен. Как правило, темные пятна верхнего горизонта слоя содержали значительную примесь угля в виде мелких угольков и угольной пыли и большое количество мелких обломков глиняной обмазки, как обожженной (печной), так и необожженной (из пазов между бревнами построек). Темноокрашенные пятна по сравнению с остальным серым слоем содержали заметно большее количество находок и керамического материала. Распределение находок верхнего горизонта древнерусского слоя показано на рис. 31. Керамический материал в

процессе раскопок обрабатывался по пластам и квадратам, поэтому его корреляция с темно-серыми прослойками не вполне наглядна. Однако в полевых дневниках неоднократно отмечено, что в темных прослойках встречено очень много обломков глиняной посуды, значительно больше, чем там, где слой не имел черноватой окраски.

Когда темные пятна только наметились в плане, было предположено, что это следы жилых построек последнего периода жизни на городище. Предположение полностью подтвердилось в процессе дальнейших исследований. В каждом из этих пятен были открыты остатки печей. Большинство темных пятен имело в плане четырехугольные очертания. При снятии грунта по углам были открыты пятна ям от вертикальных столбов-стульев. Стратиграфическая связь этих ям с темно-серыми прослойками очень ясна.

Темно-серые прослойки ям от стульев и остатки печей являются единственными материалами для реконструкции жилых

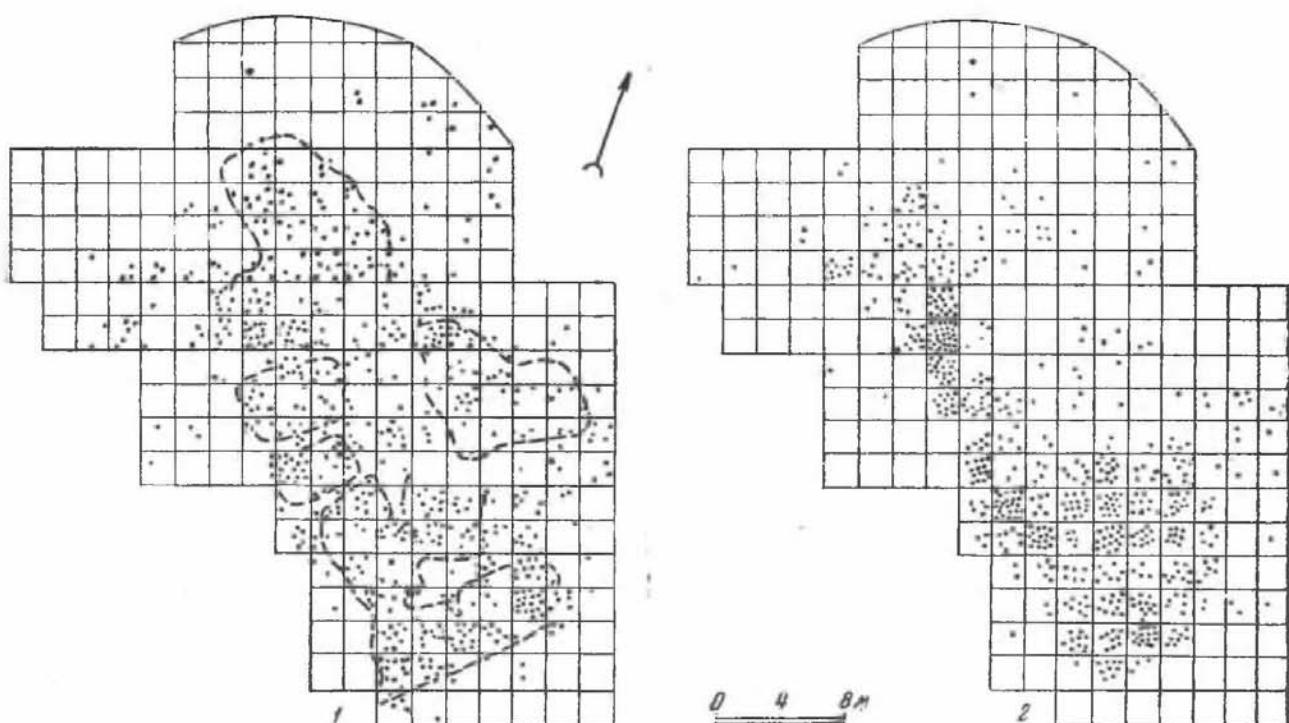

Рис. 31. Размещение индивидуальных находок древнерусского слоя Воицинского городища
1 — находки верхнего горизонта (пунктирными линиями ограничены пятна жилищ); 2 — находки нижнего горизонта

построек городища. Большую помощь при этом оказывают этнографические наблюдения над современными жилыми и хозяйственными постройками центральной части Смоленщины²⁴. Для этого района характерны срубные жилые постройки на стульях. Часто стулья ставятся и под середину бревен первого венца сруба так, чтобы расстояние между ними равнялось 3—4 м. Для стульев обычно используют дуб. Для предохранения стульев от гниения их обжигают или просматривают. Высота стульев около 1 м, их врывают вровень с землей, чтобы первый венец лежал плотно на земле. Полы старых жилых построек не подняты над землей, а настланы на уровне нижнего венца²⁵. Для хранения продовольственных запасов роют подпольные ямы. Пазы между бревнами жилых построек исследуемых районов Смоленщины очень часто промазываются глиной, впрочем есть много срубных построек и без глиняной обмазки.

²⁴ Этнографическое обследование производилось одновременно с археологической разведкой. Опубликованных материалов по жилищам этих районов Смоленщины нет, кроме кратких сведений в работе Е. Э. Бломквист «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов». Восточнославянский этнографический сборник. М.—Л., 1956, стр. 76.

²⁵ Наблюдения участников экспедиции.

Большая часть хозяйственных построек исследуемых районов Смоленщины и небольшая часть жилых домов имеют иную конструкцию. Каркас этих построек составляют вертикальные столбы (столбовая техника). Сами стены делались из горизонтальных бревен или полубревен, концы которых помещались в пазы вертикальных стояков. Промазка пазов между бревнами здесь обязательна. Глины для этих целей расходуется значительно больше, чем при промазке срубных построек. Поэтому от последних после их разрушения остается много глины. Вторым отличительным признаком построек столбовой техники является значительно большая (в отличие от ям стульев срубных построек) глубина ям для вертикальных столбов, составляющих каркасную основу жилищ.

Учитывая эти особенности, нужно полагать, что воицинские жилые постройки были главным образом срубными. В пользу этого говорят и небольшое количество глиняной обмазки в темно-серых пятнах и сравнительно небольшая глубина угловых ям. В отдельных местах по краям пятен были открыты остатки сгоревших бревен, по которым, к сожалению, невозможно определить конструкцию построек. Диаметры бревен, судя по этим остаткам, равнялись 15—25 см.

Жилые постройки городища были небольшими, самая маленькая постройка верхнего яруса имела размеры 4×3 м, самая большая — $6,5 \times 5$ м. Впрочем, подобные размеры типичны для древнерусских жилищ²⁶.

Остатки деревянных полов в раскопках не обнаружены. По всей вероятности, как и в современных жилищах Смоленщины, полы были низкими, а, скорей всего, просто земляными²⁷. Не удалось проследить раскопками и каких-либо остатков верхних частей построек. Остается предполагать на основе этнографических материалов, что воицкие жилища имели двускатные крыши, покрытые соломой.

Прежде чем перейти к внутренней планировке жилищ и к устройству печей, остановимся несколько подробнее на характеристике каждого из обнаруженных нами пятен верхнего горизонта древнерусского слоя.

Пятое первого жилища, расположенное в северной части городища, имело четырехугольную форму, его размеры $5,5-6 \times 5,2$ м. Толщина темно-серой прослойки достигает 25—30 см. С южной стороны прослойка сливается с пятном второй постройки, другие ее границы видны довольно четко. Темно-серый слой пятна от жилища содержал много перегнившей древесины и большое количество мелких угольков. На всей площади пятна отмечены мелкие включения глиняной обмазки. Особенно много обломков стенной глиняной обмазки обнаружено по западному краю пятна. Остатки печи открыты в срединной части восточной половины пятна. Эта была куча довольно крупных, сильно прокаленных камней (до 15—20 см в поперечнике) и боль-

шого количества бесформенных, главным образом мелких обломков обожженной глины. Размеры печного развода $1,5 \times 0,8-1$ м, глубина 15—25 см. Кроме того, много мелких обломков печной обмазки содержалось во всей восточной половине пятна. Никаких деталей устройства печи при разборке печного развода выяснить не удалось. Можно думать, что печь занимала юго-восточный угол жилища.

После снятия темно-серого пятна под его юго-восточным и юго-западным углами открылись пятна ям от стульев. Северо-восточная и северо-западная ямы были открыты чуть в стороне от пятна. Смещение, по всей вероятности, объясняется небольшим сползанием слоя, в том числе и темно-серой прослойки, в северо-западном направлении. Материк и все прослойки культурного слоя имеют здесь заметный наклон именно в этом направлении. Размеры ям стульев следующие: северо-западной — $60-120$ см²⁸, глубина 105 см, северо-восточной — 30×30 см, глубина около 60 см, юго-западной — 40×50 см при глубине около 90 см и юго-восточной — 80×80 см при глубине около 105 см. Размеры сруба, судя по этим ямам, равнялись $6 \times 5,4$ м. По всей вероятности, дверь находилась в восточной стенке сруба. С северной и южной сторон постройки вход невозможен, с западной он маловероятен. Найдены, собранные при раскопках темно-серого слоя этого жилища, немногочисленны. Это обломки стеклянных браслетов, железный нож и шило, железные гвозди, ключ пурпурного замка и дверной пробой. Последняя находка была сделана близ восточного края пятна, т. е. там, где предполагается вход в жилище.

Пятое второго жилища находилось южнее первого, сливаясь с ним своей северной частью. Тем не менее, рубеж между обоими пятнами проводится довольно отчетливо, так как второе пятно длиннее первого. Длина его достигает 8,5—9 м. Ширина пятна не может быть определена, так как с южной стороны оно постепенно сливается с окружающим серым слоем. В связи с этим реконструкция жилища в плане несколько затруднительна, тем более, что здесь с верхним горизонтом культурного слоя стратиграфически увязываются

²⁶ Размеры староладожских жилищ составляли в среднем 4×4 или 5×5 м (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XI. 1949, стр. 15—40). В Новгороде основная масса жилых срубов имела такие же размеры, но там есть довольно много и более крупных домов (П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. Тр. Новгородской экспедиции, т. 2. МИА, № 65. 1959, стр. 262—298). Такие же небольшие дома открыты в Старой Рязани и многих других древнерусских городах (А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49. 1955, стр. 63).

²⁷ Почти вся Смоленщина находится, как отмечают этнографы, в зоне распространения поземной хаты. Низкие избы строятся без подполья, еще недавно в избах широко был распространен земляной пол. См. Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 224, 225; О. А. Ганцикай, Н. И. Лебедева, Л. Н. Чижикова. Материальная культура русского сельского населения западных областей. Сб. «Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР». М., 1960, стр. 20, 21.

²⁸ Здесь и ниже при характеристике ям от стульев жилых построек городища даны размеры нижних частей ям, так как они близки к размерам самих стульев. Размеры верхних частей ям можно установить по плану (рис. 27).

Рис. 32. Изделия из глины

1, 2 — Бородинское городище; 3—5 — Воишчинское городище; 6—8 — курганы Туринцинского могильника

около десяти ям. Наиболее вероятная реконструкция изображена на рис. 27. Размеры ям от стульев следующие: северо-западной 55×55 см при глубине 1,7 м, северо-восточной 50×50 см при глубине 1,2 м, юго-восточной 45×45 см при глубине 1,35 м, юго-западной 40×60 см при глубине около 1,5 м. Размеры постройки приблизительно равны $6,5 \times 3,7$ м. При подобной реконструкции жилища восточная часть темно-серого пятна остается за пределами жилой постройки. Скорей всего, здесь располагалась хозяйственная пристройка. В современных деревнях Смоленщины такие пристройки наблюдаются довольно часто. Обычно деревянные столбы поддерживают крышу-навес. Стены часто делаются плетневыми и обмазываются глиной. Пристройки используются и как помещения для скота, и как хралища. Печной развал занимал юго-восточную часть пятна от второго жилища и представлял собой массив обожженной глины оранжево-красного цвета, в котором находилось много камня (в основном 8—10 см в попечнике, но есть и более крупные). Здесь было отмечено несколько прослоек золы. Размеры основной части печного развода $1,6 \times 1,1$ м, его толщина 15—20 см.

В темной прослойке второго жилища найдены коса-горбуша, серп, три шиферных пряслица, обломки стеклянных браслетов, железное четырехгренное шило, нож, гвозди и дужка замка. Среди большого количества керамического материала, собранного здесь, найдены глиняный рукомойник и светильник киевского типа (рис. 32, 3, 4). Вероятнее всего, вход в жилище был вырезан в южной стороне сруба. С северной и восточной сторон вход невозможен, так как здесь к жилищу вплотную примыкали другие постройки, а с западной стороны жилище почти касается бревенчатой стены.

Темно-серый слой пятна третьего жилища также содержал большое количество мелких кусков глиняной обмазки. Но здесь было несколько больше угля и угольной пыли, отчего пятно имело черноватую окраску. Форма пятна в плане близка к четырехугольнику с округленными углами и небольшим выступом в северо-восточной части. Размеры пятна приблизительно 6×4 м, его толщина около 12—15 см, только в отдельных местах она достигает 30 см. На всю глубину пятна контуры его оставались почти неизменными. В северо-западной части темно-серый слой содер-

жал большое количество бесформенных кусков печной обмазки. В нижней части темно-серой прослойки открылось округло-ovalное пятно, состоящее в основном из крошки сильно обожженной глины. Здесь же было много золы и мелкие угли. Это пятно представляло собой остатки печи. Размеры печного развода в плане 1×1 м. При раскопках пятна третьего жилища найдены часть косы-горбушки, железный нож, шиферное пряслице, часть павесного цилиндрического замка, железные гвозди, обломки стеклянных браслетов и головка медной фибулы (рис. 33, 2).

Под юго-западной и юго-восточной частями темно-серого пятна были открыты столбовые ямы (размеры юго-западной ямы 60×60 см, глубина 120 см, юго-восточной — 45×35 см, глубина 85 см). Следовательно, реконструкция этих углов постройки не вызывает возражений. Северо-западная и северо-восточная ямы открыты были не под темно-серой прослойкой, а несколько севернее ее. Несоответствие между этими угловыми ямами и темной прослойкой нужно объяснить небольшим сползанием культурного слоя городища в южном направлении. Как раз в этой части площадка городища имеет заметный наклон к югу. Менее заметное сползание слоя наблюдалось и при изучении других построек южной части городища. Северо-западная яма имела довольно большие размеры — 90×105 см, ее глубина около 130 см, размеры северо-восточной ямы 50×50 см при глубине около 90 см. Северная и южная стороны сруба этой постройки, по всей вероятности, стояли на дополнительных промежуточных стульях, так как здесь также находились ямы размерами 70×60 см и 80×40 см и глубиной 90 см. Общие размеры сруба третьей постройки равнялись, таким образом, $5,5 \times 4,2$ м. Печь, судя по местонахождению обожженной глины и обломков печной обмазки, занимала северо-западный угол постройки и была глинобитной. Вход мог быть расположен или в северной или в восточной сторонах сруба.

Темно-серая прослойка, связываемая с четвертой постройкой городища, имела в плане четырехугольную форму и отличалась сравнительно небольшими размерами ($4,5 \times 2,8$ м). Ее консистенция та же, что и прослойки описанного выше жилища. Толщина темной прослойки в отдельных местах достигает 20 см. Пятно оранжево-красной

обожженной глины находилось в северо-западной части прослойки жилища. Округлое в плане (размерами 100×100 см), оно имело толщину 15—20 см. Сразу же после снятия темно-серой прослойки открылись четыре пятна столбовых ям, которые можно связать с угловыми стульями. Размеры ям от

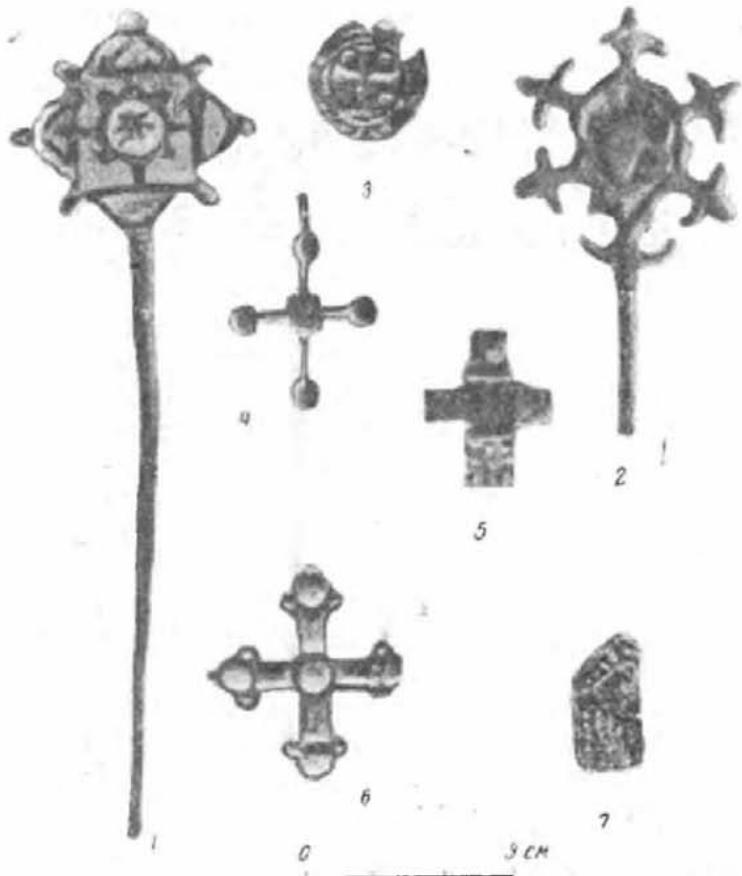

Рис. 33. Предметы из цветных металлов

1, 2 — булавки; 3 — привеска; 4—6 — крестики; 7 — бляшка;
1, 2, 4, 5 — Волчинское городище; 3 — курган Турин-
шинского могильника; 6, 7 — Крицковщинское селище

40×30 до 80×80 см, их глубина от 70 до 110 см. Размеры постройки, судя по ямам, равнялись $4,2 \times 2,6$ м. В темно-серой прослойке этого жилища найдены обломок серпа, два железных ножа, два ключа и две дужки цилиндрических павесных замков, дужка ведра и обломки стеклянных браслетов.

Темно-серая прослойка пятой постройки также в плане имела четырехугольные очертания. Ее размеры $4 \times 3,5$ м. В южной части она сливалась с такой же прослойкой, связываемой с шестым жилищем. Толщина прослойки 10—15 см. Прослойка оказалась несколько смещенной относительно угловых ям от стульев, что опять-таки объясняется общим наклоном материала в юго-восточном направлении и постепенным сползанием культурного слоя.

Размеры ям от 60×50 до 85×80 см, глубина около 100 см. Размеры сруба, судя по ямам от стульев, равнялись 4×3 м. Может быть, сползанием культурного слоя объясняется неугловое положение остатков глинобитной печи. Развал печи состоял из крошки и мелких кусочек обожженной оранжевой глины и занимал площадь размерами 120×110 см, его толщина 10—20 см. Учитывая сползание слоя в юго-восточном направлении, можно полагать, что печь занимала северо-западную часть постройки. При снятии темно-серого слоя этого жилища найдены обломок серпа, шиферное пряслице, железные ножи и гвозди, дверной пробой и восемь обломков стеклянных браслетов.

Темно-серый слой пятна шестого жилища отличался большим содержанием мелких обломков глиняной обмазки. В плане пятно имело четырехугольную форму, размеры его $4,5 \times 3,5$ м. Толщина прослойки 10—15 см. С северной и южной сторон прослойка соединялась с темно-серым слоем соседних построек, а с восточной стороны с таким же темным пятном, имеющим также четырехугольную форму. Однако это пятно не удалось стратиграфически связать со столбовыми ямами, не обнаружено здесь и следов печи. Возможно, это была хозяйственная постройка иной конструкции. Но для ее реконструкции мы не располагаем какими-либо данными.

За исключением западной, все ямы от стульев открылись непосредственно под углами темной прослойки шестого жилища. Западная яма не совпадала с западным углом прослойки, так как здесь пятно несколько расположилось в соответствии с наклоном поверхности. Размеры ям от стульев от 40×30 до 50×50 см, глубина 70—100 см. Размеры сруба, судя по этим ямам, равнялись $3,8 \times 3,2$ м. В южной части темно-серой прослойки обнаружены сгоревшие остатки стены сруба. Остатки печи находились в юго-западном углу жилища. Печной развал занимал площадь 2×1 м, его толщина достигала 20 см. Наряду с большим количеством мелких частиц обожженной глины, в печном развале обнаружены и крупные обломки. На некоторых из них оказались следы дерева, вероятно, деревянного каркаса печи. Четыре обломка печной обмазки имели плитчатую форму, их толщина 2 см. В слое шестого жилища найдены серп, железный нож и шило, гвозди и обломки стеклянных браслетов.

Темное пятно седьмой постройки содержало большое количество мелких угольков. С северной и восточной сторон оно сливалось с пятнами соседних построек. Западная граница его не прослеживалась, с южной стороны прослойка, видимо, несколько сползла и граничила с насыпью вала. Размеры жилой постройки в плане не менее 5×4 м. Толщина темного слоя, в среднем, около 10 см, в отдельных местах достигает 10—20 см. Ямы под южным углом постройки не удалось проследить. Остальные угловые ямы имели размеры от 40×40 до 70×70 см, глубина 80—110 см. Размеры сруба, судя по столбам, равнялись $4,2 \times 4,2$ м. Остатки печи прослежены в западной четверти пятна. Печной развал представлен двумя пятнами плотной обожженной глины, каждое толщиной в 8—15 см. В южном углу темного пятна этого жилища прослежена еще одна прослойка печной обожженной глины. Были ли в этой постройке две печи, или это остатки разновременных печей, выяснить не удалось. С этим жилищем связаны следующие находки: железный серп, гвозди, дверная накладка, две дужки и внутренние части цилиндрических замков, 19 обломков стеклянных браслетов, обломок ребра крупного животного с тремя зарубками и верхний край медного котла с остатками заклепок от ушка.

Черновато-серое пятно восьмой постройки хорошо выделяется в своей западной части и постепенно теряется в восточной. Ширина пятна 4—4,3 м, длина его не может быть определена. Толщина черно-серой прослойки в северной и западной частях достигает 20 см, в южной — около 4—5 см. Хорошо связываются с жилым пятном западная и южная ямы от угловых стульев, их размеры 60×60 см и 40×40 см, глубина 100 и 65 см. Северная яма определена приблизительно (ее размеры 45×45 см, глубина 105 см), восточной ямы не оказалось вовсе. Размеры сруба, судя по угловым ямам, равнялись 5×4 м. В южной и западной частях жилого пятна прослеживались сгоревшие остатки западной стены сруба. Печной развал был в середине западной части темной прослойки. Это был плотно слежавшийся слой обожженной глины толщиной в 15—20 см. На западном крае пятна обнаружено много угля. В слое восьмой постройки найдены сошник (рис. 34, 5), коса-горбуша, железный наконечник стрелы, железный наконечник дротика, шиферное пряслице, железный нож,

дверная накладка, обломки стеклянных браслетов и вставка перстня из горного хрусталя.

В восточной части городищенской площадки под дерновым слоем было открыто довольно большое темно-серое пятно, которое мы связываем с девятой постройкой. Форма пятна в плане неопределенна, и сначала происхождение его было непонятным. Только после снятия грунта (его толщина 8—20 см), когда в нижнем горизонте древнерусского слоя были открыты пятна ям, положение постройки, оставившей эту прослойку, стало объяснимым. Обнаружено также, что темный слой здесь несколько сполз к востоку из-за заметного наклона материковой поверхности городища в том же направлении. Размеры ям от угловых стульев следующие: северо-западной — 80×80 см при глубине 85 см, северо-восточной 35×35 см при глубине 110 см, юго-западной — 110×80 см при глубине 100 см, юго-восточной — 110×70 см при глубине 130 см. Общие размеры постройки равнялись $6,5 \times 5$ м. Под длинными сторонами постройки находились дополнительные стулья. Размеры ям от этих стульев 80×80 и 110×80 см, глубина их 110 см. Вполне вероятно, что эта постройка была пятистенной и, может быть, даже двухэтажной. Печь занимала северо-восточный угол постройки. Печной развал, состоящий из плотной массы обожженной глины оранжево-красного цвета, имел в плане четырехугольную форму, размеры его $1,7 \times 1,5$ м, толщина до 20 см. Особое срединное положение этой постройки и ее большие размеры заставляют полагать, что в ней жил не рядовой обитатель городища, а хозяин поселения. Темно-серый слой, связываемый с этой постройкой, в юго-восточной части образует значительный выступ вплоть до бревенчатой стены, ограждавшей поселение, что вряд ли можно объяснить сползанием слоя. Скорей всего, здесь располагалась хозяйственная постройка, западной стороной примыкавшая к жилому срубу. Можно полагать, что это была конюшня, так как здесь в темном слое были найдены двое конских удила, в том числе одни орнаментированные, железные пряжки и кольца от конской сбруи и железный серп. Никаких материалов относительно устройства этой постройки раскопки не дали.

В основной части слоя, связываемого с девятой постройкой, найдены четыре железных ножа, обломок топора, точильный

Рис. 34. Железные предметы из Войницкого городища и селищ
 1 — долото (Войницкое городище); 2 — втульчатое долото (Крицковщинское селище);
 3, 4 — ножи (Войницкое городище); 5 — сошник (Войницкое городище); 6 — наконечник стрелы;
 7 — кресало (оба из Дросенского селища)

брусок, гвозди и большое количество обломков стеклянных браслетов.

Десятая постройка последнего строительного периода городища несколько отличалась от указанных выше. Она занимала северо-восточную часть городищенской площадки и своей восточной стороной вплотную примыкала к оборонительной стене городища. Сгоревшие остатки сруба этой постройки залегали несколько ниже, чем другие жилища. На глубине около 40—45 см открылись многочисленные головцы от восточной и северной стен сруба. Западная и южная стены прослеживались в виде полос угольного слоя, в отдельных местах достигавших 20—30 см. Культурный слой внутри сгоревшего сруба содержал значительную примесь угольной пыли и большое количество угля.

В отличие от других построек городища при сооружении этого жилища был предварительно вырыт неглубокий котлован. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что постройка располагалась не на более или менее горизонтальной площадке (как все остальные), а в том месте, где поверхность имела заметный наклон в северо-восточном направлении. Котлован жилища несколько выравнивал поверхность: глубина его в юго-западной части достигала 50 см, а в северо-восточной — только 10 см. Его размеры в плане $4,7 \times 3,2$ — $3,6$ м (рис. 35). На дне котлована (по его краям) наблюдались продольные канавки шириной около 20 см и глубиной 8—10 см. Нужно полагать, что эти канавки были помещены бревна нижнего венца сруба, опущенного в котлован. При расчистке заполнения котлована обнаружены обгоревшие бревна сруба. Судя по этим остаткам, диаметр бревен не превышал 12—15 см. Пожарище этой постройки и оборонительной стены в северо-восточной части городища сливаются вместе. Следовательно, постройка сгорела во время пожара, от которого погибло городище.

Пол исследуемой постройки, нужно полагать, был деревянным, несколько приподнятым над землей. Печной развал открыт не на дне котлована, а значительно выше его. В отличие от печных развалов других построек последнего периода жизни на городище, здесь развал печи оказался сильно потревоженным — куски обожженной глины были сильно перемешаны с бурым супесчаным слоем и углем. Это можно объяснить только тем, что печь была значительно поднята над

котлованом, и в момент гибели постройки обрушившаяся часть ее перемешалась с другими остатками жилища.

В слое постройки найдены только многочисленные обломки керамики, стеклянных браслетов и гвозди. Почти полное отсутствие находок здесь и вообще сравнительно небольшое количество их в слое жилых построек верхнего яруса городища объясняется тем, что, во-первых, поселение, вероятно, было разграблено противником, и все более или менее ценные вещи были унесены; во-вторых, после гибели поселения население окрестных деревень выбрало отсюда все то, что еще могло быть использовано в хозяйстве. Может быть, сделали это жители городища, уцелевшие после его разгрома.

Перейдем к вопросу о печах городища. К сожалению, во всех случаях печные развалы были открыты в таком виде, что реконструировать в деталях хотя бы одну из печей не представляется возможным. Большинство воищинских печей было глинобитными. Так как обычно печные пятна имели в плане овальные или близкие к круглым очертания, можно думать, что воищинские печи были овальными или круглыми. Размеры их, судя по границам пятен, достигали от $1 \times 1,2$ до $1,5 \times 1,8$ м. В одном случае прослежено основание печи сложной конструкции — толстый слой обожженной глины, песка и золы (толщина его около 40 см) покоялся на прослойке очень плотного белого песка. Но как правило, глинобитные печи, по-видимому, ставились прямо на грунт, так как никаких следов подпечных срубов или каких-либо деревянных платформ в раскопках не обнаружено. Не обнаружено и подпечных ям, которые встречаются в некоторых областях Древней Руси²⁹ в постройках, где есть печи с низким подом.

В ряде случаев в развалих глинобитных печей были найдены камни, иногда их встречалось довольно много, иногда они единичны. Эти камни вместе с глиной составляли основу стен и свода глинобитных печей. Использование камня в глинобитных печах неоднократно отмечено этнографами. Е. Э. Бломквист отмечает, что помещение камней в глинобитные печи способствовало более сильному нагреву печи; печь дольше сохраняла тепло³⁰. На великорусском севере

²⁹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 66.

³⁰ Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 260.

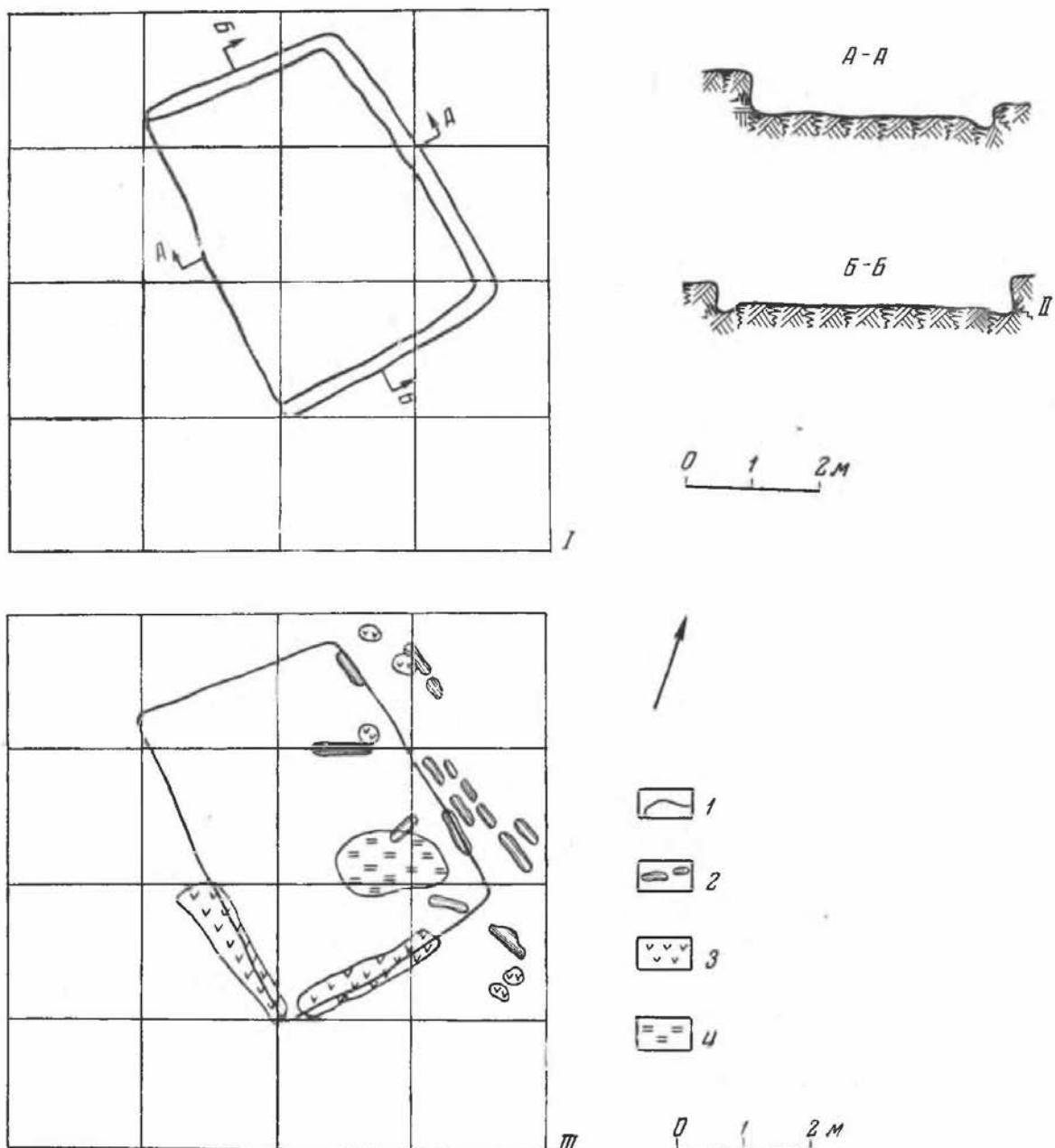

Рис. 35. Воицинское городище. Постройка 10

I — план котлована постройки; II — разрезы котлована; III — остатки постройки в верхнем горизонте слоя;
1 — границы котлована; 2 — остатки сгоревших бревен; 3 — угольный слой; 4 — обожженная глина

камни средней величины обычно вбивали в глину слоями, чтобы слои глины и камня чередовались. Белорусы при постройке глино-битных печей размещали крупные камни в различных частях печи, на одну печь шло всего около десятка камней. В воицинских печах, нужно думать, камни были размещены в разных местах печного корпуса не слоями, а в одиночку. Техника устройства сводов воицинских печей не выявлена раскопками. Устанавливали ли дугообразно согнутые

толстые прутья и затем обмазывали их глиной или же применяли способ обмазки глиной деревянного каркаса, оставляемого потом внутри печи³¹, — сказать трудно.

Кроме глино-битных печей, на городище были открыты остатки немногочисленных каменных печей. Печь-каменка обычно связывается с северорусской традицией. В Новгородской земле, например, эти печи широко

³¹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 65.

распространены уже с IX—X вв. Они удерживались на севере европейской части СССР до недавнего времени. Для Смоленской земли печи-каменки не характерны. Их появление здесь, по-видимому, объясняется новгородским влиянием. Появление таких печей на Волыни, вероятно, можно объяснить влиянием Смоленска, где их было значительно больше, чем в других поселениях Смоленщины. Остатками печей-каменок на городище обычно являются кучи камней, среди которых многие сильно обожжены. Камни имеют самые различные размеры, но в основном от 12 до 20 см в поперечнике. Более крупных камней в печных развалих почти не встречено, зато более мелкие — обычны. Все печи-каменки были сложены насухо, ибо никаких следов связующего материала в их развалих не было обнаружено. Часть скоплений камней была не печами-каменками, а открытыми очагами, но выделить их по остаткам, открываемым в раскопках, невозможно.

В девяти из десяти жилых построек последнего периода жизни на городище печи занимали бесспорно угловое положение. Только в первом жилище остатки печи занимали центральную часть его восточной половины. Но и здесь, кроме основной части печного развода, печные остатки (обгоревые камни и куски обожженной глины) в большом количестве были встречены в юго-восточном углу жилого пятна и, следовательно, можно полагать, печь имела угловое положение. В тех случаях, где удалось наметить место входа в жилище (первая, вторая и третья постройки), он расположен так, что входящий в избу видит сразу справа или слева печное устье. Такая внутренняя планировка жилых помещений характерна для западнорусских и белорусских областей Восточной Европы. Этнографы называют ее планировкой западнорусского типа³². В центральных и западных районах Смоленщины такая планировка жилых помещений господствует и поныне.

В четвертой, пятой, шестой и седьмой постройках местоположение входа при раскопках не было определено. Северная, южная и западная стены этих построек, за исключением седьмой, либо выходили к крепостной стене, либо почти вплотную прижимались к соседним строениям. Это позволяет думать, что все такие постройки были связаны между

собой дверями, а специального входа каждая из них не имела. Восточные стены построек были передними и, может быть, в них были прорезаны небольшие окна. Все эти сравнительно небольшие, тесно поставленные и, по-видимому, связанные между собой жилые помещения, можно предполагать, предназначались для холопов, обслуживавших хозяйство феодала — хозяина этого городища. В других постройках жили зависимый от хозяина городища ремесленник-стеклодел (см. раздел о ремесле) и, возможно, староста, в обязанности которого входило наблюдение за барской пашней и сбор платежей с деревень вотчины феодала.

Выше было отмечено, что постройки нижнего горизонта древнерусского культурного слоя городища в основном проследить невозможно, потому что при строительстве последующего времени эти слои были в значительной степени потревожены. Только отдельные ямы удается связать с нижним горизонтом древнерусского слоя. По расположению этих ям и по распространению находок в нижнем горизонте серого слоя (см. рис. 31) видно, что планировка городища в течение всего периода жизни на нем (имеется в виду древнерусский период) оставалась неизменной. В раннее время так же, как и в последний период, постройки располагались по периметру городища.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Среди орудий труда, найденных на городище, ведущее место занимают сельскохозяйственные орудия. В темно-серых слоях почти всех жилых построек были встречены какие-либо орудия сельскохозяйственного труда: серпы, косы-горбушки, сошники. Большое число этих орудий наряду с находками зерна в древнерусском слое городища при почти полном отсутствии здесь развитого ремесла, свидетельствует о том, что сельское хозяйство было здесь основной и ведущей отраслью трудовой деятельности обитателей городища.

Железных сошников на городище найдено четыре. К сожалению, они сломаны. Но, кажется, все городищенские сошники принадлежали к одному типу многозубых сох, распространенных в древнерусский период в срединной лесной полосе Восточной Европы. Размеры воицинских сошников восстановлены. Один из них, у которого была отломана часть трубицы, имел в длину 133 мм (см. рис. 34, 5). Так как обычно трубицы

³² Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 224—226.

сошников многозубых сох составляют около половины общей длины сошника³³, длина воицинской находки равнялась 17—19 см. Длина рабочей части сошника составляла 9 см. Примерно такие же размеры имели и три другие сошника. По своей форме и размерам воицинские сошники имеют близкие аналогии среди почвообрабатывающих орудий лесной полосы Восточной Европы домонгольского времени; наиболее близки они к псковским и вицким сошникам³⁴.

Железных серпов на городище найдено довольно много, но все они представлены обломками, по которым трудно судить о принадлежности серпов к тому или другому типу. Один серп оказался почти полным (рис. 36, 1). Датируется он первой половиной XIII в. Длина его лезвия около 20 см, ширина в самом широком месте 2,4 см. Изгиб начальной части лезвия некрутой ($\angle A$ около 60°), изгиб лезвия плавный и неглубокий. По своей форме он может быть отнесен к серпам московского типа³⁵. Наиболее близок к нему по форме и размерам серп из курганов Калужской губернии³⁶. Найденный серп не имел зубчатой нарезки на лезвии. Однако большая часть воицинских серпов имела зубчатое лезвие.

Все найденные на городище косы принадлежат к типу косы-горбушки, распространенной в лесных областях Древней Руси. Лезвия всех кос гладкие, тем не менее они могли применяться не только при косьбе, но и при уборке урожая (на полях с невыкорчеванными пнями). Длина кос неизвестна, так как ни одного целого экземпляра среди воицинских находок не оказалось, ширина их 4,5—5 см. Только одна коса имела узкий клинок шириной в 3 см. Макроструктурное исследование одной косы-горбушки показало, что на железную основу ее клинка наварено стальное лезвие³⁷.

³³ В. П. Левашева. Сельское хозяйство. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» Тр. ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 28.

³⁴ А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65. 1959, рис. 2, 5 на стр. 316; В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 28, рис. 5, 3.

³⁵ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Тр. секции археологии РАНИОН, т. IV. М., 1929, стр. 29—41; В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 71.

³⁶ В. П. Левашева. Сельское хозяйство, рис. 15, 7.

³⁷ Исследование произведено Т. М. Смирновой в лаборатории Института археологии АН СССР.

Одним из основных орудий подсечного земледелия был железный топор. Но на городище найдено только три топора, да и то, по всей вероятности, они были плотничими инструментами, во всяком случае один из них

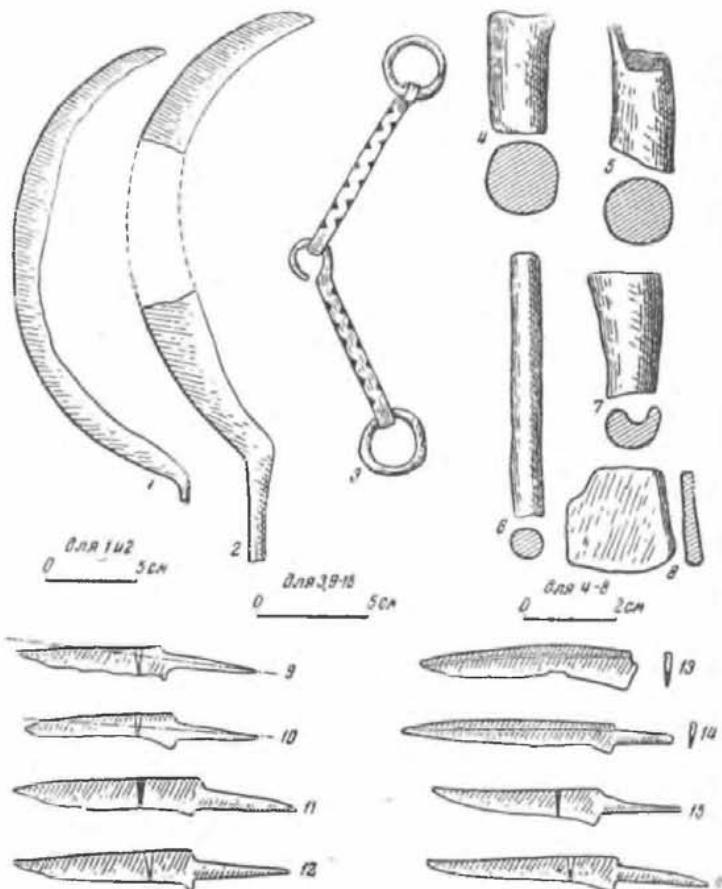

Рис. 36. Воицинское городище. Вещи из раскопок

1, 2 — серпы; 3 — удила с инкрустацией; 4—8 — свинцовые палочки и куски свинца из стеклоделательной мастерской; 9—16 — железные ножи

найден был вместе с долотом. По-видимому, к XII—XIII вв. в центральных районах Смоленщины подсечное земледелие утратило существенное значение.

Из сельскохозяйственных культур, разводимых населением городища, в раскопках представлены ячмень и конские бобы³⁸. Нахodka эта случайна и, конечно, не отражает реальной картины распространения земледельческих культур на Смоленщине.

Есть основания полагать, что по сравнению с земледелием скотоводство имело гораздо меньшее значение в хозяйстве населения городища. Положение поселения среди болотистой низины не способствовало широкому

³⁸ Зерновой материал определен А. В. Кирьяновым.

развитию здесь скотоводства, требующего более или менее обширных пастбищ. Небольшая возвышенность (площадью около 4 га), примыкавшая к городищу, вероятно, была занята под пашню. На небольшой, плотно застроенной площадке городища не было места для содержания большого количества скота. Таким образом, возможности скотоводства были весьма ограничены. Можно еще отметить, что среди находок больше серпов, чем кос, и это обстоятельство также говорит о преобладающей роли земледелия.

Остеологический материал из раскопок городища был обработан В. И. Цалкиным. В древнерусском слое городища собрано свыше 3 тысяч костей домашних и диких животных³⁹. Из костей были отобраны 1516 экземпляров, пригодных для изучения. Из них на долю домашних животных приходится 1208 костей, что составляет 79,7% общего количества костного материала. Соотношение между различными видами домашних животных показано в таблице 8.

Таблица 8

Виды домашних животных	Кости		Особи	
	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот	564	46,7	23	35,4
Свинья	443	36,7	17	26,2
Мелкий рогатый скот	102	3,5	13	20,0
Лошадь	84	6,9	7	10,8
Собака	14	1,1	4	6,1
Кошка	1	0,1	1	1,5
Всего	1208	100	65	100

На первом месте по количеству особей стоит крупный рогатый скот (немного больше $\frac{1}{3}$). На втором месте стоит свинья, далее овца и коза. Соотношение между различными видами домашних животных в Воищне можно назвать типичным для древнерусских поселений домонгольского времени⁴⁰.

³⁹ В древнерусском слое городища было найдено значительно больше костей животных (не менее 9—10 тысяч экземпляров). Большая часть костного материала оказалась в сильно раздробленном состоянии и была оставлена на городище.

⁴⁰ На большинстве поселений Древней Руси в костном материале по числу особей преобладает свинья. Но имеется много древнерусских памятников с таким же соотношением между различными видами домашних животных, как на Воищне.

Костные остатки лошади, как и на других поселениях Древней Руси, составляли сравнительно небольшой процент. Найдки костей лошади в древнерусском слое городища связаны, конечно, с использованием конского мяса в пищу. Однако это не значит, что употребление лошадиного мяса в пищу было у славян обычным явлением. Летописи довольно ярко свидетельствуют, что в Древней Руси конина считалась нечистым мясом и ее употребляли в пищу только в исключительных случаях в голодные годы (наряду с употреблением в качестве пищи собак, кошек, листьев и коры деревьев и мха). Вряд ли можно согласиться с В. И. Цалкиным, который считает, что летописные сведения не подтверждаются изучением костных остатков, и полагает, что употребление конины в пищу было у славян обычным явлением⁴¹. Наличие значительного количества костей лошади в составе костного материала древнерусских поселений нужно объяснить тем, что в Древней Руси довольно частым явлением были голодные годы⁴².

Лошадь в Древней Руси прежде всего была рабочим скотом. На Воищинском городище, наряду с лошадьми, выполнявшими сельскохозяйственные работы, вероятно, были специальные кони, предназначенные для верховой езды, о чем свидетельствуют, например, многочисленные находки различных предметов, относящихся к снаряжению всадника.

Мелкому рогатому скоту на городище, как и вообще в Древней Руси, принадлежала

не (см. В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. МИА, № 51. 1956, стр. 143). Сопоставление данных Воищинского городища с результатами обработки костного материала из других древнерусских памятников Смоленской земли (см. В. Я. Громаў. Аб фауне гарадзішча БССР і Смаленскай губ. Працы археалёгічнай камісіі Беларускай Акадэміі науک, т. II. Менск, 1930, стр. 213—217) показывает, что малые городища Смоленщины (Ковшаровское и Ободровское, расположенные в верховьях Сожа) имеют примерно одинаковые с Воищной соотношения между различными видами домашних животных.

⁴¹ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 145, 146.

⁴² Так, только в последний период жизни городища Смоленщина трижды переживала голодные годы. Письменные источники упоминают о голоде в Смоленской земле между 1215 и 1220 годами. Голод 1224 г. был особенно тяжелым и продолжался два года подряд. Неурожайный 1230 г. сопровождался мором. (П. В. Голубовский. История Смоленской земли..., стр. 92; В. И. Пичета. История сельского хозяйства и земледелия в Белоруссии, ч. I. Минск, 1928, стр. 17, 18).

второстепенная роль. Судя по костным остаткам, козье и овечье мясо составляло небольшой процент в мясном рационе обитателей городища. По-видимому, овец и коз разводили не ради молока и мяса, а ради шерсти и шкур. В древнерусском слое городища найдено несколько экземпляров пружинных ножниц. Исследование одних ножниц в лаборатории Института археологии показало, что технология изготовления их обычна для Древней Руси: на железную основу были наварены стальные лезвия⁴³.

Из находок, имеющих отношение к скотоводству, можно упомянуть еще железное ботало, найденное в нижнем горизонте. Оно очень близко по форме к боталам из раскопок в Новгороде⁴⁴.

Домашние животные воищинского городища принадлежали к тем же типам мелкогородистых животных, которые вообще характерны для лесной полосы Древней Руси.

Скот содержался в закрытых помещениях. В условиях суровой зимы открытое содержание скота на Смоленщине невозможно. Однако характер построек, в которых содержался скот, раскопками не выявлен.

Важную роль в хозяйственной деятельности обитателей городища играла охота. Хотя общее количество костей диких животных, собранных в древнерусском слое городища, и невелико, но о большом значении охоты в хозяйстве населения свидетельствует значительный процент особей диких животных (см. таблицу 9).

Небольшое количество костей диких животных в древнерусском слое городища объясняется, по всей вероятности, тем, что здесь широкое распространение получила охота на животных, добываемых не ради мяса, а для получения пушнины. Вполне естественно, что кости этих животных не попадали на городище, так как шкуры промысловых зверей обычно снимались охотником на месте. Поэтому вполне вероятно, что костные остатки даже несколько преуменьшают значение промысловой охоты. Судя по письменным источникам, охота на Смоленщине носила преимущественно

промышленный характер, ее занимались ради добычи пушнины⁴⁵. Развитию охоты благоприятствовали большие лесные пространства, покрывавшие в то время Смоленщину и изобиловавшие зверями и птицами⁴⁶.

Таблица 9

	Кости		Особи	
	абс.	%	абс.	%
Домашние животные . . .	1208	79,7	65	60,8
Дикие животные	193	12,7	42	39,2
Птицы *	112	7,4	—	—
Рыбы	3	0,2	—	—
Итого	1516	100	107	100

* Кости рыб и птиц не распределены по видам

Процент особей диких животных в костном материале из древнерусских городов обычно невелик (в среднем около 8—9%)⁴⁷. Совсем иная картина наблюдается на сельских поселениях Древней Руси. Костный материал селищ изучен еще плохо. Но все же можно определить, что кости диких животных обычно составляют значительный процент всех костных остатков того или другого памятника. Так, на древнерусском селище Лебедка дикие животные составляли 60,9% общего количества особей, на Липинском селище — 48,5%⁴⁸. Среди костных остатков Конопьевского городища кости диких животных составляли 39,9%⁴⁹, т. е. столько же, сколько на Воищинском городке. В связи с этим нужно полагать, что для сельского населения Древней Руси, и в особенности ее лесных областей, охота имела очень существенное значение. Широкое распространение этого промысла в Древней Руси связано как с добычей пушнины, так и с получением мяса⁵⁰. Значи-

⁴⁵ В числе податей, собираемых смоленским князем с городов, сел и деревень Смоленской земли, в уставной грамоте 1150 г. очень часто значатся лисицы и черные куницы (ДАИ, т. I, № 4).

⁴⁶ М. Р. Якушев. Леса Смоленской области. Смоленск, 1946, стр. 1—33.

⁴⁷ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 132, 137, табл. 81. Исключением является древнее Гродно, где установлена преобладающая роль диких животных в питании населения.

⁴⁸ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 132, табл. 81.

⁴⁹ В. І. Громаў. Указ. соч., стр. 214, 215.

⁵⁰ Частые упоминания «зверины» и «дичины» в древнерусских письменных документах свидетельствуют о большом значении охотничьей добычи в составе мясного рациона восточных славян.

⁴³ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА, № 32. 1953, стр. 82—86. Макроисследование воищинских ножниц произведено Т. М. Смирновой.

⁴⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65. 1959, стр. 75, 76 и рис. 63.

тельное развитие охотничьего промысла на Воищине объясняется, между прочим, и тем, что здесь не было условий для широкого развития скотоводства, в связи с чем потребность в мясной пище необходимо было удовлетворять за счет охоты.

Кости диких животных из древнерусского слоя городища Воищины принадлежат 13 видам животных (таблица 10).

Таблица 10

Виды диких животных	Кости		Особи	
	абс.	%	абс.	%
Бобр	90	46,6	16	38,1
Лось	54	28,0	7	16,7
Лисица	11	5,7	4	9,5
Кабан	5	2,6	3	7,1
Куница	8	4,15	2	4,8
Заяц	8	4,15	2	4,8
Барсук	6	3,1	2	4,8
Зубр	3	1,6	1	2,4
Волк (?)	3	1,6	1	2,4
Медведь	2	1,0	1	2,4
Олень	1	0,5	1	2,4
Выдра	1	0,5	1	2,4
Грызун	1	0,5	1	2,4
Итого	193	100,0	42	100,0

Около $\frac{2}{5}$ общего числа особей диких животных принадлежат бобру. В древнерусское время бобры были очень широко распространены по всей Смоленщине⁵¹. В настоящее время в связи с почти полным исчезновением лесных массивов в центральных районах Смоленской области бобров здесь нет. Они сохранились главным образом в южных районах области. В древнерусское время близ Воищины протекали две очень спокойные речки Нагорть и Лепцинка, берега которых были покрыты лиственными лесами. Здесь условия весьма благоприятствовали широкому распространению бобров.

Ловили бобров с помощью сетей, корзин-кошней, специально сплетенных для этих целей, капканов; охотились за ними также с собаками. Охота на бобра хорошо освещена в письменных документах XV—XVI вв. Так, в

⁵¹ Е. А. Шмидт. Так менялась природа нашей области. Сб. «Край наш Смоленский». Смоленск, 1954, стр. 33.

Смоленской земле, 1453 г. читаем: «туто имъ (боярам) ставити поколодвы, и коши, и собаки держать, и сети, какъ мога, такъ имъ бобра ловити»⁵². В 1504 г. московское правительство обращалось с жалобой к литовскому: «тымы рады Гаврило Полтевичъ послать люди свои до отчины своей до Пристары бобровъ гонити; ино людей его перебили и сети бобровые и собаки поотнимали»⁵³. Бобровые гоны довольно часто упоминаются в письменных памятниках этого времени⁵⁴.

Охотились на бобров ради ценных и красивых шкурок, а также ради мяса. По всей вероятности, уже в XII—XIII вв. использовалось содержимое мускусных желез бобров, так называемая бобровая струя. Судя по источникам XVI в., бобровая струя имела большой спрос как на местном рынке, так и за границей. О ценности бобров в Древней Руси можно судить хотя бы по тому факту, что в Русскую Правду была включена специальная статья, касающаяся наказаний за кражу бобров⁵⁵. За воровство бобров взималась сумма, превышающая в четыре раза штраф, назначенный за воровство лошади.

Процент костей бобра среди костного материала древнерусских поселений особенно велик в северо-западных районах Древней Руси. В слоях XI—XII вв. Пскова кости бобра составляют 48,6%, в Камне — 37,1%, в Старой Ладоге — 37,7%, в других областях они составляют 14—25%.

Очень широко была распространена в Древней Руси охота на лося. Остеологические материалы показывают, что в большинстве древнерусских памятников среди костей диких животных костные остатки лося занимают первое место. В древнерусское время лоси встречались почти на всей территории Смоленской земли. Кости лося встречены, кроме Воищинского городка, на Ковшаровском городище, где они составляли $\frac{2}{3}$ всех определимых костей диких животных, в слое X—XII вв. г. Орши (около 57% костного

⁵² Сборник Русского исторического общества, т. 35. СПб., 1882, стр. 446.

⁵³ Там же, стр. 446.

⁵⁴ Грамота мстиславского князя Юрия 1443 г. (Акты Западной России, т. II, № 43); судная грамота литовского князя Александра, в которой сообщается, что смоленский епископ Иосиф жаловался литовскому князю на бесчинства, творимые князьями в бобровых гонах (там же, № 145), грамоты мстиславского князя Михаила 1525 г. (там же, № 132 и 136).

⁵⁵ «Правда русская», т. I. М.—Л., 1940, стр. 434.

материала диких животных⁵⁶) и в Смоленске. Охотились на лосей ради мяса и шкур, из которых выделялись лучшие сорта кожи.

Одним из распространенных видов охоты на Руси была охота с помощью лука и стрел. Найденные на городище железные наконечники стрел в равной степени могли быть и охотничими и боевыми. Они описаны ниже при характеристике оружия. Специально охотничих стрел, в том числе костяных с тупым концом, непортившим шкурки пушного зверя, в древнерусском слое городища не встречено. Кроме лука и стрел на охоте употреблялись копья, которые также ничем не отличались от боевых. Сельское население Древней Руси, пожалуй, в большей степени, чем оружием, пользовалось при охоте ловушками, капканами, тенетами, перевесами и другими приспособлениями⁵⁷.

Кости птиц составляют всего 7,4% общего количества костного материала, собранного в древнерусском слое городища. Даже учитывая, что они сохраняются в слое значительно хуже, чем кости животных, вряд ли можно считать, что охота на птицу была здесь распространенной. Добавим еще, что часть птичьих костей принадлежит домашней птице. В письменных документах Смоленщины охота за дичью рисуется как довольно распространенное явление. Но это, по-видимому, относится к другим областям Смоленской земли.

Ничтожную долю костного материала древнерусского слоя городища составляют кости рыб. По всей вероятности, рыбная ловля в хозяйственной деятельности населения городища играла незначительную роль. Характерно, что среди вещевых находок не было ни одного орудия рыбной ловли.

РЕМЕСЛО И ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО

Среди вещевого материала, собранного при раскопках городища, преобладают железные предметы. Однако никаких следов железноделательного и железообрабатывающих ремесел в древнерусском слое городища не обнаружено. На городище не найдено ни железных шлаков, ни кусков болотной руды,

⁵⁶ В. І. Громаў. Указ. соч., стр. 214, 215.

⁵⁷ Подробное описание способов охоты в Древней Руси см. в работе В. А. Мальм «Промыслы древнерусской деревни». Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, вып. 32, М., 1956, стр. 106—116.

ни кузнечного, ни слесарного инструментария. Также на городище нет никаких следов меднолитейного производства. Среди находок древнерусского времени здесь нет ни литейных форм, ни лягушек, ни тиглей, ни шлаков цветных металлов, ни ювелирных инструментов⁵⁸. Таким образом, наиболее вероятно, что все найденные на городище железные вещи и изделия из цветных металлов не являлись предметами местного производства, а были приобретены населением городища в результате торгового обмена.

Зато есть серьезные основания полагать, что на городище занимались производством стеклянных браслетов. Найдки стеклянных браслетов на малых древнерусских городищах Смоленщины довольно обычны. Они найдены и на Ковшаровском городище⁵⁹ и на описанном ниже Бородинском городище. Правда, на Воицинском городище обломки стеклянных браслетов встречены в значительно большем количестве, чем на других древнерусских городищах, но не это является основным доказательством местного производства стеклянных браслетов. Большое количество находок стеклянных браслетов может быть объяснено просто более густой застройкой жилой площадки городища.

О местном производстве стеклянных браслетов на городище прежде всего свидетельствует находка обломка браслета, который можно рассматривать как производственный брак. В 1955 г. в слое первой половины XIII в. был найден обломок зеленого стеклянного браслета, перевитого тонкой ленточной желтой пасты. Капля такой желтой стекловидной массы оказалась в месте излома браслета на его торцовой части. Паста могла попасть сюда только в процессе нанесения витка из желтой пасты на этот браслет. Вероятно, в этот момент браслет лопнул или сломался, и капля желтой пасты попала на излом.

⁵⁸ В предварительной публикации результатов раскопок на городище в 1955—1956 гг. сказано, что в слое, относящемся к одному из древнерусских жилищ, были найдены тигель и лягушка. На этом основании был сделан вывод, что «хозяин жилища, наряду с хлебопашеством и скотоводством, видимо, занимался меднолитейным производством» (В. В. Седов. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли, стр. 307). Однако дальнейшие раскопки и уточнение стратиграфии раскопок 1956 г. показали, что эти находки относятся не к древнерусскому, а к нижнему слою городища.

⁵⁹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 229, табл. V.

Укажем также, что в 1,5 км от городища находятся залежи кварцевого песка, пригодного для стеклоделательного производства. Два комка кварцевого песка из этого месторождения были обнаружены в древнерусском слое городища, и вряд ли они попали сюда случайно.

Но самое важное доказательство местного производства стеклянных браслетов получено в результате их спектрографического изучения, произведенного Ю. Л. Щаповой в лаборатории кафедры археологии Московского Государственного университета. Исследованию удалось подметить некоторое своеобразие воищинских стеклянных браслетов, отличающее их от аналогичных украшений из других древнерусских поселений. По своему составу воищинские браслеты одинаковы с основной массой древнерусских стеклянных браслетов, так как изготовлены из свинцово-кремнеземных стекол⁶⁰. Но в отличие от всех других древнерусских браслетов, воищинские (95% исследованных на спектрографе экземпляров) содержали значительную примесь титана, так как были изготовлены из загрязненного и плохо очищенного стекла. Эта особенность выделяет браслеты, найденные на городище, из массы стеклянных браслетов всех других древнерусских памятников и указывает на их местное изготовление. Более того, поскольку среди исследованных Ю. Л. Щаповой стеклянных браслетов из раскопок Д. А. Авдусина в г. Смоленске около 10% оказалось с таким же большим содержанием титана, можно полагать, что в Воищне стеклянные браслеты изготавливались не только и, может быть, не столько для местных жительниц, сколько для продажи в Смоленске.

В древнерусском слое городища найдены также свинцовые болванки, палочки и листы свинца, которые после соответствующей обработки могли быть использованы для составления шихты при стекловарении (см. рис. 36, 4—8). Подобные свинцовые болванки, но более крупных размеров, были найдены при раскопках киевской и галицкой

⁶⁰ Были исследованы стеклянные браслеты из раскопок 1957—1958 гг. 95% исследованных браслетов оказалось свинцово-кремнеземными и только 5% принадлежало к калиево-свинцово-кремнеземным. Характеристику древнерусских стекол см. в работе М. А. Безбородова «Стеклоделие в Древней Руси». Минск, 1956, стр. 239, 268.

стеклоделательных мастерских⁶¹. Так как все свинцовые болванки были встречены в районе второй жилой постройки, хотя и в разных горизонтах древнерусского слоя, можно полагать, что стеклодел жил и работал где-то в этом районе площадки городища. Здесь же был найден обломок бракованного стеклянного браслета. Может быть, к остаткам стеклоделательного производства следует отнести и найденный здесь кусок меди весом 150 г. Но ни здесь, ни в другом месте городища никаких остатков стеклоплавильных печей раскопками не обнаружено. Впрочем, мало вероятно, чтобы подобные печи находились здесь, на тесно застроенной площадке городища. Скорей всего, печи сооружались за пределами городища, и поэтому открыть их не удалось.

Вопрос о производстве стеклянных браслетов во многих центрах Древней Руси в настоящее время уже не является дискуссионным⁶². Кроме Киева стеклоделательные мастерские открыты В. К. Гончаровым в Киевской земле в маленьком городке Колодяжне⁶³, остатки стеклоделательной мастерской обнаружены М. В. Фехнер в Костроме⁶⁴. Имеются серьезные основания полагать, что стеклянные браслеты производились также в Новгороде⁶⁵, Старой Рязани⁶⁶ и в Болгаре на Волге⁶⁷. После раскопок Воищинского городища мы получили возможность дополнить перечень древнерусских центров стеклоделательного ремесла.

Всего на городище найдено 543 обломка стеклянных браслетов. Из них круглых в сечении с гладкой поверхностью 330 обломков, или 60,8% общего числа браслетов. Витых браслетов найдено 213, что составляет 39,2%. Браслетов четырехгранных в сечении на городище не встречено. Распределение

⁶¹ В. А. Богусевич. Мастерские XI в. по изготовлению стекла в Киеве. КСИА, вып. 3. 1954, стр. 15; М. А. Безбородов. Указ. соч., стр. 263.

⁶² Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси. КСИИМК, XLIX. 1953, стр. 21—25; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 407, 408.

⁶³ В. К. Гончаров. Древний Колодяжин. КСИИМК, XLI. 1952, стр. 52.

⁶⁴ М. В. Фехнер. Раскопки в Костроме. КСИИМК, XLVII. 1952, стр. 106.

⁶⁵ А. В. Ариховский. Раскопки в Новгороде. СА, XVIII. 1953, стр. 349.

⁶⁶ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 131.

⁶⁷ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 24.

браслетов по типам и расцветке видно из таблицы 11.

Таблица 11

Расцветка	типы		Всего
	гладкие	витые	
Зеленые	129	85	214
Зеленые с желтой перевитью	2	8	10
Бутылочного стекла . .	50	27	77
Бутылочного стекла с желтой перевитью	5	6	11
Черные	46	20	66
Черные с желтой перевитью	6	2	8
Желтые	26	30	56
Желтые с ярко-желтой перевитью	1	—	1
Голубые	17	10	27
Голубые с желтой перевитью	1	—	1
Коричневые	11	9	20
Фиолетовые	8	1	9
Синие	7	2	9
Зеленовато-желтые . . .	5	3	8
Серые	2	4	6
Янтарные	2	1	3
Янтарные с желтой перевитью	—	1	1
Красные	2	—	2
Сиреневые	1	—	1
Неопределенного цвета	9	4	13
Всего . . .	330	213	543

Как видно из таблицы, значительно преобладают стеклянные браслеты зеленого цвета (свыше 40% общего количества браслетов, найденных на городище). Это значит, что для воищинских ремесленников излюбленной примесью, добавляемой в стеклянную шихту, была окись меди. Подобной картины не наблюдалось ни на одном из древнерусских памятников. Обычно стеклянные браслеты основных цветов — зеленого, черного, синего, желтого — представлены в раскопках в более или менее равных количествах. На Воищинском городище черные браслеты составляли всего около 13% общего количества находок, желтые — 10,5%, браслеты бутылочного стекла — 16,2%. Браслеты других цветов

единичны. Какой-либо закономерности в изменении расцветки стеклянных браслетов в разное время не обнаружено.

Других видов развитого ремесла, кроме производства стеклянных браслетов, на городище не обнаружено. Деревообработкой, нужно полагать, занимались многие из обитателей городища, но специалистов-ремесленников, занимающихся исключительно плотницким и столярным ремеслом, здесь, по всей вероятности, не было. Плотницкое и столярное дело представлено в материалах раскопок находками топоров, долот, токарного резца, стамески и обломками спирального сверла. Все топоры найдены в обломках. В основном, это обломки клинков, но есть и обухи. Произведенный Т. М. Смирновой макроструктурный анализ одного из лезвий топора показал, что здесь на железную основу топора было наварено стальное лезвие. Излом топора проходил выше места наварки стального лезвия. В другом случае часть топора оказалась целиком стальной. Здесь излом произошел как раз в месте наварки стального лезвия на железный клинок топора. Долото найдено три (см. рис. 34, 1). Все они сделаны были из четырехгранного стержня и имели слегка расширяющееся лезвие. Самое крупное долото имело в длину 24 см, самое маленькое — около 10 см. Токарный резец имел крючкообразное лезвие и прямой черенок. Подобные резцы хорошо известны по материалам многих древнерусских городов⁶⁸.

Почти во всех жилищах городища были найдены пряслица. Ткачеством, по-видимому, занималось все женское население городища. Большинство пряслиц сделано из розового шифера, только четыре пряслица оказались глиняными. На некоторых шиферных пряслицах сделаны метки, на одном — в виде трех прямых нарезок, на другом — две косые черточки. Еще одно шиферное пряслице увенчано процарапанным узором, отдельные части которого несколько похожи на древнерусские буквы.

В древнерусском слое городища найдена трубочка из кости животного с двумя отверстиями. Подобные трубочки найдены на Сарском городище⁶⁹ и в Старой Рязани⁷⁰. Вполне

⁶⁸ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 42, 43; А. Л. Монгайт. Старая Рязань, рис. 68, 7.

⁶⁹ Д. Н. Эдинг. Сарское городище. Ростов, 1928, табл. IV, 7.

⁷⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, рис. 141, 37.

не возможно, что такие трубочки предназначались для ссучивания нитей при домашнем изготовлении тканей⁷¹.

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА

Оружие в раскопках городища представлено наконечниками стрел, копьями и кинжалами. Найден также наконечник ножен меча. В древнерусском слое городища найдено пять железных наконечников стрел. Один наконечник стрелы имеет плоскую ромбовидную форму, черешок его отломан. Подобные наконечники стрел известны в Новгороде⁷², в Дрогичине⁷³ и в других древнерусских памятниках⁷⁴. А. Ф. Медведев называет их «ромбовидными новгородского типа»⁷⁵. Рассматриваемый наконечник стрелы Воищинского городища принадлежит к наконечникам второй разновидности этого типа, которые по новгородским материалам датируются XIII—XVI вв.⁷⁶

Второй плоский черешковый наконечник стрелы имеет треугольные, точнее переходные от треугольных к листовидным, очертания (рис. 37, 5). Подобные наконечники стрел также широко распространены. Найдены они в Новгороде⁷⁷, Старой Рязани⁷⁸, на селище Лебедка⁷⁹, в русском слое Белой Вежи⁸⁰ и т. д. Время бытования их довольно широкое. Третий железный наконечник стрелы, происходящий из нижнего горизонта древнерусского слоя городища, имел ромбовидную форму гнездовского типа. Перо этой стрелы имеет выпуклые стороны, выпуклые вытянутые плечики и расширение в нижней трети (рис. 37, 3). Такие стрелы особенно характерны для древнерусских памятников IX—

⁷¹ Там же, стр. 172—174.

⁷² А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11. 1949, стр. 142, рис. 20 е.

⁷³ Н. П. Авенариус. Дрогичин Надбужский и его древности. МАР, № 4. СПб., 1890, табл. II, 21 и 24.

⁷⁴ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 183, рис. 143, 12.

⁷⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65. 1959, стр. 165.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ А. В. Арциховский. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11. 1949, стр. 174, рис. 13, б.

⁷⁸ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, рис. 143, 19.

⁷⁹ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, рис. 8, 2.

⁸⁰ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62. 1958, рис. 45.

6 МИА, в. 92

XI вв.⁸¹ Наконечники такой же формы, но меньших размеров употребляются и позже, вплоть до XIV—XV вв.⁸² Воищинскому наконечнику стрелы очень близка по форме и размерам стрела из слоя XIII—XIV вв. Гродно⁸³.

Два других железных наконечника стрел принадлежат к типу двушипных. Один из них — черешковый, другой — втульчатый (рис. 37, 1, 2). Первый по новгородским аналогиям датируется концом XI—XII вв.⁸⁴ Аналогии второму довольно многочисленны. В Новгороде наконечники стрел этого типа были распространены в X—XI вв. На рубеже XI—XII вв., по мнению А. Ф. Медведева, эти наконечники там исчезают⁸⁵. Втульчатые двушипные наконечники стрел встречаются на многих городищах Киевской и Галицко-Волынской земель, где они характерны для XI—XII вв.

В древнерусском слое Воищинского городища найдено три железных наконечника копий. Из них два принадлежат к одному типу. Они имеют клиновидную форму с узким четырехгранным пером и почти без плечиков (рис. 37, 10). Так как оба наконечника копья были найдены при раскопках обломанными, то их размеры могут быть определены только приблизительно. Длина их не менее 30—35 см. Такие копья могли применяться и в бою и на охоте (как пешими, так и конными воинами и охотниками). Подобный наконечник копья найден в Гродно в слое XII—XIII вв.⁸⁶ и на Екимацком городище⁸⁷. Узкие клиновидные копья часто встречаются

⁸¹ В Гнездовском курганном могильнике таких стрел найдено довольно много (В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. МАР, № 28. СПб., 1902, стр. 72, 73, табл. IX, 10; Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, XLIV. 1952, стр. 97, рис. 27, 8). Кроме того, они найдены во Владимирских и Полоцких курганах (А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, 15. СПб., 1905, рис. 101; А. Н. Лядунин. Археологические доказательства в Полоцкой археологии. Працы археолагічнай камісіі, т. 2. Менск, 1930, стр. 188, табл. V, 6), в Гродно (Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41. 1954, рис. 22, 7), в Дрогичине (Н. П. Авенариус. Указ. соч., табл. II, 25) и т. п.

⁸² А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 165.

⁸³ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, рис. 88, 17.

⁸⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 164, тип. З.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 54, рис. 22, 1.

⁸⁷ Г. Б. Федоров. Городище Екимаузы. КСИИМК, L, 1953, рис. 46, 2.

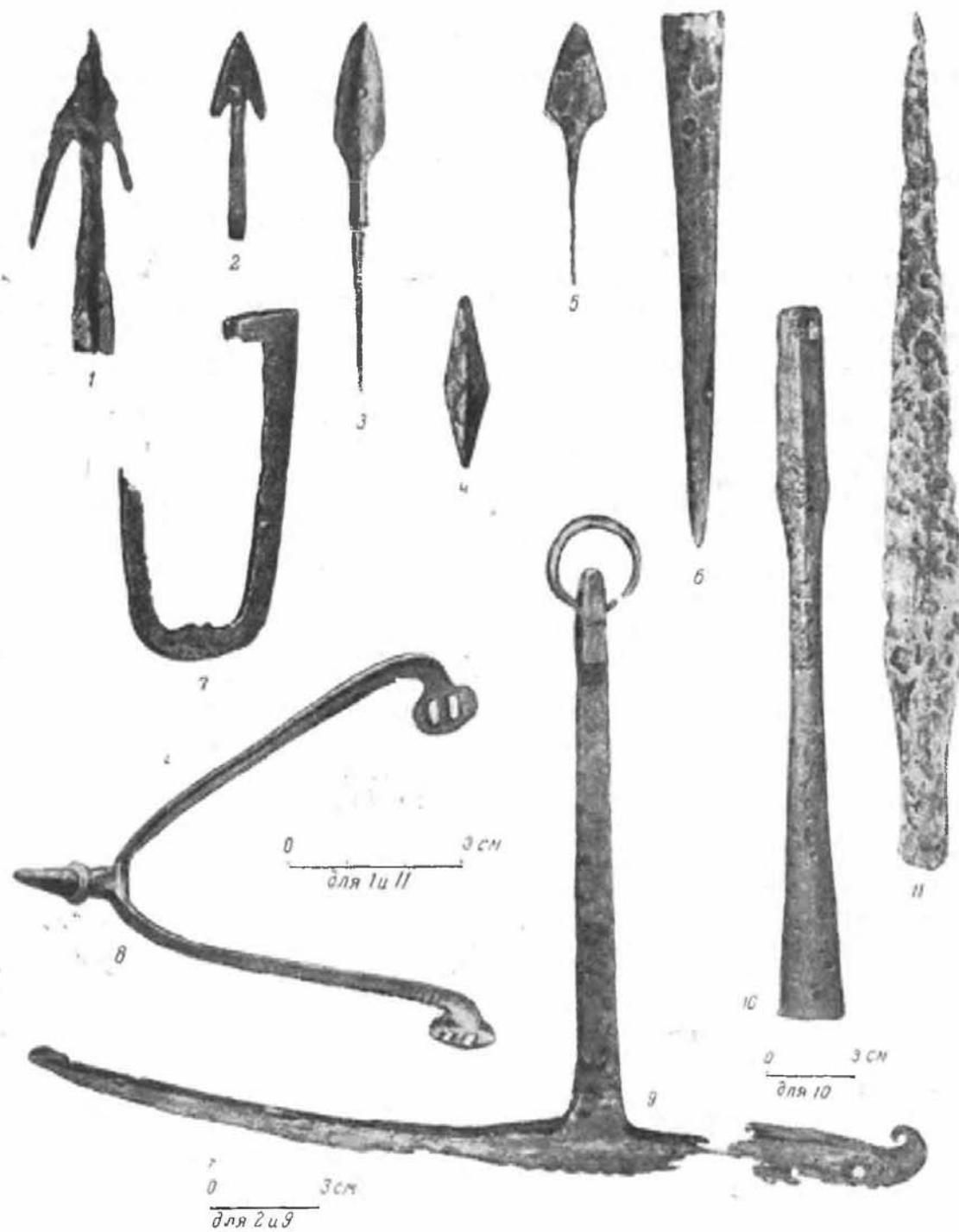

Рис. 37. Воищинское городище. Оружие и предметы конского снаряжения
1—5 — наконечники стрел; 6 — обломок кинжала; 7 — наконечник ножен меча; 8 — шпора;
9 — скребница; 10, 11 — копья

в памятниках Прибалтики⁸⁸ и найдены в Лядинском могильнике⁸⁹. В Новгороде нако-

чников копий этого типа пока не встреченено.

Третий наконечник копья Воищинского городища по своей форме близок к вышеописанным, но в отличие от них имеет меньшие размеры (156 мм) и небольшую втулку (рис. 37, 11). Хотя этот наконечник копья и найден в древнерусском слое городища, он не на-

⁸⁸ J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, IV. Helsinki, 1880, fig. 1294; F. K. H. Kruse. Necrolivonica... Leipzig, 1859, Tabl. I. I.

⁸⁹ В. Н. Ястrebов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10. СПб., 1893.

ходит себе аналогий в памятниках Древней Руси. Совершенно такой же наконечник копья был найден в 20-х годах XX в. на городище близ дер. Волохово-Доброе (в 3,5 км юго-западнее г. Красного Смоленской обл.). Судя по керамическому материалу, городище это относится к ранним смоленским городицам дославянского периода⁹⁰. Воищинский наконечник копья следует, по-видимому, отнести к нижнему слою, который одновременен слою городища близ дер. Волохово-Доброе. В XII—XIII вв. этот наконечник копья был, возможно, найден новыми обитателями городища и употреблялся ими.

Обломок клинка (длина сохранившейся части 146 мм), найденный в верхнем слое городища, имел четырехгранное сечение. Аналогичный клинок был найден в нижнем слое Гродно, который Н. Н. Ворониным датирован концом XI — началом XII вв.⁹¹ Кроме того, в древнерусском слое городища найден наконечник ножен меча (рис. 37, 7).

Из предметов снаряжения верхового коня и всадника на городище найдены шпоры, стремена, скребница, большое количество удил, железные кольца и пряжки. Шпоры Воищинского городища принадлежат к типу изогнутых. Две из них завершаются шипом с шариком, а третья имеет пирамидальный шип (рис. 37, 8). По многочисленным аналогиям как древнерусским, так и западноевропейским, такие шпоры датируются XII—XIII вв.⁹² В Новгороде шпоры с пирамидальным шипом найдены в слоях XII — первой половины XIII вв.⁹³

В Польше подобные шпоры датируются временем от второй половины XII в. до начала XIV в.⁹⁴ На Смоленщине шпора с пирамидальным шипом найдена на Ковшаровском городище⁹⁵.

⁹⁰ В. Р. Тарасенка. Археологічні дослідження гарадзішча на Смаленшчыне ў 1926—1928 гг. Працы археолагічнай камісіі, т. 2. Менск, 1930, стр. 136, 137, табл. II, I на стр. 143.

⁹¹ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 54, рис. 22, 1.

⁹² А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 229, рис. 1, 3, 4.

⁹³ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 191, табл. 21.

⁹⁴ Zofia Hilczergowa. Chronologia ostop z X do XIII wieku. Wiadomości archeologiczne, t. XXIII, z. II. Warszawa, 1956, стр. 203—207.

⁹⁵ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., табл. IV, 17.

На Воищине найдены также обломки четырех стремян. Форма стремян легко восстанавливается по этим обломкам. Стремена были изготовлены из четырехугольного жгута и имели широкую подножку, слегка изогнутую, что было удобно для мягкой древнерусской обуви. Совершенно такие же стремена найдены на Ковшаровском городище⁹⁶.

А. Ф. Медведев объединяет подобные стремена из новгородских раскопок в четвертый тип, который датируется довольно широко — от X до XIV вв.⁹⁷

Железная скребница для чистки коней, найденная на городище, принадлежит к типу древнерусских скребниц, распространенных в XI—XIII вв.⁹⁸ Зубчатая гребенка ее составляет единое целое с рукоятью. Концы гребенки загнуты в колечки. Четырехгранный рукоятка заканчивается подвижным колечком, предназначенным для подвешивания.

Железных удил на городище найдено не менее десятка. Все они состоят из двух колец и двух звеньев, круглых в сечении. Кольца удил также имеют круглое сечение. Выделяются одни удила, кольца и звенья которых орнаментированы узором из треугольников, инкрустированных белым металлом. Кроме того, найдено железное кольцо других удил также с инкрустацией белым металлом. Удила указанного типа были наиболее распространены на Руси с X по XIV в.⁹⁹ Этот тип удил является единственным и на Ковшаровском городище¹⁰⁰.

УКРАШЕНИЯ

Характеристика стеклянных браслетов городища дана выше. Пожалуй, это был один из самых распространенных видов женских украшений городища. Стеклянных перстней на городище не встречено вовсе. Некоторое недоумение вызывает крайне малое число бус, происходящих из древнерусского слоя городища. Найдено всего три бусины и небольшая медная пронизка. Все три бусины разные. Одна шарообразной формы и сделана из мутного неокрашенного стекла (ее диаметр 7 мм). Вторая бусина имеет также

⁹⁶ Там же, табл. IV, 20, 21.

⁹⁷ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 186, рис. 22, 6.

⁹⁸ Там же, стр. 190, рис. 21, 8, 9.

⁹⁹ Там же, стр. 185.

¹⁰⁰ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., табл. VII, 1—4, 6.

шарообразную форму и сделана из синей пасты (ее диаметр 10 мм), третья — хрустальная, неправильно шарообразная, с неровной поверхностью (диаметр ее 8 мм).

Украшения из цветных металлов на городище также немногочисленны. Перстней найдено три — медный рубчатый, медный узко-пластинчатый с заходящими концами и биллоновый проволочный разомкнутый. Кроме того, найдена полушиаровидная вставка перстня из горного хрусталя. Оправа камня биллоновая рубчатая. Металлические браслеты найдены только в обломках. Два обломка принадлежат двум пластинчатым браслетам с чеканным орнаментом, третий — медному решетчатому браслету, четвертый — круглопроволочному браслету.

Особый интерес представляет находка бронзовой булавки с красной эмалью (см. рис. 33, 1). Головка булавки имеет ромбическую форму. Во внешний ромб вписан квадрат. Углы внешнего ромба и внутреннего квадрата завершаются полукружиями. Лицевая сторона головки покрыта красной выемчатой эмалью. Эмалевый узор состоит из ступенчатых арок, расположенных по углам ромба и квадрата. Посредине головки булавки находится углубление в виде восьмилестковой розетки, которое также, по-видимому, было залито красной эмалью. Близкой аналогией воицинской булавке является медная булавка из Новгорода. Последняя, правда, имеет меньшие размеры, но ее головка также украшена красной выемчатой эмалью.

Новгородская булавка датируется серединой XII в.¹⁰¹ Описываемая булавка найдена в нижнем горизонте древнерусского слоя городища и, таким образом, также может быть отнесена к XII в.

В верхнем горизонте древнерусского слоя городища найдена вторая медная булавка (см. рис. 33, 2), ажурная головка которой по своим очертаниям напоминает бронзовую булавку из Киева (раскопки В. В. Хвойки). Но срединная часть головки киевской булавки украшена выемчатой эмалью, а на воицинской булавке вместо эмали в тех же самых местах сделаны ажурные прорези. Размеры головок воицинской и киевской булавок совершенно одинаковы (41 мм в попечни-

ке). Киевская булавка также датируется XIII в.¹⁰²

Здесь же удобно сказать о двух крестиках, найденных на городище, хотя они и не являются предметами украшений. Небольшой мраморный крест-тельник, концы которого оправлены в серебро с зерневым орнаментом, найден в верхнем горизонте древнерусского слоя городища. Его размеры 25×20 мм, толщина 8 мм (рис. 33, 5). Он имеет полное сходство с некоторыми киевскими и рязанскими крестиками. В Старой Рязани подобные крестики есть в составе двух кладов. Крестик из яшмы, оправленный на концах в серебряные пластины, украшенные зерневым орнаментом из ромбов и треугольников, найден в составе клада 1887 г.¹⁰³, четыре подобных крестика обнаружены в печке полуземлянки первой трети XIII в. вместе с другими серебряными изделиями (клад 1950 г.)¹⁰⁴. Аналогичный каменный крестик с серебряной оправой находится в составе клада, найденного в 1903 г. в Киеве в усадьбе Михайловско-Златоверхого монастыря. Этот клад, как полагают, был зарыт в конце XII — первой трети XIII в.¹⁰⁵ Серебряная оправа воицинского, рязанских и киевского крестиков имеет совершенно одинаковый зерневой орнамент в виде ромбиков и треугольников¹⁰⁶.

На городище найден также биллоновый крест-тельник (размеры 44×30 мм), состоящий из тонких цилиндрических перекладин, оканчивающихся шарообразными украшениями, и имеющий посередине квадратный щиток (см. рис. 33, 4). Сходный по форме и размерам крестик был найден в одном из курганов конца XII в. под г. Борисовым¹⁰⁷. Подоб-

¹⁰¹ Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV. 1956, стр. 326, рис. 6, 5.

¹⁰² А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, стр. 79, 80, табл. XXVIII, 5; А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК, XLIV. 1952, стр. 108, 109, рис. 33, 4.

¹⁰³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 151, рис. 118, 8.

¹⁰⁴ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 188, табл. V, 15; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 120; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, табл. LXIV.

¹⁰⁵ В Киеве найдены и каменные крестики с серебряной оправой, имеющей иную орнаментацию (Г. Ф. Корзухина. Русские клады, стр. 124, табл. XIV, 3).

¹⁰⁶ А. Н. Ляданський. Археологічні дослідження у Барисаві. Праця археологічної камісії, ч. 2. Мінськ, 1930, стр. 260, табл. I, 17.

¹⁰¹ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65. 1959, стр. 240, рис. 5, 12.

ные крестики известны также из многих памятников других областей Древней Руси¹⁰⁸.

КЕРАМИКА

Обильный керамический материал древнерусского слоя городища сравнительно однороден. Объясняется это прежде всего тем, что поселение существовало сравнительно недолго, и тем, что население городища все это время снабжалось глиняными изделиями, по всей вероятности, из одних и тех же мест. Никаких следов керамического производства на самом городище не обнаружено. В ближайших окрестностях городища гончарное ремесло тоже не было развито, так как поблизости нет залежей глины, притодной для гончарного производства¹⁰⁹.

Обломки глиняной посуды распространены по площади городища крайне неравномерно. Больше всего керамических обломков собрано в местах темно-серых пятен жилых построек. В печных развалих керамики, как правило, немного, а иногда она отсутствует вовсе. Объясняется это либо тем, что гибель городища не была внезапной, либо тем, что городище погибло не в утренние часы, когда обычно готовится пища, и глиняные сосуды стоят в печах. Исключение составляет развал печи жилой постройки 10. Здесь среди обломков печной обмазки было обнаружено довольно большое количество черепков, из которых удалось составить три горшкообразных сосуда.

По своим технологическим свойствам древнерусская керамика городища разделяется на две группы. Большая часть глиняной посуды была изготовлена из тощих глин желтовато-коричневого цвета, в которых присутствуют естественные включения мергеля (белые известковые включения). В керамике, изготовленной из этих глин, искусственных примесей обычно нет. Только изредка в тесте можно заметить единичные зерна крупного песка или мелкой дресвы. Черепки в изломе имеют мелкую плотную структуру.

Остальная часть воицинской керамики изготовлена из жирной глины красновато-коричневой окраски с естественной примесью

¹⁰⁸ См., например, А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 117, 118, рис. 218, 6; Н. П. Аверина. Указ. соч., стр. 12, 13, табл. II, 13. Такие же крестики известны на Киевщине, в Костромском Поволжье и других местах.

¹⁰⁹ И. Н. Соловьев. Черепичные и гончарные глины Смоленской области. Смоленск, 1948.

песка. В тесте изделий из этой глины всегда присутствует и искусственная примесь в виде мелкораздробленной дресвы, реже — песка. Такая керамика имеет в изломе рыхловатую структуру, а на поверхности ее заметно множество мельчайших пор. Жирная глина обычно содержит естественные железистые включения. Объясняется различие в глиняном тесте воицинской керамики, видимо, тем, что керамические изделия на городище поступали из двух районов гончарного производства.

Наиболее распространенным типом глиняной посуды на городище были горшки, хорошо известные как по курганным, так и по городищенским материалам Древней Руси. Предназначались горшки, в основном, для варки пищи, и большая часть обломков этих сосудов была снаружи закопчена. Некоторые горшки служили столовой посудой. Среди горшкообразных сосудов городища выделяются немногочисленные небольшие горшки (диаметр шейки их не превышает 12—16 см), покрытые белым ангобом. Следов нагара на этих сосудах нет. Обычно они орнаментированы по плечикам (преобладает линейный групповой орнамент). Это, по всей вероятности, столовая посуда. Горшки крупных размеров использовались для хранения различных продовольственных запасов. Впрочем, для хранения масла, творога и т. п. могли использоваться и небольшие сосуды.

Формы и пропорции горшков, несмотря на их самые различные размеры, довольно устойчивы. Основные типы горшкообразных сосудов Воицинского городища представлены на рис. 38. По диаметрам горла горшки из древнерусского слоя городища распределяются следующим образом (см. таблицу 12).

Таблица 12

Диаметры сосудов в см	8—11	12—15	16—18	19—23	24—30	31—40
Процентное соотношение	6,6	36,1	38	15	3,2	1,1

Таким образом, основная масса сосудов имеет средние размеры. Крупные горшки были редкостью.

Некоторые горшки покрывались крышками. В древнерусском слое городища обломки крышек встречались довольно редко и, судя по количеству фрагментов крышек, только

около 5—7% горшков имели крышки. Процент мискообразных сосудов в общей массе керамического материала городища определить невозможно. При склейке сосудов такой формы подобрать не удалось. Но несомненно, что мискообразные, низкие, широкогорлые сосуды, диаметр которых в два-три

фрагментов невозможно сказать, был ли это горшок с одним ушком или рукомойник — с двумя ушками. Горшки с одним ушком очень характерны для киевских жилищ XII—XIII вв. Они встречены почти в каждом жилище домонгольского Киева и всегда по одному на дом. Содержимое этих сосудов

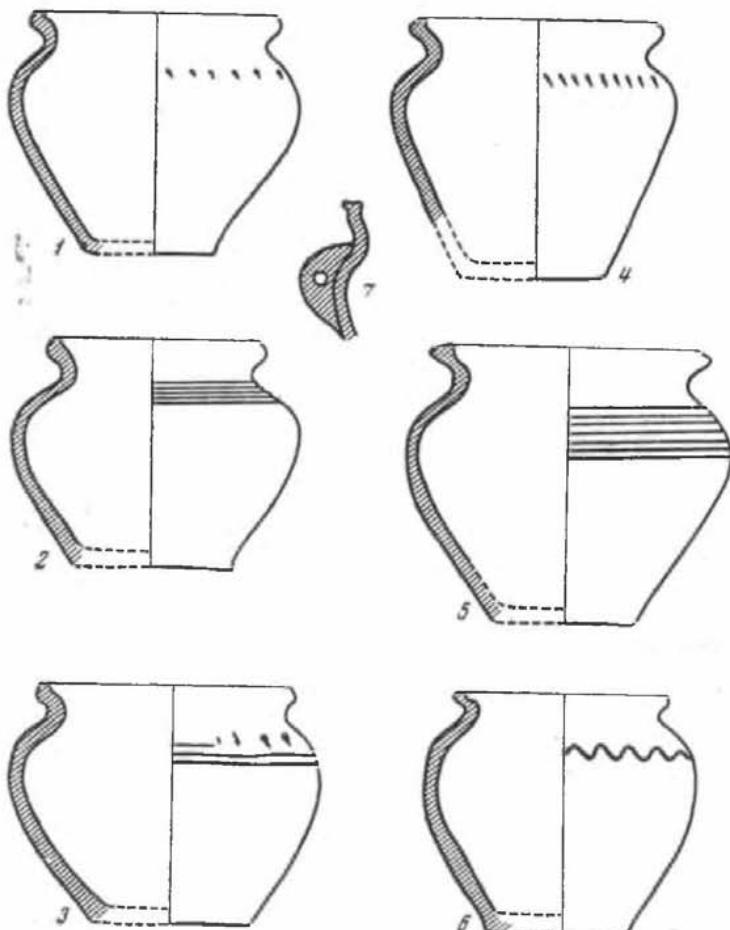

Рис. 38. Воицинское городище. Основные типы горшков

раза превышал их высоту¹¹⁰, среди керамического материала городища имеются, хотя и в небольшом количестве.

Также немногочисленны горшки с двумя ушками — рукомойники (см. рис. 32, 4, 5). По форме венчика и по своим пропорциям рукомойники не отличаются от описанных выше горшкообразных сосудов. Среди керамического материала городища есть и горшки с одним ушком (рис. 39, 2), но их очень немного. Уверенно можно говорить только о двух таких сосудах, так как по большинству

¹¹⁰ В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, вып. 33. М., 1959. стр. 144, рис. 8.

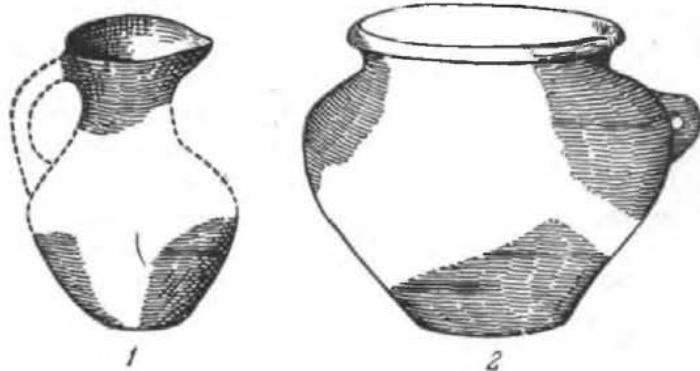

Рис. 39. Воицинское городище.
Редкие формы сосудов

наводит на мысль, что они предназначались для хранения украшений и различных драгоценностей¹¹¹. Горшки с одним ушком найдены и на Ковшаровском городище, где их, как и на Воицине, мало¹¹².

Сравнительно узкогорлые сосуды представлены на городище двумя видами. Это, во-первых, кувшины с одной ручкой (см. рис. 39, 1). Такие кувшины хорошо известны по киевским древностям¹¹³. Во-вторых, сосуды с узким коротким горлом и широкой частью туловища без ручки, также немногочисленные. Следов нагара на таких сосудах нет. Предназначались они, нужно полагать, для разных жидкостей и меда.

Из керамического материала Ковшаровского городища известны были глиняные сковородки¹¹⁴. Но среди керамики Воицины обломков таких сосудов не обнаружено.

Глиняные сосуды Воицины очень часто украшались различным орнаментом. Количество орнаментированных сосудов значительно превышало число неорнаментирован-

¹¹¹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 416, 417.

¹¹² А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. IV, 1.

¹¹³ М. К. Каргер называет их широкогорлыми кувшинами с одной ручкой (М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 417, 418, табл. LXXII, 1—3). В. А. Мальм называет их кринами (В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 146).

¹¹⁴ А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. III, 4.

ных¹¹⁵. Самым распространенным орнаментом был линейный. Чаще всего он состоит из узких, глубоко прочерченных прямых линий, покрывающих сосуды широким поясом. Реже глиняные сосуды орнаментировались широкими, менее глубоко врезанными линиями, расположеными узким поясом или одиночными полосками. Довольно большое число сосудов украшено так называемым ногтевым орнаментом. Иногда этот узор сочетался на одних и тех же сосудах с линейным. Другие виды орнаментальных узоров на воищинских сосудах редки. Глиняных сосудов с орнаментацией, характерной для гнездовской керамики, на городище не встречено. Штампованный орнамент, очень распространенный на гончарной посуде Северо-Восточной Руси¹¹⁶, здесь является редчайшим исключением. Процентное соотношение между различными видами орнаментальных узоров Воищинского городища представлено в таблице 14.

По своей орнаментации воищинская глиняная посуда очень близка к смоленской городской керамике. Соотношение между различными типами орнаментальных узоров на городской керамике примерно такое же¹¹⁷.

Глиняные светильники представлены немногочисленными обломками. Найдены два целых светильника (рис. 32, 3). Интересно отметить, что все фрагменты светильников най-

¹¹⁵ Процентное соотношение между орнаментированной и неорнаментированной керамикой городища, подсчитанное только по венчикам, дано в таблице 13.

Таблица 13

Пласти	Орнаментированные венчики	Венчики без орнамента	%
	%		
1—2	65,8	34,2	
3	69,3	30,7	
4	56,7	43,3	
5	22,2	77,8	

¹¹⁶ В. А. Мальм. Указ. соч., стр. 132. Зубчатый штамп составляет также значительный процент орнаментальных узоров на старорязанской керамике (А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 415).

¹¹⁷ В слое XII—XIII вв. венчики с линейным орнаментом составляют 54,5% орнаментированных венчиков, венчики с ногтевым узором — 19,8%, с волнистым — 12,3%, с линейно-ногтевым — 8,3%. Штампованный орнамент исключительно редок (0,5%).

дены в тех местах городища, где располагались жилые постройки. Все воищинские светильники принадлежат к типу двухъярусных,

Таблица 14

Название орнамента	%
Линейный	60,3
Ногтевой	24,5
Сочетание ногтевого с линейным . . .	5,2
Волнистый	4,5
Сочетание волнистого с линейным . . .	3,1
Сочетание ногтевого с волнистым . . .	2,2
Штампованный	0,2
	100

получивших в археологической литературе название светильников «киевского типа». Такие светильники хорошо известны из домонгольских слоев Киева и других южнорусских городов¹¹⁸. В городах Новгородской земли и Северо-Восточной Руси они неизвестны. Здесь были распространены одноярусные светильники, представляющие собой полусферическую чашу на высокой полой ножке, расширяющейся книзу. А. Л. Монгайт, а вслед за ним и М. К. Каргер относят к «киевскому типу» светильники из Старой Рязани¹¹⁹. Однако в действительности старорязанские глиняные светильники принадлежат к северному типу светильников. Об этом можно судить и по описанию этих изделий и по рисунку¹²⁰.

В Смоленском Поднепровье, в отличие от других северных областей Древней Руси, действительно были распространены светильники «киевского типа». Такие светильники были найдены ранее в домонгольском слое Смоленска¹²¹, на Ковшаровском городище¹²² и теперь на Воищинском городке.

¹¹⁸ Н. И. Воронин. Жилище. История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 232; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 450, 451.

¹¹⁹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 127; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 451.

¹²⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 127, рис. 93.

¹²¹ М. К. Неклюдов и С. П. Писарев. О раскопках в Смоленске. «Памятная книжка Смоленской губернии». Смоленск, 1901, стр. 32.

¹²² А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. III, 7; фонды Смоленского областного краеведческого музея — СОМ № 7133/48.

Распространение изделий этого типа на Смоленщине может быть объяснено тем, что Смоленская земля долгое время входила в состав

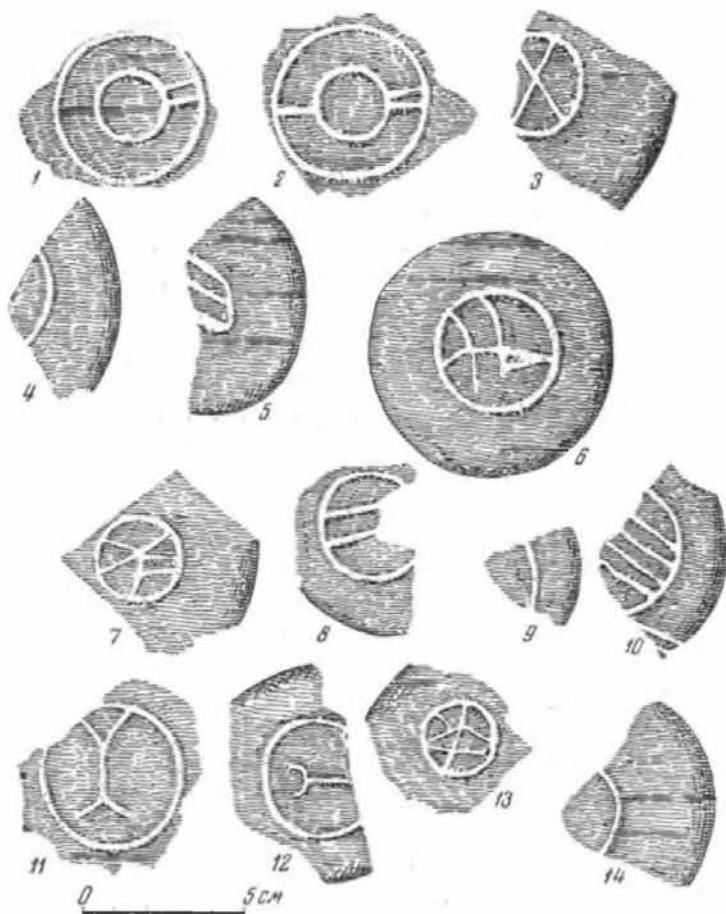

Рис. 40. Воищинское городище. Гончарные клейма

Черниговского княжества, и смоленским гончарам были известны глиняные светильники, привозимые в это время из южнорусских городов.

Среди керамического материала Воищинского городища особняком стоят немногочисленные обломки амфоровидного сосуда. Составить этот сосуд оказалось невозможным. Насколько можно судить по его фрагментам, это был большой сосуд с широким корпусом, близким к яйцевидному, низким горлом и дуговидными ручками, поднимающимися над горлом. Подобные амфоры-корчаги известны из многих древнерусских поселений¹²³. Найдены они и на Ковшаровском городище¹²⁴.

Коллекция гончарных клейм Воищинско-

¹²³ А. Л. Якобсон относит эти корчаги к концу XII — первой половине XIII в. (А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). Византийский временник, XIV. 1958, стр. 123).

¹²⁴ А. И. Лядовский. Некоторые данные..., стр. 237, рис. 42.

го городища немногочисленна и однообразна (рис. 40). По-видимому, клеймились только очень незначительная часть глиняных изделий. Основу почти всех клейм составляет круг¹²⁵, но внутренние части круга всегда различны. Точного повторения одного и того же клейма нет. Например, различие между двумя очень близкими по рисунку клеймами (см. рис. 40, 1, 2) состоит только в лишней черточке, которую можно рассматривать как «отпятныш». Одно из воищинских клейм (см. рис. 40, 5) было встречено на днище гнездовского сосуда.

ПРОЧИЕ ПРЕДМЕТЫ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА

При разборке древнерусского слоя городища найдено 86 железных ножей. Большинство их имело средние размеры. Длина клинков более половины общего количества городищенских ножей достигала от 7 до 10 см (длина с черенком 10—14 см), длина клинков трети всех ножей — от 4 до 7 см. Нож с очень маленьким клинком (3,5 см) встречен только один, пять ножей имели клинки от 10 до 12 см. Два ножа особенно выделялись среди прочих крупными размерами. Длина их клинков 18 и 19 см. Это, по-видимому, боевые ножи — «засапожники» (см. рис. 34, 3). Абсолютное большинство воищинских ножей принадлежало к обычным хозяйственным ножам (см. рис. 36), хорошо известным как по городским, так и по курганным находкам различных древнерусских областей. Около десятка ножей имели клинки, опущенные ниже осевой линии ножа¹²⁶. Это специальные рабочие ножи для обработки дерева (см. рис. 36, 9, 10). Сапожных ножей на городище не обнаружено. Четыре ножа, не выделяющихся по своей форме, имели желобки на клинках. Эти ножи, по-видимому, предназначались для нанесения колющих ударов. Ими закалывали скот и пользовались как оружием. Найдены также четыре складных ножа.

63 ножа из раскопок 1956—1958 гг. в камеральной лаборатории Института археологии АН СССР были подвергнуты металлографическому исследованию (макротравле-

¹²⁵ Кроме изображенных на рис. 40, на городище найдено еще около десятка обломков днищ глиняных сосудов с клеймами; полностью восстановить облик этих клейм нельзя. Однако все они имели в своей основе круг.

¹²⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, рис. 42, А.

ние¹²⁷). В 48 экземплярах на железную основу клинков было наварено стальное лезвие¹²⁸. При этом на 14 ножах отмечена косая наварка стального лезвия, на остальных — прямая наварка. Хронологически ножи с косой и прямой наваркой не разделяются; и те и другие датируются XII—XIII вв. Восемь ножей из числа исследованных оказались цельностальными, шесть были сделаны целиком из железа и не имели на лезвии стальной наварки. Один нож с цельностальным клинком имел прямое лезвие и изогнутую спинку. Подобной формы были и отмеченные выше четыре ножа с желобками на клинках. Ножей с трехслойной технологической схемой, характерной для X—XI вв.¹²⁹, на городище не встречено. Объясняется это, конечно, тем, что на памятнике нет слоев X—XI вв. Исключением является один нож с трехслойной технологической схемой, обнаруженный в верхнем горизонте древнерусского слоя.

Основная масса ножей имела деревянные рукоятки, не сохранившиеся сейчас. Костяные рукоятки ножей найдены при раскопках, но их очень мало. Некоторые из них орнаментированы циркульным узором.

В древнерусском слое городища найдено 39 ключей, из которых 29 принадлежали висячим цилиндрическим замкам. Остальные предназначались для внутренних врезных замков, которыми обычно запирались сундуки, ларцы и т. п. Коленчатых ключей от деревянных дверных замков-задвижек на городище не встречено. Замки в слое городища сохранились значительно хуже ключей, но все же говорить об их устройстве и типах можно. Наиболее распространеными были висячие цилиндрические замки, известные почти на всех древнерусских поселениях. На Воищине эти замки представлены двумя типами. Цилиндрические замки первого типа имеют в нижней части цилиндра поперечную щель для ввода лопасти ключа и отверстие в донце для его стержня¹³⁰. Замки другого типа не имеют никаких вырезов на стенках цилиндра, только на донце цилиндра находится ключе-

вая щель¹³¹. Ключи замков обоих типов — коленчатые и различаются лишь по форме лопастей. У круглых лопастей ключей от замков первого типа есть внутренние ажурные вырезы, ключи замков второго типа имеют фигурные лопасти (рис. 41, 12). Количество замков каждого типа на городище примерно равно. Хронологическую грань между ними провести нельзя. По-видимому, замки обоих типов существовали здесь одновременно.

Внутренних врезных замков найдено два. Устройство их сходно с замками известного в археологической литературе типа¹³². Кроме ключей и замков найдены дверные пробои, пакладки, дверные ручки и украшенная пунктирным орнаментом замочная личина. Найдены также части железных оковок сундуков, часть из которых орнаментирована пунктирным узором.

В быту населения городища важное место занимала деревянная посуда. Так как дерево в слое городища не сохраняется, о столовой деревянной посуде ничего сказать нельзя. По курганным находкам хорошо известно, что широко распространены в Древней Руси были деревянные ведра. В курганах Смоленского Поднепровья находки железных ведерных дужек и обручей довольно часты. В древнерусском слое Воишинского городища железные ведерные дужки обнаружены в большом количестве, но почти совсем нет железных обручей. По всей вероятности, обручи на ведрах были деревянными. Ведра, судя по размерам дужек, имели в диаметре 13—20 см. В смоленских курганах встречены и более крупные ведра, достигавшие 25 см в диаметре¹³³. Среди воишинских дужек преобладают гладкие, сделанные из круглого или четырехугольного в сечении жгута. Встречены также дужки из крученого жгута, обычно заканчивающиеся грибообразными пуговицами. В древнерусском слое городища найдены бронзовые ушки от ведер. Одно ушко принадлежало медному котлу. В отличие от

¹²⁷ Исследование произведено Т. М. Смирновой.

¹²⁸ О технологии приготовления древнерусских ножей см. Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, стр. 71—81.

¹²⁹ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 51, рис. 36.

¹³⁰ Тип Б новгородских замков (Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 80).

¹³¹ Тип В новгородских замков (там же, стр. 82).

¹³² Р. Л. Розенфельд. Старорязанский врезной замок. КСИИМК, XXXV. 1950, стр. 144, 145; А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 104, 106; Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 91.

¹³³ В. П. Левашева. Изделия из дерева, луба и бересты. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». Тр. ГИМ, вып. 33. М., 1959, стр. 78.

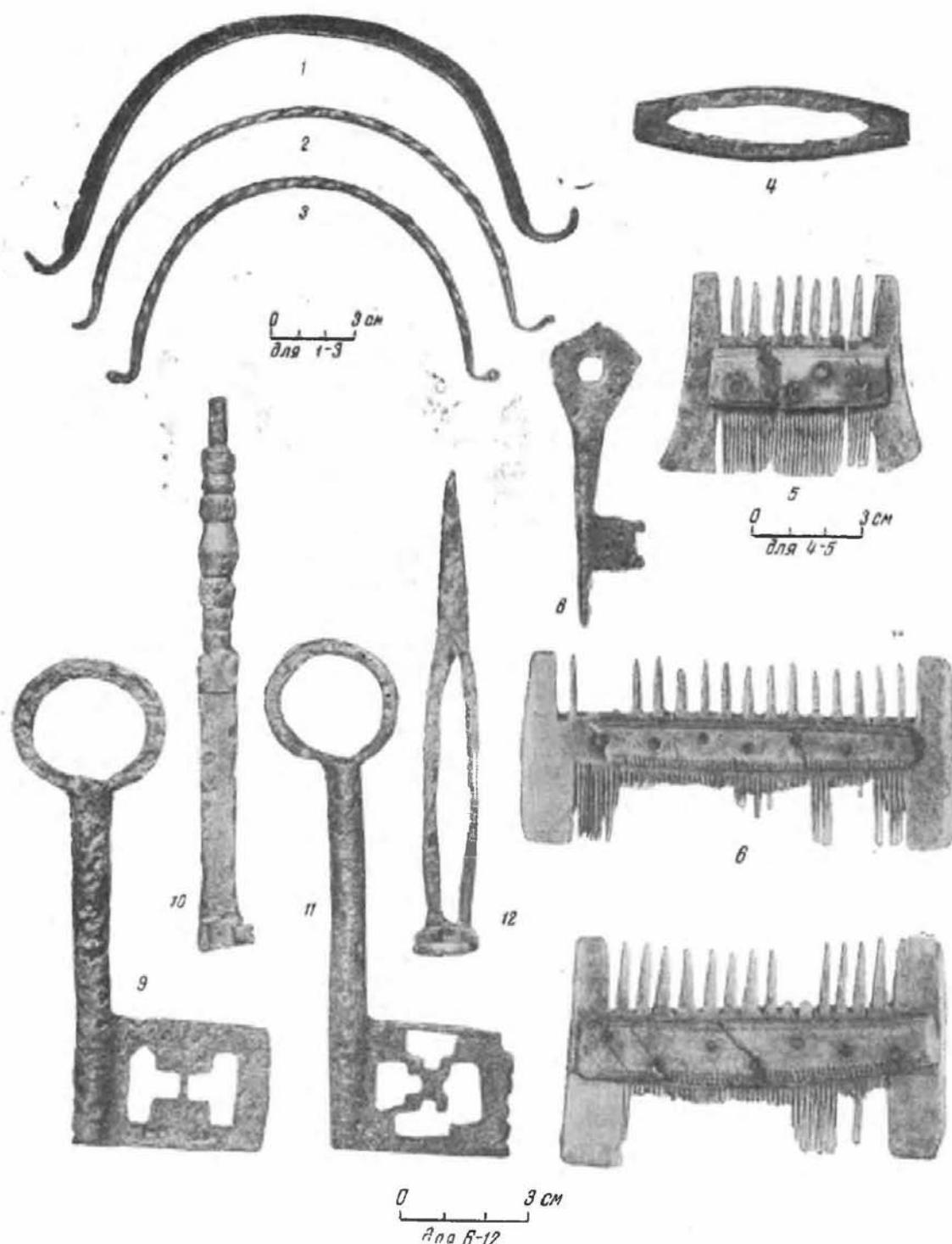

Рис. 41. Воинское городище. Вещи из раскопок
1—3 — ведерные дужки; 4 — кресало; 5—7 — костяные гребни; 8—12 — ключи

ведерных оно имело большие размеры и так же, как и новгородские, было выковано из железа. Сравнительно недалеко от этой находки обнаружена и часть верхнего края медного котла с заклешками.

Завершая описание бытовых металлических изделий, нужно упомянуть о находке

железного однолучинного светца того типа, который по новгородским древностям датируется XIII в.¹³⁴, и трех железных кресал — одного калачевидного и двух овальных (см. рис. 41, 4).

¹³⁴ В. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 98, рис. 83, 3.

Шесть из семи костяных гребней, найденных на городище, очень близки по форме друг к другу. Это двухсторонние гребни удлиненной формы, скрепленные костяными накладками при помощи бронзовых заклепок (см. рис. 41, 6, 7). Однаковая форма этих шести гребней, одна и та же манера изготовления, однотипный орнамент позволяют ставить вопрос об изготовлении этих гребней в одной косторезной мастерской. Однако никаких следов косторезного ремесла на самом городище не обнаружено. Седьмой гребень, короткий и высокий, изготовлен в той же манере, он также двухсторонний и имеет накладки, прикрепленные медными гвоздиками, но отличается от вышеописанных другими пропорциями между длиной и шириной (см. рис. 41, 5). Интересно, что все костяные гребни были обнаружены в нижнем горизонте древнерусского слоя в двух местах. Четыре удлиненных гребня были найдены в западной части городищенской площадки; три других также лежали почти вместе — в южной части городища. По всей вероятности, эти гребни не были в употреблении и предназначались для продажи в окрестные деревни (может быть, для обмена на сельскохозяйственные продукты). Иначе трудно объяснить, почему они были сосредоточены всего в двух местах городища. По своей форме и отделке воищинские гребни очень сходны с костяными гребнями Ковшаровского городища¹³⁵. Большинство ковшаровских гребней имеет такую же удлиненную форму и двухсторонние накладки с бронзовыми гвоздиками. Вполне возможно, что население обоих городищ получало костяные гребни из одной ремесленной мастерской.

В Новгороде двухсторонние наборные гребни подобной формы датируются XII—XIII вв.¹³⁶

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Не только близостью к Смоленску — одному из крупнейших торговых и культурных центров Древней Руси — объясняется довольно широкое развитие торгового обмена на Воищинском городке. Отсутствие на городище металлургического и ювелирного ремесел вы-

зывало необходимость приобретения орудий сельскохозяйственного труда, различных бытовых предметов и украшений посредством торгового обмена. С другой стороны, необходимо было сбывать на рынке сельскохозяйственные продукты. Нужно думать, что в Смоленск вывозились не только те продукты, которые были получены трудом населения самого городища, но и продукты земледельческого хозяйства окрестных деревень. Кроме продуктов сельского хозяйства, Воищина могла экспорттировать на смоленский рынок продукцию охотничьего промысла — меха и пушнину. Из ремесленных изделий города на рынок поступали стеклянные браслеты.

Из Смоленска в обмен на эти продукты привозили на Воищину различные изделия из железа (орудия труда, оружие, бытовой инвентарь), шиферные пряслица, различные украшения. Конечно, часть железных предметов, найденных на городище, могла быть продукцией местных деревенских ремесленников, работавших в селениях близ Воищины. Шиферные пряслица, булавка с эмалью и крестик с серебряной обкладкой не являются предметами смоленского производства. Они, конечно, могли быть приобретены на смоленском рынке. Но, хотя Воищина стоит в стороне от торговых путей, не исключено, что мелкие товары (например, шиферные пряслица) сюда приносили коробейники. В древнерусском слое городища найдено коромысло небольших весов, служивших для взвешивания необъемных ценностей. Такие весы обычно носили с собой для взвешивания серебра при расчетах купцы.

Городище было связано со Смоленском двумя путями. Основным путем был водный по Наготи и далее по Днепру. Второй путь вел вверх по Наготи до сухопутной дороги, связывающей Смоленск с Ростиславлем и Черниговом, и далее по этой дороге. Весь торговый обмен Воищины шел, по-видимому, через Смоленск. Торговые связи населения Воищины с городами других областей Древней Руси не прослеживаются.

ДАТИРОВКА ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА

Даты многих предметов, найденных в древнерусском слое городища, указаны при их характеристике. Так, все шпоры датированы XII—XIII вв. К этому же времени

¹³⁵ А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. XI, 5, 11, 13, 14.

¹³⁶ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 1, стр. 102, рис. 5 и 6.

отнесены обе воицинские булавки, к первой трети XIII в.— каменный крестик с серебряной оправой, к XII в.— серебряный крестик. К XII—XIII вв., судя по новгородским аналогиям, относятся все предметы вооружения, а также висячие цилиндрические замки. Воицинские костяные гребни также датируются XII—XIII вв. Другими словами, все датирующие предметы древнерусского слоя городища относятся к XII—XIII вв.

Слой раньше XII в. на городище нет, так как ни одной находки XI в. здесь не было встречено. Но на поселении не обнаружено также ни одной вещи XIV в. Более того, основная часть находок XIII в. принадлежит к первой половине этого столетия. Таким образом, летописная дата гибели поселения — 1258 г.— представляется по археологическим материалам вполне реальной.

БОРОДИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Городище, расположенное в верхнем течении Волости, было открыто в 1957 г. в 0,5 км южнее дер. Бородино (Дубосищенский сельсовет Глинковского района) и названо Бородинским (рис. 42). Городище занимает мыс, образованный долиной Волости и глубоким оврагом, по которому протекает безымянный ручей (рис. 43). С южной незащищенной стороны городище отрезано от остальной части берега невысоким валом и рвом. Современная высота вала от 1 до 2 м, ширина рва около 6 м, глубина 2,5—3,5 м.

Основная часть площадки городища имела слабый наклон в восточном направлении, т. е. в сторону Волости. Западная же четверть городищенской площадки имела наклон к северо-западу, в сторону безымянного притока Волости. С восточной, северной и северо-западной сторон площадка городища спускалась к слабо заболоченным долинам реки и ручья очень крутыми, близкими к отвесным склонами. Над долиной реки городищенская площадка возвышается на 13—14 м. С южной и юго-западной сторон она защищена валом и рвом. Менее всего городище защищено на небольшой части западного участка; здесь, видимо, находился вход в него. Площадка городища на этом участке имела невысокий (около 2,5—3 м), но все же довольно крутой склон. Ниже находилась небольшая, несколько наклонная к северу площадка, с которой можно было подняться на селище и спуститься к реке, правда, опять-таки не по пологим склонам. Таким образом, на площадку городища можно было въехать верхом на лошади или войти пешком только с западной стороны.

Во время первого обследования площадка городища была плотно задернована и покрыта молодым лесом. В насыпи вала и с северной стороны городищенской площадки отмечено 14 заплывших окопов времен Оте-

чественной войны 1941—1945 гг. На задернованной части площадки городища подъемного материала не обнаружено — явный признак того, что культурный слой этого памятника не подвергался распашке. Это вполне понятно, ибо лошадь не может заехать на площадку городища с пахотными орудиями.

В 1958—1959 гг. на городище были произведены раскопки. Вскрыто 1060 кв. м, т. е. вся площадь распространения культурного слоя, и сделан разрез вала и рва в южной части городища. Как показала шурфовка, в средней, северной и западной частях городищенская площадка лишена культурного слоя.

Прямо за рвом городища начинается селище, занимающее на левом берегу Волости площадку, высота которой даже несколько выше высоты городищенского мыса (13—16 м). Берег реки здесь не так отвесен, как около городища, но все же довольно крутой. Площадка селища, хотя и была задернована в 1957—1959 гг., но неоднократно распахивалась. Границы поселения определены здесь по распространению подъемного материала и при помощи небольших шурфов. Вся собранная на селище керамика оказалась древнерусской, ничем не отличающейся от керамического материала городища, который ниже описан подробно. Вдоль течения Волости культурный слой селища распространен на 180 м, ширина селища от 40 до 60 м.

Разведывательные шурфы, заложенные в различных местах селища, показали, что культурный слой памятника имеет незначительную толщину и полностью перепахан. Тем не менее, в 1958 г. в центре селища в 3 м от его восточного края был заложен дополнительный раскоп площадью в 80 кв. м. Под дерновым слоем толщиной в 3—6 см (в последние шесть-семь лет площадка не распахивалась) по всей площади раскопа открылся темновато-бурый, неоднократно пере-

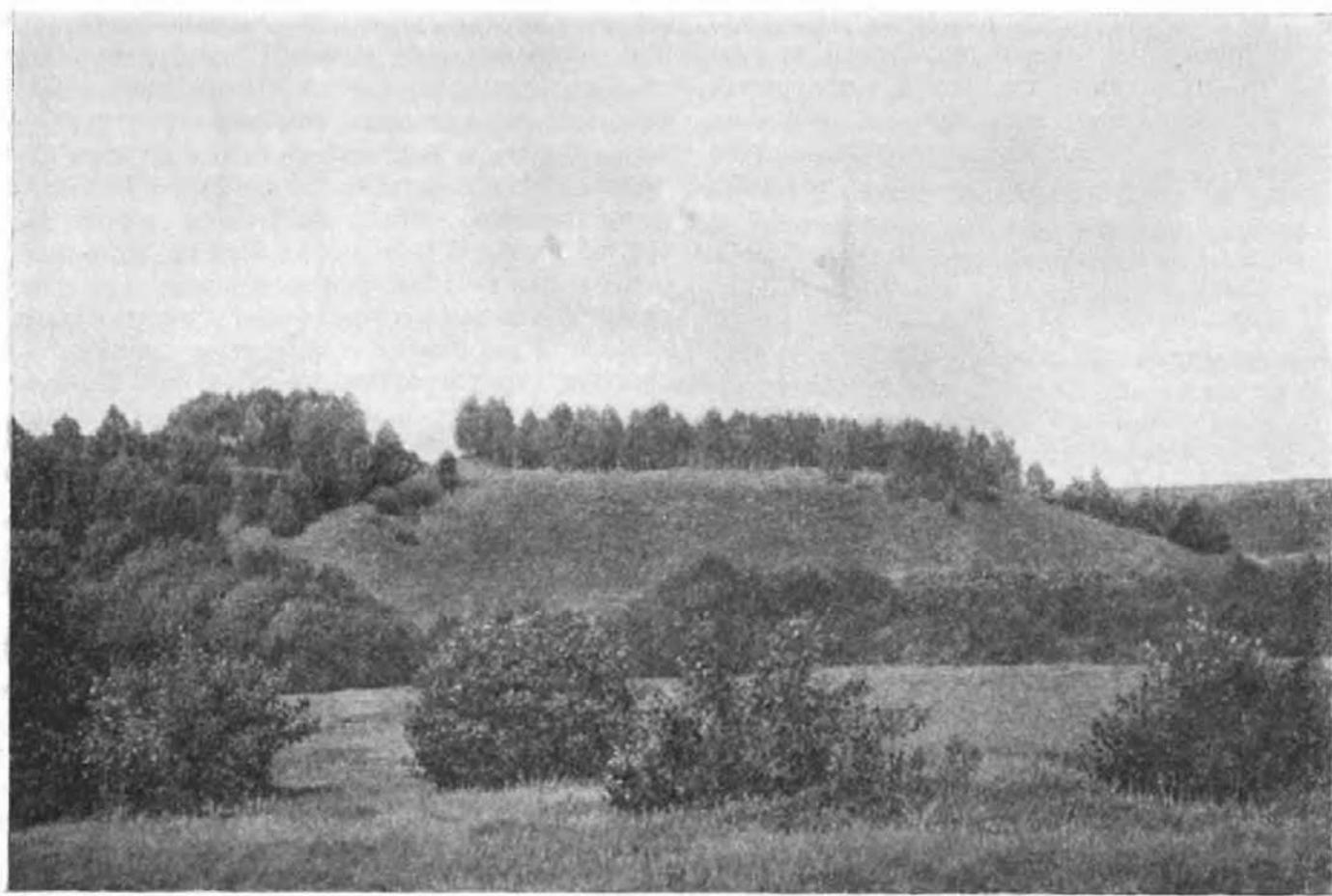

Рис. 42. Бородинское городище. Общий вид

паханный культурный слой. Толщина слоя 15—20 см, ниже лежал материк. Керамический материал, собранный в раскопе, не отличался от городищенского. Сравнительный анализ керамики селища и городища показал, что эти памятники одновременны.

Кроме керамики на селище найдено несколько железных ножей, железный наконечник стрелы, шиферное пряслище, стеклянная бусина, несколько обломков стеклянных браслетов и привеска-конек. Описание их приведено в обзоре вещевого материала городаща. В связи с тем, что культурный слой селища полностью распахан, дальнейшие раскопки этого памятника нецелесообразны.

В 120—150 м западнее городаща, за оврагом, по которому протекает небольшой ручей, открыты остатки курганного могильника. В настоящее время сохранился только один полусферический курган высотой в 1 м и диаметром около 12 м. Курган был когда-то раскопан колодцем, следы которого хорошо видны. По словам местных жителей, еще совсем недавно подобных курганов здесь бы-

ло довольно много, теперь они все распаханы. Предпоследний курган исчез в 1956 г. Там, где, по словам местных жителей, находились распаханные курганы, в последние годы вырос кустарник, что сильно затруднило обследование курганного могильника. При осмотре соседней пашни собраны немногочисленные обломки древнерусской керамики, идентичной глиняной посуде Бородинского городаща. При сборе подъемного материала было замечено, что керамические фрагменты встречаются на пахотном поле не равномерно, а отдельными гнездами. Вероятно, эти гнезда соответствуют местам распаханных курганов.

ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА

Бородинское городаще — памятник однослоиный. По всей площади раскопа под дерновым слоем, толщина которого равнялась 5—7 см, залегал темно-серый супесчаный культурный слой, толщина которого на раз-

ных участках городища различна. Наибольшую толщину имел темно-серый слой на участках, примыкающих к валу, и в восточной части площадки городища. Здесь его толщина равнялась 40—45 см. По мере удаления от вала и восточного края городища толщина

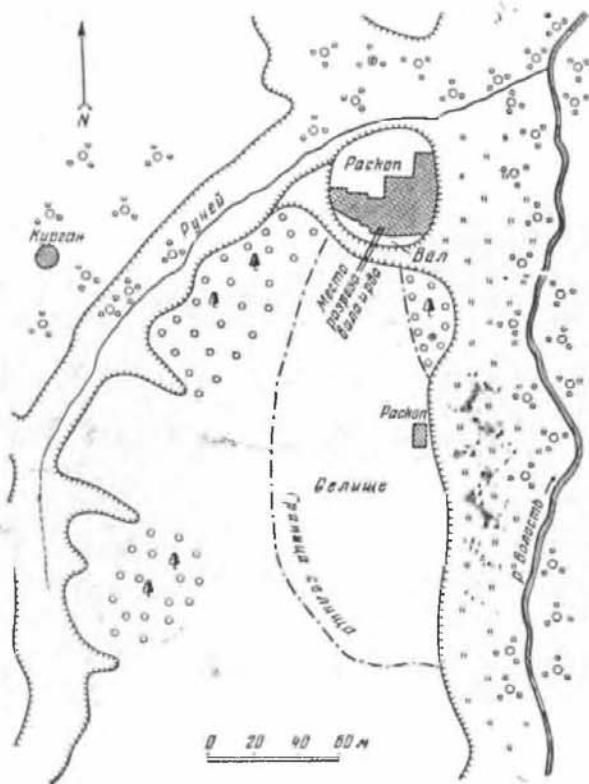

Рис. 43. Ситуационный план Бородинского городища и селища

культурного слоя постепенно уменьшалась до 20—30 см, и затем ближе к срединной части городища слой приобретал светловатую окраску и исчезал совсем. Интенсивность окраски культурного слоя по всей площади раскопа примерно одинаковая. Темных пятен-прислоек на местах жилищ, подобных тем, которые были открыты на Воицинском городище, здесь не наблюдалось. Несколько более темная окраска слоя, правда, прослеживалась иногда в его нижнем горизонте, но только в тех местах, где ниже, в материке были открыты ямы. Более темная окраска слоя в таких случаях объясняется большей влажностью грунта, расположенного над ямами. Как правило, конфигурация этих темных пятен всегда соответствовала границам ям, открытых под ними.

Почти всюду в темно-сером слое встречались мелкие обломки глиняной обмазки. Содержание обмазки в различных квадратах

раскопа неравномерно. Так, можно выделить несколько участков раскопа, где культурный слой содержал значительно большее количество кусков глиняной обмазки. Так как на таких участках обычно находятся остатки печей и подпольные ямы, то здесь несомненно располагались жилые постройки городища. Но, конечно, ни о размерах жилищ, ни о пластику нельзя. Аморфность культурного слоя нировке жилых построек по таким участкам городища не позволяет разделять жилые постройки стратиграфически. Поэтому нет никакой возможности выделить хотя бы две жилые постройки, существовавшие на этом поселении одновременно.

Кроме обломков глиняной обмазки по всей площади распространения культурного слоя встречались сравнительно редкие мелкие кусочки угля. В нижних горизонтах культурного слоя их гораздо больше, что, по-видимому, свидетельствует о том, что пожары на городище в ранний период его существования случались чаще, чем позднее. В верхней части культурного слоя городища угля нет почти совсем. Некоторые другие признаки (отсутствие в верхних горизонтах темно-серого слоя керамики, побывавшей в огне пожара, отсутствие следов сгоревших построек и др.) также свидетельствуют о том, что прекращение жизни на этом поселении вызвало не пожаром.

После снятия культурного слоя в материке открылись ямы, большая часть которых связана с жилыми постройками поселения. Но прежде чем перейти к характеристике жилых и хозяйственных построек рассматриваемого памятника, познакомимся с его оборонительными сооружениями.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Как уже было отмечено выше, с южной и юго-западной сторон площадка городища защищена валом и рвом. Для изучения структуры насыпи вала в его срединной части был сделан поперечный разрез¹³⁷. Ширина разреза 1 м, его длина 16,8 м (рис. 44).

В основании вала хорошо прослеживался слой погребенной почвы толщиной в 8—12 см, в котором были встречены четыре не-

¹³⁷ Разрез был сделан в наиболее сохранившейся части вала. Насыпь вала, кроме отмеченных выше повреждений окопами 1943 г., сильно попорчена корнями деревьев, а с восточной и юго-западной сторон сильно оплыла.

больших обломка стенок древнерусских гончарных сосудов. Точную дату сооружения насыпи вала по этим фрагментам, конечно, определить невозможно. Основную часть насыпи составлял очень плотный слой глины, лишенный каких-либо находок (нижняя

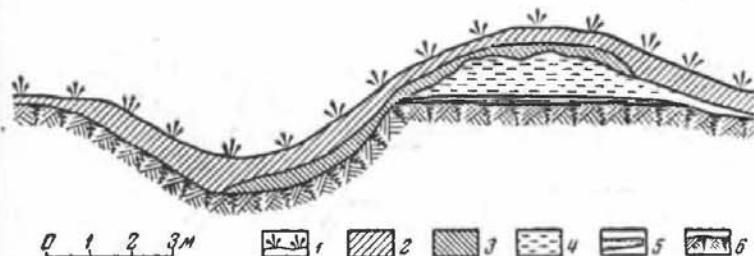

Рис. 44. Бородинское городище. Разрез вала и рва
1 — дерновый слой; 2 — серый слой; 3 — светло-бурый слой; 4 — глина; 5 — слой погребенной почвы; 6 — материк

часть вала была сооружена из серой глины, верхняя — из светло-желтой). Глиняную насыпь вала покрывали светло-бурый и темно-серый слои, причем последний по своей консистенции однороден с культурным слоем городища. Этот же слой частично заполнял ров. Толщина темно-серого слоя на валу 12—35 см, во рву — от 40 до 70 см. В этом слое обнаружено около 20 фрагментов керамики городищенского типа. В ров темно-серый слой, видимо, попал вследствие сползания культурного слоя селища, на вал — с площадки городаща.

Размеры вала и рва, определенные раскопками, видимо, близки к первоначальным. Высота вала равнялась всего 1,1—1,2 м, его ширина 6,5 м. Глубина рва в месте разреза равнялась 2 м (восточнее, ближе к Волости, и северо-западнее глубина рва увеличивается), его ширина здесь — 7 м. Для сооружения насыпи вала использовалась привозная глина, так как материком здесь и в ближайших окрестностях городаща является песок. Песчаный грунт, вынутый при сооружении рва, не был пригоден для насыпи вала, и его отнесли куда-то в сторону. Одновременно с сооружением вала и рва, видимо, были подрезаны восточный и северный склоны городаща, до сих пор отличающиеся значительной крутизной. Вал был сооружен в начальный период жизни на городаще, так как под насыпью его никаких следов культурного слоя не обнаружено. Иными словами, жизнь на площадке городаща началась только тогда, когда были сооружены вал и ров.

Никаких следов деревянных конструкций в разрезанной части вала не обнаружено. Нет оснований полагать, что деревянные конструкции были на других участках вала. Видимо, всюду насыпь вала была сооружена из чистой глины. Земляные валы, не имеющие специальных деревянных или каменных конструкций, довольно часто сооружались на древнерусских городащах вплоть до XIII в.¹³⁸

По самому краю площадки городаща с ее восточной стороны после снятия культурного слоя были открыты в материке глубокие ямы от вертикальных столбов (рис. 45), расположенные примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (от 4 до 5 м). По-видимому, эти ямы представляют собой следы ограды городаща, по-другому объяснить их происхождение мы не можем. Сверху ямы имели весьма неопределенные очертания. Видимо, городищенская ограда неоднократно обновлялась, и столбы, находящиеся в этих ямах, по мере выгнивания не один раз заменялись новыми. Поэтому края ям и были сильно потревожены, в связи с чем диаметр вертикальных столбов городищенской ограды не может быть определен. Глубина ям 1,6—2,1 м. Никаких материалов для реконструкции ограды, кроме ям от столбов, раскопки не дали. Видимо, здесь стояла бревенчатая стена, состоящая из вертикальных стояков с продольными пазами, в которые были запущены концы горизонтальных бревен (возможно, полубревен). В юго-восточной части городаща стена, судя по расположению ям, поворачивала на гребень вала и далее, видимо, шла по валу. Хотя в северо-восточной части раскопа ямы от столбов ограды и не были прослежены, нужно думать, что стена ограждала феодальную усадьбу со всех сторон.

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ГОРОДИЩА

Несомненно, что все жилые постройки Бородинского городаща были наземными и деревянными, никаких следов полуземляничных жилищ нет. Дерево в культурном слое городаща совершенно не сохраняется. Жилища последнего периода жизни на этом поселении, как отмечено выше, опустели не в результате пожара. Прекращение жизни на

¹³⁸ П. А. Раппопорт. Указ. соч., стр. 68—73.

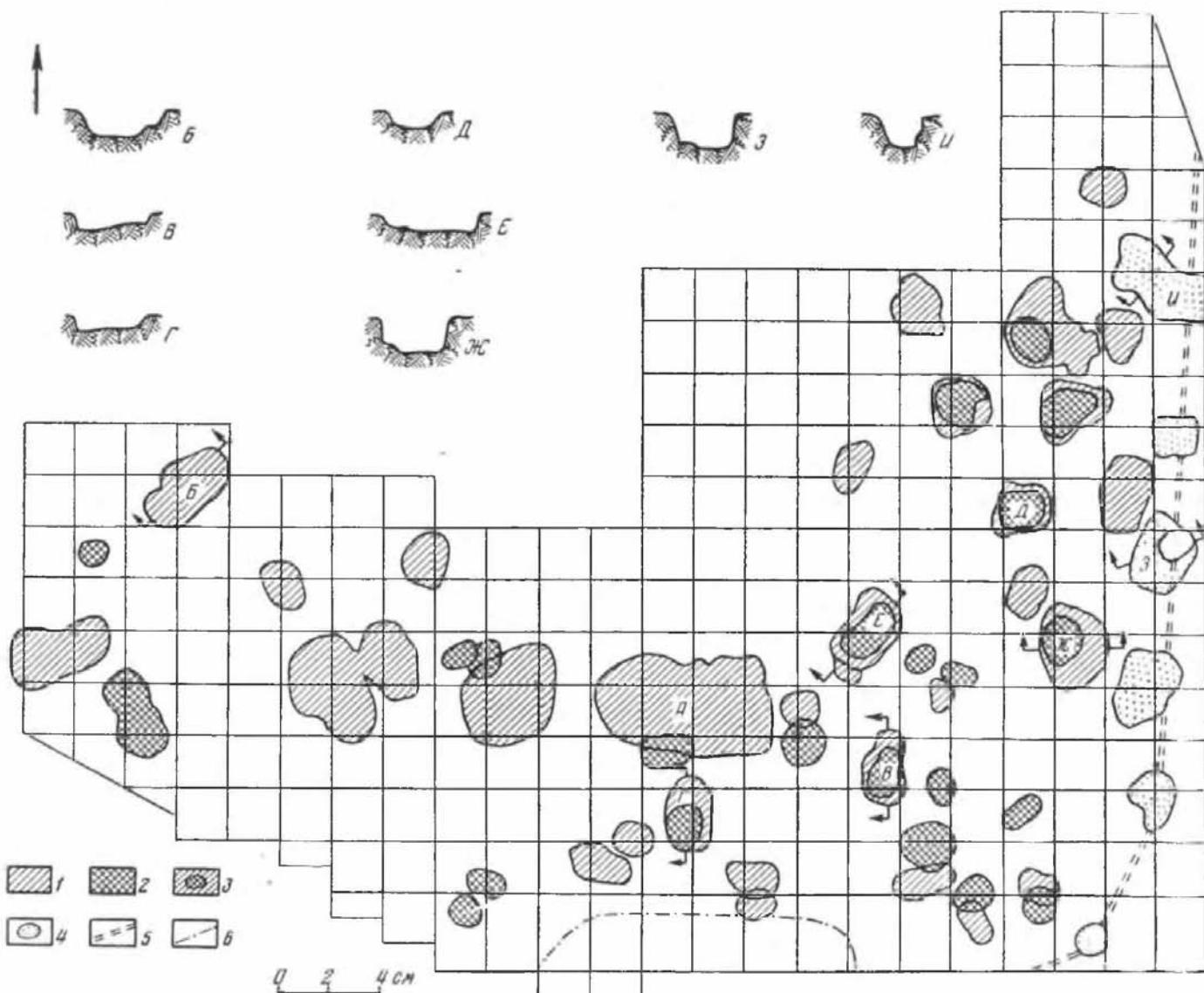

Рис. 45. Бородинское городище. План раскопа

1 — подпольные и хозяйственные ямы; 2 — остатки глиняных печей; 3 — скопления печной обмазки в заполнениях подпольных ям; 4 — ямы от столбов бревенчатой ограды; 5 — ямы от столбов срубной ограды; 6 — приблизительные границы хозяйственной крепости феодала; А — подполье жилища феодала; Б—И — прочие ямы

городище объясняется иными причинами. Остатки жилых построек более раннего времени, часть из которых несомненно сгорела, были потревожены при поздних строительных работах. Поэтому никаких, даже обугленных деревянных остатков, по которым можно было бы судить о характере жилых построек города, раскопки не дали.

Между тем, можно с уверенностью говорить, что жилые постройки Бородинского города существенно отличались от жилищ других древнерусских памятников Смоленщины. На Воищине, на Яновском и Дросенском селищах и в ряде других поселений Смоленщины в раскопках всегда встречается много столбовых ям, связанных с жилищами.

На Воищинском городище, площадь раскопа которого не намного превышала площадь раскопа Бородинского города, открыто несколько сотен столбовых ям от жилых и хозяйственных построек древнерусского времени. На Яновском селище число таких столбовых ям достигает сотни. На Бородинском же городе за исключением ям, связанных с оградой поселения, столбовых ям не обнаружено совсем. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что ни столбовые, ни срубные постройки, покоящиеся на угловых столбах-стульях (до сих пор характерные для сельских поселений Смоленщины), на Бородинском городе никогда не воздвигались. Наземные жилые и хозяйственные постройки

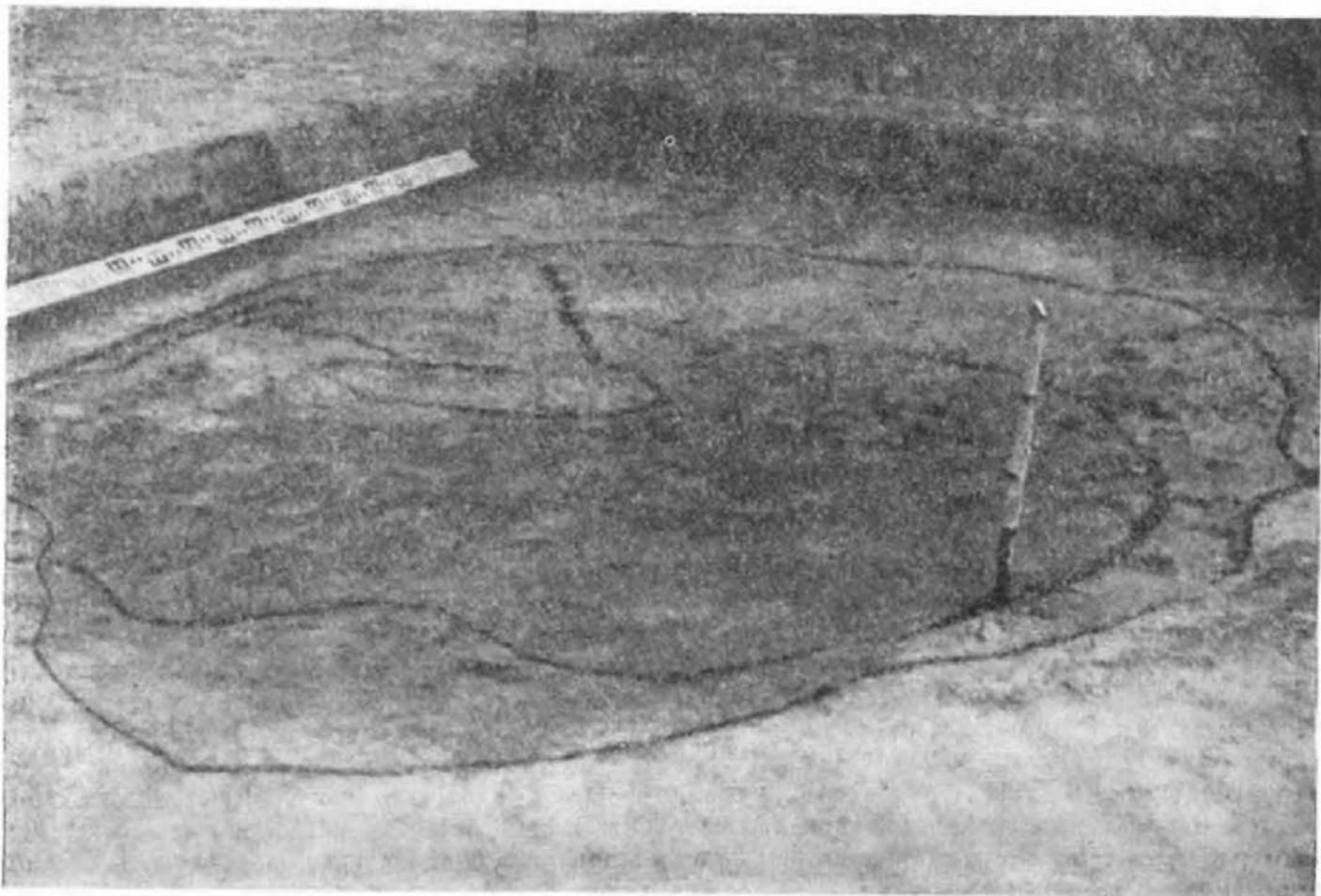

Рис. 46. Бородинское городище. Пятно подпольной ямы в восточной части городаща.
Внутреннюю часть его составляет развал печи

Бородинского городища по своим конструктивным особенностям существенно отличались от построек других сельских поселений центральных районов Смоленской земли.

Единственными остатками жилых построек Бородинского городища являются остатки глинобитных печей и подпольные ямы.

Нужно полагать, что все жилые постройки Бородинского городища имели подпольные ямы. Правда, в юго-восточной части площадки городища количество печей несколько превышает число открытых здесь подпольных ям. Но нужно иметь в виду, что некоторые ямы могли быть использованы как подполья не один раз. Наземная часть жилых построек иногда перестраивалась так, что подпольная яма оставалась прежней. Некоторые ямы, открытые раскопками в стороне от печей, видимо, служили погребами, которые располагались несколько в стороне от жилых построек. Такие ямы отличаются от подполь-

ных и тем, что в их заполнениях обычно нет кусков печной обмазки. Зерновые ямы грушевидной формы, расположенные вне жилищ, обычны для древнерусских поселений южных и частично центральных областей Восточной Европы и неоднократно отмечены многими исследователями. Однако среди бородинских подобных ям не оказалось.

Форма и размеры подпольных и хозяйственных ям Бородинского городища весьма различны (рис. 45, 46). Края некоторых из них были потревожены при неоднократных перестройках, поэтому о первоначальной форме их говорить не приходится. Большинство непотревоженных подпольных ям имели в плане очертания, близкие к овалу. Выделяется среди всех одна яма прямоугольной формы, но о ней ниже будет сказано особо. Площадь большинства подпольных ям — от 2,5 до 7—8 кв. м, и лишь площадь одной достигала 10 кв. м. Глубина их от 0,5 до 1,3 м. Стенка подпольных и хозяйственных ям

всегда несколько наклонны. Разрезы некоторых из них даны на рис. 45. Следов обмазки стенок подпольных ям глиной, что часто наблюдается на южнорусских поселениях и отмечено в Старой Рязани, на Бородинском городище нет. В связи с этим нужно полагать, что большинство бородинских подпольев было обшито деревом (досками или горбылями), иначе при песчаном материиковом грунте их стенки были бы весьма непрочны. В. А. Городцов полагал, что в старорязанских жилищах было по несколько подпольных ям¹³⁹. Что касается Бородинского городища, то здесь в каждом жилище было по одной подпольной яме. Предназначались бородинские подполья, так же как и на других древнерусских поселениях, для хранения продовольственных запасов. Помещения для скота и хранения хозяйственного инвентаря были, конечно, наземными.

Все печи бородинского городища были глинобитными. Остатков печей-каменок раскопками не выявлено. Большинство печных остатков представляет собой беспорядочное нагромождение небольших обломков печной обмазки и крошки обожженной глины. Глинобитные печи чаще всего ставились над подпольными ямами или рядом с ними. В таких случаях печные развалины оказывались в заполнениях этих ям в расплывшемся состоянии, перемешанные с темно-серым слоем. Очень часто наряду с печной обмазкой в развалинах печей находится небольшое количество камня. О значении камня в глинобитных печах писалось выше в связи с характеристикой воицинских печей. В двух случаях прослежены остатки печных подов, представлявшие собой растрескавшиеся куски сильно прокаленной глины с верхней ровной поверхностью. По этим остаткам могут быть определены площади печей. Они имели четырехугольные основания размерами в одном случае $1,1 \times 1$ м, в другом $1 \times 0,9$ м. Толщина слоя глины под подом составляла 8–12 см. Глина лежала непосредственно на грунте. Но такие случаи, когда основания печей покончились прямо на земле, очень редки. Обычно печи ставились на специальном деревянном каркасе и были приподняты над землей.

Раскопки не дали никаких материалов для реконструкции верхних частей бородин-

ских печей. Нужно думать, что бородинские печи мало чем отличались от глинобитных печей других древнерусских поселений средней полосы Восточной Европы (в частности, от старорязанских).

Выше уже было подчеркнуто отличие бородинских жилищ от кривичских жилых построек Верхнего Поднепровья. Наличие подпольных ям отличает жилища Бородинского городища от северорусских жилых построек, в которых подпольные ямы заменяются подклетями — высокими подпольями с поднятыми над грунтом деревянными полами. В жилищах, характерных для северорусских земель, часты печи-каменки, а на Бородинском городище все печи глинобитные. Отличаются бородинские постройки и от полуzemляночных жилищ Киевской Руси.

Ближайшими аналогиями бородинским жилищам являются наземные жилые постройки, известные по раскопкам в области расселения вятичей. Таковы наземные жилища Старой Рязани¹⁴⁰ и Пронска¹⁴¹. Подпольные ямы, похожие на бородинские, открыты Т. Н. Никольской на вятических поселениях в бассейне верхней Оки. Как предполагает исследователь, на всех этих поселениях существовали наземные постройки¹⁴².

Правда, в ряде вятических поселений наряду с наземными жилыми постройками обычно существуют полуземляночные жилища. Наличие двух типов жилых построек на Старорязанском городище А. Л. Монгайт объясняет двумя волнами колонизации¹⁴³.

Полуземляночный тип жилищ в бассейн средней Оки был принесен, по мнению А. Л. Монгайта, вятичами из Верхнего Подонья, где подобные жилища являются единственным типом жилых построек. Появление в Рязанской земле наземных бревенчатых жилищ, предполагает далее исследователь,

¹⁴⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 40—75.

¹⁴¹ Н. П. Милонов. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931, стр. 25—29.

¹⁴² Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка, стр. 177, 178. Рядом с этим селищем Н. П. Милоновым открыты наземные жилища подобного типа на поселении «Алексеевский городок» (Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72. 1959, стр. 137, рис. 48 (городище Зайцево), стр. 142, рис. 52 (городище Синюково)).

¹⁴³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 73—75.

связано с колонизацией средней Оки кривичами¹⁴⁴.

Гипотеза А. Л. Монгайта на первый взгляд представляется вполне реальной. Однако наземные жилища старорязанского облика, кроме поселений Рязанской земли, где кривичская колонизация несомненна, открыты и в тех местах расселения вятичей (верхне-окские поселения), где наличие подобных жилищ никак нельзя связывать с кривичами. Если наземные постройки Старой Рязани и Владимиро-Суздальской кривичской Руси имеют сходство между собой, то наземные постройки Бородинского городища и верхне-окских поселений, с одной стороны, и Верхнего Поднепровья — с другой, существенно отличны. В Верхнем Поднепровье, как неоднократно отмечалось выше, постройки были столбовыми или же строились на стульях. Такой конструкции жилищ на вятических поселениях нет. Из всего сказанного следует, что вопрос о возникновении на вятических поселениях двух типов жилых построек — наземного и полуземляночного — окончательно не решен и требует дополнительного разбора.

Более вероятным кажется предположение, что вятичи издавна сооружали жилые наземные постройки. В пользу этого предположения говорит не только большое распространение построек этого типа на поселениях вятичей, но и тот факт, что в вятические курганы конца I тысячелетия нашей эры поставлены бревенчатые срубы, которые, вероятно, воспроизводят настоящие жилища вятичей второй половины I тысячелетия нашей эры. Появление полуземляночных жилищ в Старой Рязани и в ряде других вятических поселений, видимо, связано с переселениями с юга, имевшими место как в конце I тысячелетия нашей эры, так и в первых столетиях II тысячелетия. Ведь полуземляночные жилища южнорусского типа встречаются не только на вятических поселениях. Переселенцы из Киевской и Черниговской земель проинклировали не только в область расселения вятичей, но и северней. Остатки полуземляночных жилищ южного типа открыты,

¹⁴⁴ Далее, однако, А. Л. Монгайт пишет: «Впрочем, и у вятичей, очевидно, были оба типа жилищ. Вятические погребения в деревянных срубах, вероятно, воспроизводят бревенчатые жилища согласно принятому в древности правилу, что жилища мертвых должны быть подобны жилищам живых» (Старая Рязань, стр. 74).

например, в Суздале¹⁴⁵, во Владимире¹⁴⁶ и в Перыни (близ Новгорода)¹⁴⁷.

Чем же объясняются сходство жилищ бородинского типа с жилыми сооружениями вятических поселений Окского бассейна и их серьезное отличие от построек смоленских кривичей? Объяснение может быть только одно, и заключается оно в том, что Бородинское городище было вятическим поселением. О вятической колонизации верхнего течения Волости уже было сказано выше. Раскопки Дубосищенского кургана показали, что вятичи появились в бассейне Волости еще во второй половине I тысячелетия нашей эры. О несомненно вятической принадлежности населения Бородинского городища свидетельствуют найденные здесь этнически определяющие украшения вятичей — семилопастные височные кольца, решетчатые перстни и хрустальные шарообразные бусы. Кривичских украшений на Бородинском городище не встречено. Уже давно на территории Ельинского и левобережной части Дорогобужского уездов в раскопках курганов изредка встречались типично вятические вещи, которых вовсе нет среди курганных древностей других районов Смоленского Поднепровья. На этом основании можно было догадываться о проникновении в область расселения смоленских кривичей отдельных групп вятичей. Бородинское городище подтверждает правильность этой догадки. Оно является одним из вятических памятников в этом районе Смоленщины.

Для детальной реконструкции жилищ Бородинского городища материалов нет. По

¹⁴⁵ А. Ф. Дубынина. Археологические исследования города Суздаля (1936—1940 гг.) КСИИМК, XI. 1945, стр. 91—99.

¹⁴⁶ Раскопки 1958 г. автора настоящей работы. Ярким свидетельством того, что полуземляночные жилища в лесной зоне Восточной Европы появились с приходом переселенцев, служат результаты раскопочных исследований на Пирковом селище и городище, расположенных близ г. Вязников Владимирской обл. (раскопки автора). Пирково селище существовало с конца X в. или с начала XI в. до 30-х годов XIII в. Все жилые постройки этого поселения наземные. В середине или во второй половине XII в. рядом с селищем возникает городище, в строительстве которого большая роль, видимо, принадлежала переселенцам из южнорусских земель. В связи с этим основную часть городищенских жилищ XII в. составляли полуземлянки киевского типа. Только в начале XIII в. многие из них были заменены наземными жилищами, характерными для древней Владимирщины.

¹⁴⁷ В. В. Седов. Поселение XIII — начала XV вв. в Перыни. КСИИМК, 62. 1956, 108—117.

сходству со старорязанскими и другими вя-
тическими наземными жилищами, бородин-
ские жилища представляются бревенчатыми
избами малых размеров, что обычно для древ-
нерусских жилищ. Пазы между бревен про-
мазывались глиной, полы были деревянными,
ибо они должны были закрывать подпольные
ямы. Топились избы по-черному.

Среди двух с половиной десятков жилых
построек, остатки которых открыты на горо-
дище, одно жилище, пожалуй, заслуживает
отдельного описания. Судя по находкам, ко-
торые в большом количестве обнаружены на
месте этого жилища, оно относится к самому
последнему периоду существования горо-
дища (XIV в.). Описываемая жилая по-
стройка располагалась в срединной части го-
родища (А на рис. 45). Ее подпольная яма
по сравнению с другими отличалась более
крупными размерами. Общая площадь ее
около 17 кв. м (рис. 47, 48). Крупные разме-
ры подполья — несомненный признак боль-
ших размеров наземной части жилой по-
стройки. Очертания подпольной ямы в верх-
ней части несколько сложны: с восточной
стороны яма имела угловатые очертания, с
западной — округленные. На всю свою глуби-
ну яма была заполнена темно-серым слоем.
В западной части ямы встречено много мел-
ких кусков печной обмазки, в восточной тре-
ти темно-серый слой не содержал этих вклю-
чений. Местонахождение глинобитной печи
исследуемой постройки определено. Часть
обломков печной обмазки открыта близ юж-
ной границы подполья, остальная часть и че-
тыре камня оказались внутри ямы, главным
образом в ее южной части.

В процессе снятия темно-серого заполне-
ния ямы было установлено, что яма состоит
из двух частей — из обычной подпольной ямы
с овальными контурами (ее площадь около
10 кв. м, глубина — 60—70 см) и вплотную
примыкавшей к ней хозяйственной построй-
ки — погребка. По стратиграфии и находкам,
найденным здесь, обе ямы одновременны.
Котлован погреба имел четырехугольные
очертания размерами $3,4 \times 2,4$ м. Стенки его
почти отвесны, глубина около 1 м. В средин-
ной части горизонтального дна погребка было
сделано корытообразное углубление глуби-
ной около 40 см. На дне котлована по
его углам открылись три столбовые ямы диа-
метром около 15—20 см, их глубина от 34
до 62 см. Четвертой ямы в юго-восточном
углу котлована почему-то не оказалось.

Столбы, поставленные по углам котлована,
составляли каркас погреба. Его стены были
сделаны из досок или горбылей, прижатых

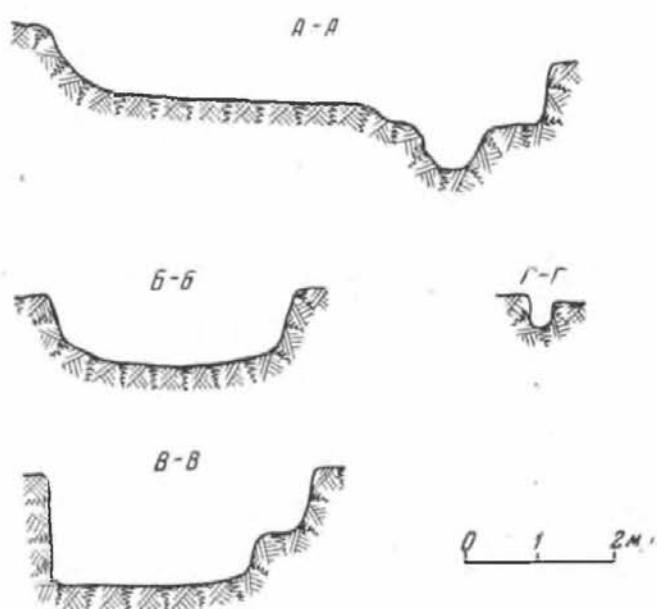
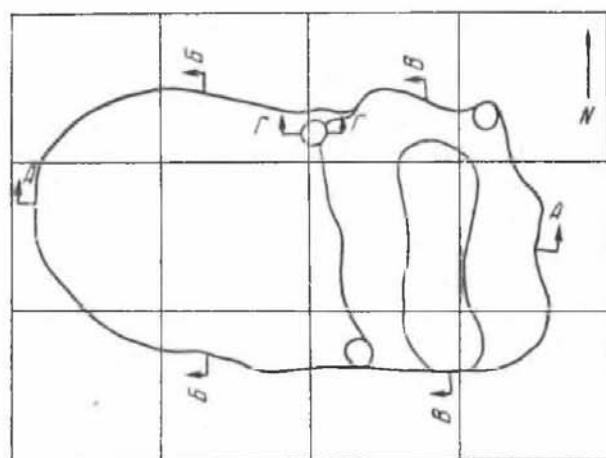

Рис. 47. Бородинское городище. План и разрезы
погреба и подполья жилища феодала XIV в.

этими стояками к стенкам котлована, или же
впущенных своими концами в продольные
пазы вертикальных столбов.

Находки, обнаруженные при выборке за-
полнений открытых ям и поднятые рядом с
ними, многочисленны и говорят о знатности
хозяина рассматриваемых построек. Здесь
была найдена бронзовая булава — сравни-
тельно редкое в Древней Руси оружие, при-
надлежащее, вероятно, знатным воинам или

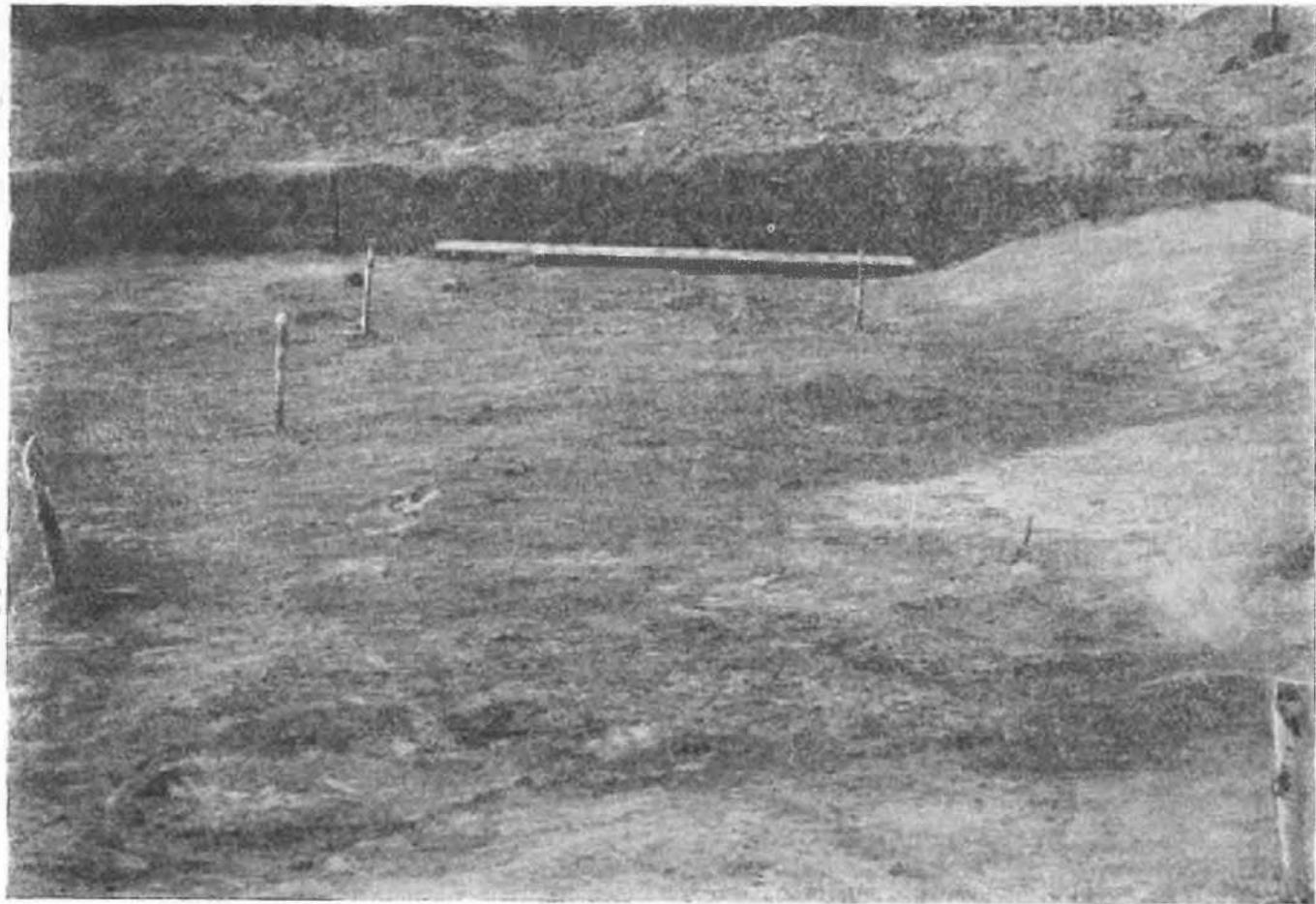

Рис. 48. Бородинское городище. Пяtnо подпольной ямы жилища феодала

военачальникам¹⁴⁸. Среди находок, кроме того, укажем спекшийся кусок кольчуги, шпору с колесиком, удила, серебряный печатный перстень, бронзовую иконку, лампадку, два бронзовых браслета, витых 2×2 и один витой тройной, несколько обломков стеклянных браслетов и много других различных предметов¹⁴⁹. Орудий труда здесь не встречено совсем. Эти находки, а также крупные размеры постройки и ее центральное положение дают полное основание полагать, что здесь жил феодал — хозяин усадьбы.

В 3—4 м к югу от упомянутой постройки, примыкая к валу, располагались, по-видимо-

му, хозяйственные кладовые владельца феодальной усадьбы. Они были наземными, поэтому какие-либо остатки этих построек раскопками не прослежены. О назначении их свидетельствует большое скопление в этом месте различных хозяйственных предметов. Здесь были найдены семь железных серпов (пять совершенно новых и два бывших в употреблении, с отломанными концами), две целые косы-горбушки, две пары жерновов, два непарных жернова (оба верхние) железная порхлица и обломок жернова с ячейкой для нее, часть железного сошника, мотыга, рогатина, стремя, пять удил, пружинные ножницы, сломанные топоры, новая железная сковорода, целый глиняный горшок с двумя ручками и обломки глиняных сосудов без ручек, несколько висячих цилиндрических замков и ключей и обломки браслетов, витых 2×2 . Здесь и в подпольной яме найдено еще по одному железному гвоздевидному стержню с подвижным кольцом на одном

¹⁴⁸ Рассматривая находки булав на Райковецком городище, В. К. Гончаров отмечает также, что кроме боевого назначения булава являлась знаком отличия военной власти (В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 95).

¹⁴⁹ Подробное описание этих вещей дано ниже в специальных разделах.

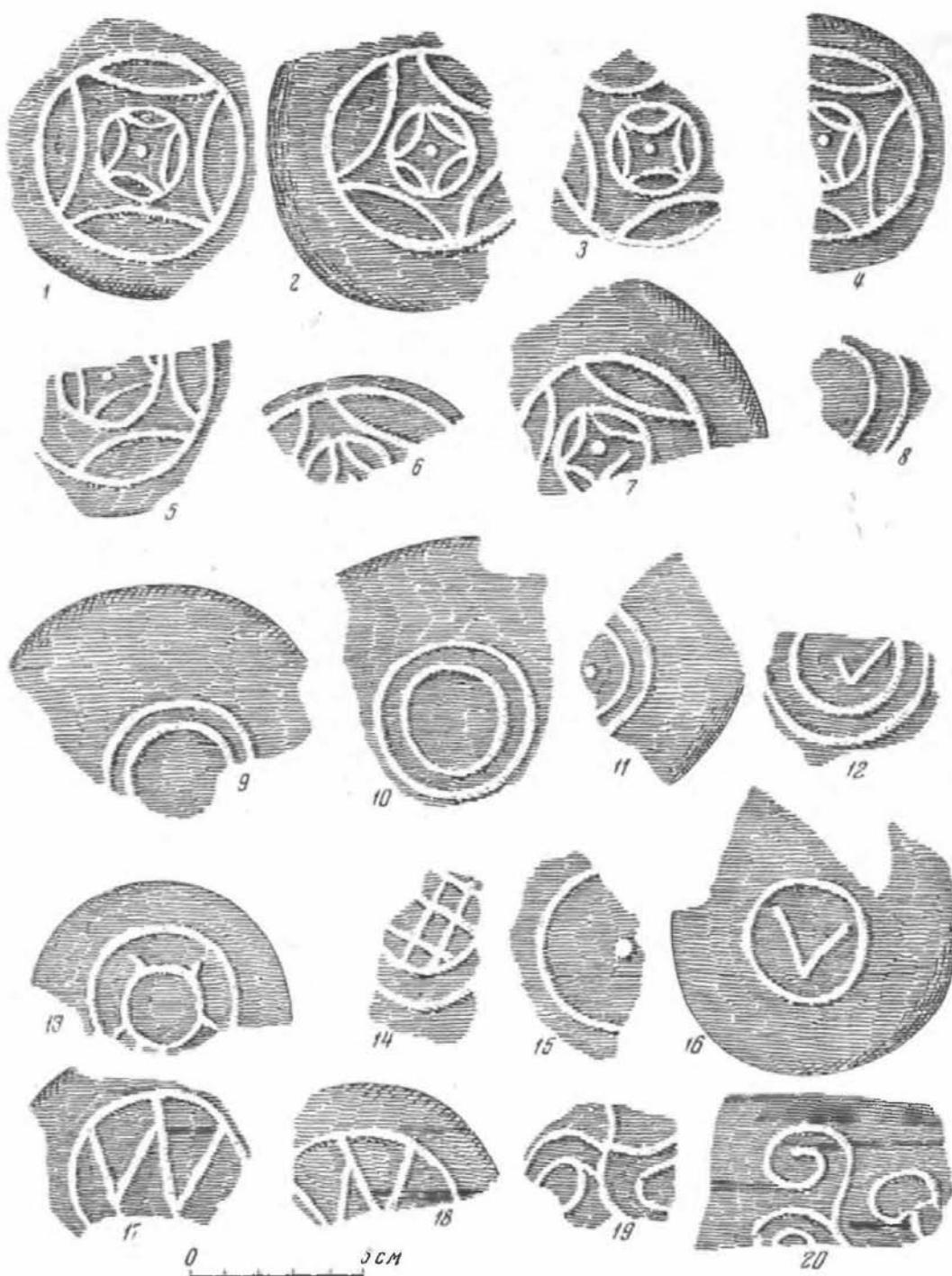

Рис. 49. Бородинское городище. Гончарные клейма

конце. Назначение этих предметов пока не установлено¹⁵⁰.

¹⁵⁰ Подобные предметы встречены и в древнерусских поселениях и в курганах при мужских и женских погребениях. Положены они обычно с правой стороны у бедра (А. А. Спицын. С.-Петербургские курганы в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1895, стр. 33, табл. XVII, 24; Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы

Скопление всех этих предметов в одном месте не случайно и не может быть объяснено иначе, как только тем, что здесь находилась хозяйственная кладовая. Бородинское городище и селище, как и соседние с ними поселения верхнего течения Волости, прекратили свое существование в XIV в. Наиболее

по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 198.

вероятной причиной гибели жизни на этих поселениях был мор. В связи с этим становится понятным, почему ценные вещи в кладовой владельца усадьбы были оставлены.

Одновременность хозяйственной кладовой и указанной выше жилой постройки владельца усадьбы, помимо того, что и тот и другой

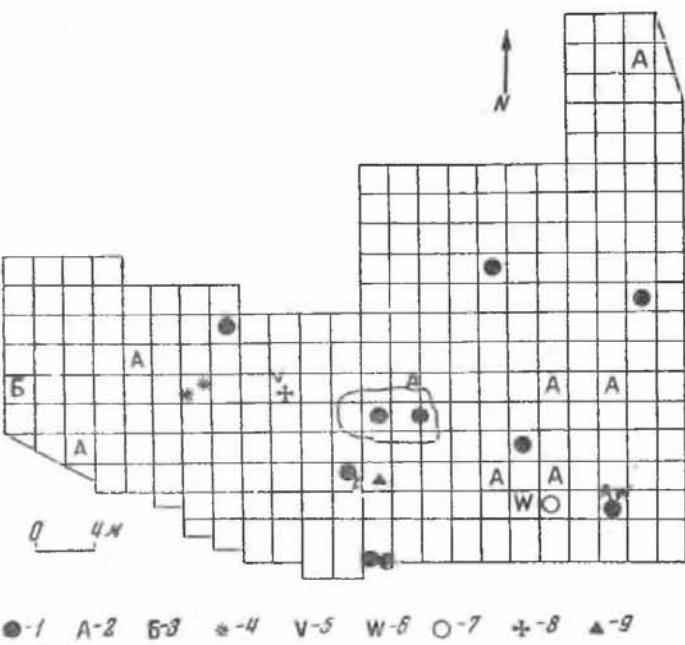

Рис. 50. Бородинское городище. Топография находок различных типов гончарных клейм

комплексы относятся к самому последнему периоду жизни на городище, устанавливается находками тождественных гончарных клейм. Гончарные клейма Бородинского городища довольно многочисленны. Выделяются девять-десять различных типов клейм (рис. 49). Среди разбитых сосудов из хозяйственной кладовой владельца усадьбы найдено два днища с клеймами в виде двух концентрических окружностей и вписанных в них неправильных ромбов (см. рис. 49, 1). Два точно таких же клейма были найдены в заполнении подпольной ямы жилой постройки феодала. И там и здесь это — единственный тип гончарных клейм (распространение различных типов гончарных клейм Бородинского городища см. на рис. 50).

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Находки, сделанные на городище, убедительно говорят в пользу того, что земледелие здесь было основой всей хозяйственной деятельности. Население не только получало от земледелия все необходимые продукты, но и

вывозило, по-видимому, на рынок значительную часть сельскохозяйственной продукции.

Бородинское городище представляет собой тип феодальной усадьбы, отличной от Воиццины. В Воиццине вместе с феодалом на площадке городища жило зависимое от владельца усадьбы население, постоянно занятное сельскохозяйственным трудом. Поэтому почти во всех жилищах этого поселения были найдены земледельческие орудия труда. На Бородинском городище картина несколько иная. Крестьянское население, феодально-зависимое от владельца усадьбы, жило здесь за валом, на селище. На самом же городище находились постройки владельца усадьбы и постройки, в которых жили холопы, обслуживающие феодала. Но и они, очевидно, принимали участие в сельскохозяйственных работах. Орудия сельскохозяйственного труда представлены в находках на городище серпами, косами, мотыгами, жерновами. Часть этих орудий была найдена в хозяйственной кладовой феодала, остальные находки распространены по всей площади раскопа. Их нет только в том месте, где, как мы предполагали выше, находилось жилище владельца усадьбы.

Почвообрабатывающие орудия, как и во многих древнерусских поселениях, представлены довольно скучно. В кладовой феодала найден был сломанный сошник. По этому фрагменту трудно судить о форме сошника в целом. Можно только заметить, что это орудие принадлежало к тому же типу пахотных орудий, что и находка на Воиццинском городище. Сравнительная немногочисленность пахотных орудий на Смоленщине не свидетельствует, однако, о большом значении подсечного земледелия¹⁵¹. Подсечное земледелие нереально при большой плотности населения рассматриваемого участка Смо-

¹⁵¹ В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 56. Находки почвообрабатывающих орудий на Смоленщине очень редки, что в значительной степени объясняется слабой археологической изученностью этой местности. Со временем число находок должно значительно возрасти. Четыре года назад, когда В. П. Левашева готовила свою работу, на Смоленщине не было ни одной находки пахотных орудий. Теперь сошники найдены на Воиццинском, Бородинском и Ганинском городищах и на Яновском селище.

Отсутствие находок пахотных орудий на Бородинском городище понятно. Площадка городища трудно доступна, поэтому не было необходимости завозить их на городище, их могли оставлять на селище, где, кстати, и жили пахари.

ленской земли. Видимо, на Смоленщине широко распространены были деревянные сохи без железных наконечников, которые для обработки сравнительно мягких почв центральных районов Смоленского Поднепровья были необязательны.

Для рыхления земли применялись мотыги. Они найдены на городище. Древнерусские мотыги очень сходны с проушными теслами и различить их порой бывает невозможно. Мотыги, опубликованные А. Н. Ляданским и В. К. Гончаровым, в сравнении с деревообрабатывающими инструментами — теслами — характеризуются широкой рабочей частью¹⁵². Но в Древней Руси встречались мотыги, сходные с теслами по ширине рабочей части¹⁵³. Характерная для тесел изогнутость¹⁵⁴ не всегда соблюдалась, что иногда затрудняет определение этих инструментов. Среди бородинских находок два подобных предмета отличаются сравнительно широкими лезвиями и, видимо, были мотыгами (рис. 51, 1, 2). Характерно, что на лезвиях этих орудий нет стальной наварки. Трудно допустить, чтобы деревообрабатывающие орудия не имели стальных лезвий, а для земледельческих рыхлящих орудий — мотыг — стальная наварка не обязательна.

При расширении пахотных земель для расчистки лесных участков, а также для вырубки кустарника применялся топор. Специальных топоров, применявшимся исключительно для этих целей, в Древней Руси не было, поэтому описание бородинских топоров сделано ниже в разделе, посвященном деревообрабатывающему ремеслу.

Среди сельскохозяйственных орудий Бородинского городища наиболее многочисленны орудия для уборки урожая. Серпов на городище найдено шестнадцать, из них восемь совершенно целые (рис. 51, 52). Целые серпы в древнерусских памятниках встречаются не часто. На Смоленщине до сих пор единственный целый серп найден на Ковшаровском городище. Поэтому на характеристике бородинских серпов следует остановиться дробно.

¹⁵² А. Н. Ляданский. Некоторые данные..., стр. 130, табл. IX, 1; В. К. Гончаров. Райковецкое городище, табл. VII, 8.

¹⁵³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 73; Г. Б. Федоров. Городище Екимауды. КСИИМК, Л. 1953, рис. 51, 4.

¹⁵⁴ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси, рис. 73.

Древнерусским серпам посвящена небольшая статья А. В. Арциховского¹⁵⁵. Большое внимание этим орудиямделено в работе В. П. Левашевой, посвященной сельскому хозяйству Древней Руси¹⁵⁶. Оба исследователя на основе изучения формы древнерусских серпов разделили эти орудия на несколько типов, имеющих определенное географическое распространение. Изучение бородинских серпов методами, предложенными А. В. Арциховским и В. П. Левашевой, привело к очень интересным результатам. Ниже приводятся данные по восьми серпам Бородинского городища, измеренным по методу В. П. Левашевой¹⁵⁷ (см. таблицу 15).

Таблица 15

№	Место находки	AB	CD	AC	Угол угла A	Угол угла B	Тип серпа
1	Кладовая феодала	265	1/3	1/3	85°	62°	Новгородский
2	»	261	1/3	1/4	96°	40°	»
3	»	281	1/4	1/4	75°	61°	» *
4	»	257	1/3	1/4	71°	58°	» *
5	»	309	1/4	1/3	51°	48°	?
6	Подпольная яма, пл. 7, кв. 81 **	254	1/3	2/5	63°	59°	Московский
7	пл. 3, кв. 135	251	1/4	1/3	74°	59°	»
8	пл. 1, кв. 138	260	1/4	1/3	47°	42°	»

* Звездочкой обозначены серпы новгородского типа, которые по своим данным близки к серпам, выделяемым В. П. Левашевой в костромской варианте новгородского типа.

** Сокращения пл. и кв. обозначают: пласт и квадрат, где найден серп.

Три серпа, найденные в разных местах раскопа вне кладовой феодала, по своим данным близки к серпам так называемого московского типа. Однако, поскольку серпы этого типа не связаны ни с Москвой, ни с Московской Русью, то название его представляется не вполне удачным. Московский тип серпов был выделен А. В. Арциховским (и затем В. П. Левашевой) на основе изучения серпов из вятических курганов и поселений, расположенных в области расселения вятичей (Московская, Калужская, Рязанская и частично Калининская области). Назвать этот тип вятическим нельзя, так как находки серпов этого

¹⁵⁵ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов, стр. 29—42.

¹⁵⁶ В. П. Левашева. Сельское хозяйство, стр. 60—73.

Значение АВ, СД, АС, А и В см. в указанной работе В. П. Левашевой на стр. 60, 61 и рис. 14.

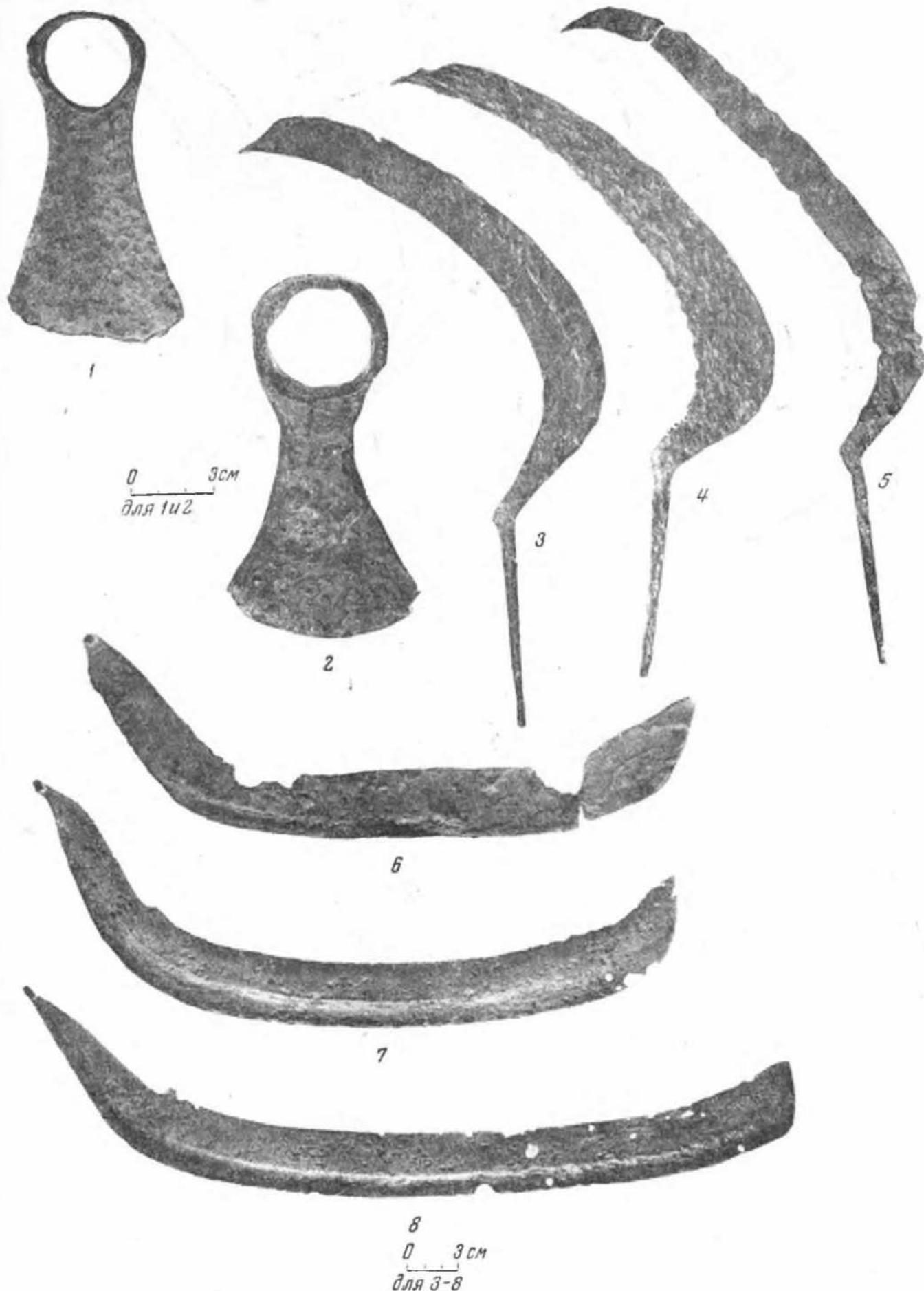

Рис. 51. Бородинское городище. Сельскохозяйственные орудия
1, 2 — мотыги; 3—5 — серпы; 6—8 — косы

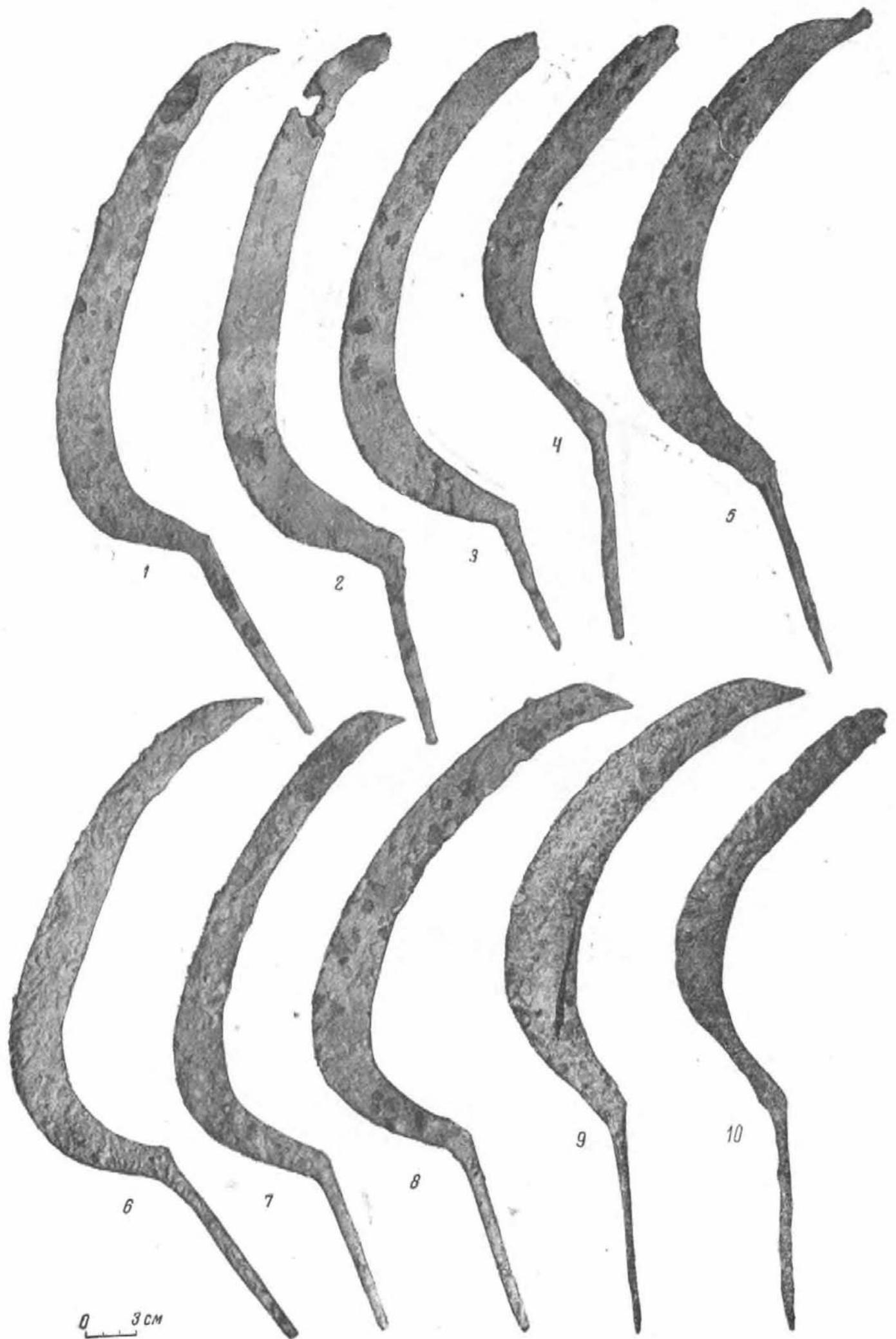

Рис. 52. Бородинское городище. Серпы

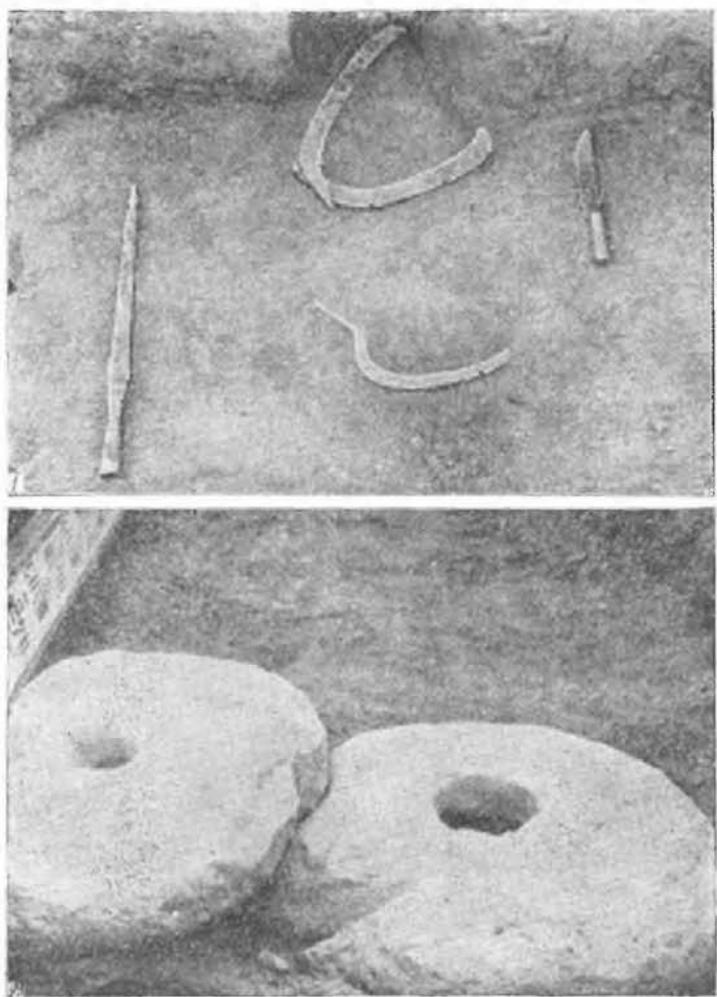

Рис. 53. Бородинское городище. Вещи из хозяйственной кладовой владельца усадьбы
1 — рогатина, серп, косы; 2 — жернова

типа выходят за вятическую территорию (например, серп Воицинского городища).

Из пяти серпов, найденных в хозяйственной кладовой владельца усадьбы, четыре определено относятся к новгородскому типу¹⁵⁸, а один экземпляр не может быть отнесен ни к одному из типов древнерусских серпов, намеченных В. П. Левашевой. Серпы новгородского типа вне Новгородской земли и вне северо-восточных областей Восточной Европы, связанных с новгородской колонизацией, найдены впервые. Если бы серпы новгородского типа были найдены на Бородинском городище в разных местах, по одному,

¹⁵⁸ В кладовой феодала было обнаружено семь серпов. Из двух серпов, не вошедших в таблицу, один также несомненно принадлежит к серпам новгородского типа. Классифицировать седьмой серп затруднительно.

то можно было бы сомневаться в их новгородском происхождении. Но тот факт, что они хранились вместе, наводит на мысль, что они принадлежали к какой-то партии товара, привезенного на городище.

По-видимому, в первое время вятическое население Бородинского городища и селища пользовалось жатвенными орудиями так называемого московского типа, сделанными в земле вятичей (может быть, эти орудия изготавливались и на Смоленщине). В XII—XIV вв. Смоленская земля вывозила сельскохозяйственные продукты за пределы своей территории. П. В. Голубовский и В. И. Пичетта подчеркивают, что в это время Смоленщина становится одним из основных поставщиков хлеба в Новгород. В связи с этим привоз в Смоленскую землю из Новгорода орудий сельскохозяйственного труда представляется очень реальным. Владелец Бородинского городища, расположенного в районе Смоленщины, где имеются все условия для широкого развития земледелия, видимо, как и другие смоленские феодалы, экспорттировал продукты земледелия в Новгородскую землю. В обмен на эти продукты и были приобретены новгородские серпы, обладающие по сравнению с серпами московского типа более высокими качествами.

Косы Бородинского городища (их найдено шесть) принадлежат к северному типу кос-горбуш, распространенных в лесной полосе Древней Руси (см. рис. 51, 6—8). Они характеризуются сравнительно узким лезвием (от 2,8 до 4,4 см) и оттянутым черенком. Все лезвия кос Бородинского городища гладкие. Для скрепления с рукояткой концы черенков кос загнуты крючкообразно. Длина кос около 40 см. Все косы, найденные в древнерусских памятниках Смоленской земли, принадлежат к этому же типу¹⁵⁹. Применялись они в основном для косьбы травы и изредка при уборке урожая на перовных пахотных полях или на пахотах с невыкорчеванными пнями.

К орудиям обработки продукции сельского хозяйства принадлежат жернова. Жерновов на городище найдено много (см. рис. 53, 2), в том числе в кладовой феодала обнаружено два комплекта жерновов. Все бородинские жернова сделаны из мелкозернистого камня, который хорошо растирает зерно. Как и большинство древнерусских жерновов,

¹⁵⁹ Например, косы Воицины и Ковшаровского городища (А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., стр. 230, табл. IX, 6, 8).

основная часть их на Бородинском городище не имела ячеек для порхлиц. В последний период жизни поселения применялись жернова как простейшего устройства, так и с порхлицами, позволяющими регулировать зазор между верхним и нижним жерновами. Железная порхлица, аналогичная железным вкладышам ручных жерновов Вщижского городища¹⁶⁰, была найдена в хозяйственной кладовой феодала (рис. 54, 2). Небольшой обломок верхнего жернова с ячейкой для помещения порхлицы также был найден на городище.

Наряду с земледелием в хозяйстве населения Бородинского городища и селища немалую роль играли скотоводство и охота. К сожалению, материалов для характеристики этих видов занятий раскопки не дали, так как костные остатки в культурном слое этих поселений совершенно не сохраняются. На городище найдены копья и стрелы, но они могли использоваться как на охоте, так и в бою.

РЕМЕСЛО

О широком развитии ремесленного производства на Бородинском городище говорить не приходится. Специалисты-ремесленники здесь постоянно не работали. Это было сельскохозяйственное поселение. Однако для удовлетворения потребностей собственного хозяйства некоторые жители Бородинского городища занимались и ремесленной деятельностью. Судя по находкам на городище, наиболее развиты были здесь деревообрабатывающие ремесла. Строительство жилищ и хозяйственных построек, изготовление мебели, утвари и других изделий из дерева были почти постоянной необходимостью. Плотник-столяр, видимо, жил на городище и занимался своим ремеслом в свободное от других работ время.

Основными плотницкими инструментами в Древней Руси были топор и тесло. Топоров на городище найдено девять, но все они обломаны (см. рис. 54, 6). Все топоры, кроме одного, были широколезвийными. Их использовали как в плотницком деле, так и при рубке леса, вырубке кустарников, заготовке дров и т. п. Узколезвийный топор, видимо, был специально лесорубным, однако его могли применять и для других работ. Макроструктур-

¹⁶⁰ Б. А. Рыбаков Жернова Вщижского городища. КСИИМК, XI. 1945, стр. 15—19, рис. 17.

ный анализ бородинских топоров обнаружил на каждом стальное наваренное лезвие.

Найдены были также два тесла (рис. 55, 6), оба проушные и имеют сравнительно узкую рабочую часть. Использовались они как в плотницком, так и в столярном деле. Тесла, подобные бородинским, найдены на многих древнерусских памятниках, в том числе в курганах Смоленской земли¹⁶¹.

К орудиям обработки дерева относятся также долото и скобель (см. рис. 54, 9 и 55, 5), найденные на городище. Долото Бородинского городища принадлежит к типу простых четырехгранных долот и отличается небольшими размерами (длина его 106 мм, сечение 10 × 12 мм). Двуручный скобель с дугообразным ножевидным лезвием был довольно широко распространен в Древней Руси и неоднократно встречен на многих поселениях. В 1959 г. подобный скобель был найден даже среди подъемного материала одного из древнерусских селищ.

Для получения круглых отверстий в дереве в Древней Руси употреблялись перовидные и спиральные сверла. Наиболее распространение получили сверла, аналогичные новгородским, объединенным в первый тип¹⁶². На Бородинском городище найдено перовидное сверло с обломанным концом. Им можно было делать отверстия диаметром от 6 до 10 мм.

Никаких следов железноделательного и железообрабатывающих ремесел на городище не обнаружено. Вблизи Бородинского городища нет залежей болотных руд. Если принять во внимание, что, кроме того, в культурном слое поселения не встречен кузничный и слесарный инструментарий, то напрашивается вывод, что на городище этими ремеслами не занимались. Деревенская кузница могла находиться на Бородинском селище или на каком-нибудь другом близком поселении, и несомненно, что часть железных предметов, найденных на городище, является продукцией местного ремесленного производства. Другая часть железных изделий Бородинского городища привезена из древнерусских городов. Но какие именно железные предметы являются продукцией городского ремесла, а какие изделия сделаны деревенскими кузне-

¹⁶¹ Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры. Записки Московского археологического института, т. XXXI. М., 1913, рис. 28.

¹⁶² Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 38, 39.

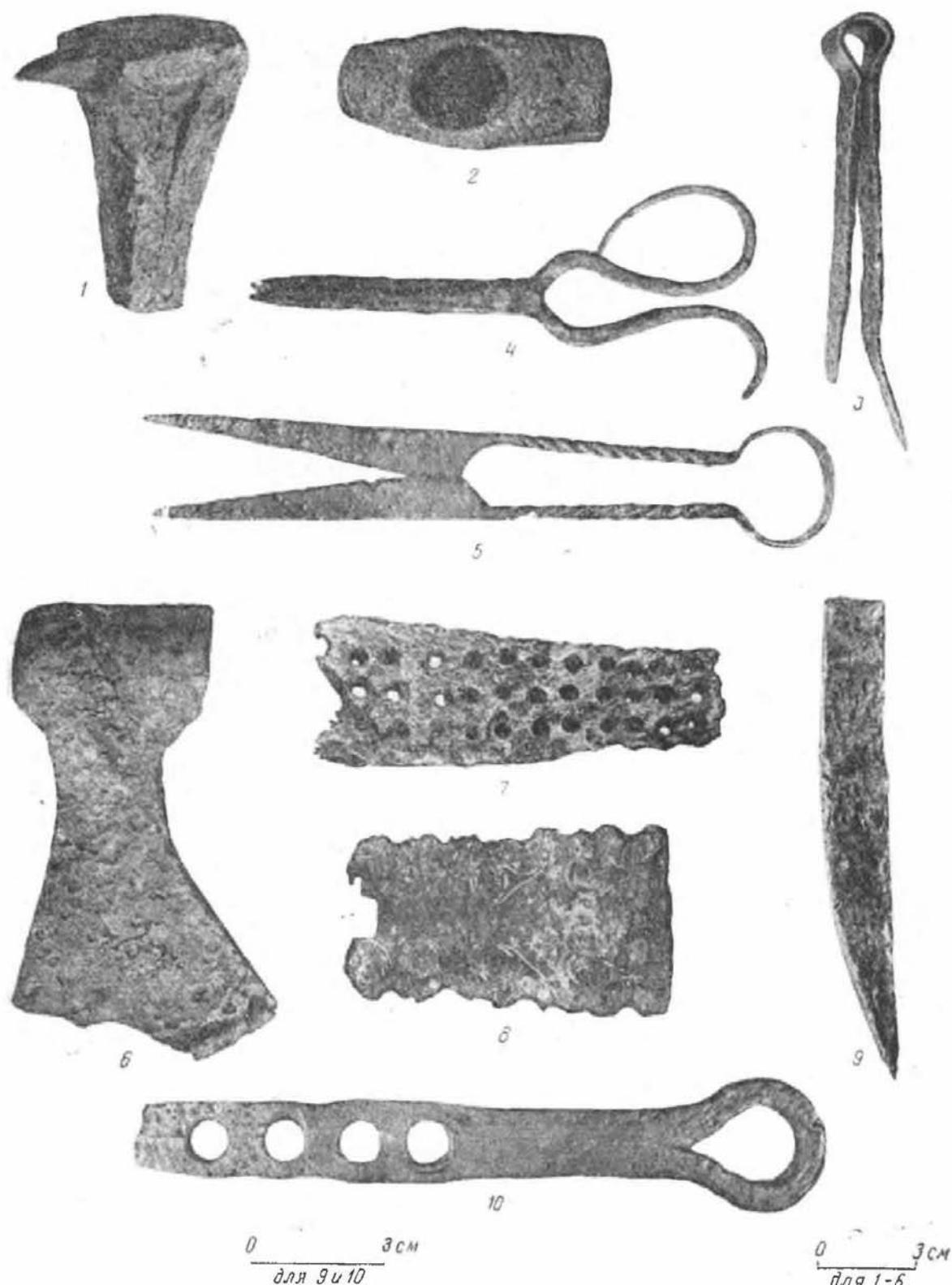

Рис. 54. Бородинское городище. Различные находки

1 — наковальня; 2 — порхлиса; 3 — пинцет; 4, 5 — ножницы; 6 — топор; 7 — волочило; 8 — орнаментированный наплечник пластинчатого панциря; 9 — долото; 10 — гвоздильня

цами, определить невозможно. Исключение составляют гвозди. Гвоздильня является единственным найденным на городище инструментом, связанным с изготовлением железных предметов. Гвоздильня Бородинского городища представляет собой массивный четырехгранный железный брусок с петлей на

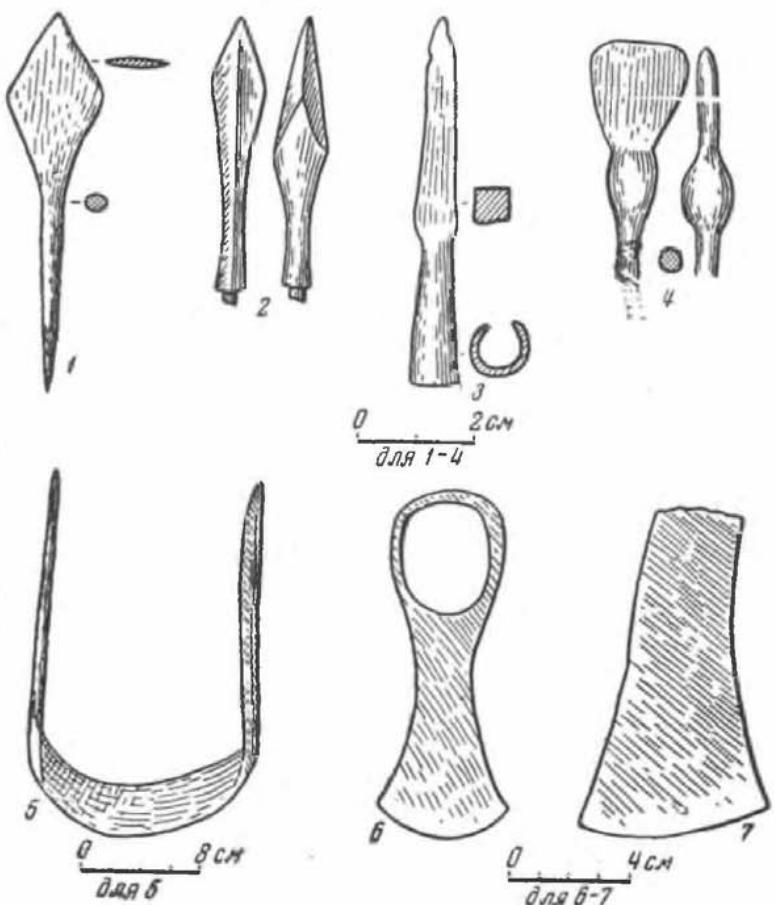

Рис. 55. Бородинское городище. Вещи из раскопок

1—3 — стрелы; 4 — писало; 5 — скобель; 6 — тесло;
7 — обломок узколезвийного топора

одном конце и с четырьмя круглыми сквозными отверстиями, в которые вставлялись гвозди (или заклепки) для отковывания головок (см. рис. 54, 10). Длина гвоздильни 155 мм, диаметры отверстий от 8 до 10 мм.

Остатков специальных ювелирных мастерских раскопками не обнаружено. Среди находок городища нет ни лячек, ни тиглей, ни литьевых форм. Видимо, литьем металлов здесь не занимались. Найдены, однако, три предмета, которые бесспорно свидетельствуют, что ремесленники-ювелиры на городище были.

Впрочем, может быть, ювелирное производство существовало здесь периодически, не в течение всего периода жизни на этом поселении. В западной части Бородинского городища была найдена небольшая ювелирная наковальня (см. рис. 54, 1), которая в отличие от распространенных в Древней Руси ювелирных наковален, имеет выступ в виде рога. Это позволяло производить на ней более разнообразные операции по ковке цветных металлов. Ее размеры следующие: высота 85 мм, размеры рабочей площадки 45 × 46 мм, длина рабочей площадки с рогом 68 мм. Отметим, что ювелирные наковальни усложненной формы найдены всего два раза: в Новгороде и на Бородинском городище.

Рядом с предметами, оставленными в хозяйственной кладовой феодала, найдено волочило, но относится ли оно к этому комплексу или нет, сказать трудно. Оно представляет собой железную пластину размерами около 13 × 4 см, при толщине 5—6 мм, с несколькими сквозными отверстиями различного диаметра (см. рис. 54, 7). Сквозные отверстия близки к конусам: с одной стороны их диаметры равны 1 (три отверстия); 1,5; 2 и 2,5 мм, с обратной — от 3 до 6 мм. Кроме того, на железной пластине намечено еще несколько отверстий разного диаметра, но они почему-то не пробиты насеквом. Волочение проволоки было одним из важнейших процессов древнерусского ювелирного ремесла. Проволока оказывалась необходимой для изготовления самых различных украшений. В связи с находкой волочила на Бородинском городище можно полагать, что проволочные витые браслеты и перстнеобразные височные кольца, составляющие значительную часть металлических украшений городища, были изготовлены местными ремесленниками.

К инструментам ремесленника-ювелира может быть отнесен также пинцет (см. рис. 54, 3).

Заканчивая обзор находок орудий труда на Бородинском городище, упомянем о прядлицах и ножницах. Ножницы на городище представлены тремя экземплярами, двое ножниц были пружинными, третьи — шарнирные (см. рис. 54, 4, 5). Прядлицы на городище найдено 15. Все они сделаны из розового шифера и имеют обычную для Древней Руси форму (битрапецоидную и реже бочонкообразную). На одном прядлице процарапан зигзагообразный узор.

ОРУЖИЕ И ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Одной из интереснейших находок на Бородинском городище является литая бронзовая булава (рис. 56). Биконическое основание ее (с отверстием для рукоятки) украшено крупнозерненым узором и несколькими небольшими шишкообразными выступами. По

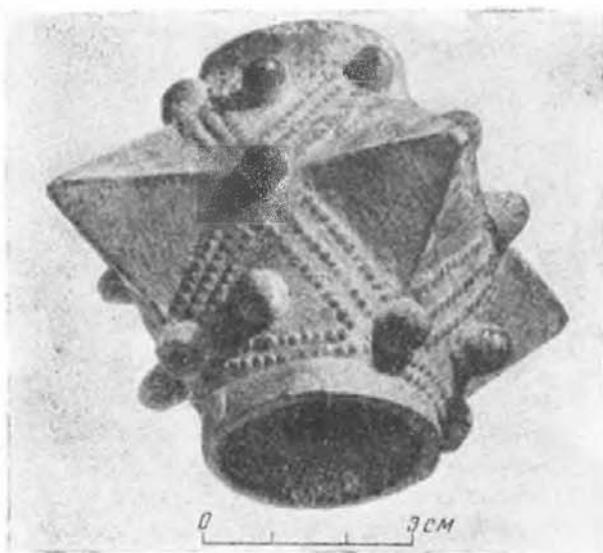

Рис. 56. Бородинское городище. Бронзовая булава

четырем сторонам булава имеет крупные шишкообразные выступы в виде четырехгранных пирамид. Совершенно такие же бронзовые булавы, но с несколько отличной орнаментацией, найдены В. Н. Глазовым в одном из новгородских курганов XIII—XIV вв. и М. К. Каргером в Киеве в полуzemлянке ремесленника XIII в.¹⁶³ Фигурные бронзовые булавы Райковецкого городища¹⁶⁴, Колодяжина¹⁶⁵, Киева¹⁶⁶ и ряда других южнорусских городов отличны от бородинской находки.

¹⁶³ А. А. Спицын. Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ дер. Мануйлова Ямбургского уезда. ЗОРСА, VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 140, рис. 84; М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII века. КСИИМК, XI. 1945, стр. 14, рис. 13; его же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 33, рис. 23. Киевская булава, как полагает исследователь, не была личным оружием ремесленника, а поступила к тому вместе с медной лампадой церковного типа и серебряной привеской от конской сбруи в починку или дополнительную обработку.

¹⁶⁴ В. К. Гончаров. Райковецкое городище, стр. 95, табл. XI, 7, 8.

¹⁶⁵ В. К. Гончаров. Древний Колодяжин, рис. 9, I.

¹⁶⁶ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, рис. 82.

На городище найдено пять наконечников копий, одна рогатина и сулица. Все копья одного типа (рис. 57, 2, 3): втульчатые, сравнительно узкие, без плечиков или со слабо выраженнымными плечиками. Перо наконечников имеет ромбическое сечение. Длина их со втулками от 22 до 35 см. Такие копья встречены и на Воицинском городище и в новгородском (Мануйловском) кургане вместе с булавой описанного выше типа. Датируют их XII—XIV вв. Рогатина, найденная в хозяйственной кладовой феодала (рис. 58), имела такую же форму. Обычная длина древнерусских рогатин около 50 см. Но среди новгородских курганных древностей есть экземпляры, достигающие в длину 65 см¹⁶⁷. Длина бородинской рогатины 58,5 см. Втульчатый наконечник сулицы имел ромбическое в сечении перо, постепенно расширяющееся внизу. Длина его 10,5 см (см. рис. 57, 1).

Железных наконечников стрел найдено только три. Один черешковый наконечник имеет ромбическую форму (см. рис. 55, 1), широко распространенную в Древней Руси. Два других — втульчатые бронебойные (см. рис. 55, 2, 3) и принадлежат к типу пирамидальных наконечников стрел с квадратным или ромбическим сечением¹⁶⁸. В отличие от новгородских находок подобного типа один бородинский наконечник стрелы не имеет выраженных плечиков, другой расширяется в середине пера.

Найденный в жилище феодала спекшийся кусок кольчуги (см. рис. 57, 7) представляет собой часть обычной древнерусской кольчужной ткани¹⁶⁹. Внешний диаметр колец ее 9 мм. Сделаны кольца из круглой проволоки толщиной около 1,5 мм¹⁷⁰. Кроме кольчуги, на городище найдена железная пластина (часть наплечника) от пластинчатого доспеха (см. рис. 54, 8).

Предметы снаряжения всадника представлены в бородинской коллекции шпорами, стременами и удилами. Найдено две шпоры. Обе важны для определения времени городища, поэтому на их характеристике следует

¹⁶⁷ А. А. Спицын. С.-Петербургские курганы в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1895, стр. 34.

¹⁶⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 161.

¹⁶⁹ А. Ф. Медведев. К истории кольчуги в Древней Руси. КСИИМК, XLIX. 1953, стр. 26—31.

¹⁷⁰ Такие размеры колец характерны для большинства новгородских кольчуг (А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 175, табл. 13).

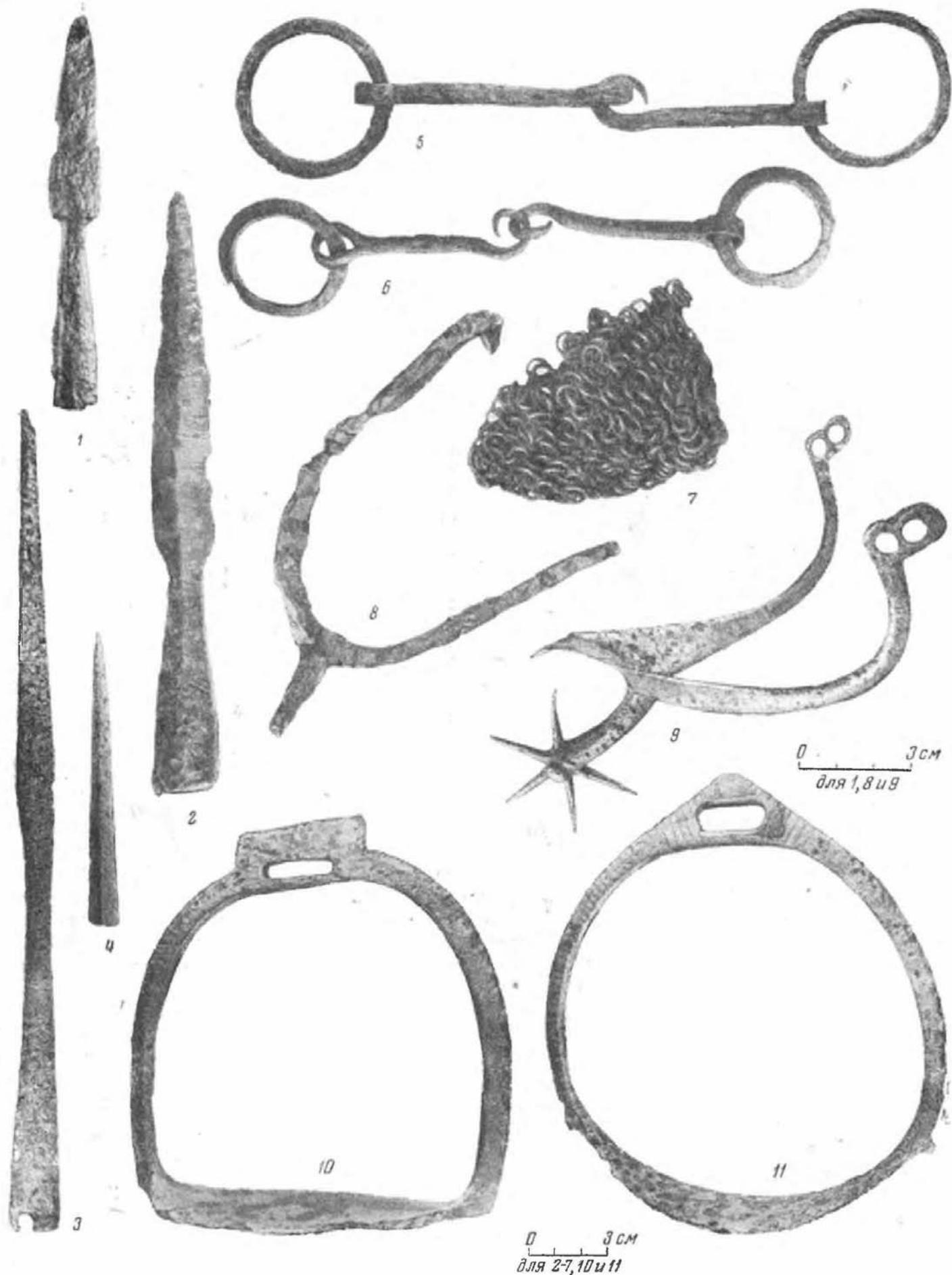

Рис. 57. Бородинское городище. Оружие и предметы снаряжения всадника
1—3 — копья; 4 — обломок кинжала; 5, 6 — удила; 7 — кольчуга; 8, 9 — шпоры; 10, 11 — стремена

остановиться подробно. Одна шпора принадлежит к так называемым викингским шпорам (см. рис. 57, 8). Гвоздеобразный шип ее лежит в одной плоскости со скобой. В Новгороде такие шпоры найдены в слоях, датированных XI—XII вв., в Западной Европе они датируются X—XII вв., при этом в XII в. шпоры подобного типа еще преобладают, хотя уже в начале столетия появляются изогнутые шпоры¹⁷¹. Правда, исследователь польских шпор С. Гильчер считает, что в Польше шпоры с шипом, лежащим в одной плоскости с дужкой, исчезают уже в конце XI в.¹⁷² Но описываемая бородинская находка во всяком случае должна быть датирована временем не позднее XII в.

Вторая бородинская шпора, найденная в заполнении подпольной ямы жилища феодала, принадлежит к шпорам так называемого рыцарского типа (рис. 57, 9). Вместо шипа она имеет зубчатое колесико — звездочку. Судя по польским материалам, шпоры со звездочкой появляются в самом конце XIII в.¹⁷³ В Западной Европе шпоры со звездочкой распространяются в самом начале XIV в. В Новгороде такие шпоры датируются XIV—XV вв., в слоях XIII в. таких шпор еще нет¹⁷⁴. Шпора со звездочкой найдена в поздних слоях Бородинского городища и определяет его конечную дату — XIV в.¹⁷⁵ Ближайшими аналогами

¹⁷¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 229 и рис. 1, 6.

¹⁷² Zofia Hildzewska. Chronologia ostrog z X de XIII wieku, стр. 203—207.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде, стр. 229, 230.

¹⁷⁵ Шпоры XV в. отличаются от шпор XIV в. более длинным стержнем, на который насаживается звездчатое колесико.

Рис. 58. Бородинское городище. Рогатина

шиями шпоре Бородинского городища являются шпоры с колесиком, найденные на Ковшаровском городище¹⁷⁶ и Серенском городище (древнерусский город Серенск) в бассейне Жиздры¹⁷⁷.

Оба стремени Бородинского городища имеют арочную форму (см. рис. 57, 10, 11). Одно из них принадлежит к очень распространенным в Древней Руси стременам с дугообразно выгнутой овальной подножкой, очень удобной для мягкой древнерусской обуви. Время бытования таких стремян X—XIV вв. Точно такое же стремя было найдено на Ковшаровском городище¹⁷⁸. Овальная подножка второго бородинского стремени прямая. Дужка его имеет продолговатый выступ, в котором находится прорезь для ремня. Находки подобных стремян в древнерусских памятниках не единичны.

Из 14 удил, найденных на городище, целых было только три. Тем не менее форма их ясна (см. рис. 57, 5, 6). Все они принадлежат к типу, очень распространенному в Древней Руси с X по XV в., и состоят из двух звеньев и двух колец, выкованных из круглого (реже четырехугольного) в сечении жгута. Одни удила вместо обычных круглых колец имели на концах овальные кольца.

УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОДЕЖДЫ

Выше неоднократно отмечалось, что верховья Волости были колонизованы вятичами. Поэтому неудивительно, что здесь при раскопках встречаются прежде всего вятические украшения. Характерные для вятичей семилопастные височные кольца находят главным образом в курганах. На вятических поселениях эти находки сравнительно редки. На Бородинском же городище найдено два биллоновых семилопастных кольца простого типа (рис. 59, 11)¹⁷⁹. Из височных украшений, кроме того, здесь найдено несколько проволочных перстнеобразных колец.

¹⁷⁶ А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. IV, 16.

¹⁷⁷ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXV, 7.

¹⁷⁸ А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., табл. IV, 20.

¹⁷⁹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 49, рис. 35.

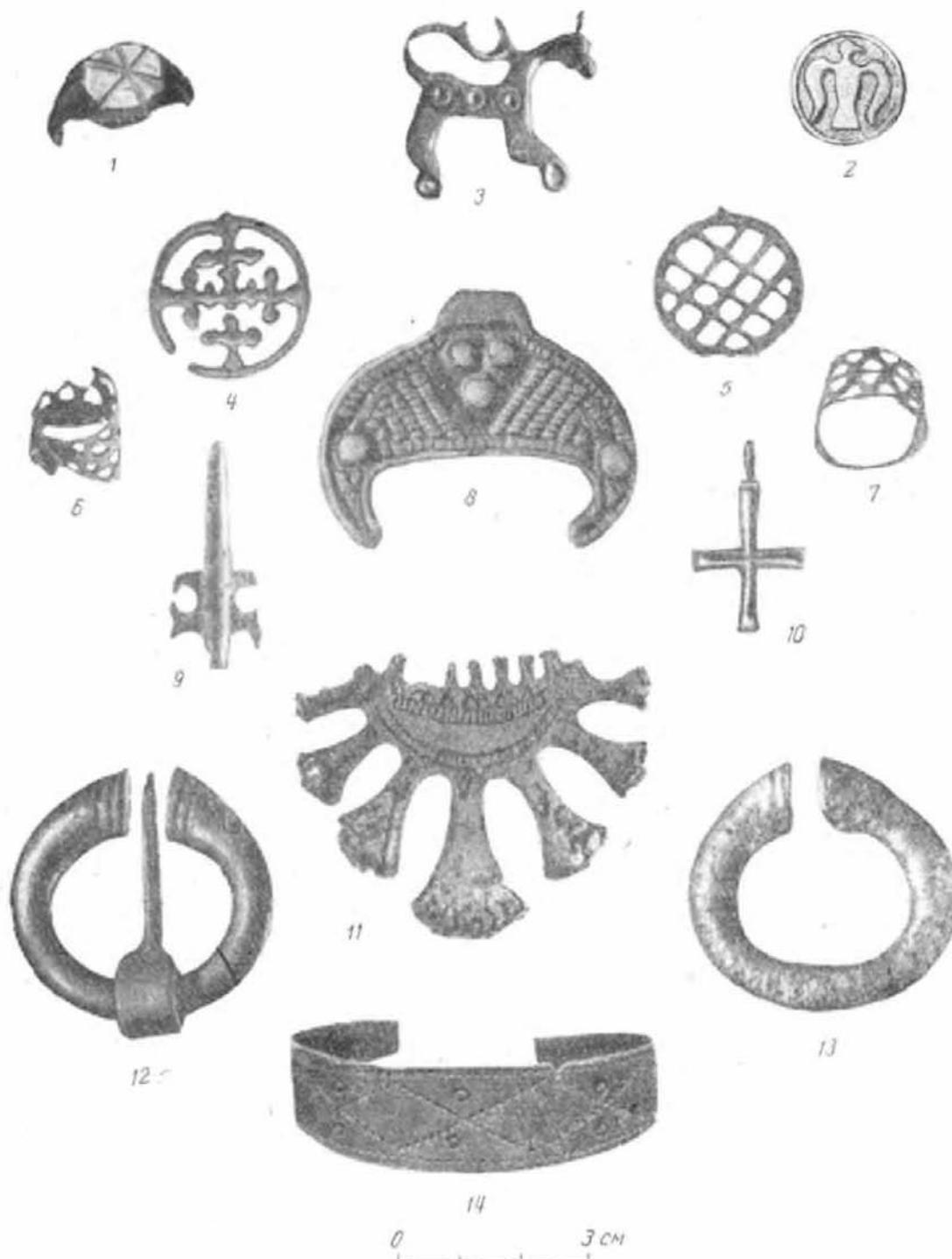

Рис. 59. Бородинское городище. Украшения

1, 2 — печатные перстни; 3—5 — привески; 6, 7 — перстни; 8 — лунница; 9 — головка булавки; 10 — крест-тельцо; 11 — височное кольцо; 12, 13 — нагрудные пряжки; 14 — браслет

Металлические браслеты в коллекции Бородинского городища представлены несколькими типами. Пластиначатых загнутоконечных браслетов найдено два. Один из них целый и орнаментирован гравированными пунктирными линиями и пунсонными колечками (см. рис. 59, 14), другой — обломан.

Дата их по курганным материалам XII—XIV вв.¹⁸⁰ Два других пластиначатых брасле-

¹⁸⁰ А. В. Арциховский полагал, что пластиначатые загнутоконечные браслеты характерны только для вятических древностей. Однако эти браслеты изредка встречаются и вне вятической территории (например, в новгородских и костромских курга-

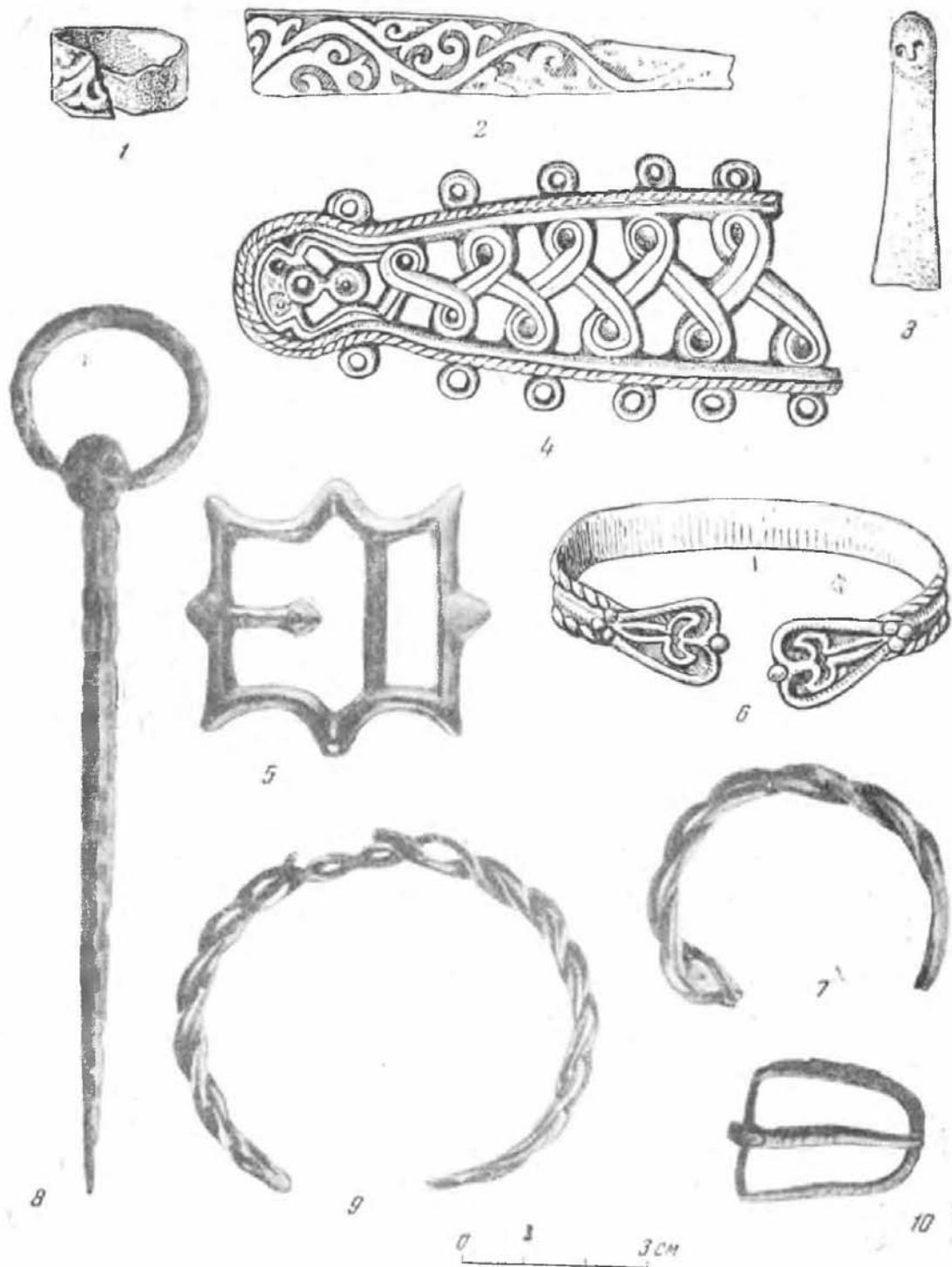

Рис. 60. Бородинское городище. Предметы из цветных металлов
1 — перстень; 2 — его развертка; 3 — обломок овально-конечного браслета; 4 — бляшка;
5, 10 — пряжки; 6, 7, 9 — браслеты; 8 — острье с кольцом

та — тупоконечные, орнаментированы таким же узором, что и загнутоконечные. Оригина-

нах). На Смоленщине пластинчатый загнутоконечный браслет найден на Ковшаровском городище (А. Н. Лядовский. Некоторые данные..., стр. 229, рис. VI, 10) и в кладе у дер. Мужищево б. Ржевского уезда (Г. Ф. Корзухина. Русские

лен пластиначатый браслет с рельефным узором и треугольными расширениями на кон-

клады, стр. 148, табл. LXII, 2). По-видимому, пластиначатые загнутоконечные браслеты были распространены у вятичей несравненно больше, чем в других областях Древней Руси, но их нельзя считать этнически определяющими вятическими украшениями.

цах. Треугольные концы его украшены кри-
новидным узором (рис. 60, 6). Этот браслет,
нужно полагать, является продукцией город-
ских ремесленников. В древнерусских курга-
нах такие браслеты исключительно редки.
В Смоленской земле подобный браслет встре-
чен только в одном вятическом кургане у
с. Доброселье¹⁸¹. А. В. Арциховский назвал
этот браслет криноконечным¹⁸². Датировать
его по материалам Добросельского кургана
не представляется возможным. Браслеты с
подобными концами, но по-разному орнамен-
тированные и, как правило, витые, часты в
древнерусских кладах¹⁸³.

Очень интересен обломок медного плас-
тического овально-конечного браслета. На
плоском, слегка расширенном его конце изо-
бражено человеческое лицо (см. рис. 60, 3).
Два подобных браслета с изображением лица
человека были найдены в курганах Смолен-
щины и Черниговщины¹⁸⁴.

Основную часть металлических браслетов
Бородинского городища составляют витые
брраслеты. Выше уже было высказано пред-
положение об их местном производстве. Воз-
можно, именно этим и объясняется много-
численность подобных украшений. Все боро-
динские витые браслеты сделаны из бронзо-
вой проволоки и подразделяются на три
типа: витые двойные, витые тройные и ви-
тые 2×2 (см. рис. 60, 7, 9). Находки витых
брраслетов могут быть использованы для дати-
ровки памятника. Ранних витых браслетов с
завязанными концами на городище нет. Ви-
тые тройные браслеты в вятических курга-
нах в основном встречены в погребениях
XIII в. и реже в погребениях XIV в. Брасле-
ты витые 2×2 относятся к тому же време-
ни (XIII—XIV вв.)¹⁸⁵.

Металлических перстней на Бородинском
городище найдено восемь. Четыре бронзовых

¹⁸¹ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по ча-
сти водораздела верхних притоков Волги и Днепра,
стр. 56, табл. XXVII, 7.

¹⁸² А. В. Арциховский. Курганы вятичей,
стр. 24.

¹⁸³ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, клады
№ 68, 70, 74, 93, 103, 110, 128. Все эти клады найде-
ны на Киевщине, зарыты в период между 1170 г.
и 1240 г.

¹⁸⁴ Дер. Коханы Ельнинского уезда Смоленской
губернии (раскопки Н. И. Булычова) — ГИМ, 25778,

VIII
— 14/33 а; Дер. Казаричи Сурожского уезда Черни-
говской губернии, курган 55 (раскопки П. М. Ере-
менко) — ГИМ 32884 № 69/76.

¹⁸⁵ А. В. Арциховский. Курганы вятичей,
стр. 138.

перстия принадлежат к типу решетчатых
двузигзаговых перстней (см. рис. 59, 6, 7),
характерных для вятичей не менее, чем се-
милопастные височные кольца¹⁸⁶. На Смо-
ленщине решетчатые перстни встречаются
довольно редко и только в юго-восточных
районах. Печатных перстней найдено два:
один из них бронзовый с изображением гри-
фона на щите (см. рис. 59, 2), другой — се-
рябряный (см. рис. 59, 1), найден в жилище
феодала и относится к последнему периоду
жизни поселения. Седьмой перстень — пла-
стинчатый: он сделан из обломка пластинча-
того браслета (см. рис. 60, 1, 2). Наконец, по-
следний перстень — витой из двух проволок.

Среди бус преобладают хрустальные. Все
они принадлежат к типу шарообразных и
различаются между собой лишь размерами
(их диаметры равны 7—13 мм). Исследование
древнерусских курганных древностей позво-
лило А. В. Арциховскому рассматривать
хрустальные шарообразные бусы как один из
племенных признаков вятичей. Действитель-
но, в чисто кривичских районах Смоленского
Поднепровья этих бус нет вовсе. Они, как и
семилопастные височные кольца и решетча-
тые перстни, служат признаком вятической
принадлежности наследников Бородинского
городища. Сердоликовая биконическая бусина
встречена только одна. Остальные бусины Бо-
родинского городища стеклянные, зонные
голубые (4 экземпляра), зонная зеленая, зон-
ная непрозрачная темная, бочонковидная
черная и винтообразная красноватого стекла.

Серебряная широкорогая лунница при-
надлежит к числу самых ранних находок на
городище (см. рис. 59, 8). Литая по образцу
больших широкорогих скано-зерненых лу-
нниц, известных по кладам X—XI вв.¹⁸⁷, она
покрыта типичным для них орнаментом. Ши-
рокорогие лунницы, отлитые по образцам
скано-зерненых, хорошо известны в древне-
русских памятниках, датируемых X—
XII вв.¹⁸⁸

Они найдены и в курганах Смоленского
Поднепровья¹⁸⁹. Курганные широкорогие

¹⁸⁶ Там же, стр. 113.

¹⁸⁷ Г. Ф. Корзухина. Русские клады,
табл. VIII, 32, 34; XXV, 10; XXVII, 3.

¹⁸⁸ В. В. Гольмстен. Лунницы Исторического
музея. Отчет Исторического музея за 1913 г. М.,
1914, стр. 94.

¹⁸⁹ Н. И. Булычов. Раскопки по среднему те-
чению р. Угры, стр. 33, табл. II, 4; Е. А. Шмидт.
Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смолен-
ском Поднепровье, табл. VI, 19.

лунницы XII в. отличаются сравнительно небольшими размерами, это позволяет думать, что бородинская лунница отлита с образцов, известных по кладам, зарытым в XI в. или на рубеже XI—XII вв.

Круглые решетчатая и ажурная привески Бородинского городища (см. рис. 59, 4, 5) находят многочисленные аналогии в древнерусских курганных древностях. На Бородинском селище найдена пластинчатая привеска-конек (см. рис. 59, 3). В курганах Смоленской земли такие привески встречаются особенно часто, что позволило Б. А. Рыбакову высказать предположение об изготовлении этих амулетов в Смоленском Поднепровье.

Обломков стеклянных браслетов на Бородинском городище найдено 425 и шесть обломков на селище. Распределение их по типам и цвету дано в таблице 16.

Таблица 16

Расцветка	Типы				Всего
	глад- кие круглые	ви- тые	плос- кие	желоб- чатые	
Черные	76	68	1	—	145
Зеленые	54	39	1	—	94
Желтые	8	5	—	—	13
Фиолетовые	2	4	—	—	6
Голубые	—	4	—	—	4
Красные	—	1	1	—	2
Черные, перевитые желтой полосой . .	6	3	—	—	9
Черные, перевитые светло-серой полосой .	2	2	—	—	4
Черные, перевитые светло-серой и красной полосами	—	1	—	—	1
Неопределенные	73	73	6	1	153
Всего . . .	221	200	9	1	431

Как видно из таблицы, преобладают браслеты черного цвета, на втором месте стоят браслеты зеленого стекла. Браслеты иных цветов немногочисленны. Большое количество находок стеклянных браслетов свидетельствует о том, что эти украшения носили не только члены семьи владельца усадьбы, но и прочие жители бородинских поселений.

На городище найдены многочисленные металлические принадлежности костюма. Наибольший интерес среди них представля-

ют две (серебряная и бронзовая) массивные застежки с утолщенными концами (см. рис. 59, 12, 13)¹⁹⁰ и головка медной булавки (см. рис. 59, 9), своими лилиевидными очертаниями несколько напоминающая бронзовую булавку с перегородчатой эмалью из старорязанского клада 1950 г.¹⁹¹

Особенно многочисленны и разнообразны поясные пряжки. Две биллоновые пряжки имели вытянутые овально-четырехугольные очертания и были украшены насечкой (см. рис. 60, 10); две пряжки имели сложную фигуруную форму (см. рис. 60, 5), одна медная — четырехугольную. Большинство железных пряжек имело полукруглую или овальную форму. Найдены также четырехугольные пряжки, в том числе одна с подвижным стержнем. Из других предметов, связанных с костюмом, найдены небольшие сферические бронзовые пуговицы и многочисленные поясные кольца.

РАЗЛИЧНЫЕ БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Железных ножей на городище найдено 89. Из них около десятка принадлежит к типу рабочих ножей (для обработки дерева), остальные ножи обычные — хозяйственные. Таких крупных экземпляров, какие найдены на Воищинском городище, здесь не встречено. Самый крупный нож вместе с черенком имел в длину 17 см. Для большей части ножей характерны размеры от 10 до 13 см. На трех обломках клинов ножей видны неглубокие и узкие продольные пазы. Макроструктурный анализ 70 экземпляров ножей, проведенный в лаборатории Института археологии АН СССР Т. М. Смирновой, выявил следующие технологические данные бородинской коллекции ножей. Основная часть ножей имела торцовую наварку стального лезвия на железную основу клинка (52 экземпляра). На одиннадцати исследованных ножах стальной наварки не было, но вполне возможно, что она просто не сохранилась. Шесть ножей оказались цельностальными. По форме они ничем не отличались от прочих ножей. Исключение составляет один цельностальной нож с точечной инкрустацией на

¹⁹⁰ Аналогичная пряжка найдена в Гродно (Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, стр. 66, рис. 31, 6).

¹⁹¹ А. Л. Монгайт. Старая Рязань, стр. 151, рис. 118, 2.

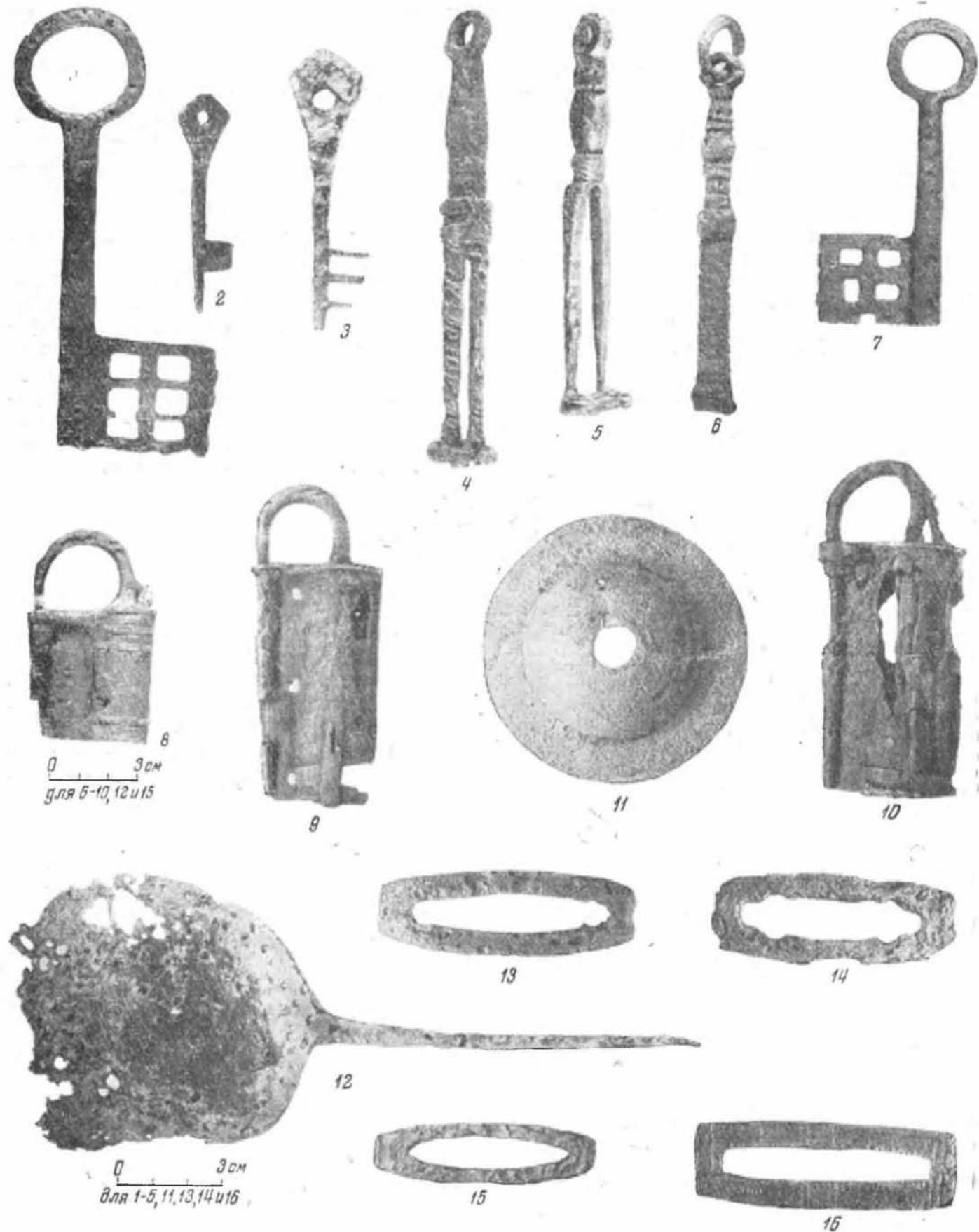

Рис. 61. Бородинское городище. Бытовые предметы из раскопок
1-7 — ключи; 8-10 — замки; 11 — бронзовый круг от подсвечника; 12 — железная лопатка; 13-16 — кресала

клипке. Наконец, последний из исследованных ножей имел трехслойную структуру: срединная часть его была стальной, боковые — из железа.

Наиболее распространенными замками на городище были висячие цилиндрические замки. В раскопках найдено 20 ключей от замков этого типа и примерно такое же количество замков (рис. 61, 4—6, 8—10). Если сравнивать эти находки с новгородской коллекцией замков и ключей, то они должны быть отнесены к типам Б и В. Замков с боковым Т-образным ключевым отверстием на Бородинском городище не встречено, нет и ключей от замков этого типа. Шесть ключей принадлежали внутренним врезным замкам (см. рис. 61, 1, 7), которыми обычно запирались сундуки, ларцы и т. п. Найдены также отдельные металлические части этих замков (пружины, облицовка). Пробоев на городище найдено двадцать (17 простейшей формы и три — с кольцами), что соответствует количеству ключей от висячих замков.

Железных кресал найдено десять (см. рис. 61, 13—16). Шесть из них имеют простую четырехугольную форму, четыре близки к овальным. В Новгороде такие кресала датируются XII—XIV вв.¹⁹² В Польше они в памятниках древнее XII в. также не встречены¹⁹³.

Так же, как и на Воицинском городище, здесь найдены многочисленные металлические части деревянных ведер. Ведерные дужки представлены в основном обломками, целыми оказались только две. Обе выкованы из четырехугольного жгута, диаметры их 24 и 27 см. Ведерные ушки встречены и медные и железные. Металлических ведерных обручей не найдено, они были деревянными. В восточной части городища найден венчик трунного бронзового сосуда с остатками застежек. Недалеко от места этой находки обнаружена большая железная ложка (см. рис. 61, 12). Интересной находкой является медная чаша. Ее верхний диаметр равен 10,5 см, диаметр dna около 5 см, высота чаши 3 см. В хозяйственной кладовой феодала, как уже было отмечено выше, найдена кованая железная сковорода. Ее диаметр равен 19 см. Плоское железное кольцо диаметром около

20 см (ширина кольца около 2 см, его толщина — 1 см), обнаруженное на городище, несомненно являлось обручем железного таганка, подобный которому был найден в Новгороде в слое XIV в.¹⁹⁴

В заключение этого раздела нужно упомянуть обломок железного писала (см. рис. 55, 4), хотя этот инструмент и не является предметом повседневного быта. Подобные инструменты для письма были известны и раньше, они встречались на смоленских городищах. Железные писала были найдены А. Н. Лявданским на Ковшаровском городище¹⁹⁵ и Н. В. Андреевым на городище Усух или Монастырщина¹⁹⁶. В отличие от них бородинское писало в том месте, где стержень инструмента переходит в щиток, имеет шарообразное утолщение. Наиболее близкой аналогией ему является писало, найденное Н. И. Булычевым на городище у с. Спас-Перекопа в западной части Калужской области¹⁹⁷.

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА

Вещи, связанные с христианской религией, на городище весьма немногочисленны. Видимо, христианство в древнерусской деревне внедрялось медленно и трудно. На городище найдено всего три креста-тельника, бронзовая иконка, лампадка (рис. 62) и бронзовый кружок от подсвечника церковного типа (см. рис. 61, 1). Три последние находки найдены в слое, связанном с жилой постройкой владельца усадьбы. Бронзовая лампадка, подобная бородинской, найдена в полуземлянке киевского художника XIII в. вместе с булавой. Такая же лампадка церковного типа находится в коллекции Киевского исторического музея¹⁹⁸. Но в отличие от киевских лампадок, украшенных рельефными изображениями святых и богато орнаментированных, бородинская находка гладкая и украслена лишь гравированным линей-

¹⁹⁴ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 105, рис. 92.

¹⁹⁵ А. Н. Лявданик. Некоторые данные..., табл. X, 35.

¹⁹⁶ Коллекция Смоленского областного краеведческого музея. Инв. № 12057/36.

¹⁹⁷ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, табл. XXI, 12.

¹⁹⁸ М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII века, рис. 7, 8.

¹⁹² Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, стр. 99—103.

¹⁹³ Franciszek Lachowicz. Wczesnosredniowieczne krzesiwa Opola. Archeologia Śląska, t. I. Wrocław, 1957, стр. 197—200.

ным орнаментом. В этом отношении она ближе к гладкой медной лампадке из раскопок Райковецкого городища¹⁹⁹. Лампадка, как и райковецкая, имеет три ушка для цепей, при помощи которых она подвешивается. Обрывки цепей лампадки найдены при раскопках городища. Бронзовый кружок, найденный на

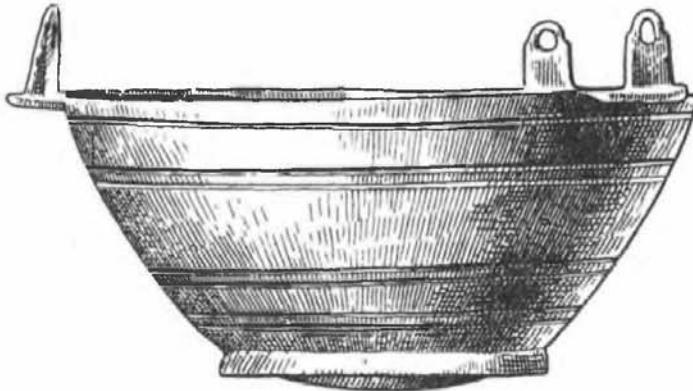

Рис. 62. Бородинское городище. Бронзовая лампадка

городище, принадлежит подсвечнику. Ближайшей аналогией ему является подсвечник из раскопок Минского замчища²⁰⁰. Бронзовая литая иконка арочной формы имеет на лицевой стороне трехчастную композицию с изображениями святых (рис. 63).

Кресты-тельники найдены в стороне от жилища владельца усадьбы, которое существовало в последний период жизни на городище и, возможно, относятся к разному времени. Плохо сохранившиеся небольшие медный и каменный крестики имели простейшую четырехконечную форму. Третий крест-тельник (медный) также четырехконечный, но концы его несколько расширены. На лицевой стороне его имеются углубления для эмали (см. рис. 59, 10).

ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

Керамический материал Бородинского городища представлен несколькими тысячами обломков различных изделий из глины. Но никаких следов местного гончарного ремесла ни на городище, ни на селище не обнаружено. Поблизости от городища нет глин

вообще, а в окружности радиусом до 10—12 км от него неизвестно залежей глин, пригодных для гончарного производства. Этнографические данные, правда, свидетельствуют о том, что иногда гончары-ремесленники привозили глину издалека. Поэтому предполагать, что гончарное ремесло, если не около Бородинского городища, то в бассейне Волости, существовало, вполне возможно.

Вся керамика бородинских поселений изготовлена на гончарном круге. По своим технологическим свойствам она не отличается большим разнообразием. Почти вся глиняная посуда городища сделана из красноватой глины средней жирности. В качестве искусственной примеси применялись мелко измельченная дре-ва и (реже) песок. Содержание этих примесей незначительно. Как правило, тесто хорошо перемешано. Каких-либо естественных примесей в глиняном тесте изделий при простом осмотре не обнаруживается. Обжиг посуды хороший. Поверхность глиняных изделий городища обычно окрашена в серожелтый или серо-красноватый цвет. В изломе средняя часть черепка черная.

Форма глиняных сосудов довольно однотипна. Преобладали обычные горшки с широкими плечиками, плавно суживающиеся к донышку. Форма венчиков разнообразна. Размеры горшков также не стандартны. Около двух третей горшков имели диаметр горла от 13 до 18 см. Много горшков было с диаметром горла 19—22 см. Более крупные горшки редки, хотя все же встречено около десятка сосудов с диаметром горла около 40 см. Самые маленькие горшки имели диаметр горла 7 см. Основная масса горшков была кухонной посудой, о чем свидетельствуют следы нагара на многих фрагментах этих сосудов. Но горшкообразные сосуды использовались и как столовая посуда, а крупные горшки служили для хранения различных продовольственных запасов. Среди керамического материала обнаружены обломки крышек. Однако, судя по сравнительной немно-

¹⁹⁹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище, табл. XXI, 4.

²⁰⁰ В. Р. Тарасенко. Древний Минск. Материалы по археологии БССР, т. I. Минск, 1957, стр. 250, рис. 53.

Рис. 63. Бородинское городище. Бронзовая иконка

гочисленности этих обломков, горшки с крышками составляли небольшой процент глиняной посуды.

Также немногочисленны горшки с двумя ушками. В хозяйственной кладовой феодала найден почти целый сосуд с двумя ушками (см. рис. 32, 2). Кроме того, на раскопе найдено 28 ручек-ушек. Часть их принадлежала сосудам с двумя ушками, другая часть происходит от горшков с одним ушком, подобных тем, которые встречены на Воицинском городище и известны из других древнерусских поселений.

Обломков кувшинообразных сосудов в раскопках Бородинского городища не оказалось, зато есть обломки глиняных сковородок, в том числе найдены две втульчатые ручки от них. Подобные глиняные втулки встречены А. Н. Лявданским на Ковшаровском городище²⁰¹.

На городище найдены также глиняные светильники киевского типа: один целый (см. рис. 32, 1) и несколько обломков других экземпляров. Число их очень невелико. По-видимому, глиняные светильники здесь были менее распространены, чем на Воицинском городище.

Самым распространенным типом орнаментации глиняной посуды Бородинского городища является линейный узор в самых различных вариантах. Линейный орнамент покрывал около $\frac{3}{4}$ всех орнаментированных венчиков, собранных при раскопках городища и селища. Далее идут волнистый (около 9%), линейно-волнистый (5,5%), ногтевой и линейно-ногтевой (по 5%) орнаменты. Орнаментированной посуды было больше, чем гладкой²⁰².

Днища с гончарными клеймами на городище найдено 57. Около половины клейм представлены небольшими фрагментами, в связи с чем точная классификация их затруднительна. Остальные клейма объединяются в девять типов (см. рис. 49). Наиболее многочисленны на Бородинском городище клейма, составленные из двух концентрических окружностей и вписанных в них ромбов с

²⁰¹ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., табл. III, 4.

²⁰² Процентное соотношение орнаментированной и неорнаментированной посуды подсчитывалось исключительно по венчикам, обломки стенок сосудов при этом не принимались во внимание. Орнаментированные венчики составляли 65—70% общего количества венчиков, найденных на городище.

вогнутыми сторонами (см. рис. 49, 1—7)²⁰³. Днища с такими клеймами найдены в заполнении подпольной ямы жилища хозяина усадьбы и в его хозяйственной кладовой, поэтому могут быть отнесены к последнему периоду жизни на городище. Посуда с такими же клеймами встречена и в других местах городища (см. рис. 50). М. К. Каргер, разбирая гончарные клейма древнего Киева, отмечает, что точного повторения одного и того же клейма там не обнаружено²⁰⁴. Это же обстоятельство было отмечено нами относительно воицинских гончарных клейм. Среди описываемых клейм Бородинского городища есть несколько точно повторяющих друг друга и сходных по размерам. Несомненно, что некоторые сосуды с этими клеймами не только происходят из одной мастерской, но и сняты с одной подставки. Второе место по числу находок занимают клейма, состоящие из двух концентрических окружностей. Остальные типы клейм представлены единичными экземплярами.

Бородинские клейма могут быть объединены в две группы, в каждую из которых войдут однотипные клейма, отличающиеся друг от друга какой-либо дополнительной особенностью («отпечатышем»). Одну из таких групп представляют клейма, в основе которых лежат две окружности. К этой группе относятся, прежде всего, клейма простейшего типа в виде двух окружностей (см. рис. 49, 8—10), далее в виде двух окружностей с точкой в центре (см. рис. 49, 11), в виде двух окружностей с галочкой в центре (см. рис. 49, 12), в виде двух окружностей с радиальными черточками (см. рис. 49, 13), в виде двух окружностей с решеткой внутри малого круга (см. рис. 49, 14), и, наконец, самой сложной схемой клейм этой группы являются клейма, относимые к последнему периоду жизни городища (см. рис. 49, 1—7).

Вторую группу составляют клейма, имеющие в основе одну окружность. Сюда входят клейма с точкой посередине (см. рис. 49, 15), с галочкой в центре (см. рис. 49, 16) и с зигзагообразным рисунком внутри окружности (см. рис. 49, 17, 18). Вне этих групп остается одно клеймо (см. рис. 49, 19, 20).

²⁰³ Указанное клеймо очень оригинально. В то время как другие типы гончарных клейм повторяются в различных древнерусских памятниках, аналогий этому типу клейма подыскать не удалось.

²⁰⁴ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 435.

Таким образом, изучение коллекции бородинских клейм приводит к следующим важным выводам. Население Бородинского городища снабжалось глиняной посудой, в основном, из двух гончарных мастерских²⁰⁵.

Постепенное усложнение рисунка клейма одного типа на основании курганных и этнографических материалов было с большой убедительностью объяснено Б. А. Рыбаковым наследственностью гончарного производства²⁰⁶. Бородинское городище существовало несколько более двух столетий. За этот период рисунок клейма первой группы за счет постепенного «усложнения» сменился шесть раз, а это значит, что во время существования жизни на городище сменилось шесть поколений гончаров-ремесленников. Таким образом, на каждое поколение ремесленников приходится по 30—40 лет. Этнографические наблюдения показывают, что поколения ремесленников действительно сменялись через 30—40 или даже 45 лет. Продукция второй гончарной мастерской, по-видимому, поступала на городище не в течение всего периода жизни на этом поселении. Поэтому количество рисунков клейм второй группы несколько меньше, чем число типов клейм, составляющих первую группу.

ДАТИРОВКА ГОРОДИЩА

Основная масса находок культурного слоя городища датируется XII—XIV вв. Самыми ранними находками здесь являются лунница и шпора с шипом, расположенным в одной плоскости со скобой. Подробное обоснование времени бытования этих находок дано выше. Наиболее поздняя дата этих предметов определяется концом XI—началом XII в. Поскольку ни одной другой вещи, датируемой XI в., в культурном слое городища не обнаружено, начальная дата поселения должна быть отнесена к концу XI в. или к самому началу XII в.

Наиболее поздней находкой Бородинского городища является шпора с колесиком, дата которой определена выше XIV в. Однако следует отметить, что других предметов (в том числе, украшений), характерных для этого столетия в культурном слое городища почти не обнаружено. Шпора с колесиком найдена в остатках жилой постройки последнего периода существования поселения вместе с другими предметами, время бытования которых может быть определено XIII в. Это дает возможность предполагать, что городище прекратило свое существование в первой половине XIV в.

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАМКОВОГО ТИПА

Необходимо несколько подробнее остановиться на характеристике городищ типа Войщинского и Бородинского, поскольку таких городищ на Смоленщине немало.

До сих пор характер древнерусских городищ Смоленщины разными исследователями истолковывался по-разному. Различные толкования этих памятников объясняются только одним обстоятельством — недостаточной изученностью смоленских городищ вообще. Первый исследователь этих памятников А. Н. Лявданский²⁰⁷, объединив городища, подобные Войщине и Бородинскому, в отдельную, четвертую группу, рас-

сматривал их то как древнерусские города, то как своеобразные сельские «кремли», в которых была сосредоточена общественная и культурная жизнь населения окрестных селищ, на которых жили старейшины, а иногда даже князья и жрецы. На этих городищах, по мнению А. Н. Лявданского, хранились материальные ценности и производились торги. К поселениям последнего типа он относил, в частности, Ковшаровское городище. А. Н. Лявданский прав в том, что некоторые из древнерусских городищ Смоленщины действительно были городами, однако выделить их из общей массы смоленских городищ исследователь не мог. А. Н. Лявданский прав также, относя другую часть древнерусских городищ Смоленщины к памятникам сельского типа, но, конечно, это не были центры общественной, культурной и религиозной жизни деревенского населения или сельские «кремли», как назвал их исследователь.

²⁰⁵ Находки двух клейм, не вошедших в указанные выше группы, свидетельствуют, по всей вероятности, о покупке (видимо, кратковременной) населением городища гончарных изделий у третьего ремесленника.

²⁰⁶ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 177—181.

²⁰⁷ А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 236—249.

С. В. Киселев видел в смоленских городищах древнерусского времени города, а селища, расположенные близ этих городищ, по его мнению, представляли собой древнерусские посады²⁰⁸. А. В. Арциховский считал круглые болотные городища Смоленщины (городища третьей группы по классификации А. Н. Лявданского) древнерусскими замками, отрицая их культовое значение²⁰⁹. По его мнению, в пользу отнесения этих городищ в разряд феодальных замков говорят и большие размеры валов, несопоставимых с крошечными размерами их жилых площадок, и связь их с древнерусскими селищами. Но нельзя не учитывать, что на круглых смоленских городищах культовый слой, как правило, отсутствует. Валы, окружающие их, не могли иметь серьезного оборонительного значения, так как на многих памятниках их вершины расположены ниже площадок городищ. Поэтому круглые городища правильнее считать культовыми памятниками²¹⁰.

Н. Н. Воронин считал древнерусские городища Смоленщины типа Воищины и Бородинского убежищами, в которые собиралось население неукрепленных сельских поселений в момент приближения опасности. Это были, по мнению Н. Н. Воронина, те городища-убежища, с которыми сталкивались феодалы на первых шагах установления феодального господства²¹¹. А. В. Успенская и М. В. Фехнер в работе «Поселения Древней Руси» вновь обращаются к древнерусским городищам Смоленщины²¹². Часть этих городищ отнесена ими к поселениям городского типа, другая часть — к сельским поселениям. В целом это, как мы указывали, справедливо. Однако разделение

²⁰⁸ С. В. Киселев. Поселение. Тр. секции теории и методологии (социологической) РАНИОН, т. 2, выш. 2. М., 1928, стр. 57.

²⁰⁹ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской землях. ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 49, 50.

²¹⁰ Подробное обоснование языческого религиозного значения этих памятников дано в нашей статье «Языческие святилища смоленских кривичей» (в печати).

²¹¹ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. ИГАИМК, выш. 138, л. 1, 1935, стр. 19. Впрочем, некоторые из этих городищ (например, Ольшанское и Гнездовское) исследователь считает возможным рассматривать как феодальные усадьбы.

²¹² Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» Тр. ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 10, 11.

этих городищ на поселения городского и сельского типа проведено весьма непоследовательно, что привело к ряду ошибок²¹³.

Научные основания для классификации смоленских древнерусских городищ могут быть получены только в результате широких раскопок этих памятников. После раскопок двух таких городищ представляется возможным наметить характерные признаки, по которым можно выделить из древнерусских городищ Смоленского Поднепровья феодальные замки. Раскопки показали, что площадки городищ были довольно тесно застроены и никак не могли являться убежищами для земледельческого населения окрестных деревень. Общинные городища-убежища, открытые археологическими разведками, отличны от рассматриваемых памятников.

После раскопочных работ на Воищинском и Бородинском городищах стала очевидна их сельскохозяйственная основа. Тесная связь населения этих городищ с сельским хозяйством, отсутствие на поселениях развитого ремесленного производства позволяют относить эти памятники к поселениям сельского типа. Вместе с тем, рассматриваемые городища выделяются среди рядовых сельских поселений по ряду характерных признаков, что вполне понятно, так как это были феодальные усадьбы, а не поселения рядовых землевладельцев.

Следующие характерные признаки отличают городища-феодальные замки от рядовых сельских поселений: 1. Наличие укреплений. 2. Находки предметов вооружения (копья, стрелы, булава, панцирь, кольчуга, наконечник ножен меча, кинжалы), среди которых особенно важно оружие, типичное для быта феодалов, и предметов снаряжения всадника. Для владельческих поселений, для феодальных усадеб эти находки обязательны.

3. Находки стеклянных браслетов. Раскопки рядовых сельских поселений и курганных могильников убедительно доказали, что рядовое население древнерусской деревни не носило стеклянных браслетов. Стеклянные браслеты встречены только на феодальных усадьбах и погостских поселениях.

4. Значительная имущественная дифференциация среди населения таких городищ, так как на этих поселениях жили не только феодал, но и его слуги, холопы и т. п. Эта дифференциация прослеживается как по на-

²¹³ См. рецензию автора настоящей работы. СА, 1958, № 1, стр. 290, 291.

ходкам вещей, так и по характеру построек. Так, на Воицинском городище найдены булавка с перегородчатой эмалью, крестик с серебряной зерневой оправой и некоторые другие вещи, которые не могли принадлежать крестьянскому населению; таких находок нет в древнерусских курганах. Различие между дворовыми постройками владельца Бородинского городища и рядовых его пасельников характеризует неравенство между его жителями еще ярче. Такой дифференциации нет ни на одном рядовом поселении сельского типа. Судя по раскопкам Яновского селища, подобной дифференциации нет и на погостских поселениях.

Следующие признаки отличают городища-усадьбы от древнерусских городов:

1. Тесная связь с сельским хозяйством, сельскохозяйственная основа этих городищ.

2. Слабое и одностороннее развитие ремесленного производства. Городища сельского типа не были торгово-ремесленными центрами, как древнерусские города.

3. Незначительные размеры городищ-усадеб. Площадь городищ (Ковшаровского, Воицинского, Бородинского и Воротниковского) чуть больше 1 тыс. кв. м. Площади детинцев древнерусских городов всегда в несколько раз больше размеров феодальных поселений укрепленного типа и достигают в городах Киевской Руси нескольких десятков тысяч кв. м, а размеры отдельных детинцев превышали сотню тысяч кв. м²¹⁴. К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями о размерах укрепленных центров древнерусских городов в Смоленской земле. Тем не менее даже поверхностное сравнение городищ-замков с самыми малыми городами Смоленской земли показывает серьезную разницу в размерах городов и феодальных замков. Так, площадь древнерусского городища — города Ельни, расположенного в 25 км от Бородинского городища, превышает 13 тыс. кв. м²¹⁵. Площадь детинца другого древнерусского города Смоленской земли —

²¹⁴ А. И. Киринчиков. К истории древнего Белгорода в X—XI вв. КСИИМК, 73. 1959, стр. 30.

²¹⁵ По предположению П. В. Голубовского, Ельня была центром волости Дешнины, упомянутой в грамоте Ростислава Мстиславича 1150 г. (П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 77). Городище обследовалось неоднократно, но раскопок на нем не производилось (А. Н. Ляданский. Археологические доследы у Смоленшины. Працы археолёгічнай камісії, т. 3. Менск, 1932, стр. 33, 34). В 1958 г. Ельнинское городище обследовано автором настоящей работы. Площадка городища плотно задернована, но

Пацина (или Потица) превышает 5 тыс. кв. м²¹⁶. Примерно такие же размеры имели детинцы Рши²¹⁷ и Ростиславля²¹⁸.

Время появления феодальных усадеб укрепленного (или замкового) типа падает на конец XI — начало XII в. Начальные даты Воицины и Бородинского городища обоснованы выше. Относительно Ковшаровского городища А. Н. Ляданский замечает, что основная масса предметов и керамики относится к XII—XIII вв. Вещей и керамики ранее второй половины XI в. на городище не встречено. Конец XI — начало XII в., судя по письменным источникам, как раз характеризуются укреплением вотчинного хозяйства. Л. В. Черепнин отмечает, судя по письменным документам, что именно в это время начинают развиваться крупные земельные владения (княжеские, церковные, боярские)²¹⁹. Во второй половине XI — начале XII в. смоленские правители «дарят» земельные владения «лучшим мужам» своим, которые поселяются там в собственных замках, постепенно расширяя эти свои владения за счет земель свободных общинников. Таково, видимо, происхождение многих феодальных усадеб Смоленщины. Об этом свидетельствует тот факт, что большая часть древнерусских городищ-замков здесь расположена в окрестностях Смоленска. Но было немало случаев, когда более или менее крупными земельными владельцами становились бывшие общинники. Такими, в частности, кажется, были владельцы Бородинской феодальной усадьбы, происходящие из вятичей и, возможно, являющиеся выходцами из Матвеевской территории общинны.

Большой интерес представляют названия городищ, относимых пами в разряд феодальных усадеб-замков. Все они происходят от на ней находится до десятка ям различного происхождения. Зачистка стенок некоторых ям показала, что культурный слой распространен по всей площади городища и имеет значительную толщину.

²¹⁶ А. Н. Ляданский. Археологические доследы у Смоленшины, стр. 30. Конечно, по размерам

²¹⁷ А. Н. Ляданский. Археологическая доследы у Аршанская акрузе. Працы археолёгічнай камісії, т. 2. Менск, 1930, стр. 36—45.

²¹⁸ А. Н. Ляданский. Археологические доследы у Смоленшины, стр. 30. Конечно, по размерам городищ не всегда можно определить принадлежность того или иного памятника к городу или к замку. Тем более, что некоторые древнерусские города выросли из феодальных замков.

²¹⁹ Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси. «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 51, 52.

мужских имен или прозвищ. Выше уже отмечалось, что название Воицина происходит от распространенного на Руси собственного имени Воин²²⁰. Бородинское городище также, вероятно, названо по мужскому, довольно распространенному имени²²¹. Местная легенда толкует, что название Ковшары (Ковшаровское городище; деревня, близ которой находится городище, сейчас называется Покровская) происходит от имени богача Ковша, в древности здесь жившего²²². Отчества, производные от мужского имени Ковш (Ковшов, Ковшевич), упоминаются в письменных документах XVI в.²²³ Традиция

²²⁰ Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, т. VI. СПб., 1903, стр. 145 и сл., стр. 561, 562.

²²¹ Там же, стр. 117.

²²² Государственный архив Смоленской области, ф. И. И. Орловского, № 391, д. 152—1904 г., л. 4.

²²³ Н. М. Тупиков. Указ. соч., стр. 632. Четвертая феодальная усадьба замкового типа в обсле-

наименования новых городов по именам князей — их основателей — хорошо известна в Древней Руси. По-видимому, отсюда пошел обычай называть сельские владельческие поселения по именам их первых владельцев.

Феодальные усадьбы замкового типа не составляли особенности Смоленской земли. Они известны и в других областях Древней Руси²²⁴.

дованном районе Смоленщины названа нами по сравнительно новой и далеко отстоящей от городища дер. Воротнико. Местное население называет кладбище, которое находится на площадке этого городища, Никитским. Как назывались древние поселения в этом районе установить не удалось.

²²⁴ С. А. Тараканова. Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода. Тр. ГИМ, вып. XI. М., 1940, стр. 159—177; П. А. Раппопорт. Хабаров городок. СА, 1958, № 3, стр. 225—228.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения древнерусских сельских поселений центральной части Смоленской земли предварительно намечаются три основных этапа в их развитии. Важно подчеркнуть еще раз предварительный характер этой хронологической периодизации. Для того чтобы применить наши выводы к истории развития сельских поселений других районов Смоленщины, а тем более, других областей Древней Руси, необходима их проверка на массовом археологическом материале.

Первый период в истории сельских поселений исследованного района Смоленщины датируется VIII—началом XI в. Для этого времени характерны сравнительно крупные неукрепленные поселения, населенные свободными общинниками. Иногда одно крупное поселение соответствовало территориальной общине, в других случаях сельская община объединяла два-три селища, связанных общностью происхождения. В центре общинны находилось городище-убежище или городище-святилище, рядом обычно располагался общинный курганный могильник. Погодная система в это время, по-видимому, была нерегулярной.

Второй период датируется XI—началом XIV в. Для него характерны селища средних размеров (9—10 дворов). В целом поселения XI—XIII вв. меньше поселений более раннего времени, но среди них есть и очень крупные селища, которые рассматриваются нами как погосты. Первые погосты — административно-податные центры — появляются на Смоленщине, по всей вероятности, в самом начале XI в. По своему происхождению большинство погостов связано с родоначальными общинными селениями, поэтому обычно они расположены близ городищ-

убежищ или святилищ. Очень редки случаи, когда погосты не связаны с общинными центрами. Нужно полагать, что такие административно-податные центры возникали в новых пунктах по воле властей в связи с тем, что общинное население оказывало сопротивление княжеским или волостным чиновникам. Некоторые погосты объединяли селения нескольких территориальных общин. Погосты были центрами только тех селений, на которых жили свободные общинники. Погостские власти были подчинены волостным правителям. Отметим, что волостные центры пока не изучались археологами.

С конца XI в. возникают частновладельческие поселения — феодальные усадьбы замкового типа. Укрепленные замки обеспечивали феодалам независимость. Они были опорными пунктами феодалов, откуда велось наступление на свободные общинные земли. В XII—XIII вв., судя по исследованному району, феодальных замков было сравнительно немного. Большую часть сельского населения, по-видимому, составляли свободные общинники.

Третий период истории сельских поселений начинается с первой половины или середины XIV в. Сельские поселения в XIV—XV вв. мельчают, преобладают малодворные и однодворные поселения. Многие прежние погостские поселения прекращают свое существование. Это позволяет предполагать, что в XIV—XV вв. значительно увеличивается процент феодально-зависимого населения за счет сокращения числа свободных общинников. Вместе с тем, в XIV в. изменяется форма владельческих поселений — феодальные усадьбы замкового типа заменяются усадьбами поместного типа.

БАССЕЙН ДРЕСНЫ

1. Дросенское селище (село Дросенское). Селище открыто на правом берегу Дрёсны в том месте, где Рославльское шоссе пересекает реку. От дер. Горяны Козинского сельсовета селище отстоит на 1—1,2 км в северо-западном направлении, Смоленская РТС находится севернее селища в 0,6—0,7 км. Селище расположено на низком, пологом берегу реки и отстоит от ее русла на 40—60 м. В настоящее время большая часть селища распахивается. На пашне был собран многочисленный подъемный материал, который довольно четко определяет границы древнего поселения. Так как обломки древнерусской керамики были встречены и на противоположной стороне шоссе, есть основания полагать, что значительная часть селища была потревожена при прокладке насыпи шоссейной дороги. Первоначальная длина селища (вдоль течения Дрёсны) не менее 200 м, ширина его 110—125 м (рис. 64,1)

Разведывательный раскоп (площадью 88 кв. м) был заложен в центральной, задернованной части селища. Под дерновым слоем толщиной от 4 до 15 см залегал бурый супесчаный слой толщиной от 14 до 27 см. Вещей и керамики моложе XV в. в этом слое не встреченено. Кроме керамических фрагментов здесь были найдены шиферное пряслице, а также ключ и пробой, кресало, несколько железных ножей и другие железные предметы. Нижний слой селища имел темно-серую окраску и большую плотность. Обязательным компонентом этого слоя были мелкие угольки и большое количество обломков глиняной обмазки — обожженной (печной) и необожженной (обмазка стен построек). Толщина нижнего слоя до 30 см. При его снятии

собрали большой керамический материал. Наряду с керамикой здесь найдены четыре шиферных пряслица, наконечник железной стрелы и другие железные предметы (см. рис. 34, 6, 7). И верхний и нижний слой селища по керамическому материалу датируются в целом XI—XV вв. Образование верхнего слоя объясняется тем, что в поздний период существования этого поселения в этом месте построек не было, и оно перепахивалось. Верхний слой, собственно, и является пахотным слоем, впоследствии задернованным.

После снятия культурного слоя в материке было открыто несколько ям различной формы и назначения. Учитывая распространение обломков глиняной обмазки, керамического материала и форму венчиков, в процессе раскопок удалось наметить следы трех разновременных построек. Все они, однако, относятся к нижнему слою селища (рис. 65). Остатки построек представлены в раскопе ямами от столбов-стульев, подпольными ямами и остатками глинобитных печей. Остатки печей прослеживаются по аморфным скоплениям мелких кусков и крошки обожженной глины, что, видимо, объясняется тем, что дросенские печи были приподняты над землей и строились на деревянных каркасах.

Одна постройка целиком реконструируется в плане, ее размеры $4,6 \times 3,4$ м. Нужно думать, что это была срубная постройка, покоявшаяся на угловых столбах-стульях. Ямы от этих столбов имели овально-округлые очертания при сравнительно небольшой глубине (размеры их $70-80 \times 60-65$ см, при глубине 0,3—0,5 м). Яма под восточным углом постройки была нарушена ямой более поздней постройки, сохранилась лишь ее нижняя часть диаметром около 20 см, что, возможно, соответствует диаметру столба-стула.

Следами второй постройки являются три угловых ямы для столбов-стульев (четвертая яма находится за пределами раскопа). Так как эта постройка имела сравнительно крупные размеры (6×5 м), то под серединой каждой ее стороны были расположены дополнительно промежуточные стулья. Подпольная яма занимала юго-западный угол постройки.

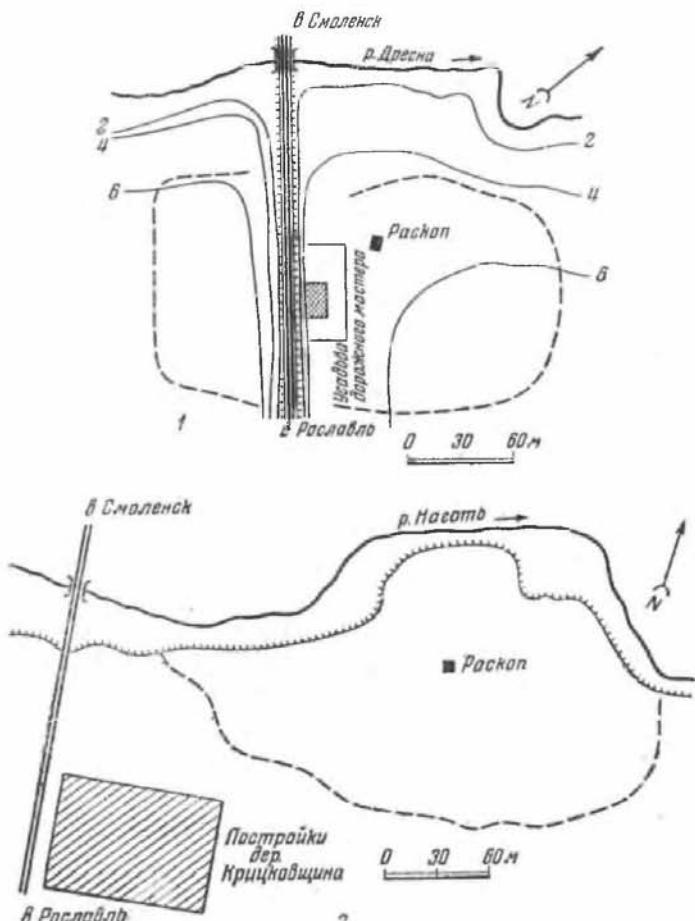

Рис. 64. Планы селищ

1 — Дросенское; 2 — Крицковщинское (границы селищ обозначены пунктирующей линией)

Следы третьей постройки, вскрытой неполностью, открыты в северной части раскопа. Сохранились остатки глиняной печи и подпольная яма четырехугольной формы (размеры ее $2,4 \times 0,8 - 1,1$ м при глубине 20 см). Контуры постройки определены по площади наибольшего распространения глиняной обмазки в этой части раскопа, а также по двум ямам от столбов-стульев — угловой (размеры ее 90×60 см при глубине 60 см) и промежуточной, расположенной под серединой юго-западной стены сруба.

Хотя находки днищ с гончарными клеймами могут не быть непосредственно связаны с жилыми постройками селища, тем не менее их расположение на раскопе представляет значительный интерес. Оказывается, что на месте каждой из трех намеченных выше построек преобладают гончарные клейма одного определенного типа. Это обстоятельство позволяет полагать, что в каждом из трех намеченных жилищ бытовала глиняная посуда со своими однотипными клеймами¹.

В заключение описем подробнее керамику селища. Керамический материал как подъемный, так и собранный в процессе раскопок, насчитывает несколько тысяч фрагментов. Вся керамика сделана на гончарном круге и датируется XI—XV вв. Керамики гнездовского типа на селище не встречено. Тесто различных сосудов отличается разнообразием. Видимо, гончарная продукция поступала на поселение из разных мест. Наиболее распространены черепки черные в середине излома и грязно-желтые или беловато-серые по поверхности. Примесь — мелкая дресва, реже — песок, еще реже встречаются обломки сосудов, изготовленных из глины без всяких искусственных примесей. Обжиг большинства сосудов печной. Изготовлены сосуды спиральным способом.

Большая часть дресенской керамики орнаментирована. Можно отметить, что процент орнаментированной керамики данного памятника несколько превышает процент орнаментированной керамики из раскопок в Смоленске. Преобладают различные типы линейной орнаментации, далее идут волнистый, ногтевой, линейно-ногтевой и линейно-волнистый орнаменты. В очень небольшом количестве встречены обломки керамики, украшенной точечными узорами.

Рассматриваемое поселение является селом Дросенским, упомянутым в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г.

2. Успенское селище. Открыто на левом берегу Дрёсны в 1 км выше дер. Успенской, почти напротив Дросенского селища. Никакими естественными рубежами селище не ограничено. Вдоль берега реки селище тянется на 120 м, ширина его около 100—110 м.

¹ Рисунки гончарных клейм Дросенского селища, описание клейм и их расположение на раскопе см. в нашей статье «Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской области». КСИИМК, 68. 1957, стр. 109, 110.

Площадь — около 12 тыс. кв. м. Селище распахивается. Границы поселения определены по распространению подъемного материала, который весьма неравномерно встречается по всей его площади. Отмечено несколько участков, где обломки керамики особенно многочисленны, здесь пахотный слой имел более темную окраску, и встречались камни со следами пребывания в огне. Время существования селища XI—XV вв.

3. Богородицкое селище. Открыто на правом берегу Дрёсны прямо против с. Богородицкого Козинского сельсовета. Селище

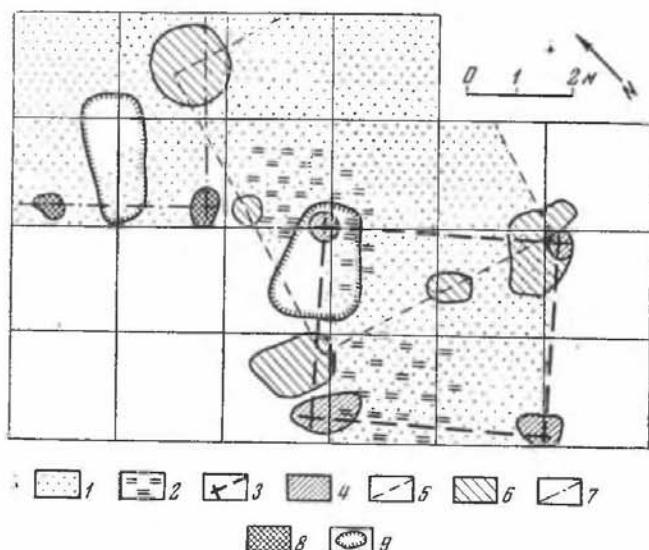

Рис. 65. План раскопа Дросенского селища

1 — квадраты с большим количеством глиняной обмазки; 2 — скопления печной обмазки; 3 — контуры первой постройки; 4 — ямы от стульев первой постройки; 5 — контуры второй постройки; 6 — ямы от стульев второй постройки; 7 — предполагаемые контуры третьей постройки; 8 — ямы от стульев третьей постройки; 9 — подпольные ямы

занимает невысокий останец, расположенный в долине Дрёсны. Топографическое положение этого поселения указано в разделе, посвященном топографии древнерусских селищ (см. рис. 1, 5). Площадка селища во многих местах повреждена, так как здесь добывается туф для удобрений. Современные размеры площадки селища $150 \times 30-60$ м (его площадь около 5,5 тыс. кв. м).

Для исследования культурного слоя было заложено два шурфа: один размерами 6×2 м в центральной части селища, второй — в его западной части. Шурфовка показала, что под дерновым слоем всюду залегает темно-серый культурный слой. Толщина его 30—35 см. Ниже открылся материк (бледно-серый туф). Темно-серый слой содержал многочисленные

включения глиняной обмазки и очень большое количество обломков древнерусской керамики. В материке было открыто несколько ям — столбовых и хозяйственных. Небольшие размеры раскопа не позволили проследить характер постройки в целом. Однако три столбовые ямы можно предположительно связывать с пристройкой-павесом, какие часто встречаются в современных деревнях Смоленщины. Такие навесы обычно пристраиваются к задним стенкам жилых строений. Иногда такие навесы имеют плетневые стены, обмазанные глиной, реже плетень не обмазывался глиной.

Дата поселения по керамике IX—XV вв.

4. Монастырь во имя Богородицы на Селище (Селищенский монастырь) Находился на месте современного с. Богородицкого Козинского сельсовета. Это обосновано в тексте работы.

5. Богородицкое второе селище. Расположено на левом берегу Дрёсны в 0,8 км восточнее с. Богородицкого. Впервые открыто А. Н. Лявданским². Селище распахивается. Его размеры $100 \times 40-50$ м (площадь около 4 тыс. кв. м). Дата поселения XIV—XV вв.

6. Козинское первое селище. Открыто на левом берегу Дрёсны в 0,4—0,5 км выше моста через реку, близ дер. Козино. Культурный слой селища полностью распахан. Приблизительные размеры его 80×40 м (площадь около 2 тыс. кв. м). Вся керамика древнерусская гончарная. Дату поселения определить трудно в связи с фрагментарностью керамического материала.

7. Козинское второе селище. Расположено на правом берегу Дрёсны в 0,5 км юго-юго-западнее дер. Козино. Его размеры $100 \times 25-30$ м. Вся керамика, собранная на селище, древнерусская гончарная. Точная дата не может быть определена.

8. Ройновское селище. Открыто на правом берегу Дрёсны в 0,5 км выше дер. Ройновки. Культурный слой селища распахан. Площадь селища около 2 тыс. кв. м (размеры $60 \times 30-50$ м). Дата его X—XIII вв.

9. Ройновский курганный могильник. Остатки курганныго могильника открыты на правом берегу Дрёсны в 200—300 м западнее дер. Ройновки. Большая часть курганов полностью распахана. На пашне до сих пор

² А. Н. Лявданик. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского Государственного университета, т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926, стр. 209—211.

выделяются шесть пятен распаханных курганных насыпей. Кроме того, рядом, на задернованной части берега реки, видны следы курганов, раскопанных на снос. По сообщению местных жителей, курганы были раскопаны немцами в период Отечественной войны 1941—1945 гг. Рассказывают, что в одном из деревенских сараев немцы складывали черепа и кости скелетов из этих курганов.

10. Туринцинский курганный могильник. Неизвестная в археологической литературе курганская группа была открыта в 1955 г. на реке Грибуцинке между деревнями Туринциной и Алтуховкой, в 0,4 км от первой деревни. Курганные насыпи сосредоточены в двух районах, отстоящих один от другого на расстоянии 100 м. Обе группы курганов расположены на возвышениях и разделены седловиной. Южная группа состоит из 35 полусферических насыпей. Высота их от 0,7 до 1,8 м (большинство насыпей имеет высоту 1—1,4 м), диаметр основания от 4,2 до 11,5 м. Вокруг трех насыпей прослежены заплывшие кольцеобразные ровики, вокруг других курганов слабо заметны канавки. В северной части курганного могильника насчитано девять насыпей. Оказалось, что все они раскопаны колодцами или попорчены ямами. Раскопки производились неизвестно кем и, по всей вероятности, давно.

В 1955 г. раскопано шесть курганов, расположенных в южной части могильника. Ниже приводятся данные по исследованным курганам.

Курган 1. Высота насыпи 1 м. Диаметр ее в направлении с севера на юг 8 м, перпендикулярный диаметр 8,35 м. Вокруг кургана видны шесть заплывших ямок, глубиной всего 10—25 см. Курганская насыпь была хорошо задернована и поросла невысоким кустарником с южной стороны. Толщина дернового слоя от 7 до 15 см. Под дерновым слоем в срединной части насыпи обозначился серый супесчаный слой ниже средней плотности. В нем в середине небольшое пятно мелкого углolia и угольной пыли. Размеры угольного пятна 50×35 см при толщине 5—7 см. Серый слой в верхней центральной части курганской насыпи располагался овалом, размеры которого 1,4 (с севера на юг) $\times 2,3$ м (с запада на восток). По мере углубления размеры этого пятна в плане постепенно уменьшались, и серый слой исчез на глубине 55 см от вершины кургана. Никаких находок в сером слое не было обнаружено.

Насыпь кургана состояла из чистого песка желтого цвета без культурных остатков. Аналогичный серый слой был прослежен и в основании курганской насыпи. В западной и восточной частях насыпи он лежал непосредственно на материке в виде прослойки толщиной 5—12 см. Причем с восточной стороны эта серая прослойка доходила до края курганской насыпи, а с западной на 1,4 м не доходила. В срединной части курганской насыпи она резко обрывалась на границе могильной ямы. В северной и южной сторонах кургана серая прослойка несколько поднималась над материком (на 6—20 см), толщина ее была неодинаковой. Как с северного, так и с южного конца серые прослойки не доходили до краев курганской насыпи. С южной стороны серая прослойка толщиной до 20—30 см находила на заполнение могильной ямы. Никаких находок в серой прослойке сделано не было.

Материком здесь является плотный, красноватый песок, который в основании курганской насыпи имел сравнительно ровную поверхность. На материке, в середине основания кургана четко обозначилась могильная яма удлиненно-четырехугольных очертаний. Длина ее около 1,75 м, ширина 0,6—0,8 м. Углы ее несколько скруглены. Ориентирована яма с СВ на ЮЗ. Глубина могильной ямы 55 см. Стенки ее отвесны. Яма была заполнена таким же желтым песком, из которого была сложена сама насыпь. На дне ямы, на материке открыт женский скелет средней сохранности. Покойник был положен на спину с вытянутыми руками, ориентирован головой на ЮЗ. Плохо сохранились кости конечностей, череп в очень плохой сохранности, лицевые кости полностью сгнили (подбородок был несколько опущен вниз, затылок приподнят).

При скелете собраны следующие вещи:

- а) на левой стороне черепа (внизу, около нижней челюсти) на куске очень плохо сохранившейся ткани найдены восемь перстнеобразных височных бронзовых колец. Диаметр колец 11—13 мм, концы их сомкнуты;
- б) на правой стороне черепа (около виска) — пять таких же височных колец. Одно из них с разомкнутыми концами;
- в) свыше ста мелких бусин собрано в области шеи, грудной клетки, справа и слева от черепа. Среди них 106 стеклянных бусин зеленовато-желтого цвета (98 штук имеют цилиндрическую или трубчатую форму при

диаметре 3—4 мм и длине 1,5—4 мм; остальные бусины бочкообразные и имеют диаметр 4—5 мм, превышающий их длину — 2—3,5 мм); 5 стеклянных бусин зеленого цвета цилиндрической формы, диаметром 2—3 мм, длиной 2—3 мм; 11 стеклянных бусин синего цвета той же формы и размеров; 3 стеклянные бусины черного цвета той же формы и размеров; 3 стеклянные бусины черного цвета бочкообразной формы, диаметром 2—3,5 мм при длине 2 мм; несколько бусин той же формы и размеров из синего стекла (многие в обломках); одна синяя стеклянная тройная бусина (диаметр 6,5 мм, длина 8—9 мм); одна желтая пастовая бусина лимоновидной формы (диаметр 8 мм);

г) железный нож около локтя правой руки.

Курган 2. Высота кургана 0,75 м, диаметр с севера на юг 6,4 м, перпендикулярный диаметр 5,8 м. С северной и южной сторон видны неглубокие овальные ямки (глубиной 15 см). Курганская насыпь была покрыта дерновым слоем толщиной 8—16 см. Насыпь состояла из желтого сыпучего песка. По всей северной половине основания кургана прослежен серый слой толщиной до 10 см. До северного края насыпи он не доходил на 90 см. С южной стороны он резко обрывался около края могильной ямы. Материк — красноватый песок. Пятно могильной ямы обозначилось четко. Форма его — удлиненный четырехугольник со скругленными углами. Глубина могильной ямы 70 см. На дне могильной ямы, на материке, открыт очень плохо сохранившийся скелет. Могильная яма была заполнена тем же желтым песком, в котором встречались небольшие включения серого слоя. Положение скелета не совсем ясно. Чертеп был обнаружен почти в середине могильной ямы. Однако можно полагать, что скелет был обращен головой на запад, с небольшим отклонением в северном направлении (около 5—10°). Кости конечностей (за исключением левой руки) сохранились. Прослежены также верхняя часть позвоночника и несколько ребер. Остальные кости сгнили полностью. Вероятнее всего, это погребение девочки-подростка.

При костяке найдены:

а) железный нож с левой стороны около бедра;

б) какой-то железный предмет четырехгранных сечения, сверху заканчивающийся расширением. Находился также около левого бедра, несколько выше железного ножа;

в) прядище из розового шифера с прикипевшим, полностью окислившимся железным предметом. Лежало в том месте, где, можно предполагать, был таз покойницы;

г) серебряное проволочное височное кольцо диаметром 15 мм, с несколькими разомкнутыми концами. Обнаружено около левого колена;

д) в 12 см от черепа обнаружен гончарный глиняный горшок, поставленный дном вниз. На его дне оказалось клеймо в виде пятиконечной звезды.

Курган 3. Высота кургана 95 см. Его северо-южный диаметр равен 5,85 м, перпендикулярный диаметр 5,15 м. С северной, восточной, южной и западной сторон хорошо видны канавки или кольцеобразный ровик с четырьмя перемычками. Глубина канавок 15—20 см, пирина от 0,5 до 1,2 м.

Вся поверхность кургана была покрыта дерновым слоем толщиной 8—12 см. Ниже, до основания насыпи, лежал желтый песок с галькой. В срединной части основания кургана прослежена серая прослойка толщиной 8—16 см. Диаметр этой прослойки с севера на юг около 3,5 м, перпендикулярный диаметр около 3 м. Над могильной ямой этой прослойки нет.

Могильная яма, четырехугольная в плане, имела в длину 1,5 м, в ширину 0,95 м и была ориентирована длинными сторонами по линии СВВ—ЮЗЗ. Она оказалась заполненной тем же желтым песком, в котором отмечено несколько небольших включений серой супеси. Ни в насыпи кургана, ни в заполнении могильной ямы никаких находок не найдено. Глубина могильной ямы около 45 см. На ее дне открыт скелет длиной 100 см. Позвоночник его был сильно искривлен — возможно, покойник был горбатым. Судя по черепу, погребение мужское. Череп больших размеров сравнительно с общими размерами скелета.

При скелете найдены следующие вещи:

а) железный нож (у фаланг левой руки);
б) обломки медного кольца (около черепа);

в) гончарный глиняный горшок с клеймом (у колена правой ноги). Горшок был опрокинут вверх дном;

г) небольшой гончарный глиняный горшок, также с клеймом, был поставлен у ступни правой ноги.

Курган 4. Высота насыпи 80 см. Оба диаметра по 5,8 м. Поверхность кургана была

хорошо задернована и частично поросла кустарником. Никаких следов ровника или канавок вокруг кургана не было. Толщина дернового слоя 6—11 см. Под ним до материка шел желтый песок со значительным количеством мелкого камня. В срединной части основания курганной насыпи прослежена прослойка темно-серой супеси. Размеры прослойки в плане $1,4 (\text{С} - \text{Ю}) \times 1,5 \text{ м} (\text{В} - \text{З})$, ее толщина 15 см. Могильная яма размерами $1,7 \times 0,7 \text{ м}$ четырехугольной формы, со скругленными углами. Стенки ее отвесны, глубина 52 см. Заполнение могильной ямы — желтый песок с мелкими темными пятнами. На дне ямы, на материке лежал женский скелет длиною 145 см, ориентированный головой на ЮЗЗ. Покойница была погребена на спине в вытянутом положении, с согнутыми в локтях руками. Сохранность костяка средняя.

При скелете найдены следующие вещи:

а) пять перстнеобразных бронзовых височных колец (диаметром 0,7—1,2 см). Концы их сомкнуты; кольца согнуты небрежно; на конце одного кольца накручена проволока. Находились у левого виска;

б) два проволочных бронзовых височных кольца лежали у правого виска. Размеры одного кольца $0,8 \times 1 \text{ см}$, концы сомкнутые, один из них обмотан тонкой проволокой. У второго кольца, размерами $0,8 \times 0,5 \text{ см}$, конец завернут в петлю;

в) в области грудной клетки и около черепа собраны остатки ожерелья, в которое входили: монетообразная привеска, стеклянная позолоченная бусина бочкообразной формы, шесть стеклянных позолоченных бусин цилиндрической формы, пастовая серо-белая бочкообразная бусина и стеклянная белая бусина. Кроме того, здесь же найдена пастовая бусина (скорее всего, желтого цвета) битрапецидной формы;

г) около тазовых костей скелета лежали два проволочных медных кольца с сомкнутыми концами и один обломок третьего кольца. Диаметр их 13—15 мм;

д) между коленными чашечками скелета находились два обломка такого же медного проволочного колечка.

Курган 5. Высота насыпи около 80 см. Северо-южный диаметр равен 6,4 м, перпендикулярный диаметр 5,85 м. Никаких ровиков вокруг насыпи не наблюдалось. Насыпь была покрыта дерновым слоем толщиной до 10 см. Она состояла из желтого песка с небольшим количеством мелкой гальки. В сре-

динной части насыпи на глубине около 50—60 см прослежены два пятна темно-серой супеси. Под ними в желтом песке насыпи отмечено значительное количество темно-серых включений. В отличие от перечисленных курганов, материальное основание этого кургана было очень неровным и имело впадину в срединной части. Здесь, на глубине 1,1 м от вершины кургана, обозначилась яма неправильных очертаний. Размеры ее $1,6 \times 1,1 \text{ м}$. Глубина ямы 55 см, стенки ее отвесны. Яма была заполнена желтым песком, одинаковым с насыпью. В яме не оказалось ни находок, ни остатков скелета.

Курган 6. Высота кургана 0,8 м. Диаметр его в направлении СЮ 4,8 м, в перпендикулярном направлении — 4,6 м. Насыпь кургана была покрыта довольно толстым дерновым слоем. Толщина его 10—16 см. Насыпь сложена из желтого песка с небольшим количеством мелкой гальки. В срединной части основания кургана, вокруг пятна могильной ямы прослежена прослойка темно-серого цвета толщиной от 10 до 18 см.

Могильная яма имела четырехугольные очертания размерами $2 \times 1 \text{ м}$, углы ее скруглены, стенки отвесны. Заполнена могильная яма была желтым песком. Глубина ее 1 м. На дне ямы, на материке, открыт женский скелет, обращенный головой на запад. Длина костяка 155 см. Покойник был положен на спине, с согнутыми в локтях руками. Сохранность костяка, кроме кистей рук и пальцев ног, хорошая.

При скелете найдены:

а) три медных проволочных височных кольца с правой стороны черепа. Одно кольцо с сомкнутыми концами, два — со сходящимися. Диаметр кольца от 1 до 2 см;

б) на среднем пальце левой руки бронзовый плоско-выпуклый перстень с сомкнутыми концами;

в) справа от тазовых костей железный нож.

11. Турищинское селище. Открыто на левом берегу Грибушишки в 0,6 км севернее деревни Турищина. Вся керамика, собранная на селище, древнерусская гончарная, но определить размеры поселения и его точную дату, в связи с фрагментарностью подъемного материала вряд ли возможно.

12. Маркатушинский курганный могильник. Могильник расположен на луговом мысу, образованном Дрёсной и Днепром. Насчитывает 75 круглых насыпей, хорошо сохра-

нившихся. А. Н. Ляданским было раскопано два кургана. В одном кургане был открыт скелет, лежащий на огнище, в другом — остатки трупосожжения³.

БАССЕЙН НАГОТИ

13. Крицковицкое второе селище. Открыто на правом берегу Наготи в 0,9 км северо-западнее дер. Крицковщина. Селище распахивается, и культурный слой его полностью потревожен. Размеры поселения около 160×70 м (площадь 11 тыс. кв. м). Дата поселения по керамике XI—XIII вв.

14. Крицковицкое селище. Расположено на восточной окраине дер. Крицковщина на правом берегу Наготи. Высота площадки поселения над современным уровнем реки 2,5—3,5 м. Вся площадь селища, за исключением узкой полосы вдоль берега, распахивается. Размеры селища определены по распространению обильного подъемного материала. Длина поселения вдоль течения реки свыше 250 м, ширина от 60 до 150 м. Площадь поселения свыше 25 тыс. кв. м (рис. 64, 2).

Небольшой разведывательный раскоп был заложен в срединной части селища. Общая толщина культурного слоя здесь равнялась 60—85 см. Верхний (пахотный) слой наряду с обломками древнерусской керамики содержал фрагменты современной посуды. Ниже по всей площади раскопа прослежен темно-коричневый слой. Его толщина 15—20 см. Керамика слоя разновременная. Вместе с обломками древнерусской керамики здесь были найдены немногочисленные обломки керамики XVI—XX вв. Нижний слой селища имел буровато-коричневую окраску и содержал многочисленные черные включения и большое количество обломков глиняной обмазки (стенной и печной). Толщина нижнего слоя от 30 до 65 см. Вся керамика, собранная в этом слое, древнерусская (гончарная и лепная) и датируется в целом IX—XV вв.

После снятия культурного слоя в материалике открылось довольно много ям (рис. 66). Большинство ям круглые, столбовые, диаметром от 25—30 до 60 см. Кроме того, открыты две длинные канавки, расположенные под прямым углом относительно друг друга. Концы канавок уходили за пределы раскопа.

³ А. Н. Ляданский. Археологічні дослідження в адміністрації р.р. Сажа, Дніпра і Касплю... Пропозиції археологічній камії, т. 2. Мінськ, 1930, стр. 293, 294

В месте соприкосновения канавок открыта глубокая столбовая яма. Интерпретация остатков сооружения стала возможна после открытия подобных остатков в раскопках Яновского селища. Это остатки наземной столбовой постройки, имевшей, может быть, так же как на Яновском поселении, хозяйственное назначение.

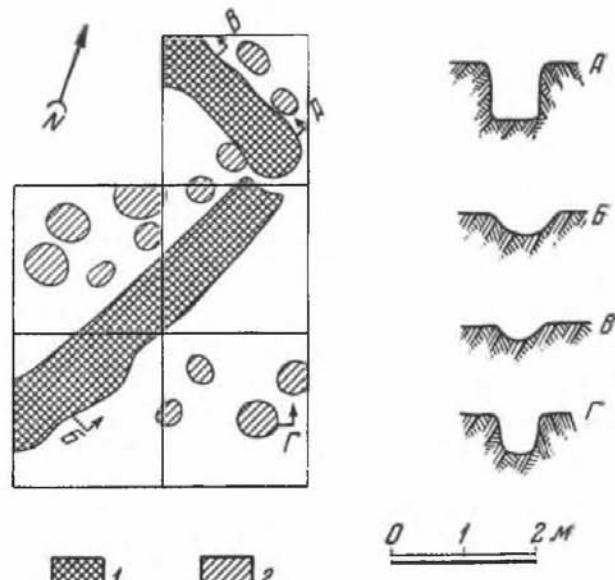

Рис. 66. План раскопа Крицковицкого селища
1 — ямы наземной постройки; 2 — прочие столбовые ямы

В древнерусском слое селища, кроме многочисленных керамических обломков, найдены бронзовый крест с выемчатой эмалью (эмаль не сохранилась), втульчатое железное долото (см. рис. 34, 2), половина медной поясной бляшки (см. рис. 33, 7), железные ножи и несколько других предметов из железа. Бронзовый крест с эмалью (XII в.) имеет многочисленные аналогии как в курганных, так и в городских материалах различных древнерусских областей⁴.

⁴ Н. І. Савін. Раскопки кургану є Дарагабуским і Ельнінським паветах Смоленської губ. Праці археологочної камії, т. 2. Мінськ, 1930, табл. 2, 16; Е. А. Шмидт. Кургани XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, табл. VI, 17.

Такие же крестики найдены во владимирских, костромских и новгородских курганах, в Дрогичине и особенно много их в южнорусских областях (см. например, А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 117 и рис. 206; Ф. Д. Недедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, т. 3. М., 1899, табл. 6, 3; Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1892, стр. 104, табл. VII, 4;

Основную массу керамического материала селища составляет керамика, сделанная на гончарном круге. Но и среди подъемного материала и в раскопках найдены обломки лепной керамики IX—X вв. Отдельного слоя с лепной керамикой здесь нет, лепная керамика встречена вместе с гончарной главным образом в самом нижнем горизонте культурного слоя. Обломки гончарной керамики селища имеют грязно-желтую поверхность, реже бледно-серую или серую. Толщина стенок 4—5 мм, но есть стенки и более толстые. Основную массу керамики составляют горшки различных размеров. Низкие мискообразные сосуды исключительно редки. Несколько раз встречены обломки крышек сосудов. Орнаментированных фрагментов сосудов встречено довольно много. Преобладают, как и на всех памятниках, линейные узоры (81,7%), далее идут волнистый орнамент (12%), линейно-волнистый (3,9%), зубчатоштампованный (1,6%) и лилейно-ногтевой (0,6%). Поразительно полное отсутствие обломков керамики с так называемым ногтевым орнаментом. Среди найденных на селище днищ, три — с клеймами.

15. Вербовское первое селище. Открыто на левом берегу Наготи в 0,8—0,9 км южнее дер. Вербовки. Площадка селища распахивается. Размеры поселения до 100—150 м вдоль берега реки и до 40—50 м в перпендикулярном реке направлении. Площадь около 5,5 тыс. кв. м. Дата — XI—XIII вв.

16. Наготское селище (см. рис. 2, 2). Расположено на правом берегу Наготи в месте пересечения реки Старым Ельниковским трактом. Границы поселения хорошо определяются по темной окраске культурного слоя. Размеры селища около 300 × 40 м, площадь около 11,5 тыс. кв. м. Время существования поселения IX—XV вв.

17. Вербовское второе селище (см. рис. 6, 4). Расположено на левом берегу Наготи в 0,7—0,9 км ниже дер. Вербовки. Вдоль берега реки селище вытянуто на 180—200 м, ширина его 30—35 м, площадь около 6 тыс. кв. м. Вся керамика древнерусская гончарная.

Н. Леопардов. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Серия 2, вып. 2. Киев, 1893, табл. I, 9; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. I. Киев, 1899, табл. XII, 137; вып. 2. Киев, 1900, табл. XXI, 241 и др. работы).

18. Знаменское селище. Открыто в 150—200 м севернее церкви в с. Знаменском. Селище распахивается. Керамика вся гончарная, древнерусская, но ее встречено сравнительно немного, что затрудняет определение размеров поселения. Дата селища XII—XV вв.

19. Воищина (городище Церковище).

20. Лукинский курганный могильник. Открыт недалеко от дер. Лукино на левом берегу безымянного притока Наготи. (В настоящее время русло этого притока превращено в осушительный канал). Все курганы распаханы. На пашне хорошо видны шесть желтоватых круглых пятен от распаханных насыпей. Вероятно, могильник состоял из большего числа курганных насыпей.

21. Корюзинское второе селище. Расположено на левом берегу Лещинки (левый приток Наготи) в 0,4 км севернее дер. Корюзино. Площадка селища распахивается. На пашне собраны немногочисленные обломки древнерусской гончарной керамики. Размеры поселения 180 × 70 м, площадь около 11 тыс. кв. м. Точную дату селища определить нельзя.

22. Корюзинское первое селище. Открыто на правом берегу Лещинки в 250 м северо-западнее дер. Корюзино. Площадка селища распахивается, и культурный слой его полностью потревожен. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Вдоль течения реки селище простирается на 140 м, его ширина около 60 м. Площадь поселения около 8,5 тыс. кв. м. Дата селища по керамике X—XV вв.

БАССЕЙН БЕРЕЗИНКИ

23. Борешинекое селище. Открыто на берегу оврага напротив дер. Борешино. Теперь овраг сухой, но совсем недавно по нему протекал небольшой ручей, входивший в систему р. Березинки. Площадка селища распахивается. Границы селища определены по темной окраске культурного слоя и по распространению подъемного материала. Длина селища вдоль оврага около 200 м, ширина — 45—60 м, площадь около 9 тыс. кв. м. По собранной здесь керамике селище может быть датировано XI—XV вв.

24. Авдотьинское второе селище. Открыто на левом берегу ручья Смородинки (приток Березинки) в 1—1,2 км южнее дер. Авдотьино. Площадка селища довольно высоко

поднята над уровнем реки (свыше 8 м). Селище распахивается, и культурный слой его, как показала шурфовка, полностью потревожен. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Длина его около 90 м, ширина 40 м, площадь около 3,5 тыс. кв. м. Дата селища XI—XIII вв.

25. Авдотинское селище. Расположено на левом берегу ручья Смородинки почти напротив дер. Авдотино. Культурный слой поселения перепахан, тем не менее пашня на территории распространения древнерусской керамики имеет темно-коричневую окраску. На остальной площади пашня имеет желто-серую окраску. Вдоль течения ручья селище тянется на 200 м, ширина его до 80—90 м, площадь около 16 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XV вв.

26. Муравщинское второе селище. Открыто в верховьях Березинки на левом берегу безымянного ручья. От дер. Муравщины селище отстоит на 1—1,2 км в западном направлении. С двух сторон площадка селища ограничена оврагами, с третьей — долиной, по которой протекает ручей. Площадка селища распахивается. Признаки поселения обнаружились еще издали. На фоне желто-серой окраски пахотного поля хорошо выделялось пятно темно-серого цвета. В процессе осмотра пашни на темном пятне собраны многочисленные обломки древнерусской гончарной керамики и встречено много кусков глиняной обмазки. Длина селища 220 м, его ширина до 70—110 м. Площадь поселения около 19,5 тыс. кв. м. Время бытования селища — XI—XV вв.

27. Муравщинское первое селище. Расположено на левом берегу Березинки в 0,5 км от дер. Муравщины в южном направлении. Площадка селища распахивается. Границы его определены по распространению подъемного материала. Длина его вдоль берега реки 120—140 м, ширина 60—70 м. Площадь поселения около 7,5 тыс. кв. м. Вместе с древнерусской гончарной керамикой на селище собраны обломки лепной посуды IX—X вв. Время существования поселения IX—XV вв.

28. Яновское селище (см. рис. 10, I). Расположено на невысоком правом берегу Березинки. Над уровнем реки край площадки селища возвышается на 2—2,5 м. Южная граница селища совпадает с краем берега. Противоположный берег реки несколько заболочен, он довольно пологий, а в 100 м от

руслы расположены первые постройки поселка Яново Второе.

Селище многократно распахивалось и поэтому по окраске пахотного слоя не выделяется. Границы древнерусского поселения были определены по распространению подъемного материала. Вдоль реки селище вытянуто на 680 м, его ширина 60—120 м, а в отдельных местах достигает 145 м. Обломков керамики здесь обнаружено очень много: вся пашня была усеяна многочисленными обломками древнерусской гончарной и дославянской лепной керамики. Поселение на этом месте существовало дважды — на рубеже нашей эры и в древнерусское время. В связи с многократной перепашкой культурного слоя разновременные керамические фрагменты более или менее равномерно распределались по всей площади древнерусского поселения⁵.

В срединной части селища в 15 м от края берега реки был заложен раскоп площадью 344 кв. м. Раскоп расположен на пашне, несколько лет находящейся под паром, поэтому дерновый слой отсутствует. Верхний пахотный слой толщиной в 30 см имеет темно-серую окраску и рыхлую структуру. В нем постоянно встречались включения обожженной и необожженной глиняной обмазки. В этом слое собрано большое количество обломков древнерусской гончарной посуды и значительно меньшее число фрагментов лепной (штрихованной и нештрихованной) керамики. Кроме того здесь были обнаружены различные индивидуальные находки (ножи, шиферные пряслица, обломок серпа, кресало и др.) древнерусского времени.

Под темно-серым слоем залегал непотревоженный пахотой черновато-коричневый слой. Окраска слоя обусловлена большим содержанием перегнившего дерева. Толщина этого слоя 5—10 см. Под ним лежал светло-серый материковый песок. Черновато-коричневый слой содержал как древнерусскую гончарную керамику, так и лепную дославянскую. Отдельного слоя с лепной керамикой здесь не оказалось. По всей вероятности, он имел небольшую толщину и был полностью потревожен в древнерусское время.

Основная масса лепной керамики, судя по значительному количеству фрагментов со

⁵ Дославянское поселение имело значительно меньшие размеры, точно определить которые, однако, не было возможности.

штрихованной поверхностью, относится к первой половине и середине I тысячелетия н. э. Из двухсот с лишним ям, открытых в раскопе, лишь незначительное число можно отнести ко времени первоначального поселения.

Вполне понятно, что верхний, распаханный слой этого памятника не дал никаких материалов для изучения жилых и хозяйственных построек древнерусского поселения. Нижний слой равномерно окрашен в черновато-коричневый цвет, толщина его невелика, так что изучение стоявших здесь построек невозможно. Были открыты остатки глинобитных печей, позволившие определить местоположение древнерусских жилищ. Следы печей сохранились в виде плотных пятен обожженной глины красновато-оранжевого цвета или подпечных ям удлиненно-овальных в плане. Подпечные ямы заполнены слоем, содержащим большое количество обожженной глины и печной обмазки. При снятии черновато-серого слоя было отмечено, что в северо-восточной и юго-западной частях раскопа в этом слое содержалось значительно большее количество обломков глиняной обмазки, чем в других местах раскопа.

После снятия культурного слоя в материке открылись многочисленные ямы различного назначения (рис. 67). Большинство ям были столбовыми. Так как в заполнении их обычно находилось по несколько черепков, то можно было определить, относятся ли они к древнерусскому времени или к более раннему периоду. Большинство ям древнерусского времени предназначались для стульев и угловых столбов жилых и хозяйственных построек поселения. Можно полагать, что здесь были распространены срубные постройки на угловых стульях, аналогичные открытым на Воицинском поселении, и постройки столбовой конструкции. От столбов этих построек и остались многочисленные ямы.

Определить контуры и размеры построек древнерусского времени из-за отсутствия пятен от жилищказалось невозможным. Поселение существовало здесь, по крайней мере, четыре столетия (XI—XV вв.), и за этот период жилища и хозяйственные постройки неоднократно приходили в негодность и заменялись новыми. Между тем, местоположение крестьянских построек оставалось прежним, поэтому при раскопках в местах, где стояли постройки, открыты мно-

гочисленные столбовые ямы. В промежутках между крестьянскими дворами таких ям немного или совсем нет. При этом места сосредоточения ям от стульев совпадали с теми местами раскопа, где в культурном слое было отмечено большое содержание глиняной обмазки и печные развалы. В этих же

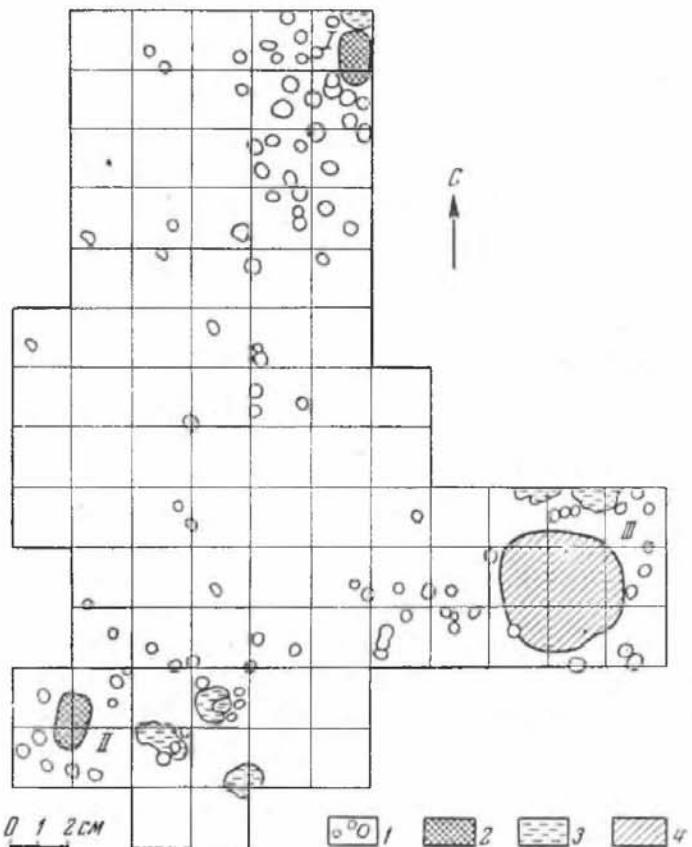

Рис. 67. План раскопа Яновского селища
1 — столбовые ямы; 2 — подпечные ямы; 3 — остатки глинобитных печей; 4 — хозяйственная яма-погреб (римскими цифрами обозначены участки скопления столбовых ям и остатков печей)

местах обнаружена основная масса индивидуальных находок и большое количество керамического материала. Таким образом, установление местоположения крестьянских дворов кажется бесспорным. Расположены крестьянские дворы на этом поселении довольно тесно. Расстояние между ними, по крайней мере в срединной части селища, не превышало 15 м. К древнерусскому же времени относятся еще четыре постройки селища, конструкция которых заметно отличалась от упомянутых. Следы этих построек обнаружены только в материке, никаких следов их в черновато-сером слое не встречено. Тем не менее, судя по фрагментам глиняной

посуды, найденным в заполнениях ям этих построек, следует отнести все эти постройки к последнему периоду жизни на поселении.

Две из описываемых построек выделяются своими крупными размерами. Выявляются они по ямам от угловых вертикальных столбов и длинным канавкам от их стен

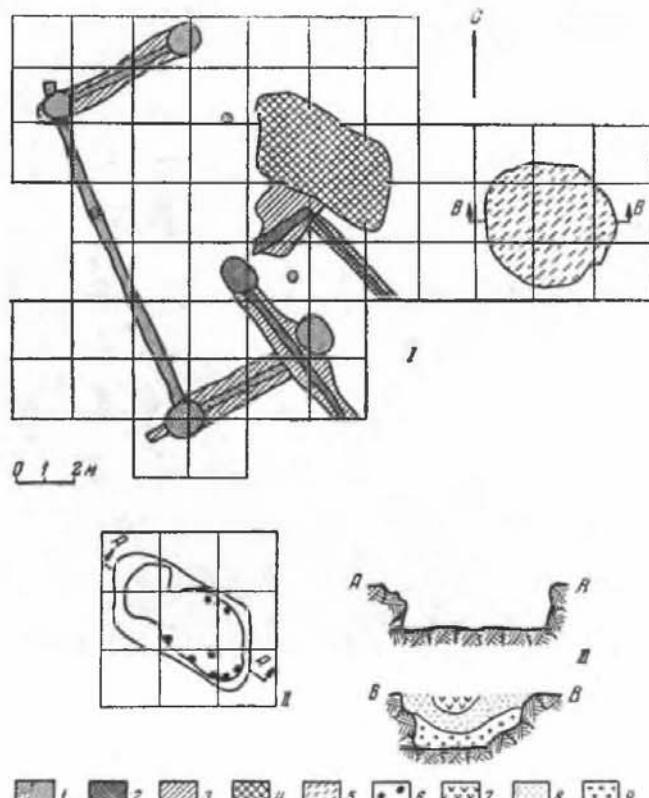

Рис. 68. Яновское селище. Остатки древнерусских построек

I — план южной части раскопа; II — план котлована первого погреба; III — разрезы погребов; 1 — ямы первой хозяйственной постройки (контуры дна); 2 — ямы второй хозяйственной постройки (контуры дна); 3 — контуры этих ям на уровне материка; 4 — первый погреб; 5 — второй погреб; 6 — столбовые ямы на дне котлована первого погреба; 7 — уголь; 8 — темно-серый слой; 9 — глинистый слой

(рис. 68 и 69). Общие размеры первой постройки около 12×5 м. Восточная стена не оставила в материке следов, что связано с понижением здесь поверхности материка. Диаметр ям от угловых стояков достигает 70—80 см при такой же глубине. Ширина канавки от стенок 25—30 см (что, вероятно, соответствует толщине бревна), общая глубина канавок 35—50 см. Под длинными сторонами этой постройки открыты ямы от промежуточных стульев. Постройка эта, нужно полагать, имела столбовую конструкцию. Каркас ее стен составляли угловые толстые

бревна-столбы и промежуточные стояки меньшего диаметра. Основу стен составляли или горизонтальные легкие горбыли, которые были запущены в пазы стояков, или плетень, обмазанный глиной. Постройка, по всей вероятности, имела хозяйственное назначение. Среди жилых построек Древней Руси аналогий ей нет. Древнерусские же хозяйствственные постройки, в особенности деревенские, до сих пор совершенно не изучались. Совершенно такая же постройка была частично открыта при разведывательной шурфовке Крицковщинского селища. Следы постройки подобного устройства, чуть больших размеров, были открыты в 1952 г. в Перуни под Новгородом в слоях XII—XV вв.⁶.

Вторая постройка такой же конструкции была вскрыта неполностью. Она существовала позже первой, так как при ее сооружении были нарушены остатки первой. Вероятно, она и построена вместо первой, пришедшей в ветхость. Размеры ее меньше, чем первой постройки, ширина 3,5 м, длина неизвестна.

Две другие постройки прослеживаются по большим ямам. В предварительной публикации о результатах археологических исследований на Смоленщине в 1956 г. одна из этих ям названа полуземлянкой⁷. Однако дальнейший анализ дневниковых данных и чертежных материалов показал, что скорее всего как эта яма, так и другая, открытая в восточной части, являлись хозяйственными погребами, возможно, даже подпольями крупных наземных построек. Первая из этих ям имела в плане неправильно четырехугольные очертания, ее размеры $4,8 \times 3,2$ м, стени ямы близки к отвесным, дно горизонтальное. Глубина котлована 1,5 м. Яма была заполнена темно-серым слоем, содержащим значительную примесь мелких угольков, угольной пыли и глинистых включений. В верхней части заполнения, по краям котлована, открыты остатки нетолстых сгоревших бревен в беспорядочном состоянии. На дне котлована, в его восточной части, прослежены небольшие круглые ямки от вертикальных столбиков диаметром 10—15 см. Расположены эти ямки через 40—50 см (см.

⁶ В. В. Седов. Новые данные о языческом святилище Перуна. КСИИМК, 53. 1954, стр. 108, рис. 47.

⁷ В. В. Седов. Первые результаты археологического изучения древнерусской деревни Смоленской земли. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 293, 294.

Рис. 69. Яновское селище. Южная часть раскопа
Видны следы наземной хозяйственной постройки.

рис. 68, II). Вероятно, эти столбики составляли основу-каркас плетневых стен погреба. Судя по значительному количеству глиняных включений в заполнении котлована, можно думать, что плетневые стены были обмазаны глиной. В верхней части заполнения котлована обнаружено крупное пятно глины с включениями обожженных частиц. Если это остатки глиnobитной печи, то она стояла не на дне котлована, а в наземной постройке. Вход в это помещение находился с западной стороны, здесь стенка котлована не была отвесна, а имела несколько крупных ступенек (впрочем, спускались в погреб, вероятно, по деревянной лестнице).

В заполнении котлована были найдены шиферное пряслице, часть пружины навесного замка, железные ножи, древолазный шип, бронзовая четырехугольная пряжка, обломки разных железных предметов и обильный керамический материал.

Вторая яма, которую также следует рассматривать как погреб или подполье, имела в плане почти окружные очертания (рис. 70). Ее размеры около 4×4 м. Открылась она еще в черновато-коричневом слое и потом хорошо прослеживалась в материке. Около этой ямы на материке виден ряд пятен красновато-оранжевой глины с включениями мелких обломков печной обмазки. Заполнение ямы неоднородно, что хорошо видно в разрезе слоя (см. рис. 68, III). Срединную часть ямы на глубине около 80 см заполнял угольный слой с большим количеством мелкого камня и включениями глиняной обмазки. Этот слой был окружен светло-желтым песком с многочисленными крупными и мелкими включениями желто-коричневой глины. В нем зафиксировано несколько головней от полусгоревших толстых досок, лежавших в беспорядке. Этот слой достигал глубины до 130 см от поверхности. Нижнюю часть

Рис. 70. Яновское селище. Восточная часть раскопа

В середине подпольная яма. Пунктирной линией обозначены предполагаемые границы наземного жилища

ямы заполнял серый супесчаный слой с многочисленными угольными включениями и пятнами глины. Общая глубина котлована около 185—190 см. Дно ямы горизонтальное, в плане неправильно округлое, размером 2×2,2 м. Восточная стена котлована почти отвесная, остальные наклонены под углом 60—80°. Устройство стен этого помещения осталось неясно. В заполнении котлована найдены железное кольцо, железный гвоздь, сильно окислившийся железный предмет и обломки керамики разного времени.

Перечисленные постройки разновременны. Небольшая толщина культурного слоя поселения не позволяет установить хронологическую последовательность в смене этих построек. Только относительно второй столбовой постройки можно говорить, что она позже первой.

Обе крупные наземные хозяйствственные постройки и погреба вряд ли были рядовыми крестьянскими постройками. Скорей всего,

это были общинные или княжеские постройки, где хранились сельскохозяйственные продукты, собранные княжескими чиновниками с крестьян-общинников (выше это поселение отнесено к древнерусским погостам).

Древнерусский керамический материал, собранный при раскопках селища, очень многочислен. Основные формы венчиков яновской керамики изображены на рис. 71. Обломков лепной славянской керамики здесь не встречено. Самой ранней древнерусской керамикой здесь являются сравнительно немногочисленные фрагменты сосудов гнездовского типа. Неоднократно встречены здесь и фрагменты сосудов с характерным для гнездовского могильника орнаментом. Самой многочисленной является курганская керамика. Керамики XIV—XV вв. значительно меньше.

Основной формой глиняной посуды Яновского селища является горшок. Наиболее

распространены были горшки с диаметром шейки 14—18 см, горшкообразные сосуды меньших размеров (диаметр 6—12 см) немногочисленны. Обломки сосудов больших размеров (диаметр 20—25 см) встречаются довольно редко. Неоднократно встречены при раскопках обломки крышек от сосудов. Отдельные обломки глиняных сосудов могли

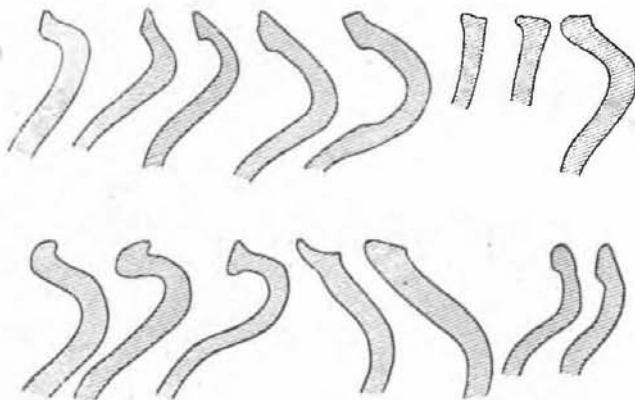

Рис. 71. Яновское селище. Наиболее распространенные типы венчиков глиняной посуды

принадлежать низким мискообразным горшкам, диаметр шейки которых в полтора-два раза больше их высоты. Однако керамический материал Яновского селища представлен главным образом мелкими фрагментами, не позволяющими судить о высоте сосудов.

Глиняных изделий других видов на поселении не встречено. Горшков с ручкой и кувшинообразных сосудов здесь, вероятно, не было, так как ни одной глиняной ручки от сосудов при раскопках не обнаружено. Среди керамического материала нет также обломков глиняных светильников и сковородок. Тесто большинства глиняных изделий рассматриваемого памятника характеризуется однообразием. Отличительной особенностью глины, употреблявшейся для изготовления яновских сосудов, является наличие в ней естественных железистых включений. Искусственные примеси в керамике, изготовленной из этой глины, обязательны, но содержание их в разных изделиях довольно различно. В качестве примесей применялась мелко дробленая дресва. В тех случаях, когда примесь дресвы значительна, стенки сосудов имеют несколько шероховатую поверхность, усеянную блестками слюды. Но чаще всего встречаются фрагменты сосудов, изготовленных из глины с незначительной примесью дресвы. Вся керамика Яновского селища имеет в изломе трехслойную структу-

ру со следующими вариантами: а) серо-желтый — черно-серый — серо-желтый; б) серебелый — дымчато-серый — серо-желтый. Очень малочисленную группу керамики составляют горшки, вылепленные из другой, жирной глины без железистых включений. Тесто этих сосудов также содержит мелкую дресву. Небольшая часть этих сосудов покрыта белым ангобом. Впрочем, белый ангоб отмечен и на сосудах из глины с железистыми включениями. Судя по профилям венчиков, изготовленные из жирной глины сосуды относятся к XII—XIII вв.

Множество фрагментов керамики было орнаментировано. По-видимому, около половины общего числа сосудов были украшены различным орнаментом. Преобладающим является орнамент в виде широких и узких прямых линий (линейный орнамент). На втором месте стоит волнистый орнамент. Значительное распространение на селище волнистого орнамента (по сравнению с воицинской керамикой) объясняется, по-видимому, тем, что селище имеет слой X—XI вв. (отсутствующий на городище), когда этот орнамент вообще был широко распространен. Ногтевой орнамент, так часто встречающийся на Воицинском городище, здесь является сравнительно редким, что объяснить пока невозможно. Процентное соотношение между различными типами орнаментальных узоров яновской керамики таково:

Линейный орнамент	50,0%
Волнистый »	26,7»
Линейно-волнистый »	16,7»
Ногтевой »	3,3»
Сочетание ногтевого орнамента с линейным	3,3»

Клейменые сосуды, по-видимому, составляли значительный процент. Но в связи с тем, что керамический материал этого поселения сильно фрагментирован, многие типы клейм не могут быть выявлены. Целое клеймо найдено только одно, остальные — в обломках (рис. 72). Все клейменые днища принадлежат гончарным изделиям, изготовленным из глины с железистыми включениями. Преобладающим типом клейма является колесо, но рисунок каждого клейма отличается в деталях. Некоторые более сложные рисунки клейм можно рассматривать как производные от простейших рисунков. Повторяющихся клейм, насколько можно судить по обломкам, очень немного. Любопытно, что

клейма яновской керамики и клейма Воищинского городища отличны по своему рисунку. Хотя эти памятники отстоят друг от друга на небольшом расстоянии, сходных клейм совсем нет. Керамика этих поселений отлична и по своему тесту. В связи с этим можно быть уверенными в том, что Воищина и Яновское поселение получали глиняные изделия из различных мест. Кроме керамического материала на селище найдено около сотни различных предметов. Обломок нижней части сошника принадлежит к тому же типу наконечников пахотных орудий, которые были описаны в разделе, посвященном сельскому хозяйству Воищины. Из сельскохозяйственных орудий найден также обломок серпа. Лезвие не имело зубчатой нарезки; тип серпа не может быть определен. В заполнении котлована погреба обнаружен древолазный шип, находку которого археологи считают признаком бортничества⁸. Найдены также железный рыболовный крючок и четыре пряслица, из которых три сделаны из розового шифера, а четвертое — из толстого черепка глиняного сосуда. Из предметов снаряжения коня найдены железные удила и несколько железных колец различных диаметров, которые могут быть либо частями удила, либо пряжками конской сбруи. Удила принадлежат к распространенному в Древней Руси типу и состоят из двух звеньев и двух колец по сторонам. Бытовые предметы немногочисленны. Целых замков и ключей в раскопках не обнаружено. Найдены обломки ключа неопределенного типа, часть пружины навесного цилиндрического замка и железная пружина от нутряного металлического замка с деревянным засовом⁹. Железных кресал найдено два — овальное и калачевидное. Коллекция железных ножей представлена 12 экземплярами. Это небольшие (длина клинов 5—9 см) хозяйствственные ножи, распространенной в Древней Руси формы. С помощью макроструктурного анализа яновских ножей, произведенного в лаборатории Института археологии АН СССР Т. М. Смирновой, удалось определить, что у шести ножей на железной основе клинов была

⁸ В. А. Мальм. Промыслы древнерусской деревни. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», Тр. ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 130, рис. 8.

⁹ В Новгороде подобные замки найдены в слоях X—XIII вв. См. Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65. 1959, стр. 86—91.

стальная наварка, при этом пять экземпляров имели торцовую наварку стального лезвия, а один нож имел трехслойную структуру, характерную для новгородских ножей X—XI вв. У одного из ножей стальной наварки не было. Он целиком сделан из железа. Две бронзовые четырехугольные пряжки,

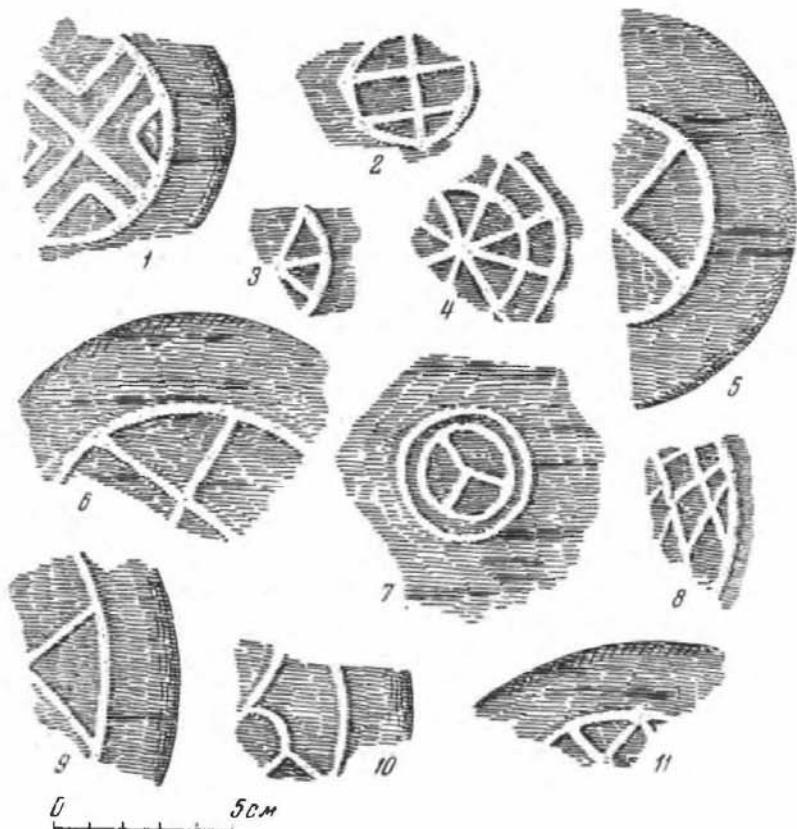

Рис. 72. Яновское селище. Гончарные клейма

найденные на селище, были широко распространены в Древней Руси. Они хорошо известны по курганным древностям¹⁰. Из украшений найдены три бусинки и обломок стеклянного витого браслета бутылочного цвета. Один обломок принадлежал настольной бусине цилиндрической формы, с несколько выпуклым боком и зигзагообразными украшениями белого и черного цветов. Подобные бусины часто встречаются в сравнительно поздних курганах Новгородской земли¹¹. Вторая бусина — зонная из мутного неокрашенного стекла, третья (диаметр 7 мм) — кольцевидная, синяя, стеклянная.

¹⁰ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1895, табл. VII, 6.

¹¹ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., стр. 15, табл. XIV, 20.

Найден также обломок медного креста. Предметов вооружения на селище не встречено, за исключением обломка клинка кинжала четырехгранных сечения того же самого типа, что и на Войщинском городище.

29. Яновский курганный могильник. Расположен прямо напротив Яновского селища на левом берегу Березинки. Состоит из 150 круглых курганных насыпей. Кроме того, значительная часть курганов была уничтожена при прокладке железной дороги из Смоленска в Брянск. Всего здесь было не менее 200 курганов¹². По своему характеру могильник является типичным древнерусским курганным могильником.

30. Березниковское селище. Открыто на правом берегу Березинки в 0,8 км от дер. Березинка и в 0,8 км севернее Яновского селища. Селище полностью распахивается. Площадка его вытянута перпендикулярно руслу Березинки, вдоль безымянного ручья, впадающего в реку. Длина его 150 м, ширина 50 м, общая площадь 7,5 тыс. кв. м. Керамика древнерусская лепная и гончарная. Дата поселения IX—XII вв.

31. Березниковская курганская группа. Расположена в 200—250 м от вышеописанного селища на противоположном берегу безымянного ручья. В настоящее время группа состоит из 16 круглых насыпей. Все курганы некогда раскопаны узкими колодцами. Никаких материалов раскопок не сохранилось. Во время осмотра этого могильника А. Н. Ляданским, последний насчитал здесь 18 курганов¹³. Курганы — древнерусские.

32. Шапыревское городище. Расположено в 0,4—0,5 км от Березниковского курганных могильника. Впервые обследовано А. Н. Ляданским в 20-х годах XX в.¹⁴ Это типичное болотное городище. Его овальная в плане площадка размерами 20,5×14,5 м окружена невысоким валом. Городище расположено среди широкой болотной низины на левом берегу Березинки. Культурный слой и находок на городище нет.

33. Боровиковское селище. Расположено на левом берегу Березинки в 0,6—0,7 км к северо-востоку от дер. Боровики. Границы се-

лища установлены по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки селище тянется на 280 м при ширине 130 м, общая площадь 35 тыс. кв. м. Культурный слой полностью распахан. Керамика древнерусская, только гончарная. Дата поселения XI—XIII вв.

34. Селище в устье Березинки. Обнаружено в 130—150 м от устья Березинки на левом берегу Днепра. Культурный слой полностью распахан. Приблизительно длина селища вдоль берега Днепра 160 м, ширина 80 м, площадь 12,5 тыс. кв. м. Собрана гончарная древнерусская керамика, позволяющая датировать памятник XI—XV вв.

БАССЕЙН ЛОСНИ

35. Белорученское селище. Открыто на правом берегу Солодовой (левый приток Лосни), юго-западнее дер. Белоручье. Вдоль реки селище вытянуто на 340 м, ширина его 80—100 м, общая площадь около 30 тыс. кв. м. Дата поселения IX—XIII вв. Подобно Белорученское селище описано в тексте работы.

36. Белорученский курганный могильник. Остатки полностью распаханного курганных могильника открыты в 0,6 км от Белорученского селища у истока Солодовой. При осмотре пахотного слоя насчитано 21 пятно от распаханных насыпей, однако, по-видимому, курганов здесь было больше. При обследовании пятен распаханных курганов собраны обломки древнерусской керамики того же типа, что и на селище.

37. Кучинское городище. Городище расположено на левом берегу Солодовой близ дер. Кучино. Городище занимает мысовое положение и отрезано от остальной части коренного берега реки валом и глубоким рвом. Размеры овальной площадки города 58×37 м. Впервые было обследовано А. Н. Ляданским¹⁵. Никаких культурных остатков на городище нет.

38. Кучинское селище. Открыто на левом берегу Солодовой в 0,2 км от дер. Кучино. Культурный слой селища полностью распахан. Приблизительные границы селища определены по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки площадка селища вытянута на 220 м при ширине 60—80 м,

¹² А. Н. Ляданский отметил здесь 161 курган. См. А. Н. Ляданский. Археологические доказательства вадазборах р.р. Сажа, Днепра и Каспия..., стр. 281, 282.

¹³ Там же.

¹⁴ А. Н. Ляданский. Некоторые данные..., стр. 270, 271.

¹⁵ Там же, стр. 257.

площадь 15 тыс. кв. м. Керамика вся древнерусская гончарная XI—XIII вв.

39. Кучинское второе селище. Расположено на левом берегу Солодовой. Длина поселения вдоль берега реки около 190 м, ширина 40—50 м, общая площадь 6,3 тыс. кв. м. Культурный слой полностью распахан. Керамика позволяет датировать памятник XI—XV вв.

40. Глистаинское селище. Обнаружено на территории дер. Глистаи, на правом берегу безымянного ручья, впадающего справа в Солодовую. Селище распахивается, границы его установлены приблизительно по распространению подъемного материала. Вдоль берега ручья селище тянется на 30 м при ширине 25 м, общая площадь 0,75 тыс. кв. м. Собранная гончарная керамика может быть датирована XIV—XV вв.

41. Бабыновское селище. Открыто на левом берегу того же безымянного ручья, в 0,4—0,5 км южнее дер. Бабыново. Культурный слой в 25—30 см толщиной полностью распахан. Длина поселения вдоль берега ручья 110 м, ширина его 30—70 м, общая площадь 5 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная, датирует селище XI—XV вв.

42. Долгомостинское селище (Долгий Мост). Открыто недалеко от дер. Долгомость на левом берегу Солодовой, в том месте, где ее пересекает Старый Ельинский тракт. Это селище является деревней Долгий Мост, известной по письменным документам. Памятник подробно описан выше в связи с характеристикой застройки сельских поселений Смоленщины. Дата поселения XII—XV вв.

43. Долгомостинское второе селище. Открыто на территории современной дер. Долгомость на левом берегу Солодовой. Селище распахивается. Подъемный материал распределен на небольшой площади — около 1600 кв. м (40×50 м). Керамический материал датирует памятник XIV—XV вв.

44. Лосненское селище. Расположено на невысоком левом берегу Лосни в 500 м выше впадения в нее Солодовой. Площадка селища распахивается. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Длина его вдоль течения реки около 180 м, ширина — 70—90 м. Площадь около 12,5 тыс. кв. м. Дата селища XI—XIII вв.

45. Путятинский курганный могильник. Ныне могильник полностью распахан. В 1926 г. А. Н. Лявданский насчитал в нем 26 круглых курганов. Расположен был мо-

гильник близ дер. Путятинки (ныне не существует) на правом берегу Лосни. А. Н. Лявданский раскопал здесь семь курганов, в которых были открыты славянские трупосожжения и трупоположения¹⁶.

46. Путятинское селище. Остатки полностью распаханного селища открыты на правом берегу Лосни близ пересечения Старым Ельинским трактом железной дороги Смоленск—Рославль. От дер. Окулы селище отстоит на 1,5 км в северном направлении. Вся керамика древнерусская гончарная. Малочисленность подъемного материала не позволяет определить размеры древнего поселения и его точную дату.

47. Окуловское третье селище. Открыто на высоком левом берегу Лосни в 0,7—0,8 км северо-западнее дер. Окулы. Часть селища задернована, другая часть — распахивается. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала и путем шурфовки. Длина его около 150 м, ширина 40—60 м, площадь около 6 тыс. кв. м. Время существования поселения X—XIII вв.

48. Окуловское второе селище. Расположено на высоком левом берегу Лосни напротив дер. Окулы. Селище распахивается, его размеры $150 \times 50—100$ м, площадь — около 12 тыс. кв. м. Дата поселения XIV—XV вв.

49. Окуловское селище. Открыто на правом берегу Лосни близ северной окраины дер. Окулы. Культурный слой селища полностью распахан. Вдоль течения реки подъемный материал распространен на 120 м, ширина поселения всего 25—30 м. Дата селища XI—XIII вв.

50. Панское селище. Селище открыто в верховьях Лосни, на левом берегу, напротив дер. Панской. Селище распахивается, его размеры 180 м (вдоль течения реки) $\times 50—70$ м, площадь около 10,5 тыс. кв. м.

51. Шестаковское селище. Открыто на правом берегу безымянного притока Лосни в 0,2 км восточнее дер. Шестаково. Селище распахивается, однако шурфовка показала, что под пахотным слоем залегает неподревоженный темно-серый слой. Приблизительные размеры селища 70 \times 40 м, его площадь 2,8 тыс. кв. м. Дату поселения невозможно определить точнее, чем XI—XV вв.

¹⁶ А. Н. Лявданский. Археологічні дослідження в адміністративних районів Сіверського, Сумського і Красноградського повітів... стр. 274—277.

НЕМЫКАРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

52. Немыкарское селище. Селище открыто в 1,2—1,5 км юго-восточнее дер. Верхние Немыкары на берегу старицы Днепра. Подробно описано выше в связи с характеристикой владельческих сел. Размеры поселения $270 \times 160—200$ м. Площадь селища 48 тыс. кв. м. Керамика датирует поселение XI—XIII вв.

53. Немыкарское второе селище. Открыто в 1,5 км восточнее дер. Верхние Немыкары на левом берегу Немыкарки. Селище занимает мыс, образованный старым руслом Днепра и Немыкаркой. Площадка селища задернована, поэтому размеры древнего поселения определены при помощи шурфовки. Вдоль берега Немыкарки сно тянется на 170 м, ширина его 60—65 м, площадь около 11 тыс. кв. м. Времени селище совпадает с первым Немыкарским поселением (XI—XIII вв.).

БАССЕЙН РЕКИ ГОРОДОК

54. Арефинский курганный могильник. Расположен близ дер. Арефино Второе на правом берегу реки Городок. Раскопки длинных курганов здесь производили В. И. Сизов и Е. А. Шмидт¹⁷. На археологической карте А. Н. Ляданского в этом могильнике отмечено 35 курганов¹⁸. В 1956 г. насчитано лишь 34 насыпи, из них семь насыпей вытянутой формы, остальные — круглые. По сообщению местных жителей, часть курганных насыпей давно распахана. Из 34 насыпей нетронуты только две, остальные носят следы раскопок.

55. Арефинское первое селище. Открыто в нескольких десятках метров выше курганныго могильника. Селище расположено на мысу, образованном изгибом русла реки Городок. Площадка селища распахивается, но культурный слой поселения в отличие от окружающей пашни имел ярко выраженную черно-серую окраску. Размеры поселения $180 \times 250—270$ м, его площадь около 57 тыс. кв. м. На селище собраны лепные черепки, тождественные с лепной посудой арефинских курганов и гончарные черепки гнездовского типа. Дата селища VIII—X вв.

¹⁷ Е. А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исследовательского института, вып. 1. Смоленск, 1957, стр. 289—291.

¹⁸ А. Н. Ляданский. Археологоческие дослідження у вадзборах р.р. Сажа, Дніпра і Каспії..., стр. 279—281.

56. Арефинское южное селище. Открыто на правом берегу реки Городок в 100 м южнее дер. Арефино Второе. Селище распахивается, его приблизительные размеры 90×50 м, площадь около 4,5 тыс. кв. м. Вся собранная на селище керамика древнерусская гончарная.

57. Арефинское второе южное селище. Открыто на левом берегу реки Городок в 0,8—0,9 км южнее дер. Арефино Второе. Селище распахивается. Его границы определены приблизительно по распространению подъемного материала. Размеры селища 90×90 м, площадь около 7 тыс. кв. м. Вся керамика древнерусская гончарная.

58. Арефинское второе селище. Открыто на правом берегу реки Городок близ дер. Арефино Первое. Расположено на мысу образованном рекой и ее пересыхающим притоком. Распаханный культурный слой пашни имеет более темную окраску, чем окружающий пахотный слой. Однако четкие границы селища по окраске пахотного слоя не прослеживаются. Вдоль течения реки селище вытянуто на 200 м, ширина его 30—40 м, общая площадь около 7 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XV вв.

БАССЕЙН ВОЛОСТИ

Ливна

59. Длинный курган близ дер. Мончино. Открыт на левом берегу Ливны в 500 м юго-восточнее дер. Мончино. Длина его 30 м, ширина 7,5 м, высота 1,3—1,5 м. Курган вытянут перпендикулярно берегу реки; поверхность его повреждена несколькими ямами.

60. Длинный курган у дер. Белкино. Одиночный курган открыт около дороги из дер. Мончино в 1 км к северу от дер. Белкино. Размеры кургана 30×10 м при высоте около 1 м, поверхность его повреждена ямами.

61. Васильевское селище. Открыто на левом берегу Ливны в 1 км к северу от дер. Васильево. Вдоль берега селище тянется на 160—170 м, его ширина 60—100 м, площадь 10,2 тыс. кв. м. Селище распахивается. Границы его установлены по темной окраске пашни и по наибольшему распространению подъемного материала. Заложены четыре разведывательных шурфа, показавшие, что верхняя часть слоя перепахана, а нижние 15—18 см нетронуты. Керамика древнерусская гончарная. Время существования посе-

ления XI—XV вв. Кроме того, встречены лепные черепки со штрихованной поверхностью.

62. Васильевское второе селище. Открыто на левом берегу Ливны в 2,5 км к западу от дер. Васильево. С юга селище ограничено обрывом реки, с востока — оврагом, по дну которого протекает безымянnyй ручей. Селище распахивается. Границы его устанавливаются по распространению подъемного материала. Вдоль реки оно тянется на 150 м, ширина 40—60 м, площадь 7,6 тыс. кв. м. Вся керамика древнерусская гончарная. Дата селища XI—XV вв.

63. Плескачинское северное селище. Открыто на левом берегу Ливны в 1,3 км к северу от дер. Плескачи. Селище полностью распахано, границы его установлены по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки оно тянется на 200—230 м, ширина его 30—60 м, площадь 11,2 тыс. кв. м. Вся собранная керамика древнерусская гончарная. Время существования селища XI—XIII вв.

64. Плескачинское северное второе селище. Открыто на левом берегу Ливны. Культурный слой селища полностью распахан, так что границы его установлены по распространению подъемного материала. Вдоль оврага площадка селища вытянута на 140 м, ширина 40—70 м, площадь 7,7 тыс. кв. м. На селище найдена только гончарная древнерусская керамика, датирующая ее XI—XV вв.

65. Плескачинское левобережное первое селище. Открыто на левом берегу Ливны, в 0,8 км северо-западнее дер. Плескачи. Размеры 80—120×60—90 м, площадь 8 тыс. кв. м. Культурный слой полностью распахан. Собранные керамика, сделанная на круге и относящаяся к XI—XV вв.

66. Плескачинский левобережный курганный могильник. Обнаружен на левом берегу безымянного ручья — левого притока Ливны, в 0,4 км к западу от дер. Плескачи. Могильник почти полностью распахан, и в настоящее время сохранились только две насыпи высотой 2—3 м, диаметром 20—27 м. Насыпи попорчены ямами. На пашне вокруг этих курганов найдено несколько мелких обломков стенок древнерусской лепной и гончарной керамики, которые, вероятно, происходят из раскопанных или распаханных курганов.

67. Юкавщинское левобережное селище. Расположено на левом берегу Ливны в 150 м

к северу от дер. Юкавщины. С трех сторон мыс, на котором расположено селище, ограничен рекой и двумя безымянными ручьями. Площадка селища распахивается, однако в восточной части под пахотным слоем в 25—30 см залегает нетронутый темно-серый слой. Размеры селища 250×180—220 м, площадь 40 тыс. кв. м. Керамика, собранная на пашне, вся гончарная древнерусского облика. Селище существовало с X по XV в.

68. Юкавщинское северное селище. Обнаружено на левом берегу Ливны в том месте, где в реку впадает безымянnyй ручей. Расположено оно в 0,5 км к северу от дер. Юкавщины. Вся площадка селища распахивается. Границы наибольшего распространения подъемного материала, т. е. размеры самого селища, 60×40 м, площадь 2,4 тыс. кв. м. Вся керамика древнерусская гончарная. Селище датируется XI—XIII вв.

69. Юкавщинское второе селище. Расположено на левом берегу Ливны, на северной окраине дер. Юкавщины. Занимает оно конец широкого мыса, образованного двумя безымянными притоками Ливны. Длина селища вдоль берега реки около 280 м, его ширина 40—100 м, площадь 23 тыс. кв. м. Собранные на селище венчики принадлежат к древнерусской гончарной керамике и могут быть датированы X—XIII вв.

70. Юкавщинское южное селище. Открыто на левом берегу Ливны в том месте, где в нее впадает безымянnyй ручей. Селище расположено в 0,3 км юго-восточнее дер. Юкавщины. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Вдоль берега безымянного ручья селище вытянуто на 130 м, ширина его 20—60 м, общая площадь 5,2 тыс. кв. м. Шурфовка показала, что общая толщина культурного слоя селища 40 см, из них верхние 25 см перепаханы, а нижние 15 см не тронуты. Вся собранная керамика является древнерусской. Малочисленность материала затрудняет точную датировку памятника.

71. Юкавщинское третье селище. Обнаружено в 0,35 км юго-восточнее дер. Юкавщины на левом берегу Ливны в том месте, где в реку впадает безымянnyй ручей. Размеры определены приблизительно: вдоль берега Ливны площадка селища вытянута на 60 м, ее ширина 20—30 м, общая площадь 1,5 тыс. кв. м. Шурфовкой установлено, что культурный слой толщиной в 35—40 см не нарушен пахотой. В слое найдены обломки

древнерусской керамики, позволяющие датировать памятник IX—XIII вв.

72. Станьковское левобережное селище. Расположено в 0,2 км северо-западнее дер. Станьково на левом берегу Ливны. Площадка селища распахивается, и культурный слой полностью поврежден. Размеры поселения определены по распространению керамического материала — 100—120×120—140 м, общая площадь 14,3 тыс. кв. м. Керамика древнерусская гончарная, датирующая поселение XI—XV вв.

73. Станьковское левобережное второе селище. Обнаружено в 0,2 км западнее дер. Станьково на левом берегу Ливны. Площадка селища распахивается, в западной части культурный слой в 20 см полностью перепахан; в восточной он достигает 40—60 см толщины, и нижняя часть его не тронута. Размеры селища определены по распространению керамического материала. Они равны 160×60—70 м, общая площадь 9,6 тыс. кв. м. Собранная керамика принадлежит к гончарной древнерусской. Дата поселения XI—XV вв.

74. Дворецкое селище. Открыто в 0,8 км северо-восточнее дер. Дворец на левом берегу Ливны. Площадка селища целиком распахана. Приблизительные размеры поселения установлены по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки селище тянется на 100 м, ширина его 90 м, общая площадь 8,5 тыс. кв. м. Керамика древнерусская гончарная, датирует поселение XIV—XV вв.

75. Птахинское селище. Расположено в 150 м северо-западнее дер. Птахино на левом берегу ручья Кренъкова — правого притока Ливны. Вдоль течения реки площадка селища вытянута на 190 м, ширина ее 80 м, общая площадь 12,6 тыс. кв. м. Все селище распахивается. Собрана древнерусская гончарная керамика, датирующая поселение XI—XIII вв.

76. Станьковское южное селище. Расположено в 0,4 км южнее дер. Станьково на правом берегу Ливны. Размеры поселения около 160×60 м, площадь 9 тыс. кв. м. Собранная керамика позволяет датировать селище XI—XIII вв.

77. Станьковское южное второе селище. Открыто в 0,5 км южнее дер. Станьково на мысовой площадке, образованной Ливной и безымянным ручьем. Размеры его 240—260×100—140 м, общая площадь 28 тыс.

кв. м. Шурфовка показала, что культурный слой толщиной 15—25 см не перепахан. Керамика древнерусская гончарная, но малочисленность ее не позволяет говорить точно о времени.

78. Станьковское третье селище. Обнаружено на северной окраине дер. Станьково на правом берегу Ливны в том месте, где в нее впадает безымянный ручей. Вдоль течения ручья селище вытянуто на 140 м, ширина его 60—100 м, площадь 12,4 тыс. кв. м. Площадка селища распахивается. На пашне собрано большое количество древнерусской гончарной керамики, датирующей поселение X—XIII вв.

79. Станьковское четвертое селище. Расположено в 0,3 км северо-западнее дер. Станьково на правом берегу Ливны в том месте, где в нее впадает безымянный ручей. Селище распахивается. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Вдоль края берега реки селище тянется на 180 м, ширина его 30—60 м, общая площадь 8,1 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная, датирующая поселение XI—XV вв.

80. Юкавинское пятое селище. Открыто в 0,3 км северо-восточнее дер. Юкавицы на правом берегу Ливны в том месте, где в нее впадают два безымянных ручья. Площадка селища распахивается. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала. Вдоль течения реки селище вытянуто на 90 м, ширина его 20—30 м, общая площадь 2,25 тыс. кв. м. Керамика гончарная. Дата селища XIV—XV вв.

81. Юкавинское четвертое селище. Расположено в 0,35 км северо-северо-восточнее дер. Юкавицы на мысу, образованном безымянным ручьем и Ливной. Площадка селища распахивается. Размеры определены по наибольшему распространению подъемного материала. Вдоль течения ручья селище вытянуто на 160 м, вдоль берега Ливны — на 80—90 м, ширина его 20—40 м, общая площадь 6,6 тыс. кв. м. Керамика древнерусская гончарная, датирующая селище X—XIII вв.

82. Юкавинское северо-восточное селище. Открыто на правом берегу Ливны в том месте, где в нее впадают два безымянных ручья. Культурный слой полностью распахан. Размеры поселения приблизительно определены по распространению подъемного материала. Вдоль течения реки оно вытянуто на 80—100 м при ширине 20—50 м,

общая площадь 3,5 тыс. кв. м. Гончарная керамика датирует селище XI—XIII вв.

83. Плескачинский южный курганный могильник. Находится на южной окраине дер. Плескачи, на правом берегу безымянного ручья — правого притока Ливны. Могильник отмечен на археологической карте А. Н. Лявданского¹⁹. По данным А. Н. Лявданского могильник состоит из 15 курганов, в раскопанных курганах были открыты остатки трупосожжений. В 1958 г. удалось насчитать 19 круглых в плане насыпей, многие из которых имеют значительные повреждения. Высота курганов от 0,4 до 3,5 м, диаметры их от 5 до 14 м. Есть основания полагать, что могильник состоял из большего количества курганов.

84. Плескачинское правобережное третье селище. Обнаружено в 0,1 км южнее дер. Плескачи на левом берегу безымянного ручья, недалеко от его впадения в Ливну. Культурный слой полностью распахан. Размеры селища определены приблизительно по распространению подъемного материала. Вдоль течения безымянного ручья селище тянется на 70 м при ширине около 40 м, общая площадь его 2,8 тыс. кв. м. Собрана лепная и гончарная древнерусская керамика, позволяющая широко датировать поселение IX—XV вв.

85. Плескачинское правобережное второе селище. Расположено на южной окраине дер. Плескачи, на правом берегу Ливны, в месте впадения в нее безымянного ручья. Культурный слой в 30—40 см толщиной весь перепахан. Вдоль безымянного ручья площадка селища вытянута на 180 м при ширине 70—80 м, общая площадь 12,8 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная. Дата поселения XI—XV вв.

86. Плескачинское правобережное первое селище. Открыто на правом берегу Ливны, на западной окраине дер. Плескачи. Культурный слой полностью перепахан. Размеры селища определены по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки селище вытянуто на 130 м при ширине 70—80 м, общая площадь его 5,2 тыс. кв. м. Собраны обломки лепной и гончарной древнерусской керамики. Дата поселения IX—XIII вв.

87. Плескачинский северный курганный могильник. Открыт на северной окраине дер. Плескачи, на высокой площадке правого берега Ливны. Могильник состоит из 57 круглых в плане насыпей. Насыпи расположены скученно, без определенного порядка. Высота курганов от 0,3 до 3,5 м, диаметр от 4 до 14,8 м. Большинство курганов поврежденных не имеет. По своей форме курганская группа несомненно является славянской.

88. Плескачинское правобережное четвертое селище. Обнаружено в 0,8 км северо-западнее дер. Плескачи на правом берегу Ливны в том месте, где в реку впадает «Зеленый ручей». Культурный слой селища полностью распахан. Определить размеры поселения не удалось. Вся собранная керамика лепная и датируется IX—X вв.

Словажа

89. Николинское селище. Открыто на левом берегу Словажи в 0,8 км севернее дер. Николино. Селище распахивается. Его размеры 130 × 100 м (площадь 11 тыс. кв. м). Границы древнего поселения определены по окраске нахотового слоя. Вся керамика древнерусская гончарная.

90. Кругловское селище. Открыто на правом берегу Словажи, в 0,7 км восточнее дер. Круглово. Селище распахивается. На пашне обнаружено много обломков древнерусской гончарной керамики и обломки глиняной обмазки. Размеры поселения 100 × 80 м. Дата поселения X—XIII вв.

Свиная

91. Радинский курганный могильник. Обнаружен на одном из холмов правого берега Свиной, близ бывшей дер. Радино, на 2 км северо-западнее дер. Спасское. В настоящее время сохранилось 14 курганов, из них часть подпахана. Высота насыпей около 1,5 м, в попечнике они имеют 12—13 м. Можно предположить, что число курганов было значительно больше, некоторые из них, видимо, распаханы целиком. По расположению насыпей на местности и по форме сохранившихся курганов этот могильник можно отнести к числу древнерусских.

92. Першиковское селище. Расположено на территории дер. Першиково, на правом берегу безымянного ручья. Культурный слой полностью распахан. Границы поселения

¹⁹ А. Н. Ля ў д а н с к і. Археоло́гічні дослідності в адміністративних районів Дніпропетровської області. Кінськ, 1980.

определены по распространению подъемного материала. Длина селища вдоль безымянного ручья 90 м, ширина его 60—70 м, площадь 5,4 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная и датируется XI—XV вв.

93. Лысковское селище. Расположено на высокой площадке левого берега Свипой, напротив дер. Лысково. Культурный слой полностью распахан. Размеры поселения 220 × × 100 м, площадь 20 тыс. кв. м. Керамика вся древнерусская гончарная. Дата селища XI—XIII вв.

94. Ляховское селище. Открыто на левом берегу Свипой в 0,3 км северо-восточнее дер. Ляхово. Культурный слой полностью распахан. Размеры поселения определены по темно-серой окраске пахотного слоя и по распространению подъемного материала — 140 × 40—80 м, площадь 7,2 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная, датирующаяся XI—XIII вв.

Волость с речкой Доброй и мелкими притоками

95. Шиловское селище. Открыто на левом берегу Волости в 1,5 км юго-восточнее дер. Шилово. Культурный слой распахан. Границы поселения установлены по распространению подъемного материала. Длина селища 150 м, ширина 60—70 м, площадь около 9 тыс. кв. м. Вся керамика древнерусская гончарная, но точнее, чем XI—XV вв., датировать ее нельзя.

96. Курганный могильник в 1,5 км от дер. Черная Грива. Расположен на правом берегу Волости в 1,5 км юго-восточнее дер. Черная Грива. В настоящее время насчитывается шесть курганов, из которых два — круглые, а четыре — несколько удлиненные. Курганы расположены компактной группой. Высота насыпей от 0,35 до 1,9 м, диаметры круглых курганов 5,1 и 8,3 м, размеры удлиненных курганов от 9×7 м до 16,7×10,2 м.

97. Дубосищенский курганный могильник в 2,5 км северо-западнее дер. Дубосище. Обнаружен на правом берегу Волости. В настоящее время группа состоит из трех длинных и четырех круглых курганов. Все длинные насыпи расположены перпендикулярно к берегу реки. Диаметры круглых курганов от 6,6 до 11,4 м, высота от 0,45 до 1,2 м. Размеры длинных курганов 16,6×8,5 м; 26,8×8,3 м и 12×7,4 м при высоте от 0,6 до 1,2 м.

98. Дубосищенский курганный могильник. Расположен на высоком всхолмленном берегу Волости, напротив с. Дубосище. В настоящее время могильник состоит из шести круглых в плане курганных насыпей. Высота их от 1,2 до 3,5 м, диаметр основания от 3,8 до 14,5 м. Все курганы имеют повреждения, какая-то часть могильника распахана. В 1956 г. раскопан один курган. В нем открыто несколько трупосожжений и кольцевая канавка в основании²⁰.

99. Дубосищенское селище на Волости. Расположено на территории села Дубосище на правом берегу Волости, в том месте, где в нее впадает безымянный ручей. Селище распахивается. Судя по распространению подъемного материала, размеры поселения 90×20—30 м, площадь 2,3 тыс. кв. м. Гончарная древнерусская керамика датирует селище XIV—XV вв.

100. Орловское селище. Открыто на правом берегу Доброй в 0,25 км южнее дер. Орлово. Размеры поселения 70×70—80 м, общая площадь 2,8 тыс. кв. м. Культурный слой полностью распахан. Керамика гончарная, датирующая поселение XI—XV вв.

101. Кончинское селище. Обнаружено на левом берегу Доброй в 1 км южнее дер. Кончино. Культурный слой распахан. Границы поселения определены по распространению подъемного материала. Длина селища вдоль берега реки 190 м, ширина 35—40 м, общая площадь 7,2 тыс. кв. м. Керамика гончарная. Дата селища XI—XV вв.

102. Павловское селище. Открыто на правом берегу Доброй в 0,32 км южнее проселочной дороги из дер. Кончино в дер. Павлово. От дер. Павлово селище отстоит на 1 км. Культурный слой полностью перепахан. Границы поселения установлены по более темному цвету пашни и по распространению подъемного материала. Протяженность селища вдоль берега реки 60 м, ширина 35 м, площадь около 2 тыс. кв. м. Керамика древнерусская гончарная, XI—XIII вв.

103. Пашинское левобережное селище. Расположено на левом берегу Волости в 0,35 км западнее дер. Пашино. Культурный слой целиком распахан. Размеры селища, определенные по распространению подъемного материала, 80×60 м, общая площадь 4,5 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная. Время

²⁰ В. В. Седов. К вопросу о классификации курганов Смоленщины. КСИИМК, 81.

существования поселения падает на промежуток между XI—XV вв.

104. Пашинский курганный могильник. Открыт в 1 км юго-восточнее дер. Пашино и в 0,8 км от русла Волости. В настоящее время насчитывается 11 полусферических насыпей. Высота курганов 1,2—2,3 м, диаметр от 5 до 9 м. Многие курганы повреждены ямами и траншеями. По внешнему виду могильник относится к древнерусскому времени.

105. Пашинское южное селище. Расположено на правом берегу Волости в 0,08—0,1 км южнее дер. Пашино. Размеры поселения установить не удалось, так как вся площадка поселения поросла кустарником. Собрана древнерусская гончарная керамика, позволяющая датировать памятник широко от XI до XV вв.

106. Пашинское правобережное селище. Обнаружено на правом берегу Волости при впадении в нее пересыхающего ручья, в 0,5 км юго-юго-западнее дер. Пашино. Протяженность селища вдоль берега ручья 160 м, ширина 25—30 м, площадь 5,7 тыс. кв. м. Кроме того, культурный слой прослеживается и по берегу Волости от мыса на протяжении 100 м. Культурный слой — в 60 см толщиной. Керамика древнерусская гончарная, датирующая поселение XI—XIII вв.

107. Галашинское селище. Открыто на правом берегу Волости в 0,5 км севернее дер. Галашино. Размеры поселения установлены по черновато-серой окраске пашни. Длина селища вдоль реки 140—160 м, ширина 100—130 м, площадь 17 тыс. кв. м. Культурный слой мощностью в 30—60 см. Собранная керамика вся древнерусская гончарная. Дата селища XI—XV вв.

108. Бородинские городище, селище и курганный могильник. Обнаружены на левом берегу Волости, между деревнями Бородино и Кособуки.

109. Матвеевское селище. Расположено на правом берегу Волости в 0,4 км севернее дер. Матвеево и в 0,8 км южнее дер. Галашино. Селище распахивается. Границы его установлены по темной окраске пашни и по распространению керамического материала. Протяженность селища вдоль берега 180 м, ширина 80—90 м, площадь 14 тыс. кв. м. Кроме древнерусской гончарной керамики, найдены стеклянная позолоченная бусина и обломок глиняного грузила. Дата селища XI—XIII вв.

110. Матвеевское городище. Открыто на правом берегу Волости у дер. Матвеево. Городище занимает узкий мыс, отрезанный от остальной части берега валом и рвом. Размеры площадки городища 80 × 20—35 м. Культурный слой на городище отсутствует.

111. Матвеевский курганный могильник. Открыт в 40 м северо-восточнее выше указанного городища на том же берегу Волости. По сообщению местных жителей часть курганов этого могильника была раскопана. При раскопках были найдены костяки, перстни, браслеты, кольца и оружие. Однако никаких упоминаний об этой курганной группе ни в публикациях, ни в архивных материалах нет.

В настоящее время группа состоит из 18 полусферических насыпей. Высота курганов от 0,6 до 1,7 м, диаметры оснований от 5 до 8,5 м. В 1958—1959 гг. здесь было раскопано по одному кургану. Первый раскопанный курган имел высоту 1 м и диаметры оснований 6,4 и 7,3 м. Верхняя часть насыпи состояла из чистого желтого песка, в котором были отмечены два крупных угольных включения. Нижнюю часть насыпи составлял слой темно-желтой глины. После снятия курганной насыпи открылась четырехугольная могильная яма размерами 2,35 × 1,1 м. Глубина ее 0,55 м. На дне ямы открыт женский скелет, обращенный головой на юго-запад-запад. При нем обнаружены следующие вещи:

- а) семь биллоновых перстнеобразных височных колец;
- б) браслет бронзовый витой тройной (на правой руке);
- в) бронзовый перстень, плосковыпуклый, разомкнутый (на кисти правой руки);
- г) железный нож (слева, около таза);
- д) глиняный горшок (в юго-восточном углу ямы).

Под черепом погребенной прослежены остатки соломенной подстилки.

Размеры второго кургана 7 × 7,5 м, высота около 1,5 м. Сооружен из желтого песка с включениями глины. После снятия насыпи в материке обнаружились две могильные ямы и кольцевая канавка того типа, который характерен для вятических курганов второй половины I тысячелетия нашей эры. Такая же кольцевая канавка наблюдалась в Дубосищенском кургане. Ширина канавки Матвеевского кургана 30 см, ее глубина — 20 см. Одна могильная яма располагалась в центре основания кургана. Глубина ее 45 см. На

дне открыт мужской скелет, обращенный головой на запад. У правого бедра найден железный нож. Вторая могильная яма располагалась в южной части курганной насыпи и частично потревожила кольцевую канавку. Размеры могильной ямы 170×65 см, глубина ее та же, что и первой. На дне ямы открыт детский скелет, обращенный головой на запад. Никаких вещей в этом погребении не было.

112. Матвеевское второе селище. Расположено на правом берегу Волости, в 0,25—0,30 км юго-юго-восточнее дер. Матвеево. Селище распахивается. Границы поселения определены по распространению подъемного материала. Размеры селища 120×30 —35 м, площадь 3,3 тыс. кв. м. Керамика вся гончарная. Дата XI—XIII вв.

113. Матвеевское третье селище. Обнаружено в 0,8 км южнее дер. Матвеево на левом берегу Волости. Селище распахивается. Границы его определены по распространению подъемного материала. Размеры поселения 80×50 м, площадь 3,5 тыс. кв. м. Керамика древнерусская гончарная, датирующая селище XI—XIII вв.

114. Дятловское селище. Открыто на левом берегу Красной близ ее впадения в Волость, в 0,7 км северо-восточнее дер. Дятловки. Площадка селища задернована. Приблизительные размеры поселения установлены шурфовкой. Длина его вдоль течения Красной 180 м, ширина 20—50 м, площадь 7 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XIII вв.

115. Демидовское селище. Расположено на правом берегу Волости в 1,2 км юго-восточнее дер. Демидовки. Селище распахивается и выделяется более темной окраской пахотного слоя, что позволило довольно точно определить границы поселения. Распространение подъемного материала подтвердило эти границы. Длина селища 130 м, его ширина 25—30 м, площадь около 3,5 тыс. кв. м. Время существования поселения XIV—XV вв.

БОРОВКА С ПРИТОКАМИ

116. Тимошевский курганный могильник. Расположен в лесу в 2 км юго-западнее дер. Тимошево. В настоящее время сохранились лишь две насыпи. Один курган круглый в основании диаметром 7,2 м при высоте 1,5 м. Второй курган — удлиненной формы, высотой 0,6 м, длиной 18 м, шириной 8,5 м. Насыпи повреждены ямами.

117. Тимошевское селище. Открыто в 1,2 км южнее дер. Тимошево и в 2,5 км севернее дер. Хлопнино на берегу оврага. Из родника на дне оврага вытекает ручей, являющийся вторичным притоком Смородинки. Селище распахивается. Границы его определены по темно-серой окраске пашни. Вдоль оврага селище тянется на 210 м при ширине 100 м, общая площадь 18 тыс. кв. м. Толщина культурного слоя 60 см, из них нижние 30 см не повреждены пахотой. Керамика древнерусская гончарная. Дата поселения XI—XV вв.

118. Василёвское селище. Обнаружено на правом берегу Боровки в 0,6—0,7 км севернее дер. Василёво. Культурный слой селища полностью перепахан. Границы поселения определены приблизительно по распространению подъемного материала. Вдоль берега реки селище вытянуто на 180 м, ширина его 100—120 м, общая площадь около 15 тыс. кв. м. Вся собранная керамика гончарная, датирующая поселение XI—XIII вв.

119. Вишняковское селище. Открыто на правом берегу Боровки около южной окраины дер. Вишняки. Селище распахивается. Границы его определены по темной окраске пахотного слоя и по распространению подъемного материала. Вдоль реки селище протянулось на 180 м, ширина его 40—60 м, площадь 8 тыс. кв. м. Собрана лепная и гончарная древнерусская керамика, позволяющая датировать поселение IX—XV вв.

120. Вишняковское второе селище. Расположено на правом берегу Боровки в 0,6—0,7 км севернее дер. Вишняки. Культурный слой полностью распахан и на пашне не выделяется. Границы поселения установлены по распространению подъемного материала. Размеры селища 90×60 м, площадь 5 тыс. кв. м. Вся керамика гончарная древнерусская. Время существования поселения XI—XIII вв.

ПЕСОШЕНКА

121. Рудловское селище. Открыто на правом берегу Песошенки в 0,3 км северо-северо-западнее дер. Рудово. Культурный слой перепахан. На пашне собраны обломки древнерусской лепной и гончарной керамики, по распространению которой и определены приблизительные границы селища. Вдоль течения реки длина поселения 130 м, ширина его 50—60 м, площадь 7 тыс. кв. м. Дата селища X—XIII вв.

122. Рудловское городище. Обнаружено на левом берегу Песошенки в 0,35 км восточнее дер. Рудлово. Городище расположено на краю мыса, образованного двумя безымянными ручьями. В плане городище имеет овально-круглую форму, размеры его 28×22 м, и со всех сторон окружено двумя рядами валов высотой около 3 м. Культурный слой полностью отсутствует.

123. Бартеневское селище. Открыто на правом берегу Песошенки в месте впадения в нее безымянного ручья, между деревнями Бартенево и Рудлово. По окраске культурного слоя на пашне селище не удается выделить. Подъемный материал сконцентрирован в двух местах — на берегу безымянного ручья на площади 200×80 —90 м (16 тыс. кв. м) и на берегу Песошенки на площади 130×70 —80 м (7,5 тыс. кв. м). Керамика вся древнерусская гончарная, датирующая селище X—XV вв.

МОШНА С МЕЛКИМИ ПРИТОКАМИ

124. Дубосищенское селище на Мошие. Расположено на левом берегу Мошны в 0,25—0,30 км юго-восточнее моста через Мошну, недалеко от с. Дубосище. Культурный слой полностью перепахан. Размеры селища, судя по распространению подъемного материала, 180×50 м, площадь 9 тыс. кв. м. Керамика древнерусская лепная, датирующая поселение IX в.

125. Воротниковское второе селище. Обнаружено на левом берегу Мошны между с. Дубосище и дер. Воротнино в 0,4—0,5 км от последней. Культурный слой полностью распахан. Длина поселения вдоль реки 220 м, ширина 70 м, площадь 15 тыс. кв. м. Собрана лепная и гончарная древнерусская керамика IX—XV вв.

126. Воротниковское первое селище. Открыто на левом берегу Мошны на огородах дер. Воротнино. Культурный слой целиком перепахан, толщина его 20—28 см. Границы селища установлены по темной окраске пашни и по распространению керамического материала. Размеры поселения 200×120 м, площадь 20 тыс. кв. м. Керамика гончарная. Дата селища XIV—XV вв.

127. Воротниковское третье селище. Расположено на южной окраине дер. Воротнино на левом берегу Мошны. Площадка селища вытянута вдоль берега реки на 200 м, ширина его 60—70 м, площадь 12 тыс. кв. м. Собран-

ная гончарная керамика относится к XI—XIII вв.

128. Воротниковское селище близ городища. Открыто на левом берегу Мошны в 0,04—0,05 км западнее городища, упомянутого ниже. Селище распахивается. Подъемный материал позволил определить размеры поселения; его длина 120 м, ширина 30—50 м, площадь 4,5 тыс. кв. м. Дата селища IX—X вв.

129. Воротниковское городище (см. рис. 14, 1). Открыто в 1—1,5 км на юго-восток от дер. Воротнино на левом берегу Мошны. Городище расположено на перпендикулярной к реке узкой возвышенности, ограниченной с двух сторон заболоченными низинами. Валами городище укреплено лишь с южной и северной сторон. Размеры площадки поселения 80×40 м. Толщина культурного слоя достигает 50 см. В культурном слое города найдена древнерусская гончарная керамика и следующие находки: железные ножи, поясные пряжки, обломок шейной гривны, обломок стеклянного браслета и другие предметы. Найдены также зерна ячменя, ржи, пшеницы²¹. Городище датируется предварительно XI—XIV вв. До сооружения земляных валов на месте города существовало селище, датируемое по керамике IX—XI вв.

130. Никитское селище. Расположено на правом берегу Мошны напротив города близ дер. Воротнино. Селище расположено на узком мысу, с трех сторон ограниченном заболоченной поймой реки. Размеры поселения 120×80 м, площадь 8,5 тыс. кв. м. Культурный слой толщиной 15—40 см. Керамика гончарная. Дата поселения XI—XIII вв.

131. Селище на Мошие в устье Лыховки. Открыто на правом берегу Мошны около впадения в нее Лыховки. Культурный слой целиком распахан. Границы поселения определены по распространению керамики. Длина селища 240 м, ширина 90 м, площадь 21,5 тыс. кв. м. Дата селища XI—XIII вв.

132. Селище Малое Княжье Село. Обнаружено на правом берегу Лыховки (притока Мошны) напротив дер. Малое Княжье Село. На селище выделяются темные пятна жилищ, о которых подробно рассказано в тексте. Размеры селища 180×60 —95 м, площадь 15 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XIII вв.

133. Ганинский курганный могильник. Расположен на левом берегу Мошны напро-

²¹ Определение А. В. Кирьянова.

тив дер. Ганино, в 0,3 км от нее. Сохранилось четыре длинных кургана, причем все они вытянуты перпендикулярно течению реки. Все курганы раскапывались. На местах повреждений курганов обнаружены угольные слои, остатки кальцинированных костей и несколько обломков лепной керамики, характерной для длинных курганов Смоленщины. Высота курганов от 0,3 до 1,2 м, длина их от 15 до 37 м, ширина от 8 до 17 м.

134. Ганинское селище. Открыто на левом берегу Мошны в 0,5 км северо-восточнее дер. Ганино. Часть селища распахивается, другая часть поросла кустарником. Размеры поселения не менее 8,8 тыс. кв. м. Вся керамика, собранная на селище, лепная, славянская. Некоторые фрагменты ее одинаковы с керамикой ганинских длинных курганов. В связи с этим поселение нужно датировать VIII—X вв.

135. Ганинское городище (см. рис. 14, 3). Открыто рядом с вышеуказанным селищем. Городище занимает вытянутый вдоль реки холм, со всех сторон огороженный оврагами и долиной реки. Размеры площадки городища 150×80 м. По краю городищенской площадки с ее восточной, северной и частично западной сторон видны следы оплывшего вала. Шурфовка показала, что культурный слой городища имеет незначительную толщину (10—12 см). В материке открыты столбовые ямы. Кроме керамики при шурфовке найден небольшой обломок сопника. Дата городища по керамике XIV—XV вв. Кроме того, на площадке городища найдено несколько обломков лепной керамики, тождественной с глиняной посудой Ганинского селища.

136. Рокачевское селище. Открыто на левом берегу Мошны в 0,3 км юго-юго-восточнее дер. Рокачево. Культурный слой селища полностью распахан. Длина селища вдоль течения реки около 290 м, ширина его 80 м (площадь около 21,5 тыс. кв. м). Дата поселения IX—XIII вв.

137. Летковское селище. Открыто на левом берегу Мошны близ устья Летковки. Расположено на мысу, образованном долиной реки и оврагом. Селище распахивается. Его размеры 180×160 м, площадь — около 28,8 тыс. кв. м. Дата поселения X—XIII вв.

138. Васильковское селище. Открыто близ дер. Васильково на правом берегу Летковки. Селище в период обследования было задерновано, но ранее распахивалось. Шурфовка и сбор подъемного материала позволили при-

близительно определить границы поселения. Его длина 140 м, ширина 80 м, площадь около 11 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XV вв. При шурфовке, кроме керамического материала, найдено шиферное пряслице.

139. Васильковский курганный могильник. Остатки распаханной курганной группы открыты на правом берегу Летковки около современного кладбища дер. Васильково. На пахотном слое четко выделяются округлые желто-рыжеватые пятна — следы распаханных курганов. Всего насчитано 18 курганов, но, вероятно, их здесь было значительно больше. Диаметры пятен курганов от 6—7 до 20 м (большая часть пятен имела диаметр около 10 м).

140. Селище между деревнями Ганино и Иваники. Открыто на левом берегу Мошны примерно в равном расстоянии (около 2—2,5 км) от деревень Ганино и Иваники. Площадка селища задернована, но ранее распахивалась. Границы поселения определены с помощью шурфовки и наблюдений над распространением подъемного материала. Длина селища вдоль течения безымянного ручья — притока Мошны — около 130 м, ширина его также 130 м. Площадь поселения около 15 тыс. кв. м, его дата XIV—XV вв.

141. Иваниковское второе селище. Открыто в 0,55 км от дер. Иваники, на правом берегу Мошны. Селище распахивается. Его размеры 120×80 — 100 м (площадь 10,5 тыс. кв. м). Время существования поселения XII—XIII вв.

142. Мошнинское селище. Открыто на левом берегу Мошны близ моста через реку (дорога из Глинки в дер. Иваники). Размеры поселения определены при помощи шурфовки и по распространению подъемного материала. Вдоль течения реки селище вытянулось на 300 м, ширина его 130 м (площадь 39 тыс. кв. м). Дата селища XI—XIII или XI—XIV вв.

143. Иваниковское первое селище. Расположено на левом берегу Мошны в 0,5—0,6 км юго-восточнее-восточнее дер. Иваники. Селище занимает мыс, образованный двумя безымянными притоками Мошны. Размеры поселения 210×130 м, площадь около 27,5 тыс. кв. м. Дата селища XI—XIII вв.

144. Иваниковское третье селище. Открыто на левом берегу Мошны в месте впадения в нее безымянного ручья. От дер. Иваники селище отстоит на 1,2—1,5 км в северо-восточном направлении. Размеры селища опре-

делены по распространению подъемного материала: $130 \times 100 - 110$. Площадь поселения около 11,5 тыс. кв. м, его дата IX—XIII вв.

145. Клеховское второе селище. Открыто на расстоянии 2 км от дер. Клехово на левом берегу Мошны. Площадка селища задернована, и на ней было заложено несколько разведывательных шурfov. Размеры селища 220×160 м (площадь около 35 тыс. кв. м). Толщина культурного слоя 35—40 см. Дата селища по керамике XI—XV вв.

146. Клеховское селище. Открыто на правом берегу Мошны в 0,8—0,9 км северо-северо-восточнее дер. Клехово. Селище распахивается. Его размеры определены по распространению подъемного материала. Длина селища вдоль течения реки 160 м, ширина 80—90 м, площадь 13,5 тыс. кв. м. Время существования поселения XII—XV вв.

СОЖ

147. Ковшаровские городище и селище. Подробно описаны в работе А. Н. Лявданского²². Раскопки производились Н. К. Рерихом, И. Ф. Барщевским и А. Н. Лявданским. Позднее обследовано Е. А. Шмидтом²³ и в 1955 г. Смоленским отрядом Института археологии АН СССР.

БАССЕЙН РОССАЖИ

148. Россажинское селище. Открыто на правом берегу Россажи близ ее впадения в Сож. Размеры селища $200 - 250$ м \times 60—100 м, площадь около 22 тыс. кв. м. Дата поселения X—XIII вв.

149. Обуховское правобережное селище. Открыто в 0,5 км восточнее дер. Обухово на правом берегу Россажи. Размеры селища $100 - 120$ м \times 50—80 м, площадь около 6 тыс. кв. м. Дата XI—XIII вв.

150. Обуховское левобережное селище. Расположено на мысу, образованном Россажей и оврагом, по которому протекает ручей. От восточной окраины дер. Обухово селище стоит на 250—300 м. Размеры селища 250—300 м \times 50—80 м, его площадь около 12 тыс. кв. м. Дата XI—XV вв.

²² А. Н. Лявданский. Некоторые данные..., стр. 225—251.

²³ А. Е. Шмидт. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области, стр. 374, 375.

151. Крокодиновское селище. Открыто на правом берегу Россажи между деревнями Крокодиново и Быково в 1 км от первой. Вдоль течения реки селище простирается на 200—250 м, ширина его 80—120 м, площадь около 20 тыс. кв. м. Дата поселения XI—XV вв.

152. Быковское третье селище. Открыто на левом берегу Россажи в 0,7—0,8 км юго-западнее дер. Быково. Площадка селища задернована. Вся керамика древнерусская гончарная.

153. Быковское второе селище (см. рис. 6, 6). Расположено в 0,3 км юго-западнее дер. Быково на левом берегу Россажи в месте впадения в нее безымянного притока. Распаханный культурный слой имел очень темную окраску, что позволило очертить границы поселения довольно точно. Длина селища около 400 м, ширина 40—60 м, площадь около 20 тыс. кв. м. Дата поселения от X до XV в.

154. Быковское первое селище. Открыто на левом берегу Россажи около Смоленско-Рославльского шоссе, в 0,8 км юго-восточнее дер. Быково. Размеры селища $170 \times 40 - 60$ м (площадь 8,5 тыс. кв. м). Его дата XII—XV вв.

155. Лазаревское селище. Открыто на правом берегу Россажи в 1,2 км восточнее дер. Лазарево. Селище распахивается. Площадка селища хорошо выделяется более темным пахотным слоем. Распространение подъемного материала соответствовало площади пашни темно-серого цвета. Вдоль течения реки селище вытянуто на 140 м, ширина его около 120 м. Площадь селища около 16,5 тыс. кв. м. Вся собранная на селище керамика гончарная и относится ко времени XI—XV вв.

156. Ямпольское селище. Расположено в 0,5 км ниже дер. Ямполье на левом берегу Россажи, почти напротив дер. Лазарево. Размеры поселения $200 \times 60 - 80$ м, площадь около 13,5 тыс. кв. м. Дата его XI—XV вв.

157. Вошкинское третье селище. Открыто на правом берегу Россажи в 0,5 км северо-западнее дер. Вошкино, почти напротив Вошкинского городища раннего железного века. Селище распахивается, его границы слабо обнаруживаются по более темной окраске пахотного поля. Вдоль течения реки селище простирается на 280 м, его ширина от 80 до 150 м, площадь свыше 20 тыс. кв. м. Кроме обломков древнерусской гончарной ке-

рамики на пашне собраны черепки позднего времени.

158. Вопкинское первое селище. Открыто на левом берегу Россажи на огородах в дер. Вопкино. Селище распахивается. Его размеры определены по распространению подъемного материала. Длина селища 100 м, ширина — до 75 м. Дата поселения XIII—XV вв.

159. Вопкинское второе селище. Расположено на левом берегу Россажи в 0,2 км восточнее дер. Вопкино. Часть селища ныне задернована, для определения границ распространения культурного слоя здесь была произведена шурфовка. Окраска пахотного слоя на осталльной части селища неравномерна. В отдельных местах пахотный слой имел ярко выраженную темно-серую окраску, в других — цвет пашни серо-желтый. Темно-серые пятна сопровождались большим количеством керамики. Длина селища вдоль течения реки 180 м, ширина его от 140 до 180 м, площадь 27 тыс. кв. м. Дата селища X—XV вв.

160. Россажинское первое селище. Открыто на северо-западной окраине дер. Россажи на левом берегу одноименной реки. Селище распахивается. Пахотный слой здесь имел темно-серую окраску, но границы древнего поселения выделялись довольно нечетко. Размеры селища 70 × 40 м, его площадь 2,8 тыс. кв. м. Вся собранная на селище керамика древнерусская гончарная, но фрагментарность подъемного материала не позволяет определить точную дату поселения.

161. Россажинское второе селище. Расположено на высокой площадке левого берега Россажи в 150 м выше деревни того же названия. Селище распахивается. Размеры поселения определены по распространению подъемного материала (керамика, глиняная обмазка, камни со следами пребывания в огне). Длина его вдоль берега реки 200 м, ширина 50—60 м, площадь около 11 тыс. кв. м. Время существования поселения XI—XIV вв.

162. Дементьевское селище. Открыто на левом берегу Россажи напротив дер. Демен-

теевки. Селище распахивается. Его размеры 120 × 75 м, площадь 2 тыс. кв. м. Время существования поселения XIV—XV вв. Однако здесь же найдены обломки керамики, относящейся к последующим столетиям.

163. Переснянское селище. Открыто на левом берегу Россажи заливнее ст. Пересны в 1,2 км ниже железнодорожного моста. Селище распахивается. Подъемный материал (керамика, глиняная обмазка, мелкие угольки и камни со следами пребывания в огне) распространен по площади 18,4 тыс. кв. м. (230 × 80—90 м). Вся керамика древнерусская гончарная.

164. Денисовское селище. Открыто в 0,1 км севернее дер. Денисовки на левом берегу Пожни — левого притока Россажи. Культурный слой селища полностью распахан. Размеры поселения около 40 × 30 м (площадь около 1 тыс. кв. м). Время существования поселения определить трудно, так как собран небольшой подъемный материал (древнерусская гончарная керамика).

165. Красногорское городище. Расположено на левом берегу Россажи в 0,8 км восточнее ст. Пересна близ бывшего имения Красногорье. Городище принадлежит к типу круглых болотных городищ. А. Н. Ляданский произвел здесь небольшие раскопки²⁴.

166. Красногорское селище. Открыто в 100 м юго-западнее городища на противоположном берегу безымянного ручья, который здесь впадает в Россажу. Селище занимает северо-восточный склон холма, на котором расположены постройки бывшего Красногорского имения. Селище распахивается. Часть его была срыта при устройстве поместьчья имения. Размеры сохранившейся части 120 × 40 м (площадь около 5 тыс. кв. м). Дата поселения X—XV вв.

²⁴ А. Н. Ляданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Тр. Смоленских государственных музеев, вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 54—56.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПАМЯТНИКОВ¹

- Авдотьинское второе селище — 24
Авдотьинское селище — 25
Арефинский курганный могильник — 54
Арефинское второе селище — 58
Арефинское второе южное селище — 57
Арефинское первое селище — 55
Арефинское южное селище — 56
- Бабыновское селище — 41
Бартеновское селище — 123
Белкино, длинный курган — 60
Белорученский курганный могильник — 36
Белорученское селище — 35
Березинка, селище в устье — 34
Березинковская курганская группа — 31
Березинковское селище — 30
Богородицкое второе селище — 5
Богородицкое, монастырь во имя Богородицы на Селище — 4
Богородицкое селище — 3
Борешинское селище — 23
Боровиковское селище — 33
Бородинские городище, селище и курганный могильник — 108
Быковское второе селище — 153
Быковское первое селище — 154
Быковское третье селище — 152
- Василёвское селище — 118
Васильевское второе селище — 62
Васильевское селище — 61
Васильковский курганный могильник — 139
Васильковское селище — 138
Вербовское второе селище — 17
Вербовское первое селище — 15
Вишняковское второе селище — 120
Вишняковское селище — 119
Воищина — 19
Воротниковское второе селище — 125
Воротниковское городище — 129
Воротниковское первое селище — 126
Воротниковское селище близ городища — 128
Воротниковское третье селище — 127
Вошкинское второе селище — 159
Вошкинское первое селище — 158
Вошкинское третье селище — 157
- Галашинское селище — 107
Ганино, селище между деревнями Ганино и Иваники — 140
Ганинский курганный могильник — 133
Ганинское городище — 135
Ганинское селище — 134
Глистаинское селище — 40
- Дворецкое селище — 74
Дементьевское селище — 162
Демидовское селище — 115
Денисовское селище — 164
Долгомостинское второе селище — 43
Долгомостинское селище (Долгий Мост) — 42
Дросенское селище (село Дросенское) — 1
Дубосищенский курганный могильник — 98
Дубосищенский курганный могильник в 2,5 км СЗЗ дер. Дубосище — 97
Дубосищенское селище на Волости — 99
Дубосищенское селище на Мопне — 124
Дятловское селище — 114
- Знаменское селище — 18
- Иванниковское второе селище — 141
Иванниковское первое селище — 143
Иванниковское третье селище — 144
- Клеховское второе селище — 145
Клеховское селище — 146
Ковшаровские городище и селище — 147
Козинское второе селище — 7
Козинское первое селище — 6
Кончинское селище — 101
Корюзинское второе селище — 21
Корюзинское первое селище — 22
Красногорское городище — 165
Красногорское селище — 166
Крицковщинское второе селище — 13
Крицковщинское селище — 14
Крокодиновское селище — 151
Кругловское селище — 90
Кучинское городище — 37
Кучинское второе селище — 39
Кучинское селище — 38
- Лазаревское селище — 155
Летковское селище — 137
Лосненское селище — 44
Лукинский курганный могильник — 20
Лысковское селище — 93

¹ При составлении алфавитного указателя учитывалось название географического пункта, у которого найден памятник.

- Лыховка, селище на Мошне — 131
 Лыховское селище — 94
- Малое Княжье Село, селище — 132
 Маркатушинский курганный могильник — 12
 Матвеевский курганный могильник — 111
 Матвеевское городище — 110
 Матвеевское второе селище — 112
 Матвеевское селище — 109
 Матвеевское третье селище — 113
 Мончино, длинный курган — 59
 Мошининское селище — 142.
 Муравицкое второе селище — 26
 Муравицкое первое селище — 27
- Наготьское селище — 16
 Немыкарское второе селище — 53
 Немыкарское селище — 52
 Никитское селище — 130
 Николинское селище — 89
- Обуховское левобережное селище — 150
 Обуховское правобережное селище — 149
 Окуловское второе селище — 48
 Окуловское селище — 49
 Окуловское третье селище — 47
 Орловское селище — 100
- Павловское селище — 102
 Панское селище — 50
 Пашинский курганный могильник — 104
 Пащинское левобережное селище — 103
 Пащинское правобережное селище — 106
 Пащинское южное селище — 105
 Переснянское селище — 163
 Шерпиковское селище — 92
 Плескачинский левобережный курганный могильник — 66
 Плескачинский северный курганный могильник — 87
 Плескачинский южный курганный могильник — 83
 Плескачинское левобережное первое селище — 65
 Плескачинское правобережное второе селище — 85
 Плескачинское правобережное первое селище — 86
 Плескачинское правобережное третье селище — 84
 Плескачинское правобережное четвертое селище — 88
 Плескачинское северное второе селище — 64
- Плескачинское северное селище — 63
 Птахинское селище — 75
 Путятинский курганный могильник — 45
 Путятинское селище — 46
- Радинский курганный могильник — 91
 Ройновский курганный могильник — 9
 Ройновское селище — 8
 Рокачевское селище — 136
 Россажинское второе селище — 161
 Россажинское первое селище — 160
 Россажинское селище — 148
 Рудловское городище — 122
 Рудловское селище — 121
- Станьковское левобережное второе селище — 73
 Станьковское левобережное селище — 72
 Станьковское третье селище — 78
 Станьковское четвертое селище — 79
 Станьковское южное второе селище — 77
 Станьковское южное селище — 76
- Тимошевский курганный могильник — 116
 Тимошевское селище — 117
 Туринщинский курганный могильник — 10
 Туринщинское селище — 11
- Успенское селище — 2
- Черная Грива (дер.), курганный могильник — 96
- Шапыревское городище — 32
 Шестаковское селище — 51
 Шиловское селище — 95
- Юкавщинское второе селище — 69
 Юкавщинское левобережное селище — 67
 Юкавщинское пятое селище — 80
 Юкавщинское северное селище — 68
 Юкавщинское северо-восточное селище — 82
 Юкавщинское третье селище — 71
 Юкавщинское четвертое селище — 81
 Юкавщинское южное селище — 70
- Ямпольское селище — 156
 Яновский курганный могильник — 29
 Яновское селище — 28

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских
-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Селища	8
Топография, размеры и застройка сельских поселений	8
Топография селищ 8. Хронологическая классификация древнерусских селищ 14. Размеры сельских поселений 17. Застройка древнерусских поселений 25.	
Погосты, деревни и села	30
Феодальные усадьбы	51
Воищина	51
Общая характеристика культурного слоя городища 52. Оборонительные сооружения 53. Жилища 62. Сельское хозяйство и промыслы 73. Ремесло и домашнее производство 78. Оружие и снаряжение всадника 81. Украшения 83. Керамика 85. Прочие предметы повседневного быта 88. Торговые связи 91. Датировка древнерусского слоя городища 91.	
Бородинское городище	92
Характеристика культурного слоя городища 93. Оборонительные сооружения 94. Жилые и хозяйствственные постройки городища 95. Сельское хозяйство 103. Ремесло 108. Оружие и предметы конского снаряжения 111. Украшения и принадлежности одежды 113. Различные бытовые предметы 117. Предметы христианского культа 119. Глиняная посуда 120. Датировка городища 122.	
Владельческие поселения замкового типа	122
Заключение	126
Приложение	127
Алфавитный перечень памятников	155
Список сокращений	157

B. B. Седов

**Сельские поселения центральных районов
Смоленской земли
(VIII—XV вв.)**

Материалы и исследования по археологии СССР, № 92

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. Сергиевская*
Технический редактор *С. Тихомирова*

РИСО АН СССР № 81-9Р. Сдано в набор 25 VI 1960 г.

Подписано к печати 17/X 1960 г. Формат 84×108^{1/16}

Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,40. Учетно-изд. л. 15,4. Тираж 1500 экз.
Т 423/5. Изд. № 4808. Тип. зак. № 738

Цена 12 руб., с 1/I 1961 г. 1 руб. 20 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10